

В Е С Т Н И К

**НИИ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК
ПРИ ПРАВИТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ**

№ 3 (47)

**Саранск
2018**

Учредители:

*Научно-исследовательский институт гуманитарных наук
при Правительстве Республики Мордовия*

*Ученый совет Научно-исследовательского института гуманитарных наук
при Правительстве Республики Мордовия*

Основан в 2006 году

Главный редактор

Г. А. Куршева — доктор исторических наук, профессор

Заместитель главного редактора

А. В. Чернов — кандидат филологических наук, доцент

Ответственный секретарь

О. В. Зарубина

Редколлегия:

Акимова Т. И. — доктор филологических наук, доцент; *Андреев В. В.* — доктор исторических наук, профессор; *Арискина О. Л.* — доктор филологических наук, доцент; *Бикейкин Е. Н.* — доктор исторических наук, доцент; *Бирюкова О. И.* — доктор филологических наук; *Бурланков С. П.* — доктор экономических наук, профессор; *Вихляев В. И.* — доктор исторических наук, профессор; *Водясова Л. П.* — доктор филологических наук, профессор; *Володин В. М.* — доктор экономических наук, профессор; *Гусева Т. М.* — доктор исторических наук; *Загребин А. Е.* — доктор исторических наук, доцент; *Зайцева Т. И.* — доктор филологических наук, доцент; *Зеленев Ю. А.* — доктор исторических наук, доцент; *Ильина И. Е.* — доктор экономических наук, доцент; *Каторова А. М.* — доктор педагогических наук, профессор; *Кечемайкин В. Н.* — кандидат экономических наук, доцент; *Куканова В. В.* — кандидат филологических наук; *Липатова Л. Н.* — доктор социологических наук, кандидат экономических наук, доцент; *Минеева Е. К.* — доктор исторических наук, профессор; *Никонова Л. И.* — доктор исторических наук, профессор; *Поляков О. Е.* — доктор филологических наук, профессор; *Салимова Т. А.* — доктор экономических наук, профессор; *Ставицкий В. В.* — доктор исторических наук, доцент; *Таймасов Л. А.* — доктор исторических наук, профессор; *Юрчёнкова Н. Г.* — доктор философских наук, профессор

В соответствии с решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки РФ (ВАК) журнал включен в Перечень рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-39951
выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций 21 мая 2010 г.

Мнение редакции не всегда совпадает с мнением авторов статей

Адрес редакции:

НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия.
430005 Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Л. Толстого, д. 3, e-mail: vestnikniign@list.ru

© НИИ гуманитарных наук при Правительстве
Республики Мордовия, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

Костогрызова С. Е.

Царевококшайское мещанство в воспоминаниях и записках современников
XIX — начала XX в. 7

Баршова О. А., Федосеев Р. В.

Система подготовки педагогических кадров для земских школ и ее действенность
в социокультурном развитии мордовского края 14

Акишиков А. Г.

Правовое и общественное положение земской интеллигенции 22

Иванов А. Г., Филонов А. А.

Материалы лесостроительных отчетов как источник по изучению лесного хозяйства
марийского края второй половины XIX — начала XX в. 30

Яковлева А. Ю.

Формирование академической традиции в мордовском инструментальном искусстве
на рубеже XIX — XXI вв.: библиография проблемы 36

Шайпак Л. А., Маньков А. В.

Партия социалистов-революционеров: региональный аспект генезиса
(На материалах Симбирского Поволжья) 46

Блиняев С. Н., Широков О. Н.

Московско-казанская железная дорога в годы Первой мировой войны
(На материалах Казанской и Симбирской губерний) 57

Филенкова О. А.

Административно-территориальное деление Пензенской губернии в контексте
социально-политических процессов в 1917 — начале 1920-х гг. 72

Морозова Ю. М.

Верховный Совет — высший орган государственной власти Мордовии
(1938 — 1994 гг.): к 80-летию образования 77

Жуков С. А.

Снабжение личного состава РККА обмундированием и обувью в ходе
Советско-финляндской войны 1939 — 1940 гг. 86

Филонова А. Б.

Труд женщин Марийской АССР на лесоразработках в годы
Великой Отечественной войны 95

Арзамаскин Ю. Н.

Деятельность советского государства по пропаганде свободы исповедания ислама
в СССР средствами кино в 1945 — 1966 гг. 100

Ивлиев С. А., Кадерова Т. Н.

Идеологические трансформации «хрущевского десятилетия» в контексте
духовной жизни советского социума: взгляд из провинции
(На примере Мордовской АССР) 106

Бибина Н. М.

Советы и культурно-бытовое обслуживание сельского населения Мордовии
в период хрущевских преобразований 1953 — 1964 гг. 117

Ахмадуллин В. А.

Проблемы верификации архивных материалов (На примере изучения политики
советского государства в отношении мусульман) 124

Вильчик А. А. Реализация программы строительства жилья в период девятой и десятой пятилеток (На материалах Ульяновской области)	131
Нуйкин С. Ю. Творческие союзы и творческая интеллигенция Мордовии в годы перестройки (1985 — 1991 гг.)	136

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Гераськина И. Н. Методологические основы сбалансированного инновационного развития социально-экономических систем	144
Безрукова В. С. Формы и методы налогового стимулирования инновационной деятельности предприятий: опыт России и ее регионов	151
Концова И. М., Москалева Е. Г. Тенденции и перспективы развития рынка аудиторских услуг России в связи с переходом на международные стандарты аудита	160
Четаева К. Г. Инновационные подходы к реализации агропродовольственной политики на федеральном и региональном уровнях	172
Григорьева К. Д., Кудряшев В. С. Региональный потенциал инновационного импортозамещения	180
Зинина Л. И., Тезина Л. Е. Стратегические решения в управлении инновационной деятельностью предприятий агробизнеса	188
Булавин А. В., Щукин Г. М. Динамика показателей развития региональной туристической отрасли (На примере Республики Мордовия)	205

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Бакула В. Б. Саамская письменность и литература	216
Келина А. Н. Этнографическая терминология в «Мокшанско-русском словаре»	220
Федуленкова Т. Н. Особенности грамматических моделей субстантивной терминологии делового английского языка	230

РЕЦЕНЗИИ	236
-----------------------	-----

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	245
----------------------------------	-----

СОКРАЩЕНИЯ	251
-------------------------	-----

CONTENTS

HISTORICAL SCIENCES AND ARCHAEOLOGY

Kostogryzova S. E. Petty Bourgeoisie of Tsarevokokshaysk in Memoirs and Notes of Contemporaries of the XIX — the Early XX Century	7
Barshova O. A., Fedoseev R. V. The System of Teachers Training for Zemsky Schools and its Effectiveness in Social and Cultural Development of the Mordovian Region	14
Akshikov A. G. Legal and Public Situation of the Zemstvo Intelligentsia	22
Ivanov A. G., Filonov A. A. Materials of Forest Management Reports as a Source for the Study of Forestry in the Mari Region in the Second Half of the XIX — the Early XX Century	30
Yakovleva A. Yu. Formation of the Academic Tradition in the Mordovian Instrumental Art at the Turn of the XIX — the XXI Centuries: Bibliography of the Problem	36
Shaypak L. A., Mankov A. V. The Socialist Revolutionary Party: Regional Aspect of the Genesis (On the materials of the Simbirsk Volga region)	46
Blinyaev S. N., Shirokov O. N. The Moscow-Kazan Railroad During the First World War (On materials of the Kazan and Simbirsk governorates)	57
Filenkova O. A. Administrative and Territorial Division of the Penza Governorate in the Context of Social and Political Processes of 1917 — the Beginning of the 1920s	72
Morozova Yu. M. The Supreme Soviet as the Highest Body of State Authority of Mordovia (1938 — 1994): to the 80th Anniversary of Formation.....	77
Zhukov S. A. The Red Army Troop Supply with Uniforms and Footwear During the Soviet-Finland War of 1939 — 1940	86
Filonova A. B. Work of Women of the Mari ASSR on Logging During the Great Patriotic War	95
Arzamaskin Yu. N. The Soviet State Activity to Promote the Freedom of the Confession of Islam in the USSR by Means of Cinema in 1945 — 1966	100
Ivliev S. A., Kaderova T. N. Ideological Transformations of the “Khrushchev Decade” in the Context of the Spiritual Life of the Soviet Society: a View from the Province (On the example of the Mordovian ASSR)	106
Bibina N. M. Soviets and Cultural and Consumer Services for the Rural Population of Mordovia in the Period of the Khrushchev Transformations in 1953 — 1964	117
Akhmadullin V. A. Archive Data Verification Problems (On the example of the Soviet Muslim policy studying)	124

<i>Vilchik A. A.</i> Implementation of the Housing Construction Program in the Period of the Ninth and the Tenth Five-Year Plans (On the materials of the Ulyanovsk region)	131
<i>Nuykin S. Yu.</i> Creative Unions and Creative Intelligentsia of Mordovia in the Years of Perestroika (1985 — 1991)	136

ECONOMIC SCIENCES

<i>Geraskina I. N.</i> Methodological Foundations of Balanced Innovative Development of Social and Economic Systems	144
<i>Bezrukova V. S.</i> Forms and Methods of Tax Incentives for Innovation Activities of Enterprises: the Experience of Russia and its Regions	151
<i>Kontsova I. M., Moskaleva E. G.</i> Trends and Prospects in the Development of Audit Services Market in Russia as a Result of the Application of International Standards on Auditing	160
<i>Chetaeva K. G.</i> Innovative Approaches to the Implementation of Agro-Food Policy at the Federal and Regional Levels	172
<i>Grigoryeva K. D., Kudryashev V. S.</i> Regional Potential of Innovative Import Substitution	180
<i>Zinina L. I., Tezina L. E.</i> Strategic Solutions in the Management of Innovative Activity of Agribusiness Enterprises	188
<i>Bulavin A. V., Shchukin G. M.</i> Dynamics of Indicators of the Regional Tourist Industry Development (On the example of the Republic of Mordovia)	205

PHILOLOGICAL SCIENCES

<i>Bakula V. B.</i> The Sami Written Language and Literature	216
<i>Kelina A. N.</i> Ethnographic Terminology in the Moksha-Russian Dictionary	220
<i>Fedulenkova T. N.</i> Features of Grammatical Models of Substantive Terminology in Business English	230

REVIEWS	236
----------------------	-----

INFORMATION ABOUT AUTHORS	248
--	-----

ABBREVIATIONS	251
----------------------------	-----

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

УДК 94(47):82-94

С. Е. Костокрызова
S. E. Kostogryzova

ЦАРЕВОКОКШАЙСКОЕ МЕЩАНСТВО В ВОСПОМИНАНИЯХ И ЗАПИСКАХ СОВРЕМЕННОКОВ XIX — НАЧАЛА XX В.

PETTY BOURGEOISIE OF TSAREVOKOKSHAYSK IN MEMOIRS AND NOTES OF CONTEMPORARIES OF THE XIX — THE EARLY XX CENTURY

Ключевые слова: Царевококшайск, мещанство, сословие, быт, торговля, земледелие, культура, образование.

В статье приводятся данные описаний современников о торгово-ремесленной деятельности, повседневной жизни и культуре царевококшайских мещан XIX — начала XX в.

Key words: Tsarevokokshaysk, petty bourgeoisie, class, everyday life, trading, agriculture, culture, education.

The article deals with the descriptions of contemporaries about trading and handicraft activities, everyday life and culture of Tsarevokokshaysk burghers in the XIX — the early XX century.

История мещанского сословия, которое составляло большую часть населения городов марийского края, безусловно, является частью социальной истории региона. Воспоминания и записки современников играют важную роль как исторические источники по изучению демографии, экономической деятельности, материальной и духовной культуры царевококшайских мещан, позволяя проследить изменения всех сторон их жизни, происходившие на протяжении XIX — начала XX в.

Исследованием мещанства Царевококшайска в рамках изучения истории марийского края занимаются сотрудники Марийского государственного университета. В монографии А. Г. Иванова рассматриваются вопросы динамики населения, социально-экономического развития, повседневной жизни всех сословий города, в том числе мещан¹. В частности, приводятся данные о численности и хозяйственной деятельности мещан Царевококшайска в конце XVIII в.

В 2015 г. историки А. Г. Иванов и К. Н. Сануков выпустили учебное пособие, где представлены данные о социальной структуре населения марийских городов, о

численности мещан в конце XVIII в., первой половине XIX в., второй половине и конце XIX в., о развитии ремесла и торговли в марийском крае². Вопросы социальной структуры уездных городов, значение городских сословий в процессе интеграции культурных процессов уездных городов и деревень, участия в них мещан рассматриваются в статьях Т. М. Гусевой³.

В конце XX — начале XXI в. вышли публикации по социальной истории Царевококшайска. О. А. Антипин представил архивные данные о торговцах, их социальной принадлежности, предметах торговли в Царевококшайске на 1873 г.⁴ А. Н. Иванова рассматривает вопросы развития образования у разных сословий в городах марийского края во второй половине XIX — начале XX в., проблемы быта и культуры⁵. А. Н. Чимаев затрагивает проблемы роста городского населения, разложения сословий и становления классов в Царевококшайске в конце XIX — начале XX в., приводит статистические сведения о населении города в 1897 г.⁶

При изучении истории мещанского сословия Царевококшайска немаловажны источники личного происхождения — воспоминания и записки современников. Как и многим произведениям мемуарного характера, таким работам свойственна художественность⁷. Образное восприятие, стремление мемуариста облечь изложение в художественную форму не лишают, тем не менее, источник исторической достоверности⁸.

Из более ранних работ, где встречается описание быта мещан Царевококшайска, можно отметить «Очерк о городе Царевококшайске», написанный в 1849 г. неизвестным автором⁹. Здесь приводятся данные о численности населения Царевококшайска на 1849 г.: мещане составляли 472 из 918 чел. По словам автора, это самая многочисленная часть жителей города — «почти половина его населения»¹⁰.

Большое внимание автор очерка уделил быту горожан, на который, по его мнению, сильное влияние оказывали географические и климатические условия, не способствовавшие развитию земледелия: «Песчаная и иловатая почва не удобна к хлебопашеству, да и сам местный климат мало благоприятствует произрастанию»¹¹. Садоводство в данный период в Царевококшайске не было развито. Исследователь пишет, что несколько раз жители предпринимали попытки вырастить фруктовые деревья и «несколько раз выписывали деревья из Казани и рассаживали в удобренный грунт»¹², но ранние морозы погубили их. Однако жители предпринимали усилия для развития земледелия.

Автор «Очерка о Царевококшайске» отмечал высокий уровень нравственности горожан и объяснял это их бедностью: «Нравственность, мне кажется, строга более потому, что нет ни в чем приволья, бедность обуяла низший класс. В праздники нет разгула, свойственного приволжским местам, нет пьянства, нет песен и гуляний об ручку по улицам»¹³.

И задается вопросом, является ли высокий уровень нравственности мещан Царевококшайска следствием их бедности: «Любопытно бы было узнать, что было бы, если бы дать царевококшайским мещанам приволье во всем, сделать бы этот город проездным на большой дороге или пристанью, дать бы хорошего хлеба, богатства, одним словом — все удобства жизни, изменило ли бы это нравственность жителей? Если это добродетель народа, то, разумеется, нет, но если причина скромности — недостатки, то ответ удовлетворительный»¹⁴.

В среде мещан бытовые конфликты относили к «непотребностям»¹⁵. Нарушение общественного порядка и конфликтные ситуации на улицах Царевококшайска в XIX в. были редкостью, так как основное время горожан занимали повседневные заботы, связанные с материальным благополучием семьи: «Полиция спокойна в отношении беспорядков, кутузка пуста... Не только пьянства, даже роскоши в одежде и вообще в жизни не заметно»¹⁶.

Таким образом, из описания автора можно сделать вывод о низком уровне жизни мещан Царевококшайска в первой половине XIX в. Несмотря на это, они, по возможности, решали возникшие проблемы, сохраняя при этом высокий уровень духовной культуры.

Другой исторический источник — «Очерк 290-летнего состояния города Царевококшайска и его уезда» — опубликован в 1876 г. известным краеведом, учителем царевококшайского городского училища И. О. Дерюжевым¹⁷. Здесь содержится ценная информация о численности и структуре населения Царевококшайска в пореформенное время. По данным, представленным автором, в 1876 г. численность мещанского населения Царевококшайска составляла 699 чел., из них 350 мужчин и 349 женщин, общая численность горожан — 1 193 чел.¹⁸ Сравнив ее с 1849 г., можно сделать вывод, что в пореформенное время динамика численности мещан в Царевококшайске была положительной.

Согласно И. О. Дерюжеву, день царевококшайского мещанина начинался в 5 часов утра со звоном колоколов во всех церквях. В 8 часов он открывал лавку, в 2 или 3 часа дня прерывался на обед, в 9 — 10 часов вечера ложился спать. Автор писал, что многие продукты (хлеб, чай, сахар) в Царевококшайске стоили дороже, чем в Казани. Продуктов первой необходимости, которые покупались на базаре скупщиками, в городе не хватало, поэтому рацион мещан был скромным. В будни они ели соленую рыбу (судака, леща) и овощи с огорода (причем картофель употребляли нечасто), хлеб — при каждой трапезе, иногда — говядину. Таким образом, в Царевококшайске существовала проблема, связанная с продуктами питания и высокими ценами на них, которая не могла не отразиться на быте мещан.

Важное место в описании жизни мещан Царевококшайска И. О. Дерюжев отвел их образованию. Он пишет, что многие горожане окончили курс в уездном училище, но царевококшайское мещанство «не грешно в желании самообразования, и, конечно, уже далеко от осознания надобности в пользовании журналами»¹⁹. Исследователь увязывал это с интеллектуальной жизнью царевококшайцев: «Цивилизация наших граждан еще в сильном застое. Выписывает ли хоть кто-нибудь из них журналы, я положительно не могу дать ответа»²⁰, хотя некоторые горожане читали газеты, выписываемые местными учреждениями.

Среди царевококшайцев редко встречались те, кто интересовался политическими событиями: «Правда, и у нас есть, впрочем, только единичные личности, которые с живым интересом следят за ходом современных реформ, но таких личностей далеко не много»²¹.

Несмотря на то, что по мнению автора, уровень образования царевококшайских мещан являлся низким, упоминания о чтении ими газет и журналов свидетельствуют о грамотности мещан. Высокий процент грамотных подтверждают данные Семейных списков мещан Царевококшайска 1869 г.: из 129 мещан — взрослых мужчин читать и писать не умели только 24 чел.²² Таким образом, исходя из описания И. О. Дерю-

жева и данных Семейных списков мещан Царевококшайска 1869 г. можно сделать вывод, что царевококшайские мещане были грамотными и стремились получить только знания, необходимые в трудовой деятельности.

Религиозная сторона жизни царевококшайских мещан также нашла отражение в очерке. Особо почитаемы были церковные праздники: Рождество, Вербное Воскресенье, Пасха и др. В эти дни исключались всякая работа и развлечения до окончания церковной литургии. Во время церковных праздников горожане посещали храмы, затем встречались дома, в кругу семьи и на улицах города.

Яркими событиями в городе были ярмарочные и базарные дни. Ежегодно устраивалась Александровская ярмарка. Базарные дни проходили по пятницам и воскресеньям. И. О. Дерюжев писал, что царевококшайцы любили базары и ходили туда, даже если не собирались ничего покупать. Таким образом, ярмарка и базар были местом не только торговли, но и проведения досуга.

Отдыху отводилась небольшая часть времени, свободное время проводили в кругу семьи. И. О. Дерюжев отмечал, что царевококшайские мещане любили пышно праздновать свадьбы, именины, рождение и крестины детей. В праздник каждый горожанин считал себя обязанным «купить вдоволь водки, напечь и нажарить всякой всячины, чуть не на целую армию и нашить обнов»²³.

Характеристика нравов горожан 1876 г. отличается от характеристики в «Очерке о городе Царевококшайске» 1849 г. Если неизвестный автор последнего отмечает отсутствие излишеств в быту царевококшайских мещан, то И. О. Дерюжев пишет, что и в праздники, и в будни мещане стремились соответствовать моде в одежде: «Франтовство — эта болезнь всего мещанства — приютилась и у нас»²⁴. На любой площади города можно было увидеть мещанина, далеко «не по одежке протягивавшего ножки»²⁵.

И. О. Дерюжев как преподаватель словесности не мог не обратить внимания на диалекты Царевококшайского уезда. Он отмечает вятские наречия (четкое произношение звука *о*), замену творительного падежа множественного числа дательным: *смотреть глазам, делать рукам*, а также присутствие в речи горожан слов тюркского происхождения, например *айдайте* — «пойдемте», *шабер* — «сосед»²⁶.

Подробно описываются жилища мещан Царевококшайска: дома были деревянными, состояли из просторных сеней, которые вели на кухню и в две-три комнаты. В комнатах находились две-три печи и несколько окон с мелкими стеклами. Расположение окон и построек автор называет непропорциональным и считает безвкусным²⁷. В каждом доме в «красном углу» висели иконы, стены украшали лубочные картины с текстом и фотографические портреты, имелись зеркало, самовар, стулья, посудный шкаф и перина. Часы для царевококшайцев в основном были предметом роскоши. Многие ориентировались на городские башенные часы. Внутри каждого дома находился угол, где стояли иконы. Свои дома мещане содержали в опрятности, но водились в них и тараканы. У некоторых домохозяев во дворах были вырыты колодцы. Из данного описания видно, что, несмотря на негативную авторскую оценку, дома царевококшайских мещан были вполне приспособлены для жизни семьи и ведения хозяйства.

Различия в описании быта царевококшайских мещан автором «Очерка о городе Царевококшайске» и И. О. Дерюжеем говорят о произошедших в жизни города изменениях — о проникновении в провинцию новых веяний, о некотором повышении уровня благосостояния горожан.

Богатая информация об образе жизни мещан содержится в статье «Город Царевококшайск», опубликованной в приложении к журналу «Нива» в 1901 г.²⁸ Ее автор — генерал и ученый-этнограф В. А. Мошков, действительный член Русского географического общества, координатор Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Его имя не вошло в современные энциклопедические словари и справочники, хотя он оставил немалое творческое наследие, известное лишь узкому кругу местных краеведов и этнографов. В его данной приводятся географические и этнографические данные о Царевококшайске. Важное место В. А. Мошков уделяет быту мещан Царевококшайска. Краевед писал, что он мало отличался от деревенского. Они легче воспринимали новшества, чем крестьяне: мещане раньше, чем крестьяне, перестали носить русский традиционный женский костюм, реже носили лапти. И. О. Дерюжев и В. А. Мошков, говоря о характере горожан, отмечают их добродушие, простоту, вежливость, трудолюбие.

Большое внимание В. А. Мошков уделяет описанию домов мещан Царевококшайска, которые выглядели по-разному в зависимости от состоятельности хозяина: «При въезде на улицу мы увидели, прежде всего, двух- и трехконные избушки, почти деревенского типа, затем уже потянулись пяти- и шестиоконные одноэтажные домики, обшитые тесом и с тесовыми крышами»; «Деревянные, ветхие, покосившиеся на бок и проросшие мхом обывательские домишки наведут на вас мрачные думы о жалком положении горожан»²⁹. В начале XX в. царевококшайские мещане на каждом доме делали вывески, например «Сапожных дел мастер», «Мужской и женский портной», «Продажа швейных машин системы Зингера»³⁰. Некоторые дома украшали русской деревянной резьбой.

Относительно экономической деятельности мещан Царевококшайска автор указывал, что их основными занятиями являются торговля и ремесло. Многие совмещали эти два вида деятельности. Любимыми развлечениями были игра в карты и рыбалка. Популярное место отдыха — Дубовая роща, где устраивались пикники. Зимой на Святки организовывали благотворительную елку для детей из бедных семей, в частности собирали по 3 руб. и устраивали буфет.

Отмечается слабое развитие театральной жизни в Царевококшайске: «Театров в городе нет. Даже любительские спектакли проходят здесь редко — два — три раза в год»³¹. Среди населения города пользовались популярностью представления, которые устраивали черные и белые маги, «удостоенные многими наградами от турецкого султана или персидского шаха»³². Из описания можно сделать вывод, что, несмотря на ограниченные возможности уездного города, жители Царевококшайска, в том числе мещане, старались сами организовать досуг, что полностью противоречит сложившемуся представлению об отсутствии у них инициативы.

В. А. Мошков в отличие от И. О. Дерюжева положительно отзывается о нравах царевококшайских мещан. Он пишет, что любой житель Царевококшайска был готов помочь иногороднему, охотно объяснял, как найти ту или иную улицу. К тому же инициаторами благотворительных вечеров чаще всего выступали мещане³³. Данный факт говорит о том, что, вопреки стереотипу, сложившемуся в русской художественной литературе и публицистике, мещане не были равнодушны к проблемам общества и часто проявляли инициативу при решении городских проблем.

Таким образом, из воспоминаний и записок современников мы видим, что быт царевококшайского мещанства соответствовал быту российского мещанства в

уездных городах. Как и в других городах, в Царевококшайске мещане занимались торговлей, ремеслом, сельским хозяйством. Характерной чертой мещанской торговли в Царевококшайске было то, что она не была дифференцирована³⁴. Менталитет и образ жизни мещан Царевококшайска по описаниям современников сочетали в себе черты городской и сельской культуры. Положение между крестьянством и купечеством определяла нестабильность этого сословия, которая сохранялась на протяжении всего XIX века и не вела к внутренней социокультурной консолидации³⁵. Поэтому ментальности мещан были присущи многие черты мировоззрения, домашнего и общественного уклада жизни, свойственные и купечеству и крестьянству³⁶.

В данный период в результате повысилась влияние уездных городов на социально-экономическую и культурную жизнь уездов, центром которых они являлись. Царевококшайск не стал исключением: здесь находились учебные заведения, где получали образование и горожане, и жители сел уезда. Таким образом, Царевококшайск был центром распространения грамотности и оказывал влияние на культуру сельских жителей. В России в целом взаимовлияние города и деревни было достаточно сильным³⁷. В Царевококшайске, как и в других русских городах, сочетание крестьянских и городских элементов проявлялось и в культуре (во внешнем и внутреннем убранстве жилищ, в одежде и досуге), и в экономической деятельности (занятие земледелием наряду с торговлей и ремеслом).

Сравнивая воспоминания современников разных периодов, можно сделать вывод, что развитие материальной и духовной культуры мещанства Царевококшайска было поступательным. Если в первой половине XIX в. современники отмечают бедность мещан, то со второй половины XIX в. постепенно росло их материальное благосостояние, изменилось отношение к образованию, в частности если в XIX в. они стремились получать знания, необходимые только для трудовой деятельности, то в начале XX в. вырос их интерес к знаниям об окружающем мире.

Библиографические ссылки

- ¹ См.: **Иванов А. Г.** Царевококшайск в конце XVI — XVIII вв. Йошкар-Ола, 2011.
- ² См.: **Иванов А. Г., Сануков К. Н.** История Марий Эл. Йошкар-Ола, 2015.
- ³ См.: **Гусева Т. М.** Уездные города Пензенской губернии в воспоминаниях современников // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2010. № 3. С. 184 — 191; **Ее же.** Историография исследования провинциальных городов. 2015. № 4. С. 132 — 141.
- ⁴ См.: **Антипин О. А.** Торговля в Царевококшайске // Марийский археографический вестник. 1994. № 4. С. 119 — 128.
- ⁵ См.: **Иванова А. Н.** Культура и быт горожан Царевококшайска во второй половине XIX — начале XX в. // Марийский археографический вестник. 2009. № 19. С. 7 — 20.
- ⁶ См.: **Чимаев А. Н.** Сословно-классовая структура населения города Царевококшайска в конце XIX — начале XX в. // Марийский археографический вестник. 2010. № 20. С. 114 — 121.
- ⁷ См.: **Гусева Т. М.** Уездные города Пензенской губернии... С. 185.
- ⁸ Там же. С. 185.
- ⁹ ГА РМЭ. Ф. 166. Оп. 1. Д. 35.
- ¹⁰ Там же. Л. 9.
- ¹¹ Там же. Л. 11.
- ¹² Там же.

¹³ Там же. Л. 16.

¹⁴ ГА РМЭ. Ф. 166. Оп. 1. Д. 35. Л. 16.

¹⁵ См.: **Иванов А. Г.** Царевококшайск в конце XVI — XVIII вв. С. 225.

¹⁶ ГА РМЭ. Ф. 166. Оп. 1. Д. 35. Л. 15.

¹⁷ См.: **Дерюжев И. О.** Очерк 290-летнего состояния города Царевококшайска и его уезда. Казань, 1876.

¹⁸ Там же. С. 10.

¹⁹ Там же. С. 17.

²⁰ **Иванова А. Н.** Современники о быте и нравах горожан Марийского края середины XIX в. // Вестник Чувашского университета. 2009. № 1. С. 59 — 66.

²¹ **Дерюжев И. О.** Указ. соч. С. 18.

²² ГА РМЭ. Ф. 166. Д. 158.

²³ **Дерюжев И. О.** Указ. соч. С. 25.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же. С. 27.

²⁶ Там же. С. 37.

²⁷ Там же. С. 45.

²⁸ См.: **Мошков В. А.** Город Царевококшайск : путевые заметки. [Приложение к журналу «Нива»]. СПб., 1901. С. 726 — 732.

²⁹ Там же. С. 726.

³⁰ Там же.

³¹ Там же. С. 728.

³² Там же. С. 732.

³³ Там же.

³⁴ См.: **Иванов А. Г., Сануков К. Н.** Указ. соч. С. 164 — 165.

³⁵ См.: **Кошман Л. В.** Мещанство в России в XIX в. // Вопросы истории. 2008. № 2. С. 3 — 17.

³⁶ См.: **Попова В. В.** Правительственная политика и изменения в составе городского населения пореформенной России (на материалах Нижегородской губернии). Владимир, 2015.

³⁷ См.: **Гусева Т. М., Тараканова Н. Г.** Уездные города Среднего Поволжья во второй половине XIX в.: проблемы и перспективы изучения // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2013. № 2. С. 162 — 163.

Поступила 10.05.2018 г.

УДК 908:37(470.345)

О. А. Баршова, Р. В. Федосеев

O. A. Barshova, R. V. Fedoseev

СИСТЕМА ПОДГОТОВКИ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ КАДРОВ ДЛЯ ЗЕМСКИХ ШКОЛ И ЕЕ ДЕЙСТВЕННОСТЬ В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ РАЗВИТИИ МОРДОВСКОГО КРАЯ

THE SYSTEM OF TEACHERS TRAINING FOR ZEMSKY SCHOOLS AND ITS EFFECTIVENESS IN SOCIAL AND CULTURAL DEVELOPMENT OF THE MORDOVIAN REGION

Ключевые слова: учебные заведения, учитель, учительство, образование.

В статье анализируется система подготовки педагогических кадров для земских школ.

Key words: educational institutions, teacher, teaching, education.

The system of teachers training for zemsky schools is analyzed in the article.

Во второй половине XIX — начале XX в. профессиональную группу учительства формировала гибкая система специального педагогического образования, так как «учитель должен был получить специальное образование, сдать экзамен на аттестат учителя»¹. Иначе говоря, требовалось окончить педагогическое образовательное учреждение (учительскую семинарию, учительский институт).

Особенностью учительства в XIX — начале XX в. было то, что учителя средних школ и начальных народных училищ составляли две различные группы, социальный статус которых определялся, в том числе, уровнем образования. Педагоги средних учебных заведений проходили специальную подготовку в высших учебных заведениях, учителей для начальных училищ готовила средняя школа.

Н. М. Пирумова, указывая на особенности и причины подготовки различных категорий интеллигенции, отмечала, что «если земской медицине нужны были люди с высшим образованием, то земская педагогика не была столь требовательна, и земский учитель готовился чаще всего самим же земством»².

Педагогическое образование учителей начальных училищ отвечало потребностям школ низшей ступени. Однако в первой половине XIX в. в мордовском крае специальной педагогической подготовкой практически не занимались. Во второй половине XIX — начале XX в. педагогическое образование отличали большая вариативность и систематичность.

Взяв на себя задачу подготовки учителей, губернские земства в 1860-е — начале 1870-х гг. стали создавать земские учительские школы или семинарии с 3- или 4-летним сроком обучения. При земских гимназиях за счет земства открывались педагогические классы. Казенным и частным учительским школам выделялись пособия с тем, чтобы их выпускники ехали в земские школы. С той же целью земства ассигновали средства на стипендии учащимся в различных учебных заведениях. В этом состояла большая заслуга земств Пензенской, Симбирской и Тамбовской губерний, где готовились учителя для начальных школ и мордовского края.

В 1865 г. на первой сессии Тамбовского губернского земского собрания было представлено отношение директора народных училищ, в котором указывалось «на важность образования учительской семинарии». В 1867 г., вынося на собрание «проект правил сиротского дома», губернская управа включила в их текст статью, обязывавшую воспитанников сиротского дома прослужить несколько лет «наставниками в сельских школах Тамбовской губернии». В 1868 г. губернская управа предложила проект устройства двухклассного училища для подготовки сельских учителей «с достаточным образованием и могущих по усовершенствованным методам вести дело народного образования в школах»³.

Кандидатов в училище предлагалось набирать из крестьянских детей, окончивших приходское училище, которые по завершении учебы обязывались работать не менее 5 лет в земских школах. Одновременно с губернской управой вопрос об устройстве специальных училищ ставили многие земства, посчитав, что через них можно готовить хороших сельских учителей.

Однако предложения губернской управы и ряда уездных земств по разным причинам тогда не получили практического воплощения. Позже, в начале XX в., в Спасском уезде были открыты 2 учительские школы: женская — в Кириллове и мужская — в Виндрее⁴. В Кирилловской женской учительской школе обучались 73 чел. в 3 отделениях: в младшем — 24, в среднем — 25 и в старшем — 24. Среди учащихся были представители крестьян — 46 чел., мещан — 8, духовного сословия — 12, дворян — 1 и других сословий — 6 чел. В Виндреевской мужской учительской школе обучались 55 чел.: в младшем отделении — 19, в среднем — 17 и в старшем — 19. По сословной принадлежности 53 чел. — представители крестьянства и 2 — духовного сословия⁵.

Вопрос об устройстве специального учебного заведения для подготовки педагогических кадров в пределах Тамбовской губернии был решен благодаря инициативе землевладельца Шацкого уезда Э. Д. Нарышкина. Он пожертвовал 612 тыс. руб. на устройство в Тамбове учительского института, названного Екатерининским в память о покойной супруге учредителя и имевшего целью дать педагогическое образование молодым людям всех сословий, желавшим посвятить себя учительской деятельности в начальных училищах. Институт начал функционировать с 5 августа 1870 г.⁶ Директором института был назначен А. И. Забелин.

Это учебное заведение первоначально было закрытым, здесь учащиеся получали воспитание и содержались за счет процентов на пожертвованный учредителем, действительным статским советником Е. Д. Нарышкиным, капитал в 400 тыс. руб. Кроме того, в институт принимались (за плату 10 руб. в год, кроме тех, у кого было свидетельство о бедности) стипендиаты сельских обществ, земства и других ведомств, а также своекоштные ученики. Число воспитанников определялось Министерством народного просвещения «по мере наличных средств, удобства помещений и педагогических условий». В институте было 3 класса, курс обучения в нем был трехгодичный. Для практических занятий воспитанников при институте действовало начальное училище, содержавшееся на проценты. Подчинялся он попечителю Харьковского учебного округа. Руководил институтом директор, который избирался попечителем округа из лиц православного вероисповедания, получивших образование в одном из высших учебных заведений, и утверждался в должности министром народного просвещения⁷.

Кроме директора в штате института и начального училища состояли 1 законоучитель (не должен был иметь прихода) и 3 преподавателя наук, учитель пения принимался по найму и не считался на действительной службе. Учитель начального училища, избираемый директором, утверждался попечителем округа и пользовался правами и преимуществами, присвоенными учителям.

Возникавшие вопросы решались советом института, в который входили законоучитель, штатные наставники и учителя начального училища под председательством директора. Ведению и окончательному решению совета института подлежали: прием желавших поступить и увольнение из него воспитанников; выдача свидетельств на право учителя народных училищ; определение наград и взысканий, изыскание лучших способов преподавания; выбор книг и пособий из числа одобренных Министерством народного просвещения и духовных ведомств; распределение учебных предметов между наставниками; назначение к выписке книг для учебников и библиотеки; расходование штатных сумм сообразно нуждам заведения и др.

Воспитанниками института могли стать лица не моложе 16 лет, здоровые и не имеющие физических недостатков. Поступавшие предоставляли свидетельство о звании и метрическое свидетельство о рождении и крещении и подвергались испытаниям по всем предметам, составлявшим курс начального народного училища.

Выпускники института были обязаны по окончании курса прослужить в должности учителя начальных училищ не менее 4 лет по назначению попечителя Харьковского учебного округа. Впоследствии этот пункт исключили и заменили новым, гласившим: «Воспитанники института, обучавшиеся бесплатно и пользующиеся от института денежными и учебными пособиями, по окончании в нем курса наук, обязаны прослужить в должности учителя начальных училищ не менее 2-х лет по назначению попечителя Харьковского округа, а при жизни основателя института, с его согласия»⁸.

Было еще одно требование к учащимся института, пожелавшим оставить институт до окончания курса и не желавшим прослужить в звании народного учителя требуемое количество лет: они могли быть уволены или освобождены от обязательства после возвращения средств, затраченных на обучение за время пребывания в институте в размере 180 руб. годовых. При переводе воспитанники других учительских институтов или учительских семинарий и других учебных заведений в Екатеринбургский учительский институт принимались без экзаменов в класс, соответствовавший свидетельствам, выданным им из тех учебных заведений, откуда они переводились.

Институт работал по программе учительских семинарий. Два первых класса были теоретическими, а воспитанники третьего класса не только учились, но и сами под руководством наставников проводили уроки в народном училище. В институте изучались Закон Божий, основы педагогики, русский и славянский языки, арифметика, главные основы геометрии, землемерие, линейное черчение, русская и всеобщая (главные события) история, русская и краткая всеобщая география, основные сведения по естественной истории и физике, необходимые для понимания важнейших явлений природы, чистопоисание и пение.

Новому учебному заведению губернское земство оказывало большое внимание. Уже в декабрьскую сессию после открытия института был заслушан доклад губерн-

ской управы о содействии учреждению. Было предложено приобрести у дворянства здание бывшего кадетского корпуса, выделив на эти цели 38 791 руб.

На декабрьском собрании губернского земства одновременно были учреждены по 12 стипендий на каждый курс, чтобы каждое уездное земство могло направить своих кандидатов.

К середине 1870-х гг. число земских стипендиатов в институте значительно увеличилось. К 1899 г. 47,85 % учителей губернии являлось выпускниками Екатеринбургского института⁹. Например, в Темниковском уезде из числа учителей народных школ, имевших педагогическое образование, окончили Тамбовский учительский институт: П. Р. Анашкин — учитель Авкимановского училища, А. И. Ефимов — учитель Мельсетьевской школы, П. Н. Предтеченский — учитель Надеждинской школы, А. Н. Алаев — учитель Шокшинской школы. Выпускники Екатеринбургского института работали и в министерских школах Темниковского уезда: С. К. Ананьев и А. Г. Орешкин — в Ермишинской двухклассной школе, Н. И. Келоголов и М. В. Сермякин — в Сумерековской двухклассной, Ф. Ф. Горлов и М. С. Комяков — в Кадомском приходском училище¹⁰.

Все расходы на содержание учительского института (23 300 руб.) покрывались процентами на первоначальный капитал. Расходы на каждого воспитанника в год составляли 122 руб. 72 коп. (из них на питание 59 руб. 16 коп.), в месяц — 4 руб. 93 коп., в день — 16,5 коп.

Рассмотрим в качестве примера финансирование Тамбовского учительского института в 1892 г. Поступления за обучение составляли 265 руб. Губернское земство выделило 1 705 руб., уездные земства — 2 008 руб. Основная сумма состояла из процентов с пожертвований и принадлежавших учебному заведению капиталов — 20 252 руб. Различные поступления составляли 2 040 руб.¹¹

В институте для воспитанников были разработаны строгие правила, согласно которым они могли носить только форму установленного образца. Отлучаться из института можно было только с разрешения директора и в церковь или на прогулку не следовало ходить по одиночке. Воспитанники вставали в 6 часов утра, совершали утреннюю молитву, в 7 часов приступали к занятиям, а за несколько минут до 9 часов должны были находиться в классе. Урок продолжался 1 час, после каждого урока — 15 минут отдыха. В день проводились, кроме пения и ремесел, 4 урока. По окончании уроков воспитанники занимались предметами по своему усмотрению до 22 часов, т. е. до вечерней молитвы. Молитву (утреннюю, вечернюю, перед и после обучения, перед обедом и после обеда) читал вслух один из воспитанников.

В случае нарушения воспитанниками правил нравственности и порядка меру взыскания определяло начальство института. Высшим наказанием были лишение казенного содержания и исключение из института.

Таким образом, в институте давались не только знания для получения специальности народного учителя, но и воспитывались нравственные качества, вырабатывался подобающий будущему педагогу характер.

В 1870-е гг. появились учительские семинарии для инородцев. В 1872 г. инородческая учительская семинария была открыта в Казани. Семинария задумывалась как центр миссионерской педагогики, как закрытое учебное заведение по подготовке учителей из среды нерусской молодежи Поволжья, способных нести в народ идеи

самодержавия и православия. У истоков ее создания стоял ученый-востоковед, педагог-миссионер Н. И. Ильминский. Здесь действовали чувашская, марийская, мордовская и удмуртская школы. Н. И. Ильминский разработал научно-методические основы перевода учебной и вероучительной литературы на национальные языки. К этой работе он привлекал А. Ф. Юртова, который был слушателем Казанской инородческой учительской семинарии, а затем учителем мордовского начального училища при семинарии.

Педагогическая система Н. И. Ильминского предусматривала, во-первых, опору на православие как основу духовного мира учащихся; во-вторых, активное использование миссионеров-учителей, знающих язык учеников; в-третьих, допущение родного языка в школу и церковную проповедь; в-четвертых, создание учебной и вероучительной литературы на национальных языках; в-пятых, доступность и бессословность начальной школы.

Система Н. И. Ильминского имела немало оппонентов и недоброжелателей среди представителей русификаторского направления в педагогике. Неоднозначно к ней относились и советские исследователи, указывая одновременно на «реакционность системы» и выделяя «положительные моменты»¹². Вопреки различным взглядам на эту систему С. В. Грачев отмечал, что такая «деятельность способствовала распространению грамотности среди нерусских народов, становлению национальной интеллигенции, созданию письменности и литературных языков»¹³.

Выпускниками Казанской учительской семинарии были видные деятели народного образования, просветители мордовского народа: М. Е. Евсевьев, Л. П. Кирюков, А. Ф. Юртов, З. Ф. Дорофеев, Е. В. Скобелев, известные писатели и общественные деятели И. Я. Бондяков, П. С. Глухов, И. Ф. Прокаев, Т. И. Данилов, М. И. Наумкин, В. П. Ямушкин, И. И. Московкин. В их числе С. З. Варламов — инструктор Ардамовского уездного отдела народного образования, автор учебников для эрзя-мордовских школ, много сделавший для развития национальной школы и подготовки кадров учителей¹⁴. В 1907 г. Казанскую инородческую учительскую семинарию окончил М. И. Наумкин — педагог, методист, языковед, переводчик, один из авторов первых учебников для эрзя-мордовской школы, а также для взрослых¹⁵.

Учительская семинария не только давала глубокие знания по общеобразовательным дисциплинам, методике их преподавания, но и являлась «одним из центров культурно-просветительной работы, проводимой передовыми учеными Казани среди инородческого населения Поволжья»¹⁶.

Определенный вклад в подготовку учителей начальных школ для мордовского края внесла и Порецкая учительская семинария, созданная по инициативе И. Н. Ульянова, которая была открыта в 1872 г. Это было прогрессивное педагогическое заведение, работа которого определялась развитием демократической русской педагогики. Проекты учительских семинарий разрабатывали известные педагоги дореволюционной России К. Д. Ушинский, Н. А. Корф, Н. И. Пирогов и др.

Ежегодно Порецкая учительская семинария выпускала 14 — 16 чел.¹⁷ Значительным препятствием для получения образования детьми нерусской национальности оставался педагог, при котором преподавание велось на русском языке.

Высокую оценку деятельности выпускников Порецкой учительской семинарии давал И. Н. Ульянов. В отчете за 1877 г. он причислял их к лучшим учителям народных школ. Выпускники Порецкой учительской семинарии работали во многих сель-

ских школах мордовского края, и среди них были И. М. Петяев и М. Н. Коляденков. Будучи инспектором народных школ, первый много сделал для развития начальной школы в Ардатовском уезде. М. Н. Коляденков был инспектором Лукояновского и Саранского уездов. Когда закладывались основы мордовской школы, он, по словам Р. Н. Бузаковой, выступал как «учитель учителей, как методист и советчик, как воспитатель»¹⁸.

На основании рекомендаций Министерства народного просвещения губернское земское собрание в 1873 г. приняло решение об открытии в Пензе учительской семинарии, ассигновав на эти цели 25 тыс. руб.¹⁹ 12 сентября 1874 г. учительская семинария была открыта на средства казначейства²⁰. В семинарию поступали лица в возрасте 16 — 18 лет, окончившие курс двухклассного училища Министерства народного просвещения (в 1874 г. возраст поступивших колебался от 14 до 23 лет).

Срок обучения в семинарии составлял 3 года. За это время учащиеся семинарии должны были усвоить Закон Божий, русский и церковнославянский языки, арифметику с основами геометрии, педагогику и дидактику, российскую историю с элементами всеобщей, географию России и краткую всеобщую, естествознание с основами сельского хозяйства, пение, рисование и черчение. Все воспитанники, успешно окончившие семинарию, получали свидетельство на звание учителя и на время занятия этой должности освобождались от всех видов личных повинностей, в том числе от воинской. Выпускники семинарии имели право продолжить обучение в учительских институтах.

Директором учительской семинарии был В. Х. Хохряков — инспектор народных училищ Пензенской губернии. Именно при нем началась подготовка учителей для мордовских школ, в том числе из представителей национальной молодежи²¹.

В. Х. Хохряков был одним из последователей К. Д. Ушинского и считал, что семинария должна давать педагогическое образование. Основная задача состояла в подготовке специалиста, способного реализовать потребности в самообразовании²².

Благодаря принятым мерам, городские и приходские училища в губернии и в уездах смогли иметь хорошо подготовленных учителей, устранить главный недостаток в школьном деле, который замедлял его дальнейшее развитие. Был решен и другой важный вопрос: к педагогической деятельности были допущены женщины. Уже в 1879 г. в Пензенской губернии работали 50 учительниц²³.

В учебную программу Пензенской учительской семинарии для слушателей были включены такие предметы, как педагогика, психология, методика преподавания в начальной школе русского языка и арифметики.

Психолого-педагогические дисциплины в семинарии изучались на двух уровнях: теоретическом и практическом. Теоретический уровень начинался со 2-го класса с преподавания дидактики и методик учебных дисциплин начальной школы. В 3-м классе продолжалось знакомство с педагогикой и училищеведением, т. е. изучали внутреннее и внешнее устройство школы²⁴.

Практические занятия предусматривали проведение уроков в начальных школах в присутствии наставников и однокурсников, посещение уроков учителей и методистов образцовых школ, мероприятия по внешкольной работе, составление планов и конспектов уроков, изготовление наглядных пособий и др. В 1876 г. для прохождения практики воспитанников при семинарии было открыто начальное училище²⁵.

Принимались меры по укреплению и материально-технической и совершенствованию учебной базы семинарии, открывались кабинеты физики и естественных наук. Для самообразования учащихся в семинарии функционировала библиотека с обширным книжным фондом, выписывались специальные педагогические журналы, в которых рассматривались проблемы методики преподавания, постановки школьного дела, педагогики и психологии. В 1875 г. библиотек, в частности, выписывала журналы «Семья и школа», «Народная школа», «Школьная жизнь», а также газету «Педагогический вестник»²⁶.

Директор семинарии В. Х. Хохряков добился открытия при семинарии мордовского национального училища. Ввел преподавание мокша-мордовского языка, чтобы будущие учителя, работая в национальных школах, могли успешно осваивать школьную программу с учащимися мордовской национальности с использованием родного языка. Кроме того, в соавторстве с Н. П. Барсовым и Ф. Кечиным были составлены «Азбука для мордовских учителей Пензенской губернии», «Указания учителю, как учить по азбуке», «Первоначальные уроки русского языка для мордвы»²⁷.

Учительская семинария создавалась как внесловное учебное заведение, поэтому ежегодно увеличивалось как общее число обучавшихся, так и число воспитанников крестьянского сословия.

В год открытия, в 1874 г. в семинарии обучался 31 чел. (заявлений было подано в два раза больше)²⁸. Среди принятых были 27 земских стипендиатов, 6 чел. из числа крестьян и 3 мордвина²⁹. В 1875 г. воспитанники из крестьянской среды составили 6 чел. (19,35 %), в 1890 г. — 28 (37,83), в 1900 г. — 49 чел. (72,05 %) ³⁰.

Численность слушателей учительской семинарии в разные годы зависела от количества открываемых ежегодно школ и текучести учительских кадров. Например, в 1870 — 1880-е гг., когда шел быстрый рост количества народных школ, в семинарии в среднем обучалось до 70 воспитанников. В 1890-е гг., когда рост числа школ замедлился, уменьшилось и число обучавшихся. В 1894/1895 учебном году их было 27 чел.³¹

К началу XX в. в связи с ростом народных школ увеличилось число учащихся семинарии, однако в 1902 г. потребность школ в учителях, окончивших Пензенскую учительскую семинарию, была удовлетворена только на одну треть.

Выпускники Пензенской учительской семинарии работали в Пензенской, Тамбовской, Самарской и Воронежской губерниях³².

В отчете дирекции семинарии за 1889 г. отмечалось, что в Тамбовской губернии работают 3 выпускника, а в Саратовской — 6 (выпуски 1883 — 1888 гг.). Например, Балашовский училищный совет просил руководство семинарии направить в его распоряжение 8 молодых учителей с их последующим трудоустройством в селах уезда с годовым окладом в 250 руб., готовой квартирой и увеличением жалованья каждые 5 лет на 20 руб. 30 коп.

Пензенская учительская семинария в течение длительного времени была единственным учебным заведением губернии, выпускавшим квалифицированные школьные кадры. За 1874 — 1917 гг. было подготовлено более 800 учителей для школ г. Саранска, Атемара, Воеводска, Кочкурова, Лады, Новой Пырмы, Сумарокова, Трофимовска и др.³³

В 1889 г. в Краснослободском уезде из числа преподавателей, работавших в начальных училищах, 29,1 % составляли выпускники Пензенской учительской се-

минарии. Выпускником Пензенской учительской семинарии был Н. Д. Гаврилов — русский педагог, автор учебных пособий для мокша-мордовской школы. В 1899 г. он подготовил и опубликовал первый «Русско-мордовский словарь. Мокшанско-эрзянское наречие. С приложением кратких сведений из этимологии»³⁴.

Из-за большой потребности в выпускниках учительской семинарии для других губерний требовалось увеличить прием слушателей. Однако, несмотря на увеличение их числа, потребности народных училищ в выпускниках семинарии удовлетворялись лишь на 80 %. Поэтому земства большое значение придавали пособиям, выдаваемым семинаристам ведомства Министерства народного просвещения и гимназиям с тем, чтобы потом часть выпускников шла в земские школы. Например, в Пензенской учительской семинарии стипендия от земства составляла 120 руб. в год. После окончания курса стипендиат должен был 3 года отработать в земской школе³⁵.

Таким образом, во второй половине XIX в. открытие учительских семинарий и института в Тамбовской губернии сыграло большую роль в развитии земской школы в мордовском крае. Ежегодно повышались профессиональные качества и общеобразовательный уровень народных учителей.

Библиографические ссылки

¹ Казакова О. М. Провинциальное учительство в XIX — начале XX веков (На материалах Вятской губернии) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киров, 2009. С. 14.

² Пирумова Н. М. Земская интеллигенция и ее роль в общественной борьбе. М., 1986. С. 49.

³ Исторический очерк деятельности земства по народному образованию Тамбовской губернии. Тамбов, 1903. С. 31.

⁴ См.: Тамбовские епархиальные ведомости. 1906. № 28. С. 546.

⁵ См.: Житаев В. Л. Культурно-просветительская деятельность в Мордовии (вторая половина XIX в. — 80-е гг. XX в.). Саранск, 2006. С. 46 — 47.

⁶ См.: Исторический очерк деятельности земства по народному образованию Тамбовской губернии. Тамбов, 1903. С. 33.

⁷ См.: Положение о Екатерининском учительском институте. Тамбов, 1999. С. 3.

⁸ Там же. С. 7.

⁹ Там же. С. 34.

¹⁰ См.: Журналы Темниковского уездного земского собрания 1904 г. Темников, 1905. С. 86.

¹¹ См.: Памятная книжка Тамбовской губернии 1894 г. Тамбов, 1894. С. 350 — 351.

¹² Бибин М. Т. Макар Евсевьевич Евсевьев // Просветители и педагоги мордовского края. Саранск, 1986. С. 46.

¹³ Грачев С. В. Роль русских педагогов и священнослужителей в просвещении мордовского народа // Очерки истории образования и педагогической мысли в мордовском крае (середины XVI — начало XIX в.). Саранск, 2001. С. 85.

¹⁴ См.: Осовский Е. Г. Варламов Степан Захарович // История Мордовии в лицах. Саранск, 1994. [Кн. 1]. С. 42.

¹⁵ См.: Осовский Е. Г. Наумкин Максим Иванович // История Мордовии в лицах. [Кн. 1]. С. 134.

¹⁶ Просветители и педагоги мордовского края / сост.: М. Т. Бибин, Е. Г. Осовский. Саранск, 1986. С. 139.

¹⁷ См.: Краткая чувашская энциклопедия. Чебоксары, 2001. С. 33.

¹⁸ Бузакова Р. Н. Михаил Никитич Коляденков // Просветители и педагоги мордовского края. С. 148.

¹⁹ См.: Никулин В. И. Пензенское земство. Пенза, 1996. С. 103.

²⁰ ГАПО. Ф. 136. Оп. 1. Д. 6. Л. 2.

²¹ См.: **Осовский Е. Г.** Хохряков В. Х. // История Мордовии в лицах. Саранск, 1997. Кн. 3. С. 531.

²² См.: **Никулин В. И.** Пензенское земство. Пенза, 1996. С. 104.

²³ См.: Очерки истории Пензенского края с древнейших времен до конца XIX в. Пенза, 1973. С. 312.

²⁴ ГАПО. Ф. 136. Оп. 1. Д. 30. Л. 37.

²⁵ Там же. Д. 34. Л. 2.

²⁶ Там же. Д. 16. Л. 4.

²⁷ См.: История Мордовской АССР : в 2 т. Саранск, 1979. Т. 1. С. 297.

²⁸ ГАПО. Ф. 136. Оп. 1. Д. 30. Л. 37.

²⁹ См.: **Житаев В. Л.** Культурно-просветительская деятельность земства Краснослободского уезда Пензенской губернии. Саранск, 2010. С. 106.

³⁰ См.: **Никулин В. И.** Указ. соч. С. 109.

³¹ ГАПО. Ф. 136. Оп. 1. Д. 207. Л. 6.

³² Там же. Д. 363. Л. 2.

³³ См.: Статистический обзор начального образования Пензенской губернии за 1913 — 1914 уч. г. Пенза, 1915. С. 28 — 32.

³⁴ См.: **Шукшина Т. И.** Гаврилов Николай Дмитриевич // История Мордовии в лицах. [Кн. 1]. С. 54.

³⁵ См.: **Пирумова Н. М.** Указ. соч. С. 50.

Поступила 23.04.2018 г.

УДК 94(47)

А. Г. Акшиков

A. G. Akshikov

ПРАВОВОЕ И ОБЩЕСТВЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ЗЕМСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

LEGAL AND PUBLIC SITUATION OF THE ZEMSTVO INTELLIGENTSIA

Ключевые слова: земская интеллигенция, земские деятели, земство.

В статье дается представление о роли интеллигенции в деятельности земской системы, рассматриваются некоторые аспекты правового и общественного положения земских специалистов.

Key words: zemstvo intelligentsia, zemstvo figures, zemstvo.

An idea of the role of the intelligentsia in the activity of the zemstvo system is given in the article, as well as some aspects of the legal and social situation of zemstvo specialists are considered in it.

«Положение о губернских и уездных земских учреждениях» от 1 января 1864 г. разрешило земским управам «приглашать как для постоянных занятий по делам, вверенным ведению управ, так и для исполнения временных поручений посторонних лиц, с назначением им вознаграждений...»¹. С первых лет существования земств выяснилось, что они не могут обойтись без помощи таких «посторонних лиц» —

учителей, медицинских работников, ветеринаров, агрономов и др. С развитием земского дела наемных служащих требовалось все больше, а их роль в культурной, просветительской и хозяйственной жизни возрастала. В научной литературе за ними закрепилось понятие «земская интеллигенция», под которым подразумевают нанятых на земскую службу специалистов, профессионально занимающихся интеллектуальным трудом.

Государственная администрация настороженно взирала на возрастающую роль интеллигенции в земских делах, полагая, что наемные специалисты попытаются влиять на решения органов земского самоуправления. Наиболее четко опасения по этому поводу выразил самарский вице-губернатор В. Г. Кондоиди, выступая перед местным губернским земским собранием в 1900 г. Он отметил, что в делах местного хозяйственного управления уже давно принимают участие администрация (государственные чиновники) и представители местных сословий, представленные в земских собраниях и управах. Их вполне достаточно для управления местным хозяйством. Между тем, по его мнению, в земские дела все активнее вмешивается «третий элемент» — земская интеллигенция. Признавая научно-теоретическую подготовленность его представителей, самарский вице-губернатор все же считал, что представителям сословий не следует «без достаточно проверенных оснований внимать слову интеллигентов», так как «грезы лиц, не принадлежащих ни к администрации, ни к представителям сословий в земстве, носят лишь фантастический характер, но могут, допустив в основание политические тенденции, иметь и вредную сторону...»².

Следует заметить, что утверждение В. Г. Кондоиди о влиянии специалистов наравне с представителями администрации и сословий на общее развитие земского дела, а также на степень политизации земств, является преувеличением. Земские интеллигенты, будучи профессионалами в какой-либо сфере, оказывали влияние только на то направление земской деятельности, в котором были задействованы. Гласные земских собраний, плохо разбираясь в вопросах здравоохранения, ветеринарии, агрономии и др., естественно, прибегали к советам и рекомендациям специалистов. Способов донести мнение земских интеллигентов по тому или иному вопросу до земского собрания было достаточно. Например, земские врачи могли зачитывать свои отчеты на земских собраниях, а в случае необходимости присутствовать на них с правом совещательного голоса. Для согласования мнений врачей по вопросам формы и системы обслуживания населения, реализации гигиенических мероприятий, борьбы с эпидемиями и методов их предупреждения, а также для обсуждения нужд врачей многие губернские земства в разные годы созывали съезды земских врачей. Подобные съезды устраивались также для ветеринаров и агрономов.

На уездном уровне при земских управах создавались врачебные (медицинские) советы, собиравшиеся с разной периодичностью. В их состав входили члены управы, избранные в совет гласные земского собрания, земские врачи, провизоры земских аптек, а в некоторые советы входили и ветеринары. Постановления этих учреждений носили рекомендательный характер и не всегда учитывались земствами. Тем не менее съезды земских врачей и врачебные советы способствовали обмену опытом между врачами, выработке единых взглядов на различные проблемы земской медицины, их консолидации на основе не только профессиональных, но и общественных задач, стоявших перед ними.

Представители «третьего элемента» как советчики были довольно эффективны. Трудясь среди местного населения, они знали его жизнь и нужды, хорошо представляли себе проблемы своей сферы деятельности, и, руководствуясь своими наблюдениями и профессиональными знаниями, обращались в земства с предложениями, которые те могли реализовать на благо земского дела. Будучи не встроены в систему государственного и муниципального управления, земские интеллигенты были почти не ограничены в суждениях по профессиональным вопросам, что положительно сказывалось на их объективности. Разницу между чиновником и земским интеллигентом отметил публицист начала XX в. Л. Д. Брюхатов: «Чиновник, прежде всего, точный и аккуратный исполнитель начальнических распоряжений. Не мудрствуя лукаво, не внося своего „суждения“, чиновник творит волю пославшего его, и чем он послушнее этой воле, чем меньше проявляет инициативы и сознательного творчества в своей работе, тем успешнее подвигается он по служебной лестнице, тем больше снискивает он благоволение начальства. Типичный представитель „третьего элемента“ не обладает этими ценными для чиновника качествами. ... Для него решающее значение имеет не воля пославшего, а интересы дела, интересы того населения, на службу которому он сознательно пошел. Не „виды“ начальства важны ему, а смысл и значение его деятельности для нужд обслуживаемого населения; не служебные успехи являются для него побудительными мотивами, а идеальные цели, диктуемые общими принципиальными его воззрениями»³.

В отличие от интеллигентов, игравших важную роль в формировании того или иного направления земской деятельности, земские деятели (гласные земских собраний, председатель и члены земских управ) вырабатывали общую стратегию развития местного хозяйства, которая со временем могла заметно трансформироваться. Наиболее значительное изменение стратегии произошло на рубеже XIX — XX вв. под влиянием нового поколения земских гласных. Задавшись целью повысить результативность земской деятельности, они выступили с новой программой практических действий. Возник своеобразный конфликт «отцов и детей»: «староземцев» (земцев, выдвинувшихся в 1860 — 1880-е гг.) и «новоземцев» (молодых земцев). Земский деятель Казанской губернии Н. А. Мельников излагал суть разногласий между ними следующим образом. Представители старшего поколения были убеждены, что главными и первоочередными задачами земства являются забота о повышении грамотности населения и развитии здравоохранения. Поэтому на начальное школьное образование и медицину направлялась львиная доля земских ассигнований. Они полагали, что только грамотный и здоровый человек может развить ту «предприимчивость и самостоятельность, без которых не может быть и благосостояния». «Новоземцы» же считали необходимым сосредоточить основные усилия на том, «что стало бы *выгодным* для населения *немедленно*, от чего заметно улучшилось бы его благосостояние». Они предлагали реализовать ряд мероприятий экономического характера: устройство путей сообщения, организация кредита, открытие земледельческих и кустарных складов, распространение сельскохозяйственных и ремесленных знаний и т. п. В Казанском губернском земском собрании, по свидетельству Н. А. Мельникова, наиболее живой характер борьба между «староземцами» и «новоземцами» приобрела в конце XIX в. и продолжалась еще лет десять. Здесь противостояние между ними кто-то прозвал «войной алых и белых роз». «Белыми розами» называли «староземцев», а «алыми» — «новоземцев». В собрании были

также гласные, не принадлежавшие ни к одной из двух партий и голосовавшие независимо. Их прозвали «дикими». Н. А. Мельников являлся активным деятелем партии «алых роз». Единого лидера у них не было, их объединяли взгляды на общее направление земской деятельности⁴. В итоге победу в этом конфликте как в Казанской губернии, так и в земствах России вообще одержали молодые земцы.

Можно сказать, что между земскими деятелями и земскими интеллигентами сложились отношения, в которых взаимно дополнялись интересы земского дела, теоретически сформулированными земцами, и практическая целесообразность, диктуемая профессиональной компетенцией специалистов.

Несмотря на то, что в земской системе специалистам отводилась важная роль, их правовое положение было ненадежным. Любая жалоба, даже необоснованная, со стороны — от волостных старшин, членов уездных училищных советов, гласных земских собраний и других лиц, наделенных властными полномочиями, на непрофессионализм специалиста, игнорирование им своих обязанностей могла послужить поводом к увольнению служащего или к созданию такой нездоровой рабочей обстановки, что он увольнялся сам.

Наглядной иллюстрацией подобной ситуации может послужить история, случившаяся в 1876 г. в Яранском уезде с врачом Яранской земской больницы Н. Ф. Шнейдером. На заседании Яранского земского собрания, состоявшемся 9 октября 1876 г., представитель ведомства государственных имуществ Валленбургер обвинил врача в неокказании медицинской помощи больным, «отчего больные преждевременно и помирали»⁵. Ряд гласных отметили, что по народной молве известно, «что врач этот тяжел для простого и небогатого народа»⁶. Один из них утверждал, что ему достоверно известны факты, «где случаи смерти родственники относили к тому, что врач не подал просимой помощи»⁷, сведения о которых он передал на рассмотрение собранию. На собрании было решено подвергнуть закрытой баллотировке вопрос о возможности врачу оставаться на земской службе. Однако явившийся на собрание Н. Ф. Шнейдер заявил о добровольном уходе с земской службы⁸.

Голословное обвинение Н. Ф. Шнейдера без проверки представленных сведений и последовавшее затем его увольнение вызвали возмущение врача Царевосанчурской земской больницы Яранского уезда А. И. Шулятикова. Он писал в земское собрание: «Случаи жалоб на неаккуратное исполнение врачами своих обязанностей уже не новы: так на третьем годе были две жалобы на меня, а в прошлом годе на г. Шульц (один из земских врачей Яранского уезда. — А. А.). Да невозможно и представить себе того, чтобы все обращавшиеся к врачу оставались довольны, так как количество больных на каждого врача приходится от 15 до 25 тысяч в год, кроме того, врач имеет занятия дома, для того чтобы оставаться на своевременном уровне медицинских сведений, а не превращаться в какую-то машину, бегающую и прописывающую рецепты. Поэтому и совершенно понятно отношение предыдущих земских собраний к этим жалобам и постановление земского собрания 10 октября 1876 года, когда оно вследствие жалобы на врача Шульц, постановило, чтобы все жалобы на неисправное исполнение врачами своих обязанностей сначала поступали в управу для дознания, а затем в медицинский совет для заключения, с которым уже и вносилось бы в земское собрание. Ныне же земское собрание, не входя в разбор выставленных г. Валленбургер фактов, и несмотря на то, что г. Шнейдер для выяснения справедливости просил уже не дознания управы, а передачи этого дела судебному разбирательству,

зная, что Яранское земство многим обязано врачу Шнейдер, в том, что земская медицина в уезде устроена так хорошо, как она стоит только в немногих уездах Вятской губернии, — несмотря на все это, по предложению председателя собрания, земское собрание уволило врача Шнейдер. Все сказанное приводит меня только к одному выводу, что служба земского врача в Яранском земстве, несмотря на все постановления земских собраний, не представляет ни малейшей гарантии в прочности положения врача. А вследствие этого, не желая подвергать себя моментальному увольнению, я честь имею заявить земскому собранию, что я отказываюсь от земской службы и, по прошествии 2 или 3 месяцев, оставляю свое место»⁹.

Дело о действиях врача Н. Ф. Шнейдера было передано вятским губернатором на рассмотрение Вятского врачебного отделения. Именно от него зависело решение о предании врача судебной ответственности. Однако следствие по этому делу состоялось лишь по прошествии более чем трех лет в январе 1880 г. Медицинский совет Министерства внутренних дел, рассмотрев результаты следствия и все обстоятельства дела, пришел к выводу, что обвинения, предъявляемые Н. Ф. Шнейдеру, безосновательны, что «не только не может быть речи о предании последнего суду, но, напротив, общая молва об этом враче, любовь и признательность, приобретенные им от жителей как Яранска, так и Кукарки (здесь он работал до перевода в Яранск. — А. А.), свидетельствуют самым красноречивым образом о том, что врач Шнейдер заслужил вполне неоднократно ему выраженную Яранским земством во время прошедшей его 4-летней службы в этом уезде благодарность»¹⁰.

Анализ правового и общественного положения различных профессиональных групп земской интеллигенции с очевидностью указывает на то, что наиболее тяжелым оно было у учителей. Преподаватели земских училищ не состояли на государственной службе. Они не имели права заключать какие-либо договоры с учреждениями, в начальных учебных заведениях которых они служили. Наиболее четко с юридической точки зрения в законах и подзаконных актах был отрегулирован порядок их назначения, перемещения и увольнения со службы: «Кандидаты на учительские должности избираются, прежде всего, учреждениями или лицами, содержащими училища, и только за недостатком таких кандидатов инспектора народных училищ могут сами избирать учителей и учительниц с тем, однако же, чтобы на их избрание последовало согласие содержателей училищ. С другой стороны, кандидаты, избранные учреждениями или частными лицами, содержащими училища, могут приступать к исполнению учительских обязанностей не иначе, как с согласия инспектора. Утверждение в должности принадлежит уездному училищному совету, и ему же приносятся жалобы на инспектора народных училищ в случае недопущения к исполнению учительских обязанностей. Перемещение и увольнение учащихся начальных школ предоставлено также только уездному училищному совету по представлениям инспекторов или же лиц и учреждений, содержащих училища. Действия уездного училищного совета могут быть обжалованы губернскому училищному совету»¹¹.

Следует иметь в виду, что в училищных советах заседали лица, либо обремененные кроме надзора за образованием другими обязанностями (исправник), либо лица, осуществляющие непосредственный контроль над училищами на местах (директор и инспектор народных училищ). На это обстоятельство особое внимание обращает Уржумская уездная земская управа в докладе по народному образованию земскому

собранию в 1905 г. «В случае разногласия относительно увольнения, — сообщается в докладе, — на котором настаивает инспектор, хотя бы училищный совет и решил дело в пользу учителя, инспектор всегда может сделать службу для него под своим ведением совершенно невыносимой. Учитель бессилен и бесправен; никаких определенных ограждений на случай перемещения и увольнения он в законе не имеет, взгляды на этот предмет членов училищных советов могут быть различны и своеобразны, создается служебное положение чрезвычайно непрочное»¹².

Надзор за учителем со стороны начальства был довольно назойливым. Он был подведомствен дирекции и инспекции народных училищ, земству, училищному совету и его членам, сельским властям. За его работой и даже частной жизнью наблюдали местный священник и крестьяне. Уржумская уездная земская управа особо отмечала: «Положение [учителя] еще более отягощается, если общество несет какие-либо расходы по содержанию школы (поставку квартиры, дров, сторожа и т. п.). Унижение и бессилие учащего в таких случаях пред каждой сельской властью не имеют меры»¹³.

Любой самый незначительный проступок учителя, даже не имевший отношения к профессиональной деятельности, мог стать поводом к увольнению со службы. Яркой иллюстрацией служит случай с преподавателем Больше-Чигашевского земского училища Царевококшайского уезда В. Д. Васильевым, едва не стоивший ему права занимать должность учителя. 30 июля 1908 г., находясь в Казани, он присутствовал на представлении оперетты «Веселая вдова» в саду «Эрмитаж». Перед началом представления три раза был сыгран российский государственный гимн, при пении которого полагалось обнажать голову. Если при первом исполнении гимна учитель стоял, сняв фуражку, то при двух других он уже был в головном уборе. Это заметил находившийся в наряде околоточный надзиратель. Правонарушителя задержали до выяснения личности и составили протокол, в котором излагался его проступок. Весть об этом происшествии дошла до инспектора народных училищ Царевококшайского уезда, и В. Д. Васильев был отстранен от должности учителя. Пытаясь восстановиться в должности, бывший преподаватель в течение года не раз безуспешно обращался к казанскому губернатору, выражая сожаление по поводу произошедшего инцидента и называя его непредумышленным. В частности, он писал: «Мое поведение в саду „Эрмитаж“ было вызвано не желанием демонстративно выразить непочтение к Государю Императору, а моей неподготовленностью к участию при исполнении гимна в обстановке открытого театра. ... Утомленность от впечатлений казанской жизни и целодневной ходьбы по городу, к тому же накануне страдал от боли зубов, которые лечил в лечебнице Балоновой и Левинсон, и угнетенность от одиночества среди незнакомой мне публики вызвали такое душевное настроение, при котором я не мог отдавать себе ясного отчета в своем поведении. На основании вышеизложенного имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство, не найдете ли возможным простить мне мою вину и дать разрешение на продолжение учительского труда, к которому я готовился и которым занимался в течение шести годов. Надеюсь, что моя учительская деятельность покажет, что я занят не разрушением веры народа в Царя, а посильным поддержанием ее, так как я убежден, что Царем держится право и порядок, необходимые для того, чтобы Россия шла вперед по пути просвещения»¹⁴. Однако губернатор остался глух к прошениям В. Д. Васильева. Только ходатайство за него со стороны ди-

ректора народных училищ Казанской губернии позволило бывшему учителю вернуться к педагогической деятельности¹⁵.

Наиболее навязчивым был надзор за учительницами. Если учитель мог вступить в брак, испросив предварительно разрешение инспектора народных училищ, то учительница в большинстве случаев после вступления в брак увольнялась со службы. Неблагополучная обстановка в этом отношении, например, сложилась в Яранском уезде. Введенное уездным училищным советом правило об увольнении со службы учительниц, вступивших в брак, стало для них полной неожиданностью, и когда их согласно решению совета увольняли, это вызывало со стороны учительниц вполне понятное возмущение. Попытки искать защиты и справедливости у непосредственного работодателя — земства — были тщетными. Например, земская преподавательница Яранского уезда С. Лобовикова, ходатайствуя о восстановлении в должности учительницы, писала Яранскому уездному земскому собранию в 1890 г.: «...Выход мой в замужество, по моему мнению, не есть законное основание, чтобы устранить меня от должности, так как известно, что увольняют от должности за нерадение, а не из-за более или менее обеспеченного состояния; но брак мой не составляет препятствия к должному исполнению дела служения. О радении же моем к службе говорит награда, полученная мною от земства. ...Сим имею честь покорнейше просить земское собрание... пояснить мне, на каком законном основании училищный совет сделал свое постановление: увольнять замужних от должности (этот вопрос интересует не меня одну)»¹⁶. Ходатайство С. Лобовиковой было отклонено по той причине, что «остаётся в силе постановление училищного совета, по которому вышедшие в замужество преподавательницы не могут оставаться в этих должностях»¹⁷. Вопрос же С. Лобовиковой о законности принятого училищным советом постановления об увольнении замужних учительниц земство оставило без ответа.

Следует отметить, что вопрос о замужних учительницах возникал на заседаниях уездных училищных советов и в начале XX в. Причем решение по нему обычно ставило под сомнение дальнейшую службу преподавательниц. Например, в сентябре 1910 г. на заседании Козьмодемьянского уездного училищного совета председатель уездной земской управы В. В. Образцов сделал доклад «о неудобстве для педагогического дела замужних учительниц». По его мнению, их «могут отвлекать и отвлекают от исполнения обязанностей в школе семейные хлопоты и обязанности». Он предлагал отдавать предпочтение при назначении на учительские вакансии незамужним женщинам и неженатым мужчинам. Совет поддержал докладчика и просил инспектора народных училищ обратить внимание на добросовестность занятий замужних учительниц¹⁸.

Представления того времени о нравственности и женских добродетелях заставляли учительниц вести себя осторожно, постоянно оценивать свои поступки с точки зрения общественного мнения, чураться контактов с коллегами и лицами противоположного пола, так как они могли быть расценены как предосудительные. Вероятно, все это сильно давило на психику и сознание педагогов. Земский учитель Московской губернии С. Константинов вспоминал знакомую учительницу, просившую «не навещать ее, не желая подвергать серьезному риску свою репутацию». Хотя они симпатизировали друг другу, живо интересовались школьным делом, но могли о нем говорить только при редких встречах у общих знакомых, хотя их школы находились всего в двух верстах. «Таким образом, — заключал С. Константинов, — учительни-

це, которая дорожит своей репутацией „честной барышни“, волей-неволей приходится отказываться от общества деревенских интеллигентов-холостяков — учителей, фельдшеров, писарей, дьячков и т. д.»¹⁹. Эмансипированных учительниц, с независимым характером и суждениями, в деревне ждали сплетни местных жителей и доносы начальству. В итоге, как правило, следовало их увольнение со службы с формулировкой «за непристойное поведение».

Очевидно, что земские интеллигенты, не обладая никакими властными полномочиями, в отличие от государственных чиновников и земских деятелей, оказывали заметное влияние на земства в рамках своей компетенции. Земства, определяя общую стратегию развития местного хозяйства, были заинтересованы в получении практических советов и предложений профессионалов, что положительно сказывалось при реализации теоретических построений на деле. Сложился своеобразный тандем между земскими специалистами и земскими деятелями, основанный на общем стремлении улучшить жизнь местного населения в узком смысле, а в широком — всех россиян как в экономическом, так и культурном плане. Плодотворность такого союза подтверждается успехами земских учреждений, достигнутыми ими в различных сферах, где были задействованы специалисты. При этом правовое положение земского интеллигента в земской системе было непрочным. Случалось, что на профессионалов угнетающе действовал довольно плотный, а иногда мелочный надзор за ними со стороны разных лиц, облеченных властью. Особенно тяжелым было правовое и общественное положение преподавателей, прежде всего земских учительниц.

Библиографические ссылки

¹ Реформы Александра II. М., 1998. С. 221.

² **Иорданский Н.** Новые материалы для характеристики современного земства // Образование. 1904. № 8. Отдел III. С. 19 — 20.

³ **Брюхатов Л. Д.** Значение «третьего элемента» в жизни земства // Юбилейный земский сборник. 1864 — 1914. СПб., 1914. С. 187.

⁴ См.: **Мельников Н. А.** 19 лет на земской службе. Йошкар-Ола, 2008. С. 33 — 36.

⁵ Журналы Яранского уездного земского собрания X очередной сессии (1 — 13 октября 1876 года) и доклады уездной управы за 1876 год. Вятка, 1877. С. 298.

⁶ Там же. С. 303.

⁷ Там же.

⁸ Там же. С. 304.

⁹ Там же. С. 498 — 499.

¹⁰ Журналы Яранского уездного земского собрания XIV очередной сессии (с 7 по 17 октября 1880 г. и чрезвычайной сессии 13 и 14 июня 1881 г.) с докладами управы и другими приложениями и денежный отчет за 1879 год со сметой и раскладкою уездного земского сбора на 1881 год. Вятка, 1881. С. 13.

¹¹ Журналы Уржумского уездного земского собрания XXXIX очередной сессии и экстренных сессий 9 и 10 февраля и 7 мая 1905 года. С приложениями. Вятка, 1906. С. 78, 79.

¹² Там же. С. 79.

¹³ Там же. С. 79, 80.

¹⁴ НА РТ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 3656. Л. 13 об., 14.

¹⁵ Там же. Л. 18 — 19.

¹⁶ Журналы Яранского уездного земского собрания XXIV очередной сессии (5 — 12 октября 1890 г.) с докладами уездной управы и другими приложениями. Вятка, 1891. С. 111 — 112.

¹⁷ Там же. С. 112.

¹⁸ ГА РМЭ. Ф. 49. Оп. 1. Д. 1417. Л. 86.

¹⁹ **Константинов С.** Два года в земской школе // Записки очевидца : воспоминания, дневники. М., 1991. С. 417 — 418.

Поступила 11.04.2018 г.

УДК 908(470.343)

А. Г. Иванов, А. А. Филонов

A. G. Ivanov, A. A. Filonov

МАТЕРИАЛЫ ЛЕСОУСТРОИТЕЛЬНЫХ ОТЧЕТОВ КАК ИСТОЧНИК ПО ИЗУЧЕНИЮ ЛЕСНОГО ХОЗЯЙСТВА МАРИЙСКОГО КРАЯ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX — НАЧАЛА XX В.*

MATERIALS OF FOREST MANAGEMENT REPORTS AS A SOURCE FOR THE STUDY OF FORESTRY IN THE MARI REGION IN THE SECOND HALF OF THE XIX — THE EARLY XX CENTURY

Ключевые слова: лесное хозяйство, лесоустройство, лесоустроительный отчет, марийский край, лесная дача, лесосека, оборот рубки, лесовосстановление.

В статье на основе архивных материалов и научной литературы анализируются специфика и информационный потенциал лесоустроительных отчетов как одного из важнейших письменных источников по изучению истории лесного хозяйства марийского края второй половины XIX — начала XX в.

Key words: forestry, forest management, forest management report, the Ma-ri region, forest area, logging area, logging turnover, reforestation.

The specifics and information potential of forest management reports as one of the most important written sources for the study of the history of forestry in the Mari region in the second half of the XIX — the early XX century are analyzed in the article on the basis of archival materials and scientific literature.

Для России и ее регионов, в том числе марийского края, лес истари являлся важнейшим компонентом природной среды. И сегодня лесные массивы — одно из главных природных богатств Республики Марий Эл. Занимая более половины ее территории, лесное хозяйство оказывает значительное влияние на ее социально-экономическое развитие. В связи с этим изучение исторического опыта организации, состояния и развития лесного хозяйства имеет важное теоретическое и практическое значение.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-39-00014 мол_а «Лесное хозяйство Марийского края в письменных источниках второй половины XIX — начала XX веков».

Из разнообразных письменных источников по исследованию лесохозяйственной проблематики особую ценность представляют материалы лесостроительных отчетов, где содержится разносторонняя информация о лесных массивах, дается описание лесонасаждений, характеризуются условия их произрастания (почва, климат, рельеф), пути транспортировки леса и лесоматериалов, а также устанавливается перспективный план развития лесного хозяйства на предстоящий период. Такие отчеты составлялись в ходе проведения лесостроительных работ чинами Корпуса лесничих, межевщиками, топографами и другими специалистами в области лесного дела. Иными словами, лесостроительство предполагало разработку системы государственных мероприятий, направленных на увеличение продуктивности лесов, воспроизводство, охрану и защиту лесных ресурсов, повышение культуры ведения лесного хозяйства¹.

К настоящему времени сохранилось около 50 лесостроительных отчетов по отдельным казенным, удельным и частновладельческим лесным дачам марийского края. Они отложились в фонде лесничеств Царевококшайского, Чебоксарского, Козьмодемьянского, Ядринского уездов Казанской губернии, Васильсурского уезда Нижегородской губернии, Уржумского уезда Вятской губернии (ф. 154) ГА РМЭ, Коллекции картографических, топографических документов (ф. 206) ГИА ЧР, фонде Казанского Управления земледелия и государственных имуществ (ф. 91) НА РТ, фонде Управления земледелия и государственных имуществ Нижегородской губернии (ф. 55) ЦАНО.

В структурном отношении лесостроительные отчеты конца XIX — начала XX в., как правило, состояли из пяти глав. В первой из них «Внешние условия лесного хозяйства» указывались название лесной дачи, ставшей объектом лесостроительства, ее площадь в десятинах, а также название лесничества, волости, уезда и губернии, на территории которых располагалась описываемая лесная дача. Характеризовались местные рынки сбыта лесоматериалов, описывались экономические условия территории, на которой размещалась дача, обширность района, его населенность, лесистость, наличие здесь промышленных предприятий, отдаленные рынки сбыта заготавливаемой древесины, а также ассортимент отправляемых лесоматериалов.

Так, в лесостроительном отчете 1913 г. по Звениговской и Илетской дачам Звениговского лесничества отмечалось, что они находились в северо-восточной части Чебоксарского уезда Казанской губернии. Общая площадь Звениговской дачи составляла 13 690 десятин, Илетской — 11 500 десятин². Звениговская лесная дача занимала выгодное в географическом отношении положение: на юго-востоке и юго-западе ее протекала Волга, с другой стороны располагалось густонаселенное малолесное Заволжье. Местным рынком сбыта леса для Звениговской дачи являлись населенные пункты Помъяльской, Помарской, Покровской, Никольской и Богородской волостей Чебоксарского уезда. Площадь этого района определялась примерно в 657 квадратных верст с населением в 53 193 чел. Из промышленных предприятий здесь действовали лесопильный завод и ремонтные паровозные мастерские, которые имели малое значение для лесного хозяйства, так как перерабатываемый ими лес и лесоматериалы приобретались на Козьмодемьянской лесной ярмарке. Проживавшее в пределах указанных волостей население заготавливало в Звениговской даче преимущественно сухостойный и валежный лес.

Илетская дача по территориальному положению находилась в менее благоприятных условиях. На севере она граничила с обширными лесными массивами Царево-

кокшайского уезда. На востоке на всем ее протяжении протекала сплавная река Илеть и только на северо-западе и юге она примыкала к крестьянским селениям. Обширность местного района достигала 45 квадратных верст с населением в 1 390 чел. в южной части и в 1 716 чел. в северо-западной и северной частях. Слабая населенность и отсутствие здесь промышленных предприятий обуславливали незначительный сбыт леса на местный рынок.

Наибольшее значение для лесного хозяйства Звениговской и Илетской дач имели отдаленные рынки сбыта — поволжские города Казань, Царицын и Астрахань, куда сплавливались строевой, поделочный и топливный лес. Разрабатываемая в дачах дубовая клепка транспортировалась через Астрахань во Францию. Из лесоматериалов, отправляемых на дальние рынки, в дачах заготавливались сосновые и еловые бревна, брусья, телеграфные столбы, подтоварник, шпалы, дрова и французская дубовая клепка. Главными лесопоккупателями в Звениговской и Илетской дачах были мелкие промышленники из крестьян, которые приобретали лес на сумму от 200 до 3 000 руб. и перепродавали его на лесных пристанях крупным лесопромышленникам. Последние сплавливали эти материалы на отдаленные рынки по Волге и Илети³.

Во второй главе лесоустроительного отчета «Внутренние условия лесного хозяйства в даче» раскрывалось распределение ее пространства на лесную площадь, угодья и неудобную территорию, указывалась структура лесной площади в зависимости от преобладания на ней тех или иных древесных пород, подробно описывался произраставший в даче лес.

Так, в 1873 г. в лесоустроительном отчете на Нужьяльско-Керебелякскую казенную дачу 3-го Царевококшайского лесничества отмечалось, что в даче состоят 2 хозяйственные части — северная и юго-восточная. Площадь первой из них составляет 50 164,27 десятины, из которой насаждения с преобладанием сосны занимают 33 763,31 десятины (67,3 %); ели — 15 310,88 (30,5); дуба — 37,89 (0,1); других лиственных пород деревьев — 1 052,19 десятины (2,1 %). В юго-восточной хозяйственной части насчитывалось 20 126,22 десятины лесонасажденной площади, в том числе с преобладанием сосны — 10 405,58 десятины (51,7 %); ели — 8 002,38 (39,8), дуба — 428,88 (2,1); других лиственных древесных пород — 1 289,38 десятины (6,4 %). Следовательно, 63 % лесной площади Нужьяльско-Керебелякской дачи занимала сосна. Она произрастала преимущественно на песчаной и супесчаной почве. Наибольшая площадь сосновых насаждений принадлежала к «спелому» возрасту около 80 — 120 лет. В них нередко попадались и единичные «толстомерные» деревья в возрасте до 250 лет. Рост сосны в даче был в целом успешный, а древесина отличалась достаточно высоким качеством. Еловые насаждения, главным образом, располагались в восточной части дачи на суглинистой почве. Нередко в качестве примеси здесь выступали дуб, сосна, береза, осина, липа, ильм и клен. Преобладающий возраст еловых деревьев в даче составлял 90 — 100 лет. Дубовые насаждения располагались преимущественно на поемных местах по реке Илети на суглинистой почве. Возраст дубовых деревьев — 80 — 100 лет. Рост дуба на поемных участках был неудовлетворительным. Деревья здесь «сильно разрастались в сучьях» и использовались преимущественно как топливный материал⁴.

В третьей главе лесоустроительного отчета анализировалось «Прежнее хозяйство в даче». Здесь указывались размер и способы применявшихся рубок леса, а также полученный от этого доход за предшествовавший составлению отчета период. Рас-

крывались результаты естественного возобновления вырубок, принимавшиеся меры по содействию этому процессу. Уделялось внимание и характеристике искусственного лесовосстановления, способов производства «культур», их эффективности и стоимости.

Отмеченные выше сюжеты конкретизируются материалами лесоустроительного отчета, составленного в 1912 г. на Юринскую частновладельческую лесную дачу, принадлежавшую дворянину П. В. Шереметеву и располагавшуюся в Васильсурском уезде Нижегородской губернии. В отчете характеризуется ведение лесного хозяйства в даче за предшествовавшие 20 лет, т. е. с момента ее последнего устройства в 1891 — 1892 гг. и до проведения очередных лесоустроительных работ в 1912 г. В этот период здесь существовали два вида хозяйства — для хвойных пород деревьев с оборотом рубки в 100 лет и для лиственных древесных пород с оборотом рубки в 50 лет. В даче велась сплошная рубка леса: в хвойных насаждениях черезполосная лесосека шириной до 60 саженей, в лиственных — прилегающими полосами до 100 саженей в ширину. Всего за 20 лет в Юринской даче было вырублено в хозяйстве с преобладанием хвойных насаждений 3 730,01 десятины и в хозяйстве для лиственных древесных пород — 574,86 десятины. Объем заготовленного леса не вышел за пределы сметного назначения, причем хвойных участков было вырублено за 20 лет меньше на 474,79 десятины, а лиственных — на 1 018,14 десятины по сравнению с назначенными к вырубке по плану хозяйства величинами⁵.

При малоуспешном естественном возобновлении на вырубках хвойных пород деревьев в Юринской частновладельческой даче оставляли сосновые семенники и проводили взрыхление почвы с последующим посевом хвойных семян и посадкой сосновых саженцев. Делалось это преимущественно на сухих песчаных почвах⁶. Искусственное лесовосстановление проводилось в даче с 1901 г., причем закультивированная площадь за 1901 — 1905, 1910, 1912 — 1913 гг. составляла 543,66 десятины с денежным расходом на проведение этих работ в 9 459 руб. 88 коп. В остальные годы площадь «культур» не регистрировалась, а сумма расхода выразилась в 4 217 руб. 96 коп. Искусственное лесовосстановление осуществлялось, как правило, осенью или весной путем посадки 2-летних саженцев и посева семян на вырубках в проведенные борозды. В целом, состояние посадок оставляло желать лучшего, хотя на некоторых площадях саженцы приживались хорошо. Невысокая эффективность проведенных лесокультурных работ объяснялась не всегда правильным их исполнением и неблагоприятными почвенными условиями⁷.

Что касается доходности лесного хозяйства в Юринской частновладельческой даче, то в отчете подчеркивалось, что за 1908 — 1913 гг. в среднем в кассу ежегодно поступало 310 653 руб. 66 коп., в том числе 298 535 руб. 45 коп. (96,1 %) от продажи леса. Средний годовой расход за этот период на ведение лесного хозяйства и защиту лесных ресурсов составил 101 755 руб. 69 коп. Таким образом, чистый ежегодный доход в Юринской даче за 1908 — 1913 гг. выражался суммой 208 897 руб. 97 коп.⁸

В четвертой главе лесоустроительного отчета «Общий план хозяйства» указывались протяженность границ лесной дачи, разделение ее на кварталы и участки, их средняя площадь. В этой главе также определялись оборот и способ рубки для произрастающих в даче древесных пород и распределение лесонасаждений по очередям рубки.

Лесоустроительный отчет, составленный в 1913 г. на Сидельниковскую дачу Сидельниковского лесничества Чебоксарского уезда Казанской губернии, позволяет проследить эти аспекты. Здесь упомянуто, что общая протяженность границ дачи — 82 версты. Существовавшие до лесоустройства 1913 г. четырехверстные кварталы были разбиты на более мелкие двухверстные. В итоге дача оказалась разделена на 129 кварталов путем прорубки новых квартальных просек в направлении с севера на юг. Средняя площадь квартала составляла 213,41 десятины. Исходя из состояния произраставшего в даче леса, почвенных, климатических и других условий и обстоятельств для таких древесных пород, как сосна, ель и дуб, при лесоустройстве был назначен 140-летний оборот рубки, а для лиственных пород деревьев, кроме дуба, — 70-летний. Рубку леса планировалось вести в направлении с востока на запад. В сосновых насаждениях она назначалась кулисная с семилетним сроком примыкания при ширине лесосек в 25 саженой, а в еловых участках, ввиду опасности ветровала, — с непосредственным примыканием при той же ширине вырубаемых лесосек. Лиственные породы деревьев в даче назначалось заготавливать лесосеками 50-саженной ширины. Главное внимание при включении кварталов в ту или иную очередь рубки уделялось возрасту и состоянию произраставших в них насаждений⁹.

В пятой главе лесоустроительного отчета «Частный план хозяйства» размещались материалы о планируемом развитии хозяйства в той или иной лесной даче на предстоящий период. Приводились данные об установленной величине ежегодного главного пользования лесными ресурсами; способах, приемах и условиях естественного возобновления и искусственного лесовосстановления назначенных в рубку лесосек. Помимо главного пользования в этой главе, как правило, назначались промежуточные рубки леса, а именно прореживания, прочистки, проходные рубки с указанием их площади. Обращалось внимание и на необходимость проведения лесных работ, а также на разрешаемые местному населению побочные пользования в казенном лесу. Отдельно говорилось об организации управления и защиты лесных ресурсов в даче с указанием числа объездчиков и лесников, средней площади объезда и обхода, размера вознаграждения лесной стражи и общего расхода на охранение дачи. Высчитывалась и планируемая доходность лесного хозяйства в даче на предстоящий ревизионный период.

В лесоустроительном отчете 1890 — 1891 гг. по Карачуринской сборной даче 2-го Козьмодемьянского лесничества отмечалось, что на будущее время здесь назначалось вести высокоствольное хозяйство при лесосечной системе рубок и ширине вырубаемых лесосек не более 40 саженой. Для главного пользования в даче на предстоящее десятилетие была отведена площадь в 130,82 десятины. При этом для разработки отводились лесосеки только в 7 из 19 кварталов, а именно в кварталах 2, 7, 9, 11, 12, 16 и 18. Места рубок назначались в соответствии с состоянием, положением и возрастом лесонасаждений. Кроме разработки леса путем сплошной лесосечной рубки в даче предполагалось заготавливать орешник, произрастающий в виде подлеска под пологом дубовых насаждений, с принятием для этого 20-летнего оборота рубки. При этом для ежегодной выборочной рубки орешника отводилась площадь в 87,08 десятины. Прочисток, прореживаний и проходных рубок в даче на предстоящее десятилетие при лесоустройстве назначено не было. Для повышения эффективности естественного возобновления вырубок их планировалось передавать во временное сельскохозяйственное пользование на 3 — 4 года, заключавшееся в расчистке

участка от кустарника, распашке и посеве здесь зерновых культур. В случае низкой эффективности естественного возобновления вырубок назначалось искусственное лесовосстановление (посадка дубовых желудей рядами на расстоянии один от другого в 2 аршина). При предоставлении права окрестному населению проводить побочные пользования в казенном лесу особо подчеркивалось, что сбор желудей и пастьбу скота запрещалось осуществлять на вырубках, чем мог быть нанесен вред лесовозобновлению. Пастьба крупного рогатого скота разрешалась только в строго отведенных участках (кварталы 4, 6, 8, 13 — 15) при условии контроля за этим взрослых пастухов и огораживания всех вырубленных площадей в кварталах 6 и 14¹⁰.

Из лесных работ на предстоящее десятилетие назначалось расширение до 2 саженой прорубленных во время проведения лесоустроительных работ квартальных просек на протяжении 8 верст¹¹. Защиту леса в Карачуринской сборной даче осуществляли 1 объездчик и 8 лесников, которые получали ежемесячное денежное жалование в общей сложности в сумме 1 010 руб., а также «квартирные деньги», но только в том случае, если они проживали за пределами охраняемой лесной дачи и вынуждены были арендовать жилье в окрестных селениях. Кроме того, объездчику и лесникам предоставлялись в пользование служебные земельные наделы. При лесоустройстве 1890 — 1891 гг. отмечалось, что для повышения эффективности защиты лесных ресурсов, необходимо добавить к имевшемуся составу лесной стражи еще 2 лесников¹². Ожидался средний валовой доход десятилетие в сумме 60 365 руб., в том числе от продажи леса 49 888 руб. (82,6 %), от оброчных статей — 6 010 (9,9), за право пользования служебными землями — 3 667 (6,1) и от побочных пользований — 800 руб. (1,4 %). Расходы за этот же период должны были составить 14 145 руб., из которых 4 123 руб. (29,1 %) на содержание лесничего и его помощника, а 10 022 руб. (70,9 %) — на содержание лесной стражи. Таким образом, от Карачуринской сборной дачи 2-го Козьмодемьянского лесничества предполагался чистый доход за 1891 — 1900 гг. в 46 220 руб.¹³

К лесоустроительному отчету, как правило, прилагалось таксационное описание лесной дачи. В нем характеризовались состояние произраставшего леса по кварталам и участкам с указанием занимаемой ими площади, их положение, почвенные условия, покров и др. Обращалось внимание на возраст леса в каждом из участков дачи, его оборот рубки, указывались средняя высота деревьев (в аршинах), средний диаметр (в вершках) и древесный запас (в таксационных саженьях)¹⁴.

В целом, материалы лесоустроительных отчетов являются ценным письменным источником по истории лесного хозяйства марийского края второй половины XIX — начала XX в., дающим общее представление о развитии здесь лесной отрасли экономики, состоянии произраставших лесных массивов, их использовании, проведении лесных работ, эффективности лесовозобновления, ассортименте и условиях сбыта лесоматериалов.

Библиографические ссылки

¹ См.: Лесная энциклопедия / под ред. Г. И. Воробьева. М., 1985. Т. 1. С. 551.

² ГА РМЭ. Ф. 154. Оп. 1. Д. 158. Л. 14 ; **Филонов А. А.** Очерки по истории лесного хозяйства Марийского края второй половины XIX — начала XX веков : моногр. Йошкар-Ола, 2014. С. 53.

³ ГА РМЭ. Ф. 154. Оп. 1. Д. 158. Л. 14 об. — 15 ; **Филонов А. А.** Указ. соч. С. 183 — 184.

⁴ НА РТ. Ф. 91. Оп. 6. Д. 104. Л. 18 об. — 19 ; **Филонов А. А.** Указ. соч. С. 62 — 63.

⁵ См.: **Иванов А. Г., Филонов А. А.** Лесное хозяйство в Юринском имении дворян Шереметевых в Васильсурском уезде Нижегородской губернии во второй половине XIX — начале XX в. // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2015. № 4 (36). С. 39 — 40.

⁶ ЦАНО. Ф. 55. Оп. 209. Д. 169. Л. 71.

⁷ ЦАНО. Ф. 55. Оп. 209. Д. 169. Л. 79 об. ; **Иванов А. Г., Филонов А. А.** Указ. соч. С. 41.

⁸ См.: **Филонов А. А.** Указ. соч. С. 140.

⁹ ГИА ЧР. Ф. 206. Оп. 53. Д. 15. Л. 41 — 41 об., 48 — 52.

¹⁰ Там же. Д. 22. Л. 99 — 102 об., 103 об. — 106, 116 об. — 118 об., 119 об., 122 — 123, 125 об. — 126 об.

¹¹ Там же. Л. 128 — 128 об.

¹² Там же. Л. 130 об. — 132.

¹³ Там же. Л. 134 — 135.

¹⁴ См.: Инструкция для устройства, ревизии лесоустройства и исследования казенных лесов ведомства Главного управления землеустройства и земледелия по Лесному Департаменту. СПб., 1911. С. 26 — 31.

Поступила 05.04.2018 г.

УДК 930:7.011.26

А. Ю. Яковлева

A. Yu. Yakovleva

ФОРМИРОВАНИЕ АКАДЕМИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ В МОРДОВСКОМ ИНСТРУМЕНТАЛЬНОМ ИСКУССТВЕ НА РУБЕЖЕ XIX — XXI вв.: БИБЛИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ

FORMATION OF THE ACADEMIC TRADITION IN THE MORDOVIAN INSTRUMENTAL ART AT THE TURN OF THE XIX — THE XXI CENTURIES: BIBLIOGRAPHY OF THE PROBLEM

Ключевые слова: коллективное исполнительство, народные музыкальные инструменты, музицирование, оркестровое народно-инструментальное искусство, Л. И. Войнов, национальное инструментоведение.

В статье анализируются библиографические ресурсы, в том числе архивные материалы по проблеме национального инструментоведения и коллективного исполнительства на народных музыкальных инструментах; дается оценка степени ее научно-теоретической изученности и работанности в рамках становления академической традиции в оркестровом народно-инструментальном искусстве Мордовии XIX — XXI вв.

Key words: collective performance, folk musical instruments, music making, orchestral folk instrumental art, L. I. Voinov, national instrumentology.

The article deals with bibliographic resources, including archival materials on the problem of national instrumentology and collective playing folk musical instruments, an assessment of the degree of its scientific and theoretical study and development from the point of view of the formation of the academic tradition in the orchestral folk instrumental art of Mordovia in the XIX — the XXI centuries is given in it as well.

Исполнительство на народных музыкальных инструментах на протяжении многих десятилетий выступает неотъемлемой составной частью культуры российского общества, играя важную роль в его жизни. Анализ источников по проблеме, изучение научно-педагогического и исполнительского опыта мировой музыкальной культуры доказали, что только в России была широко распространена подобная форма музицирования. Эволюции многонациональной культуры народов способствовало создание многочисленных коллективов исполнителей на народных инструментах, добившихся значительных профессиональных результатов и признания слушателей как в России, так и за ее пределами: Государственного академического русского оркестра им. В. В. Андреева, Национального академического оркестра народных инструментов России им. Н. П. Осипова, Академического оркестра русских народных инструментов ВГТРК, Оркестра русских народных инструментов Новосибирского радио и телевидения и др. В конце XX в. уверенно заявили о себе Государственный оркестр народных инструментов Республики Татарстан, Нижегородский русский народный оркестр, Уральский государственный оркестр народных инструментов «Звезды Урала» и др. Данный процесс актуализировал изучение коллективного исполнительства на народных инструментах в контексте становления академической традиции в музыкальном искусстве Мордовии от XIX к XXI в.

Следует отметить, что библиографические ресурсы на сегодня представлены незначительным количеством работ по проблемам генезиса академизации в оркестровом народно-инструментальном искусстве. Отсутствуют труды, раскрывающие особенности формирования такого уникального и известного во всем мире коллектива, как Национальный академический оркестр народных инструментов России им. Н. П. Осипова. Вместе с тем более чем вековая практика его организации, накопленная в культурных центрах страны, архивные источники и опубликованные научно-педагогические изыскания в этой области требуют систематизированного обобщения и тщательного изучения для осмысления основных этапов развития оркестрового исполнительства.

Как считает М. И. Имханицкий, широкомасштабная творческая деятельность В. В. Андреева и его сподвижников (П. П. Каркин, С. И. Налимов, В. Т. Насонов, Ф. А. Ниман, Ф. С. Пасербский, Н. И. Привалов, Н. П. Фомин и др.) по реконструкции струнно-щипковых народных инструментов и созданию Великорусского оркестра оказала колоссальное влияние на становление и распространение академической традиции по всей стране¹. Это имело, по мнению ученого, основополагающее значение в создании В. В. Андреевым новой культуры, оркестрового исполнительства на русских народных инструментах, так как усовершенствованная балалайка в полной мере стала отвечать двум различным критериям — фольклорности и академической концертности². После улучшения звуковых качеств реконструированные инструменты не только не утратили основные свойства исходных фольклорных образцов (характерный тембр звука, основные приемы игры, главные конструктивные особенности и форму), но и сохранили способность к передаче народного музыкального материала, не требуя от исполнителей их особого освоения.

Благодаря пропаганде музыкально-просветительских принципов В. В. Андреева и накопленному предыдущими поколениями опыту исполнительства усилилось приобщение широких масс к музыкальной культуре, позволив рассматривать данное явление как самостоятельный объект музыкального анализа на примере оркестра из

г. Темникова, рождение и становление которого связаны с именем Леонида Ивановича Войнова (1898 — 1967). Являясь наиболее ярким представителем и активным последователем общественного движения музыкантов-любителей по формированию академизации в национально-инструментальном искусстве, он способствовал возникновению и совершенствованию этого направления в Мордовии.

Несмотря на то, что оркестровое исполнительство на народных инструментах прочно вошло в историю общественной и культурной жизни как мордовского, так и других этносов, живущих на одной территории, в историографии пока недостаточно полно освещены некоторые аспекты его целостности. В современной науке отсутствует значительный пласт сведений музыкально-ретроспективного и искусствоведческого характера, необходимый для изучения этой проблемы, предопределяя ее уникальность. При этом некоторые вопросы теории и истории инструментоведения в обобщенном виде нашли отражение в статьях «Музыкальной энциклопедии» под редакцией Ю. В. Келдыша³.

Анализ общей и специальной литературы позволил в исследовании этой темы условно выделить 4 группы. В связи с тем что оркестровое народно-инструментальное искусство Мордовии является составной частью национальной музыкальной культуры, к *первой группе* были отнесены и проанализированы классические труды досоветского периода по историографии вопроса, отражающие проблемы теории и истории искусствоведения и музыкологии.

Отдельные работы появились в конце XVIII и на рубеже XIX — XX в., однако они не носили систематического характера. Лишь с 1920-х гг. изучение теоретических проблем инструментоведения народов России было более или менее систематизировано. Эти результаты были отражены Комиссией по усовершенствованию гармоник Государственного института музыкальной науки, в ряде публикаций по истории инструментов и организационно-методическим вопросам функционирования струнных оркестров и ансамблей («Пособие для обучения на народных инструментах» В. В. Андреева, 1894; «Руководство к организации народных оркестров» В. Т. Насонова, 1913). В начале XIX в. Н. И. Привалов одним из первых обобщил некоторые сведения об ударных музыкальных инструментах⁴.

В 1920 — 1930-х гг. вышло несколько работ, посвященных проблемам совершенствования технологии гармонно-баянного производства и истории инструментов (А. А. Новосельский⁵) и организации струнных оркестров и ансамблей народных инструментов (Г. П. Любимов⁶). Позднее исследования по истории национального инструментоведения продолжили А. А. Агаджанов, Г. И. Благодатов, К. А. Вертков, А. М. Мирек, Э. Э. Язовицкая и др.⁷ Работы В. А. Аверина, Л. Г. Бендерского, В. А. Вольфовича и М. И. Имханицкого затронули в основном устные и письменные традиции народно-инструментального исполнительства⁸. Национальные музыкальные инструменты как систему рассмотрел Н. П. Будашкин⁹.

В 1950 — 1960-е гг. активно разрабатывались методические аспекты коллективного музицирования (В. Е. Авксентьев, П. И. Алексеев, А. С. Илюхин, Н. С. Речменский, Ю. Н. Шишаков и др.)¹⁰, исполнительства и творчества (А. И. Благообразов, А. Д. Польшина, В. Б. Попонов и др.)¹¹. В 1960 — 1980-е гг. это направление продолжили В. М. Блок, А. С. Каргин, А. И. Переседа, Б. Д. Тихонов и В. С. Чунин¹². С научной точки зрения метаморфозы народного музыкального инструментария обосновали К. С. Алексеев, Д. И. Варламов, В. А. Русанов и Б. А. Тарасов¹³.

В исследованиях В. Д. Глейхмана, Н. А. Егоровой, Н. Н. Калинина, Г. И. Кушнера и В. М. Подуровского в контексте музыкально-педагогических проблем подготовки дирижеров в анализируемый период были отражены практические советы руководителям самодеятельных оркестров и ансамблей народных инструментов в первый год обучения, в том числе по организации работы начинающего коллектива, даны методические рекомендации по профессиональному обучению руководителей творческих коллективов в среднем звене музыкального образования¹⁴. П. И. Алексеев, М. С. Колчева, Е. И. Максимов, А. Б. Поздняков и О. В. Тарасов раскрывали нюансы дирижерской работы с самодеятельным оркестром или ансамблем народных инструментов и повышения их педагогической эффективности¹⁵, З. Р. Ажимов и И. Д. Дунаева ставили философские задачи формирования дирижерского мышления при подготовке руководителей¹⁶.

В эту же группу вошли работы по изучению традиционных мордовских музыкальных инструментов, содержащие уникальные сведения, полученные в ходе антропологических, фольклорно-этнографических, этносоциологических и археологических экспедиций. Анализ памятников культуры, трудов ученых-искусствоведов и этноинструментоведов наряду с материалами комплексных полевых экспедиций свидетельствует о богатстве и разнообразии музыкального инструментария мордвы. Первые сведения об этом, изданные в 1851 — 1910 гг., встречаются у В. Н. Майнова, К. С. Мильковича и А. А. Шахматова¹⁷. Эпизодические органо-логические описания национальных музыкальных инструментов мордвы приведены Г. И. Благодатовым, К. А. Вертковым, Н. С. Рузавиной и Э. Э. Язовицкой¹⁸.

В отличие от них обстоятельную характеристику инструментам дал Н. И. Бояркин, раскрыв их политембровые комплексы в искусстве древности, технологию изготовления и морфологические особенности, социальные функции, технику игры в обрядовой культуре и фольклоре, а также приемы применения в ансамблях¹⁹. При этом ученый детализировал теоретические проблемы мордовской народной музыки, структурно-функциональные основы инструментального многоголосия, формы взаимодействия инструментальной и вокальной музыки.

По исследованиям Н. И. Бояркина, в некоторых районах Мордовии возникали отдельные очаги инструментальной музыки. Например, в с. Левжа, Сузгарье и Перхляй Рузаевского района, Рыбкино и Красный Шадым Ковылкинского района, Сайгуши и Киржеманы Чамзинского района, Поводимово, Чиндяново и Кочкурово Дубенского района, Ичалки Ичалковского района и других на музыкальных инструментах предпочитали играть многие мужчины. Впоследствии именно эти села, по его мнению, стали центрами развития исполнительских традиций мордовского этноса. Созданные в них исполнительские школы, определяемые техничностью наиболее искусных музыкантов, существенно повлияли на инструментальную культуру в целом, так как опыт и мастерство исполнения народного мелоса в основном передавались от старших поколений к младшим, что в той или иной мере было присуще и другим финно-угорским народам России²⁰.

Трудно оспаривать мнение И. А. Галкиной, выдвинувшей гипотезу, в соответствии с которой инструментальная музыка Мордовии привела к взаимодействию многих составляющих, в том числе глубинных корней традиционной многовековой культуры прошлого в свете преобразований, связанных с неоднозначно протекавшими процессами самоопределения, утверждения этнического самосознания, с утратой

многих ранее бытовавших идеологических ориентиров культуры и условий ее социального существования²¹.

Несомненный интерес представляют труды В. И. Яковлева, включающие анализ предпосылок появления, специфику изготовления, строения и использования традиционных инструментов у народов Среднего Поволжья и Волго-Уральского региона, в которых мордовским инструментам отводится достаточно большое место²². Г. А. Корнишина, Т. А. Шигурова и В. Н. Шитов указали на применение звенящих мордовских инструментов (бубенчиков, колокольчиков и др.) в национальном костюме, головном уборе и обуви²³.

Роль мордовских музыкальных инструментов в учебно-педагогическом процессе, теоретико-прикладных аспектах изучения музыкального искусства Мордовии в детских образовательных учреждениях прослеживается в работах Л. П. Карпушиной, В. Г. Кузнецовой и Т. И. Одиноквой, подчеркнувших, что через обучение детей игре на народных инструментах происходило развитие культуры мордовского народа²⁴.

Исследованию музыкального инструментария мордвы уделяли внимание и зарубежные ученые, в работах которых содержится глубокий фольклорный и этнологический материал, собранный во время экспедиций по России и мордовскому краю. Среди них особый вклад в мордовскую фольклористику внесли: А. О. Вайсянен, Х. Паасонен и У. Харва (Холмберг) (Финляндия), Р. Лах (Германия), И. Рюител (Эстония) и др.²⁵

Традиции национального инструментализма, связанные с хозяйственно-бытовой, материальной и духовной культурой мордвы в XX в., описывались М. Е. Евсевьевым, М. Т. Маркеловым, П. И. Мельниковым-Печерским и др.²⁶ О значении фольклорных традиций в становлении академической исполнительской культуры в Мордовии писали Н. И. Бояркин, Л. Б. Бояркина, А. И. Буянова (Макарова), И. А. Галкина, Я. М. Гиршман, Б. С. Урицкая и др.²⁷ На необходимость сохранения опыта исполнительства, в том числе игровых форм детского фольклора и его сценическом воплощении, указывала Т. В. Тюрина²⁸.

Среди анализируемых работ выделяется первая научная антология мордовской музыки — трехтомный труд «Памятники мордовского народного музыкального искусства» (ПМНМИ, 1981 — 1988), признанный ЮНЕСКО образцовым изданием музыкального фольклора²⁹. В большей его части описано существование в границах современной Мордовии различных ансамблей традиционных народных инструментов, в том числе с использованием гуслей, балалайки и гармоники, что свидетельствует о стремлении людей к коллективному инструментальному искусству.

Весомым практическим вкладом в развитие межнациональных культур финно-угорских народов России и зарубежных стран является издание В. М. Криворотовой сборника оркестровок и аранжировок сочинений композиторов Мордовии для оркестра³⁰, в котором пропагандируется мордовская народная музыка.

В целом, научно-теоретические исследования в области народно-инструментального искусства XX столетия можно интерпретировать как эмпирико-аналитические, опирающиеся в основном на чувственный опыт, методологию частных аспектов и соответствующего накопления сведений. При этом большинство работ по теории и истории исполнительства и творчества в национальном инструментоведении носит преимущественно описательный характер. Недостаточно внимания уделяется выяв-

лению и изучению истоков, закономерностей и специфики развития данного феномена, разработка теории и методики которого находится на начальном этапе развития.

Во *вторую группу* входят книги и очерки о деятельности Л. И. Войнова, композитора, балалаечника, педагога, художественного руководителя, дирижера и создателя первого в Мордовии и Волго-Уралье инструментального коллектива — Темниковского оркестра русских народных инструментов (ТОРНИ). Подобных работ немного, поэтому они представляют наибольшую ценность. В их числе монография Н. И. Шибакова «Леонид Войнов — композитор и дирижер» (1967 г.), сборник В. П. Буянова «Народные певцы и композиторы Мордовии» (1974 г.), две небольшие брошюры Н. Е. Ревизова «Темниковский оркестр русских народных инструментов» (1978 г.) и его участников С. И. Дворникова и А. И. Холоповой «Темниковский русский народный оркестр» (1988 г.). Руководителю и любимому коллективу также посвятил отдельные главы Ю. Н. Филиппов в книге «Дорогие мои темниковцы» (1988 г.). Новые страницы биографии Л. И. Войнова открываются в сборнике «Леонид Иванович Войнов (1898 — 1967): жизнь и творчество в материалах и документах», составленном А. И. Макаровой к 110-летию со дня рождения музыканта и 90-летию со дня создания ТОРНИ (2008 г.). Пять разделов этой книги — о композиции и оркестре в воспоминаниях современников о музыке.

Основные предпосылки возникновения в Мордовии оркестрового исполнительства на народных инструментах с позиций культурологии и роль Л. И. Войнова в организации и последующей концертно-исполнительской деятельности первого в республике и Волго-Уральском регионе любительского коллектива — ТОРНИ — проанализированы А. Ю. Кильдюшкиной в монографии «Развитие коллективной формы народного инструментализма в Мордовии» (2014 г.). Кроме того, автором показаны преемственность и сохранение заложенных Л. И. Войновым принципов коллективного народного инструментализма, развивающихся в современной системе дополнительного музыкального образования и при республиканских ДК, что способствовало переходу от фольклорного исполнительства на традиционных музыкальных орудиях к академическим формам коллективной игры на них и в целом профессионализации жанра оркестрового народного инструментализма как такового.

Третья группа источников объединяет литературу энциклопедического и справочного характера, публикации в СМИ об ансамблях и оркестрах народных инструментов Мордовии и их руководителях. Наиболее значимая из них — двухтомный универсальный справочник энциклопедия «Мордовия» (2003, 2004 гг.), где обобщены знания о музыкальном искусстве мордовского края, в сжатой форме освещены основные вехи его истории, события недавнего прошлого и настоящего, приведены биографии выдающихся деятелей культуры Мордовии. Своеобразной предтечей энциклопедии стал сборник из 4 книг «История Мордовии в лицах» (1994 — 2001 гг.), вобравший в себя данные о художественных руководителях, дирижерах (В. М. Кисляков, В. М. Криворотова, Г. Ф. Лукьянов, В. Г. Пелагеин, В. С. Родионов, М. Т. Хачатуров и др.) и музыкальных коллективах. Справочная информация о деятелях музыкальной культуры региона имеется и в двухтомном энциклопедическом справочнике «Мордовия, XX век: культурная элита» (2010, 2013 гг.).

Отдельные статьи о Л. И. Войнове и созданном им оркестре содержатся в справочнике А. И. Переседы «Оркестры русских народных инструментов» (1985 г.) и фондах Научного архива НИИГН. Незначительный объем сведений включен в

книгу «Все о Мордовии» (1997 г.). Краткий обзор этапов становления оркестра народных инструментов Саранского музыкального училища (СМУ) им. Л. П. Кирюкова дается в юбилейных буклетах данного учебного заведения (2004, 2012 гг.). Отзывы музыковеда Н. М. Ситниковой о концертных выступлениях ведущих коллективов республики вошли в сборник «Страницы музыкальной истории» (2001 г.), составленный Т. И. Одиноквой.

Однако указанные источники отличаются фрагментарностью представленных в них сведений, характеризуют отдельную область фольклористики и этноинструментоведения, носят описательный справочно-информационный характер. Это не позволяет объективно оценить процессы академизации такого сложного многогранного явления в музыкальной культуре России, как оркестровое народно-инструментальное искусство.

В связи с этим потребовалось изучить *четвертую группу* библиографических ресурсов — широкий пласт разноплановых материалов, в том числе архивных, наиболее обширными из которых являются эпистолярные: личная переписка Л. И. Войнова с родными и друзьями, а также письма, в которых упоминается В. В. Андреев (1930, 1933, 1934, 1939, 1949, 1951 гг.). Число документов, входящих в эпистолярное наследие музыканта, насчитывает более 600 единиц, преимущественно хранящихся в фондах архива Темниковского Дома-музея Л. И. Войнова (ТДМВ). Материалы из картотеки его личной переписки с известными деятелями национального музыкального культурного наследия России и Мордовии позволили воссоздать панораму зарождения и развития коллективного народного инструментального исполнительства в республике.

Переписка Л. И. Войнова с А. Б. Гольденвейзером (1930, 1933, 1958 гг.) помогла выявить отдельные детали повседневной жизни коллег-музыкантов, размышления авторов о судьбе народных инструментов, оркестре и его творческой деятельности, послужившие моральным стимулом для исполнителей и руководителя³¹. Письма, открытки и телеграммы Л. И. Войнова Б. С. Трояновскому (1949 — 1951 гг.) касаются в основном проблем реставрации музыкального инструментария, формирования коллектива и репертуара³². Известно, что письма Трояновского Войнову сыграли важную роль в распространении музыкальных инструментов на территории Мордовии. Из посланий Л. И. Войнова деятелям искусства и литературы Мордовии особого внимания заслуживают шедевры эпистолярного искусства — письма Л. П. Кирюкова (1935, 1940, 1962 гг.) и Никула Эркая (год отсутствует), по которым можно ощутить одобрение, поддержку и теплое участие во всех начинаниях композитора и педагога³³.

Наряду с этим изучались записи концертов и радиопередач, хранящиеся в фондах ГТРК «Мордовия», сведения научного архива НИИГН, Национальной библиотеки им. А. С. Пушкина, библиотек Института национальной культуры МГУ им. Н. П. Огарева, МГПИ им. М. Е. Евсевьева, СМУ им. Л. П. Кирюкова, Казанской государственной консерватории (академии) им. Н. Г. Жиганова, материалы периодической печати, печатной рекламной продукции (буклеты и афиши), интернет-ресурсы, данные интервьюирования художественных руководителей, дирижеров и артистов анализируемых в работе коллективов.

Таким образом, научно-теоретические изыскания в области народно-инструментального искусства в конце XVIII и рубежа XIX — XX вв. в целом интерпретируют-

ся как эмпирико-аналитические, опирающиеся в основном на чувственный опыт, методологию частных вопросов и соответствующее накопление сведений. Большая часть работ по теории и истории исполнительства и творчества в национальном инструментоведении носит преимущественно описательный характер. Недостаточно внимания уделяется выявлению и изучению истоков, закономерностей и специфики развития феномена народно-инструментального искусства, что вполне естественно, поскольку разработка ее теории и методики находится на этапе становления. Комплексных работ, содержащих глубокий и детализированный подход к оценке исторических условий, повлиявших на эволюцию народно-оркестрового музицирования в регионе, в отечественной историографии и теории истории культуры пока не существует.

Библиографические ссылки

¹ См.: **Имханицкий М. И.** У истоков русской народной оркестровой культуры. М., 1987. С. 39, 47.

² См.: **Имханицкий М. И.** История исполнительства на русских народных инструментах : учеб. пособие для муз. вузов и училищ. М., 2002. С. 123.

³ См.: **Благодатов Г. И.** Гармонь // Музыкальная энциклопедия : в 6 т. М., 1973. Т. 1. С. 931 — 933 ; **Гаккель Л. Е.** Ансамбль // Там же. С. 170 — 171 ; **Земцовский И. И.** Частушки // Там же. М., 1982. Т. 6. С. 197 — 199 и др.

⁴ См.: **Привалов Н. И.** К изучению народного музыкального творчества. Лира // Изв. Санкт-Петербург. об-ва муз. собраний. 1903. Янв.

⁵ См.: **Новосельский А. А.** Очерки по истории русских народных музыкальных инструментов. М., 1931.

⁶ **Любимов Г. П.** Народные оркестры и их значение в музыкальном просвещении масс // Горн. 1919. № 2 — 3. С. 99 — 106.

⁷ См.: **Агаджанов А. П.** Русские народные музыкальные инструменты. М., 1949 ; **Благодатов Г. И.** История симфонического оркестра. Л., 1969 ; **Вертков К. А.** Русские народные музыкальные инструменты. Л., 1975 ; **Вертков К., Благодатов Г., Язовицкая Э.** Атлас музыкальных инструментов народов СССР. М., 1963 ; 1975 ; **Мирек А. М.** Справочник по гармоникам. М., 1968.

⁸ См.: **Аверин В. А.** История исполнительства на русских народных инструментах. Красноярск, 2002 ; **Бендерский Л. Г.** Страницы истории исполнительства на народных инструментах. Свердловск, 1983 ; **Вольфович В. А.** Русские национальные музыкальные инструменты: устные и письменные традиции. Челябинск, 1997 ; **Имханицкий М. И.** Истоки баянного и аккордеонного искусства. М., 2006 ; **Его же.** У истоков русской народной оркестровой культуры. М., 1987.

⁹ См.: **Будашкин Н. П.** Народные музыкальные инструменты. М., 1961.

¹⁰ См.: **Авксентьев В. Е.** Самодеятельный оркестр русских народных инструментов. М., 1952 ; **Алексеев П. И.** Русский народный оркестр : пособие для руководителей самодеят. оркестрами рус. нар. инструментов. М., 1953 ; **Илюхин А. С.** Методические материалы к курсу истории исполнительства на русских народных музыкальных инструментах. М., 1971. Вып. 2 ; **Илюхин А., Шишаков Ю.** Школа коллективной игры для оркестра народных инструментов. Л., 1973 ; **Речменский Н.** Оркестр русских народных инструментов. М., 1956.

¹¹ См.: **Благообразов А.** О школьных оркестрах народных инструментов // Совет. музыка. 1959. № 7. С. 29 — 42 ; **Польшина А. Д.** Инструментоведение, инструментовка и переложение для оркестра народных инструментов. М., 1967 ; **Ее же.** Формирование оркестра русских народных инструментов на рубеже XIX — XX веков. М., 1977 ; **Попонов В. Б.** Самодеятельный оркестр народных инструментов. М., 1960.

¹² См.: **Блок В. М.** Оркестр русских народных инструментов. М., 1986 ; **Каргин А. С.** Работа с самодеятельным оркестром русских народных инструментов. М., 1987 ; **Пересада А. И.** Оркестры

русских народных инструментов : справ. М., 1985 ; **Тихонов Б. Д.** Ансамбли и оркестры русских народных инструментов : метод. материалы. М., 1971 ; **Чунин В. С.** Современный русский народный оркестр : метод. пособие для руководителей самодеятельных коллективов. М., 1981.

¹³ См.: **Алексеев К.** Самодеятельный оркестр народных инструментов. М., 1948 ; **Варламов Д. И.** К вопросу об академизме, академизации и академическом искусстве // Вестн. Челябин. гос. ун-та. 2008. № 21. С. 181 — 187 ; **Его же.** Метаморфозы народного музыкального инструментария. М., 2009 ; **Русанов В. А.** По поводу объединения всех народных инструментов // Народник : информ. бюл. 2003. № 2. С. 23 — 24 ; **Тарасов Б. А.** Повышение педагогической эффективности организации детского русского народного оркестра : дис. ... канд. пед. наук. М., 2005.

¹⁴ См.: **Глейхман В. Д.** Методические рекомендации по подготовке руководителей оркестров русских народных инструментов на факультетах общественных профессий вузов. М., 1982 ; **Его же.** Организация работы начинающего самодеятельного оркестра русских народных инструментов. М., 1976 ; **Егорова Н. А.** Вопросы совершенствования профессиональной подготовки руководителей оркестров и ансамблей русских народных инструментов в условиях колледжа. М., 1995 ; **Калинин Н. Н., Подуровский В. М.** Практические советы руководителям самодеятельных оркестров и ансамблей народных инструментов. М., 1979 ; **Кушнер Г. И.** Советы руководителям самодеятельных оркестров русских народных инструментов : О работе с оркестром в первый год обучения. М., 1966.

¹⁵ См.: **Алексеев П. И.** Русский народный оркестр : пособие для руководителей самодеят. оркестрами рус. народ. инструментов. М., 1953 ; **Колчева М. С.** Методика преподавания дирижирования оркестром народных инструментов. М., 1983 ; **Максимов Е. И.** Вопросы методики работы с самодеятельным оркестром или ансамблем народных инструментов. М., 1980 ; **Его же.** Основные этапы работы дирижера с оркестром народных инструментов : метод. указания. М., 1982 ; **Поздняков А. Б.** Работа дирижера с оркестром русских народных инструментов. М., 1964 ; **Тарасов О. В.** Указ. соч.

¹⁶ См.: **Ажимов З. Р.** Формирование управленческой компетенции у будущих художественных руководителей творческих коллективов : дис. ... канд. пед. наук. Казань, 2008 ; **Дунаева И. Д.** Формирование дирижерского мышления в процессе подготовки руководителей самодеятельных оркестров русских народных инструментов : дис. на соиск. учен. степ. канд. пед. наук. М., 1991.

¹⁷ См.: **Майнов В. Н.** Очерки юридического быта мордвы. СПб., 1885 ; **Милькович К. С.** Быт и верования мордвы в конце XVIII столетия // Симбир. губерн. ведомости. 1851. № 31 — 32 ; **Шахматов А. А.** Мордовский этнографический сборник. СПб., 1910.

¹⁸ См.: **Вертков К., Благодатов Г., Язовицкая Э.** Указ. соч. ; **Рузавина Н. С.** Мордовские народные песни. М., 1957.

¹⁹ См.: **Бояркин Н. И.** Мордовская народная музыка : Многоголосные инструмент. традиции : учеб. пособие : в 2 ч. Саранск, 2004. Ч. 1 ; **Его же.** Мордовское народное музыкальное искусство. Саранск, 1983 ; **Его же.** Народные музыкальные инструменты и инструментальная музыка // Мордовское народное музыкальное искусство. Саранск, 1983. С. 148 — 175 ; **Его же.** Традиционный мордовский народный музыкальный инструмент нюди и нюдийная музыка // Современное песенное искусство мордвы. Саранск, 1984. С. 111 — 144.

²⁰ См.: **Бояркин Н. И.** Мордовская народная музыка. С. 128 — 129.

²¹ См.: **Галкина И. А.** Инструментальная музыка Мордовии: от фольклорных традиций к профессиональному творчеству : дис. на соиск. учен. степ. канд. искусствоведения. Саранск, 2005.

²² См.: **Яковлев В. И.** Традиционные музыкальные инструменты народов Среднего Поволжья. Казань, 1991 ; **Его же.** Традиционные музыкальные инструменты Волго-Уралья : историко-этногр. исслед. Казань, 2001.

²³ См.: **Корнишина Г. А., Шитов В. Н.** Сюлгана // Мордовия : энцикл. : в 2 т. Саранск, 2004. Т. 2. С. 388 ; **Шигурова Т. А.** Звук в костюме мордвы // Вестн. Волгogr. гос. ун-та. 2011. № 1 (13). С. 112 — 118.

²⁴ См.: **Карпушина Л. П.** Теория и практика изучения музыкального искусства Мордовии в ДОУ : учеб. пособие. Саранск, 2010 ; **Кузнецова В. Г.** Мордовские народные музыкальные инструменты в учебном процессе // Музыка композиторов Поволжья и Приуралья: наука, творчество,

образование : материалы науч.-практ. конф. Саранск, 2005. С. 94 — 96 ; **Одинокова Т. И.** Мордовская музыка в образовательном процессе (методологический аспект) // Там же. С. 85 — 89.

²⁵ См.: **Вяйсянен А. О.** Mordwinische Melodien (Мордовские мелодии) / phonographisch aufgenommen und herausgegeben von O. A. Vaisanen Music. Helsinki, 1948 ; **Лях Р.** Gesänge Russischer Kriegsgefangener (Песни русских военно-пленных). Вена и Лейпциг, 1933 ; Музыка в обрядах и трудовой деятельности финно-угров : сб. ст. Таллин, 1986 ; **Рюйтел И.** Памятники мордовского музыкального искусства // Блокнот агитатора. 1982. № 12. С. 20 — 21 ; **Harva U.** Die Religiösen Vorstellungen der Mordwinen. Helsinki, 1952 ; **Его же.** Mordvalaisten Muinaisusko. Porvoo ; Helsinki, 1942 ; **Его же.** Die Wassergottheiten der Finnisch-ugrischen Völker. Helsingfors, 1913 ; **Hornbostel E. M., Sachs C.** Systematik der Musikinstrumente. Zeitschrift für Ethnologie, XLVI, 1914. 553 s. // Народные музыкальные инструменты и инструментальная музыка : сб. ст. и материалов : в 2 ч. М., 1987. Ч. 1. С. 229 — 261 ; **Raasonen X.** Die Türkischen Lehnwörter im Mordwinischen. Helsingfors, 1897.

²⁶ См.: **Евсеев М. Е.** Избр. тр. Саранск, 1961 — 1966. Т. 1 — 5 ; **Маркелов М. Т.** Мордва. М., 1928 ; **Мельников-Печерский П. И. (Андрей Печерский).** Очерки мордвы. Саранск, 1981.

²⁷ См.: **Бояркин Н. И.** К вопросу о роли вокальной и инструментальной музыки в мордовских обрядах и ее жанровой специфике // Вопросы мордовского фольклора. Саранск, 1977. С. 76 — 103 (Тр. / Вып. 54) ; **Его же.** Становление мордовской профессиональной музыки (композитор и фольклор). Саранск, 1986 ; **Бояркина Л. Б., Бояркин Н. И.** Хранилища мордовского фольклора // Мордовия : энцикл. Т. 2. С. 489 — 490 ; **Буянова А. И.** Страницы разных лет : сб. ст. и материалов. Саранск, 2007 ; **Гиришман Я. М.** Предисловие // Народные певцы и композиторы Мордовии : сб. ст. Саранск, 1974. С. 5 — 8 ; **Галкина И. А.** Указ. соч. ; **Урицкая Б. С.** Музыкальная культура Мордовской АССР // Музыкальная культура автономных республик РСФСР. М., 1957. С. 227 — 247.

²⁸ См.: Сохранение исполнительских традиций мордовского музыкального фольклора. Творческая лаборатория по мордовскому фольклору : метод. рекомендации : сб. ст. Самара, 2013.

²⁹ См.: **Гнатюк Д. Н.** Памятники мордовского народного музыкального искусства // Мордовия : энцикл. Т. 2. С. 141.

³⁰ См.: **Криворотова В. М.** Инструментовки и переложения произведений мордовских композиторов для оркестра русских народных инструментов. Саранск, 2009.

³¹ ТДМВ. Инв. № 674/10. Оп. 18. Документы, письма, телеграммы А. Б. Гольденвейзера, Т. Б. Софиано. 25. Письмо А. Б. Гольденвейзера Л. И. Войнову от 19.10.1930 г. ; Оп. 8. 27. Письмо правления Темниковского оркестра А. Б. Гольденвейзеру от 30.05.1933 г. ; Инв. № 674/41. Оп. 18. Документы, письма, телеграммы А. Б. Гольденвейзера, Т. Б. Софиано. 30. Письмо А. Б. Гольденвейзера Л. И. Войнову от 01.08.1958 г.

³² ТДМВ. Опись писем, открыток, телеграмм Бориса Сергеевича Трояновского. 1949 г. ; Письмо Б. С. Трояновского Л. И. Войнову. 21.02.1949 г. ; Опись писем, открыток, телеграмм Бориса Сергеевича Трояновского. 1969 г. 1. Письмо Б. С. Трояновского Л. И. Войнову. 04.01.1951 г. ; Опись писем, открыток, телеграмм Бориса Сергеевича Трояновского. 1969 г. 2. Письмо Б. С. Трояновского Л. И. Войнову. 14.12.1950 г.

³³ ТДМВ. Инв. № 672/1-96. Оп. 2. Письма, открытки, телеграммы Никула Эркая Л. И. Войнову. 1. Письмо Никула Эркая и его жены Маргариты, датированное 13 октября (год отсутствует); написано 11 октября ; Экскурсия по Темниковскому Дому-музею Л. И. Войнова.

Поступила 09.02.2018 г.

УДК 94(47):329

Л. А. Шайпак, А. В. Маньков
L. A. Shaypak, A. V. Mankov

**ПАРТИЯ СОЦИАЛИСТОВ-РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ:
РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ ГЕНЕЗИСА
(На материалах Симбирского Поволжья)**

**THE SOCIALIST REVOLUTIONARY PARTY:
REGIONAL ASPECT OF THE GENESIS
(On the materials of the Simbirsk Volga region)**

Ключевые слова: история региона, партия социалистов революционеров, Симбирское Поволжье, мордовский край, эсеры, группа эсеров, Поволжский областной комитет ПСР.

В 2017 г. исполнилось 115 лет со дня объявления об образовании партии социалистов-революционеров (эсеров). К 1917 г. она стала самой многочисленной в Российской империи — в 436 эсеровских организациях насчитывалось около 1 млн чел. Эсеровские организации активно работали и в губерниях Среднего Поволжья. В статье исследуется специфика процесса формирования групп эсеров в одном из районов Средней Волги — Симбирском Поволжье.

Key words: history of the region, the Socialist Revolutionary Party (SRP), the Simbirsk Volga region, Mordovian land, Socialists-Revolutionaries (SRs), SRs Group, Volga region Committee of the SRP.

The year of 2017 is the 115-anniversary of the formation of the party of Socialists-Revolutionaries. By 1917, it had become the most numerous party in the Russian Empire — there were about 1 million people in 436 SRP organizations. Groups of Socialists-Revolutionaries worked actively in the Middle Volga governorates as well. The specifics of the process of SRs groups formation in the Simbirsk Volga region as one of the territories of the Middle Volga region is studied in the article.

В конце XIX — начале XX в. в Российском государстве возник ряд политических партий или объединений, имевших характер партий и действовавших нелегально¹. Особенно бурно многопартийность в стране формировалась накануне и в период революции 1905 — 1907 гг. В то время в империи существовало более 50 партий, большая часть которых действовала в национальных районах (Польша, Финляндия, Закавказье)². Проведенные поволжскими учеными исследования показали, что практически все партии общероссийского масштаба в первые годы XX в. функционировали на территории Среднего Поволжья, где находились их местные организации³. Нам представляется актуальным, что историю региона в тот период невозможно представить и понять без учета деятельности этих партийных структур, особенно партий, которые играли наиболее значимую роль в жизни края.

Одной из таких организаций была партия социалистов-революционеров (ПСР), образовавшаяся в конце 1901 г. в результате объединения различных неонароднических групп и кружков⁴. Процесс ее создания проходил длительно и сложно⁵. Эсеры считали себя продолжателями дела российских народников⁶. Жандармский офицер А. И. Спиридович признавал, что «широко пошло в те годы организационное строительство у социалистов-революционеров»⁷. К тому времени Департамент полиции

в основном расправился с остатками народовольческих кружков и сосредоточил внимание на социал-демократических организациях. Видимо, по этой причине он не сразу оценил факт возникновения новой партии революционного лагеря — партии эсеров, официально объявленной в январе 1902 г.⁸, хотя в ее рядах уже тогда действовал провокатор Е. Ф. Азеф⁹. Сами жандармы откровенно заявляли, что Департамент полиции «не сумел тогда помешать сплочению партии, хотя имел к тому полную возможность», а «центральный и руководящий по розыску правительственный орган не был на высоте положения»¹⁰.

По мнению самарского ученого М. И. Леонова, «российское народничество традиционно отводило Поволжье особое место», образно выражаясь, как «земле обетованной»¹¹. Именно здесь началось возрождение народнических организаций после разгрома «Народной воли», последовавшего за убийством Александра II. В 1896 г. в Саратове образовался Союз социалистов-революционеров, иногда именуемый «Северный союз социалистов-революционеров», во главе с А. А. Аргуновым. Союз разработал программу как основу для объединения партийных сил с упором на политическую борьбу и террор¹².

В исторической науке отмечается повышенное внимание к политическим партиям начала XX в., в частности, к партии социалистов-революционеров. Наиболее представительные, на наш взгляд, исследования эсеровских организаций в Поволжском регионе провел М. И. Леонов¹³, который считает, что основной ареал эсеровских организаций в 1905 — 1907 гг. составляли губернии Поволжья¹⁴. Отдельным аспектам деятельности поволжских эсеров были посвящены работы ульяновских ученых и краеведов В. Н. Кузнецова, В. И. Пановой, Ф. Ш. Толочко, И. П. Шмыгина и Л. А. Шайпака¹⁵. Об эсерах писали Д. С. и Н. Г. Точёные¹⁶.

В составе Симбирской губернии (Симбирское Поволжье) находились территории, которые впоследствии вошли в состав других регионов страны. Например, территория Ардатовского уезда Симбирской губернии ныне является частью Республики Мордовия, а Алатырского — Чувашии. С учетом этого значительный интерес представляют работы мордовских авторов — саранского историка С. В. Кистанова, а также пензенского специалиста по истории начала XX в. В. Ю. Карнишина¹⁷. Определенный вклад в изучение темы внес О. В. Дулкин¹⁸. Активно исследует проблему авторитетный чебоксарский автор Е. К. Минеева¹⁹. В разное время в мемуарах упоминали о местных эсерах непосредственные участники революционных событий начала века, а также краеведы 1920 — 1930-х гг., свидетельства которых недооцениваются в исследованиях деятельности революционных партий и, особенно, партии социалистов-революционеров²⁰.

В то же время большинство региональных ученых и краеведов уделили внимание практике эсеровских организаций во время Первой русской революции, а также после третьиюньского переворота. Воссоздание же целостной картины региональной истории эсеров является сложной и по-прежнему не выполненной исследовательской задачей. Так, процесс генезиса симбирских социалистов-революционеров ранее целенаправленно не рассматривался. В данной публикации мы попытались выявить региональные особенности процесса создания и оформления структур ПСР в Симбирском Поволжье в 1902 — 1904 гг. В научный оборот вводятся новые сведения об организациях местных эсеров, которые можно использовать при изучении истории региона.

По мнению ряда ульяновских историков, до Первой русской революции в исследуемом районе, как и в целом по России, существовали лишь разрозненные группы социалистов-революционеров²¹. Документы Департамента полиции свидетельствуют, что Среднее Поволжье было одним из регионов наивысшей активности организаторов партии²². Местные структуры наиболее часто посещал один из эсеровских лидеров и пропагандистов террора Г. А. Гершуни²³. Тогда же началось активное проникновение эсеровских идей в Симбирское Поволжье. В губернии особенно часто бывала в тот период другой лидер партии Е. К. Брешко-Брешковская²⁴, которая была хорошо известна в среде революционеров как «бабушка русской революции» (Екатерина Константиновна Брешковская, урожденная Вериго, родилась в 1848 г.)²⁵.

Региональные краеведы считают, что Симбирская губерния на рубеже XIX — XX вв. не представляла собой крупного промышленного района и не занимала «заметного места на карте России»²⁶. В целом, промышленный подъем, охвативший Россию, обошел Симбирск стороной. Медленно росло население. В 70 — 80-х гг. XIX в. оно едва достигало 40 тыс. человек. Примечательную картину родного города нарисовала М. И. Ульянова: «Это был... небольшой провинциальный город, тихий и спокойный. Там не было фабрик и заводов, не было трамваев и даже конок, к Симбирску не была в то время еще проведена железная дорога. Зимой сообщаться с другими городами было поэтому особенно трудно... Но с весны, с открытием навигации, Симбирск несколько оживал»²⁷. Еще более категоричен был в своих воспоминаниях В. И. Ленин. «Захолустный был городок! Но весь в садах», — так отзывался он о родине в 1918 г.²⁸ Постройка железной дороги Симбирск — Инза в начале XX в. открыла новые возможности для экономического развития. Однако промышленность, по-прежнему, оставалась мелкой и полукустарной²⁹.

Анализ краеведческих публикаций начала XX в. позволяет отметить, что в середине 90-х гг. XIX в. в регионе особенно ярко проявлялась деятельность отдельных «партийных групп», которые сумели несколько радикализировать население и, в первую очередь, учащуюся молодежь. В результате этой активности подготавливалась благодатная почва для «дальнейшего развития и роста революционной мысли и революционных действий»³⁰. В крае постепенно начали появляться сторонники леворадикальных политических взглядов. В начале 1900 г. в Симбирске и Сызрани заметно оживилась деятельность революционно настроенной молодежи, что объясняется приездом в эти города большого числа высланных из Санкт-Петербурга, Москвы, Казани и других городов участников студенческих волнений 1899 г.³¹

Очевидно, что ускорению консолидации немногочисленных революционных сил способствовала экономическая ситуация в Среднем Поволжье. Как известно, в годы, предшествовавшие Первой русской революции, в Симбирском Поволжье, как и во всей стране, резко ухудшилось положение трудящихся, особенно после голода 1901 г. и экономического кризиса 1900 — 1903 гг., перешедшего в затяжную экономическую депрессию. В этих условиях обострились социальные противоречия как в городе, так и в деревне³². Е. К. Брешко-Брешковская, характеризуя исследуемый период, отмечала, что социальное положение крестьянства в стране «за прошедшее время ничуть не улучшилось»³³. В 1902 г. симбирский губернатор был вынужден признать «общую расшатанность и безотрадность экономического благосостояния крестьянского населения губернии». Он доносил царю, что «крестьянское население, не подготовленное к борьбе с нищетой, и, сознавая свое бессилие,

под гнетом нужды делается способным воспринимать пропаганду злонамеренных агитаторов»³⁴.

Нарастало рабочее движение, хотя требования участников акций носили исключительно экономический характер. В октябре 1900 г. объявили забастовку ткачи Старотимощинской суконной фабрики в Сенгилеевском уезде. Забастовка была подавлена, после чего владделец уволил 90 человек. В 1901 г. начались волнения в симбирских типографиях. Администрация удовлетворила требования печатников, введя почасовую оплату сверхурочных работ. В течение 1902 г. возникали конфликты на Гурьевской и других суконных фабриках. В декабре 1902 г. — январе 1903 г. бастовали рабочие Тепловской суконной фабрики в Сызранском уезде. В 1902 г. в движение включились приказчики Сызрани. В результате длительной и упорной борьбы им удалось добиться отмены работы в праздничные дни.

Постепенно втягивалось в политическую борьбу симбирское крестьянство. Так, одно из крупных выступлений в Сызранском уезде в 1899 г. было подавлено лишь силой оружия. Исторические исследования, проведенные в советский период, показали, что Симбирская губерния в начале XX в. оказалась в числе районов наибольшего распространения крестьянского движения. О его размахе свидетельствует тот факт, что только за 1902 г. окружной суд вынес суровые приговоры 59 участникам выступлений³⁵.

Эсеровское движение как самостоятельное социальное явление в Среднем Поволжье зародилось несколько позднее, чем в крупных городах европейской части страны и других поволжских губернских центрах, отличавшихся более развитыми революционными традициями, в частности народнического движения второй половины XIX в. Процесс организационного оформления местных эсеров также начался несколько позже, чем в других центрах Поволжья. Что касается Симбирска, то активный участник революционного движения в крае В. В. Рябиков в 1925 г. предположил, что до 1903 г. «никаких оформленных революционных организаций в Симбирске не было». Высказанное мнение основывалось им, в первую очередь, на субъективных оценках социального состава симбирского общества, а также уровня развития промышленности и сравнении Симбирска с другими волжскими губернскими городами³⁶. Данное предположение видится нам, в принципе, верным и в отношении партии социалистов-революционеров.

Генерирующим импульсом этого процесса в Симбирском Поволжье явилась печатная пропаганда. Так, один из первых исследователей революционного движения в крае В. Алексеев отмечал, что в губернии в 1902 — 1903 гг. происходит «усиление агитационной работы в массах», которая заключалась, главным образом, в «распространении разнообразной подпольной литературы, прокламаций, печатных и гектографированных воззваний». В то же время он подчеркивал, что этот процесс происходил прежде всего за счет «более богатых революционными силами Самарской и Саратовской губерний», откуда в Симбирск завозилась нелегальная литература³⁷.

В 1903 г. активность эсеровских сил в регионе усиливается. В этом процессе, в первую очередь, сказывались близость и влияние Казани. Казань являлась в начале XX в. одним из центров передовых общественных идей. Это был крупный культурный и научный центр Поволжья, где находились университет и другие высшие учебные заведения. Прогрессивно настроенная молодежь из Самарской, Саратовской, Симбирской губерний обучалась в Казанском университете, создавая там свои зем-

лячества. Среди студентов было немало неонародников, в частности эсеров. В немалой степени было радикализировано и Симбирское землячество Казанского университета, всегда имевшее богатые революционные традиции³⁸.

Одним из наиболее ярких представителей этого сообщества был Александр Сергеевич Поляков, вступивший на путь революционной борьбы в 1902 г. Поляков родился в с. Лобаски Ардатовского уезда (ныне Республика Мордовия) в семье сельского учителя из с. Ундоры Симбирского уезда. В 1901 г. он с медалью окончил курс Симбирской классической гимназии, осенью того же года поступил на медицинский факультет Казанского университета³⁹. Однако 18 февраля 1902 г. за участие в студенческих беспорядках Поляков был арестован, исключен из учебного заведения и выслан в Симбирскую губернию. Это было его первое боевое крещение. В марте 1902 г. в Симбирске за ним установила негласный надзор местная полиция⁴⁰. В начале 1903 г. он был восстановлен в университете⁴¹. Однако попытка возобновить учебу успехом не увенчалась, так как уже в 1904 г. Поляков был привлечен к дознанию как член Казанской группы социалистов-революционеров⁴².

Оценивая роль Полякова в генезисе симбирской организации партии, необходимо, по всей видимости, отметить ее как одну из доминирующих. Революционные взгляды Полякова окончательно оформились во время учебы в Казани, где он установил связь с революционно настроенными студентами и впоследствии стал убежденным социалистом-революционером. В связи с этим, как отмечал В. В. Рябиков, заслуживает внимания то, что подобно Полякову в Казанском и других университетах страны было немало симбирян-эсеров, которые составили основу эсеровского кружка в Симбирске. Они съезжались в Симбирск на каникулы, собирались на квартирах, где вели бесконечные споры со студентами социал-демократами⁴³. Постепенно вызревало ядро будущей организации. Наиболее активными участниками конспиративных «студенческих встреч» были члены партии эсеров: учитель Тимофей Николаев, студент Симбирской духовной семинарии Владимир Порфирьев, супруги студент Казанского университета Александр Поляков и курсистка Елизавета.

В тот период в крае начали появляться издания партии социалистов-революционеров. Власти принимали все меры, чтобы перекрыть пути, по которым доставлялась запрещенная продукция, но, несмотря на отдельные провалы, она все же находила адресатов. Так, 29 июля 1902 г. в Сызрани, которая считалась крупным транзитным центром по переправке нелегальной литературы революционных партий, были арестованы студент Казанского университета Константин Александрович Соловьев и его жена Ульяна. У Соловьева, плывшего на пароходе из Сызрани в Казань, были обнаружены «преступные издания» и газеты «социал-революционеров». Супружеская чета была «препровождена» в симбирскую тюрьму⁴⁴.

Имелись примеры и более успешных действий революционеров. В частности, 7 апреля 1903 г. начальник губернского жандармского управления (ГЖУ) сообщал симбирскому губернатору: «Вечером первого апреля на Большой Саратовской улице в г. Симбирске недалеко от духовной семинарии сторожем семинарии Захаром Касихиным были подняты на тротуаре две печатные преступные прокламации под заглавием „50 лет русского свободного слова“, издания партии социалистов-революционеров»⁴⁵. Можно предположить, что происшедшее имело определенную связь с Симбирской духовной семинарией, где уже через год мы встречаем членов город-

ского кружка эсеров, а через два года произошли крупные выступления семинаристов, во главе которых находились и местные эсеры⁴⁶.

Нелегальная литература активно распространялась и в сельской местности. Так, приказчик купца Алексея Калмыкова крестьянин Александр Маркелович Курушин привез из с. Базарный Сызган Карсунского уезда «революционные брошюры» в с. Жадовка⁴⁷. Как справедливо замечал впоследствии В. Алексеев, «все это переправлялось к нам из других губерний и основной работой местных партийных сил было получение и распространение этой литературы»⁴⁸.

Постепенно в политические контакты с оформлявшимися эсерами вступали интеллигенция и дворянство. В этот период начинается сближение с членами кружка «феи симбирского просвещения» землевладелицы Александры Александровны Знаменской, урожденной Делярю, дочери казанского помещика «с традициями революционной эпохи Великой Французской революции». В 1904 г. жандармы указали на Знаменскую как на «личность в политическом отношении весьма неблагонадежную», круг знакомых которой составляют «большой частью лица, скомпрометированные в политическом отношении»⁴⁹. Об одном из них писал известный ульяновский краевед С. Б. Петров, отмечая, что в 1901 — 1902 гг. в Симбирске проживал зять Знаменской известный литератор А. С. Глинка, исключенный в 1901 г. из Московского университета за участие в студенческом движении⁵⁰. В ходе Первой русской революции он встречался в Симбирске с видным деятелем партии эсеров Н. Д. Авксентьевым⁵¹, который посещал крупные поволжские города и выступал перед местными эсерами с рефератами.

Социальный состав симбирского кружка был преимущественно интеллигентским. Первой генерацией симбирских эсеров явились служащие губернского земства, а также симбиряне-студенты, обучавшиеся в Казанском университете и др. К этому времени в симбирском земстве и других учреждениях уже служило немало социалистов-революционеров, а также сочувствовавших эсеровскому движению: Н. О. Рыжков, В. Порфирьев, В. А. Марковецкий и др.⁵² В ноябре 1904 г. в город прибыл окончивший Казанский университет сын чиновника Сергей Иванович Романов, вступивший в партию эсеров во время учебы в Казани и ставший активным членом симбирской группы⁵³. Впрочем политическая активность «эсерствующих» была крайне незначительной. Центр ее тяжести они направили на работу среди мелкой городской буржуазии и интеллигенции.

Появление эсеров в Симбирске не осталось незамеченным и у руководства партии, находившегося за рубежом. Осенью 1903 г. в регион продолжали поступать нелегальные издания партии социалистов-революционеров, в том числе из-за границы. «Заграничный центр партии» активно направлял в город газету «Революционная Россия». Одним из адресов, на который поступало издание (главный печатный орган партии с 1902 г.) был аптекарский магазин Эрлиха. Провизор Иосиф Абрамович Эрлих, по-видимому, в тот момент не имел большого отношения к политике, но особо и не противился получению нелегальной корреспонденции, которая пересылалась в почтовых конвертах⁵⁴. В конце зимы — начале весны 1904 г. резко увеличился поток эсеровской литературы, направлявшейся в губернию. В феврале на одном из пограничных пунктов в городке Пётрокове (современная Польша) было задержано письмо, адресованное симбирскому податному инспектору Суперанскому. В письме также оказалась газета «Революционная Россия»⁵⁵.

Нелегальная литература распространялась и в сельской местности. В начале февраля 1904 г. рукописные и печатные воззвания революционного характера партии эсеров были обнаружены на базарной площади с. Большая Борла Сенгилеевского уезда⁵⁶. 10 февраля на улицах с. Сухой Карсун Сосновской волости Карсунского уезда были найдены десятки листовок с текстами антиправительственного содержания, а также книга «Дворянский царь». Вся продукция была подписана от имени партии социалистов-революционеров⁵⁷. Из-за границы продолжала поступать газета «Революционная Россия». Причем число адресатов в Симбирске увеличилось — письма направлялись на имя доктора Карла Михайловича Боровского и податного инспектора Суперанского⁵⁸.

Симбирская группа социалистов-революционеров возникла в декабре 1904 г., о чем указывалось в одном из отчетов Симбирского ГЖУ в конце 1907 г.⁵⁹ Доминирующая роль в создании этой организации, на наш взгляд, принадлежала соседним партийным организациям Среднего Поволжья. Особую эффективность проявляли при этом эсеры Пензы, где еще в 1902 г. была создана типография. В Симбирском Поволжье наиболее активно распространялись прокламации и листовки именно Пензенского комитета ПСР. Нелегальная литература из Пензы появилась в тот период и в губернском центре. Так, 27 апреля 1904 г. симбирский полицмейстер сообщал начальнику Симбирского ГЖУ о том, что 27 апреля около 5 часов утра на Новом Венце была обнаружена 51 прокламация, в том числе 29 экземпляров под заголовком «Партия социалистов-революционеров», 9 — «Боевая организация партии социалистов-революционеров», 8 — с надписью «Ко всем гражданам России», 2 прокламации Пензенского комитета ПСР и 3 бюллетеня № 3 «Российская социал-демократическая партия и партия социалистов-революционеров к Пензенскому сообществу»⁶⁰. Прокламации, по всей вероятности, были доставлены в Симбирск из соседней Пензы.

В 1904 г. симбирской группой эсеров, как считают некоторые ульяновские авторы, руководил учитель 9-го городского училища Тимофей Николаевич Николаев, «мордвин, в 1905 г. возглавивший „мордовскую республику“»⁶¹. Николаев действительно руководил группой, но, мы считаем, что Тимофей Николаев был чувашом и известным в будущем эсеровским лидером в Казани (псевдоним «Хури»), куда он переехал из Симбирска для продолжения образования. В 1905 г. в Симбирске и губернии были созданы партийные комитеты. Осенью 1906 г. действовали 3 уездные группы⁶².

Объективные и субъективные факторы обусловили ведущий характер партии эсеров среди политических партий мордовского края начала XX в. Именно ее представители первыми отметились здесь антиправительственными действиями. К началу практической деятельности эсеров в Мордовии, как и в Симбирске, прямое отношение имел Пензенский комитет ПСР. Пионером движения стал Саранск (в годы революции входил в Пензенскую губернию), где еще с 1903 г. с перерывами, вызванными арестами наиболее активных членов, существовала довольно крупная организация под руководством Ивана Веретенникова. Саранская боевая группа занималась экспроприациями⁶³.

Летом 1905 г. эсеровская организация была создана в г. Ардатове Симбирской губернии⁶⁴. Организация за короткое время взяла под контроль территорию всего уезда. Ардатовские эсеры поддерживали тесную связь с эсерами Симбирска, на что

указывает анализ распространенной в уезде нелегальной литературы. Местными эсерами руководил Михаил Михайлович Косолапов, долгое время служивший в ардаатовской земской управе. По социальному составу эта группа практически полностью состояла из учителей⁶⁵. Ардаатовские эсеры, будучи составной частью симбирской губернской организации ПСР, способствовали появлению эсеровских групп в других населенных пунктах края. Успехи в строительстве партийной структуры стали одной из причин того, что Ардаатовский уезд в 1905 — 1907 гг. считался в мордовском крае и в Симбирском Поволжье одним из взрывоопасных.

К концу 1905 г. партия эсеров на территории, составляющей современную Мордовию, приобрела устойчивую организационную структуру. В центрах уездов сформировались уездные группы как неотъемлемые части губернских организаций. Так, в 1905 г. возникла Краснослободская организация ПСР во главе с Василием Лушиным, занимавшаяся в основном агитационной работой⁶⁶. Мордовские историки отмечают, что в годы революции 1905 г. эсеры были ведущей политической силой всего края⁶⁷. В отдельных районах мордовского края (например, в с. Судосеве Карсунского уезда Симбирской губернии) были сильны позиции эсеров-максималистов, имевших свои боевые организации. К 1907 г. они почти повсеместно переродились в обыкновенных бандитов⁶⁸.

Как отмечала Е. К. Брешко-Брешковская, «организация и пропаганда в разных губерниях шли неравномерно» и очень «много зависело от революционных традиций, сохранившихся среди населения»⁶⁹. Самобытной частью Симбирского Поволжья был сызранский край. Своеобразие этого района определялось особенностью экономики Сызрани, которая заключалась в широком развитии торговли и слабой промышленности. Социальный состав характеризовался наличием большой массы приказчиков, которые жестко эксплуатировались купцами. Круг рабочих был сравнительно незначительным. Поэтому на первый план здесь выдвинулись именно приказчики, а также многочисленные учащиеся, что придавало революционному движению своеобразный характер. Рабочие выступления начались достаточно поздно и проходили лишь в форме демонстраций, массовок и разносторонних отдельных выступлений.

Группа социалистов-революционеров в Сызрани была образована весной 1904 г.⁷⁰ В этот период во главе сызранских эсеров находился Иван Максимович Молев. Организация активно работала, в частности, в учебных заведениях города. Об этом свидетельствует следующий факт. 23 марта 1904 г. инспектор Сызранского реального училища заявил о находке воспроизведения баллады М. Горького «Разрушенный мол», не прошедшей через цензуру и явно революционного содержания. На титульном листе брошюры имелась надпись «Издание Сызранской партии социалистов-революционеров». На обороте титульного листа было написано: «Одобрено Сызранской партией социалистов-революционеров для чтения в классах и раздачи ученикам на дом»⁷¹. 9 апреля 1904 г. было возбуждено дознание о распространении среди учеников сызранского реального училища этой баллады⁷². М. И. Леонов считает, что в Сызрани даже имелась объединенная боевая дружина эсеров и социал-демократов⁷³.

В 1904 г. была осуществлена первая известная нам попытка объединить поволжские организации социалистов-революционеров в единую структуру. Тогда же состоялся съезд эсеров Поволжья, на котором была создана Поволжская областная

организация⁷⁴. Съезд проходил в одном из крупнейших городов Среднего Поволжья — Самаре. В числе руководителей съезда был член ЦК партии с 1903 г. В. В. Леонович (псевдоним «Ангарский»), после окончания сибирской ссылки переехавший в Самару⁷⁵. В феврале 1905 г. в Пензе прошел следующий съезд областных эсеров⁷⁶. На нем завершилось оформление организации и был избран поволжский областной комитет. Организации эсеров поволжских губерний, по меткому выражению В. Н. Кузнецова, «были объединены в область»⁷⁷. В дальнейшем, по мнению В. Ю. Карнишина, особое значение «стала приобретать проблема поиска устойчивых связей лидеров ПСР с поволжским регионом»⁷⁸. Летом 1905 г. Поволжский областной комитет был разгромлен полицией, но в начале 1906 г. после I общепартийного съезда его восстановили. К лету 1906 г. эсерам вновь удалось наладить пропагандистскую работу⁷⁹. В сферу ответственности областного комитета вошли и организации ряда губерний Среднего Поволжья — Саратовской, Самарской, Симбирской и Пензенской.

Таким образом, группы эсеров начали организационно оформляться в Симбирском Поволжье в 1903 г. Основной формой деятельности ПСР в 1902 — 1903 гг. в крае была печатная пропаганда, выражавшаяся в достаточно активном распространении различных видов нелегальной литературы. Накануне революции в работе симбирских эсеров активно участвовали соседние, более сильные, организации. В исследуемый нами период доминирующее влияние на организационное оформление местных эсеров оказывали внешние факторы, в частности близость крупных организаций в соседних поволжских городах — Казани и Пензе. В 1904 г. этот процесс завершился созданием полноценной организации ПСР. Образовавшаяся структура социалистов-революционеров вскоре стала поистине уникальным социально-политическим явлением в жизни региона.

В короткие сроки губернские эсеры превратились в одну из самых влиятельных политических сил. Спустя почти столетие после революционных событий начала XX в. можно утверждать, что Симбирское Поволжье в партийном плане было более эсеровским, чем, например, большевистским или кадетским. В симбирском крае эсеры были повсюду: в земстве, в банках и на предприятиях, в учебных заведениях, в сельской местности. В регионе существовали эсеровские организации, действовавшие относительно самостоятельно (г. Сызрань, Ардатов, Алатырь и др.). Весной 1905 г. эсеры Симбирского Поволжья вошли в Поволжскую областную организацию ПСР и приняли активное участие в революции 1905 г.

Библиографические ссылки

¹ См.: **Леонов С. В.** Партийная система России (конец XIX в. — 1917 год) // Вопросы истории. 1999. № 11 — 12. С. 29 — 48.

² См.: **Исхаков С. М.** Политические партии в российских революциях в начале XX века. Всероссийская научная конференция // Отечественная история. 2004. № 6. С. 199 — 203.

³ См.: **Леонов М. И.** Эсеры в революции 1905 — 1907 гг. Самара, 1992; **Его же.** Партия социалистов-революционеров в 1905 — 1907 гг. М., 1997; **Карнишин В. Ю.** Общественно-политический процесс в Поволжье в начале XX века. Пенза, 1996; **Кузнецов В. Н.** Политические партии в Среднем и Нижнем Поволжье в 1907 — начале 1911 г. Ульяновск, 2007.

⁴ См.: **Ерофеев Н. Д.** К вопросу о численности и составе партии эсеров накануне первой российской революции // Непролетарские партии России в трех революциях : сб. ст. М., 1989. С. 122 — 132.

⁵ См.: **Леонов М. И.** Эсеры в революции 1905 — 1907 гг. С. 8.

⁶ См.: **Гусев К. В.** Партия эсеров: от мелкобуржуазного революционаризма к контрреволюции. М., 1975 ; **Его же.** Рыцари террора. М., 1992.

⁷ **Спиридович А. И.** Записки жандарма. М., 1991. С. 69.

⁸ Там же. С. 80.

⁹ Там же. С. 81.

¹⁰ Там же. С. 81.

¹¹ См.: **Леонов М. И.** Эсеры и крестьянство Поволжья в революции 1905 — 1907 гг. // Класовая борьба в Поволжье в 1905 — 1907 гг. : межвуз. сб. ст. Куйбышев, 1985. С. 51 — 52.

¹² См.: **Спиридович А. И.** Указ соч. С. 229 — 230.

¹³ См.: **Леонов М. И.** Эсеры в революции 1905 — 1907 гг. ; **Его же.** Эсеры и крестьянство Поволжья в революции 1905 — 1907 гг. С. 50 — 68 ; **Его же.** Партия социалистов-революционеров в 1905 — 1907 гг.

¹⁴ См.: **Исхаков С. М.** Указ. соч. С. 199 — 203.

¹⁵ См.: **Шмыгин И. П.** Об участии сельских учителей в крестьянском движении Среднего Поволжья в революции 1905 — 1907 гг. // Ученые записки Ульяновского государственного педагогического института. Ульяновск, 1958. С. 3 — 26 ; **Его же.** Большевистские организации Среднего Поволжья в борьбе за крестьянские массы в революции 1905 — 1907 гг. Ульяновск, 1962 ; **Панова В. И., Толочко Ф. Ш.** Жандармские документы о Симбирских социалистах-революционерах (период революции 1905 — 1907 гг.) // Симбирский вестник : историко-краевед. сб. Ульяновск, 1996. Вып. 3. С. 113 — 125 ; **Кузнецов В. Н.** Pro et contra: жандармы и революционеры в Поволжье в 1906 — 1917 гг. Ульяновск, 2007 ; **Его же.** Революционный террор и акты экспроприации в Поволжье в начале XX в. // Вопросы истории. 2010. № 12. С. 24 — 38 ; **Маньков А. В., Волков А. П., Шайпак Л. А.** Революционный терроризм и государственный террор: опыт и уроки Первой российской революции (к 110-летию революции 1905 — 1907 гг.) // Вестник Екатеринбургского института. 2017. № 1 (37). С. 15 — 19.

¹⁶ См., например: **Точеный Д. С., Точеная Н. Г.** Фея симбирского просвещения (А. А. Знаменская) // Исторические портреты, очерки, фельетоны. Ульяновск, 2001.

¹⁷ См.: **Карнишин В. Ю.** Общественно-политический процесс в Поволжье в начале XX века. Пенза, 1996 ; **Кистанов С. В.** Политические организации на территории мордовского края в условиях формирования многопартийности в России (начало XX века) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саранск, 2004.

¹⁸ См.: **Дулкин О. В.** Власть и общество Мордовии в годы Первой российской революции (1905 — 1907 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саранск, 2006.

¹⁹ См.: **Маньков А. В., Минеева Е. К.** Российский революционный терроризм // Вопросы истории. 2017. № 7. С. 67 — 76 ; **Минеева Е. К., Шайпак Л. А., Маньков А. В.** Жандармские документы о симбирских социалистах-революционерах (период революции 1905 — 1907 гг.) // Право и образование. 2015. № 7. С. 158 — 167.

²⁰ См.: **Алексеев В.** Из пыли архивов // Красная летопись : сб. материалов по истории Симбирской организации РКП(б) и революционного движения в Симбирской губернии. Симбирск, 1923 ; **Рябиков В. В.** Симбирские большевики. 1903 — 1906 гг. // 1905 год в Симбирске : сб. по истории революционного движения в губернии в 1905–1906 годах. Ульяновск, 1925 ; **Рыжков Н. О.** Сызранское подполье // Материал по истории революционного движения г. Сызрани и Сызранского уезда до 1917 года. Сызрань, 1930 ; **Федоров Г. Н.** К истории революционного движения в Симбирской губернии в 1905 — 1907 гг. // Краеведческие записки. Ульяновск, 1971. Вып. 3.

²¹ См.: **Панова В. И., Толочко Ф. Ш.** Указ. соч. С.114.

²² ГАУО. Ф. 855. Оп. 1. Д. 200. Л. 128, 129.

²³ Там же.

²⁴ См.: **Брешко-Брешковская Е.** Скрытые корни русской революции. Отречение великой революционерки. 1873 — 1920. М., 2006. С. 262 — 263.

²⁵ ГАУО. Ф. 855. Оп. 1. Д. 200. Л. 121 об.

²⁶ **Алексеев В.** Указ. соч. С. 9.

²⁷ Цит. по: Ленинские места Ульяновска. Саратов, 1980. С. 23.

²⁸ Там же.

- ²⁹ Там же. С. 25.
- ³⁰ **Алексеев В.** Указ. соч. С. 11.
- ³¹ См.: Очерки истории Ульяновской организации КПСС. Саратов, 1964. Ч. 1. С. 61.
- ³² Там же. С. 79.
- ³³ **Брешко-Брешковская Е.** Указ. соч. С. 263.
- ³⁴ Очерки истории Ульяновской организации КПСС. С. 62 — 63.
- ³⁵ Там же. С. 65.
- ³⁶ См.: **Рябиков В. В.** Симбирские большевики. 1903 — 1906 гг. // 1905 год в Симбирске : сб. по истории революц. движения в губернии в 1905 — 1906 годах. Ульяновск, 1925. С. 3.
- ³⁷ **Алексеев В.** Указ. соч. С. 11.
- ³⁸ См.: **Федоров Г. Н.** Указ. соч. С. 49.
- ³⁹ См.: **Панова В. И., Толочко Ф. Ш.** Указ. соч. С. 116 — 117.
- ⁴⁰ ГАУО. Ф. 855. Оп. 1. Д. 217. Л. 4, 7, 9.
- ⁴¹ Там же. Д. 253. Л. 11.
- ⁴² Там же. Д. 247. Л. 138, 138 об.
- ⁴³ См.: **Федоров Г. Н.** Указ. соч. С. 122.
- ⁴⁴ ГАУО. Ф. 855. Оп. 1. Д. 212. Л. 1, 4, 16, 22.
- ⁴⁵ ГАУО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 58. Л. 85.
- ⁴⁶ См.: **Панова В. И., Толочко Ф. Ш.** Указ. соч. С. 118.
- ⁴⁷ ГАУО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 58. Л. 217.
- ⁴⁸ **Алексеев В.** Указ. соч. С. 11.
- ⁴⁹ **Панова В. И., Толочко Ф. Ш.** Указ. соч. С. 124.
- ⁵⁰ См.: **Петров С. Б.** Литератор А. С. Глинка (Волжский) и его личный вклад в РГАЛИ // Симбирский вестник. Ульяновск, 1996. Вып. 3. С. 127.
- ⁵¹ Там же. С. 128.
- ⁵² ГАУО. Ф. 855. Оп. 1. Д. 248. Л. 4, 378, 550.
- ⁵³ Там же. Д. 250. Л. 188.
- ⁵⁴ Там же. Д. 247. Л. 190, 195, 195 об.
- ⁵⁵ Там же. Л. 54.
- ⁵⁶ См.: Прошлое нашего края. 1648 — 1917 : сб. док. и материалов / сост. П. Д. Верещагин. Ульяновск, 1968. С. 268.
- ⁵⁷ ГАУО. Ф. 855. Оп. 1. Д. 251. Л. 30.
- ⁵⁸ Там же. Л. 144.
- ⁵⁹ ГАУО. Ф. 855. Оп. 1. Д. 772. Л. 98.
- ⁶⁰ Там же. Д. 251. Л. 107.
- ⁶¹ **Панова В. И., Толочко Ф. Ш.** Указ. соч. С. 117.
- ⁶² См.: **Леонов М. И.** Эсеры в революции 1905 — 1907 гг. С. 118.
- ⁶³ См.: **Кистанов С. В.** Указ. соч. С. 14.
- ⁶⁴ Там же.
- ⁶⁵ ГАУО. Ф. 855. Оп. 1. Д. 867. Л. 164.
- ⁶⁶ См.: **Кистанов С. В.** Указ. соч. С. 14.
- ⁶⁷ См.: **Дулкин О. В.** Указ. соч. С. 22.
- ⁶⁸ См.: **Кузнецов В. Н.** Политические партии в Среднем и Нижнем Поволжье в 1907 — начале 1911 г. С. 62.
- ⁶⁹ **Брешко-Брешковская Е.** Указ. соч. С. 264.
- ⁷⁰ ГАУО. Ф. 855. Оп. 1. Д. 242. Л. 20, 22.
- ⁷¹ Там же. Л. 20.
- ⁷² Там же. Д. 251. Л. 162 об.
- ⁷³ См.: **Леонов М. И.** Эсеры в революции 1905 — 1907 гг. С. 119.
- ⁷⁴ См.: **Леонов М. И.** Эсеры и крестьянство Поволжья в революции 1905 — 1907 гг. С. 52.
- ⁷⁵ Политические партии России. Конец XIX — первая треть XX века : энцикл. М., 1996. С. 313.

⁷⁶ ГАУО. Ф. 855. Оп. 1. Д. 994. Л. 24.

⁷⁷ Кузнецов В. Н. Революционный террор и акты экспроприации в Поволжье в начале XX в. С. 24.

⁷⁸ Карнишин В. Ю. Указ. соч. С. 50.

⁷⁹ ГАУО. Ф. 855. Оп. 1. Д. 994. Л. 24.

Поступила 10.05.2018 г.

УДК 625.1(094) (470) «1914 /1918»

С. Н. Блиняев, О. Н. Широков
S. N. Blinyayev, O. N. Shirokov

**МОСКОВСКО-КАЗАНСКАЯ ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА
В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ
(На материалах Казанской и Симбирской губерний)**

**THE MOSCOW-KAZAN RAILROAD
DURING THE FIRST WORLD WAR
(On materials of the Kazan and Simbirsk governorates)**

Ключевые слова: Московско-Казанская железная дорога, порайонный комитет, Особое совещание, мобилизация, министр путей сообщения, железнодорожная станция, перевозка войск и грузов.

В статье на основе неопубликованных архивных источников исследованы вопросы, раскрывающие механизм взаимодействия центральной власти, городского самоуправления и местного военного управления с Московско-Казанской железной дорогой в деле проведения мобилизации в годы Первой мировой войны.

Key words: the Moscow-Kazan railroad, district committee, the Special Council, mobilization, the Minister of Railways, railway station, transportation of troops and freights.

The issues which reveal the mechanism of interaction of the central government, city government and local military administration with the Moscow-Kazan railroad to carry out mobilization during the First World War are reviewed in the article on the basis of unpublished archival sources.

До начала XXI в. специальных работ по истории развития и деятельности Московско-Казанской железной дороги в годы Первой мировой войны данной проблематики не было. Выходившие в свет публикации содержали лишь отрывочные данные¹, причем даже на российском уровне таких работ было немного². В 2006 г. в «Вестнике Чувашского университета» вышла статья В. В. Андреева «Московско-Казанская железная дорога в годы Первой мировой войны», которая оказалась актуальной для изучения данной темы. В научный оборот им были введены многие дела фондов РГИА, а также проанализированы опубликованные к тому моменту российские историографические источники. В статье были исследованы такие аспекты проблемы, как изменение количественного показателя подвижного состава,

пропускной способности Московско-Казанской железной дороги, очередности перевозки военных и гражданских грузов. Затронуты были вопросы финансовой деятельности правления и доходности дороги в годы войны и национализации дороги в 1918 г.

Из последних работ российских историков особый интерес представляет статья В. В. Фортунатова о патриотизме российских железнодорожников в годы Первой мировой войны³. Новизной нашей работы является исследование новых аспектов проблемы: взаимодействие центральных и местных властей на территории чувашского края с администрацией Московско-Казанской железной дороги, Порайонным комитетом Особого Совещания по перевозке грузов при проведении мобилизации людских и материальных ресурсов; охрана стратегически важных железнодорожных сооружений; мероприятия по введению санитарно-эпидемиологических правил в полосе железнодорожных станций, специфики их работы на территории Чувашии; участие дороги в перевозке льготных категорий населения и очередных и внеочередных грузов. Принципиально новым является использование для исследования данной проблемы фондов ГИА ЧР (ф. 76, 79, 82, 86) и НА РТ (ф. 1).

Нами сделана попытка на основе ранее не вводившихся в научный оборот архивных материалов проанализировать механизм взаимодействия центральных и местных властей с администрацией Московско-Казанской железной дороги в годы Первой мировой войны в ходе обеспечения фронта материальными и людскими ресурсами, а тыла — предметами первой необходимости.

Важным подготовительным элементом мобилизации стала координация деятельности Министерства путей сообщения и железнодорожного правления с губернскими, уездными и городскими властями. До Первой мировой войны регулированием перевозок на транспорте занимались Центральный комитет по регулированию массовых перевозок грузов по железной дороге, располагавшийся в Санкт-Петербурге, и 9 порайонных комитетов. Московско-Казанская железная дорога находилась в ведении Московского порайонного комитета. Транспортировка грузов по железным дорогам осуществлялась в порядке очереди. Имелось пять очередей грузов, в том числе внеочередные, перевозившиеся по требованию государственных и общественных организаций. Некоторые грузы перевозились по особым правилам.

Железнодорожный транспорт в Российской империи был одной из сильных отраслей национального хозяйства, и в 1914 г. железные дороги служили значительным источником поступления финансовых средств и формирования бюджета государства. В то же время для проведения массовой переброски войск, боеприпасов и вооружения на потенциальные театры военных действий обеспеченность России транспортной сетью была явно недостаточной: темпы наращивания железнодорожной сети в начале XX в. были высокими, но процесс строительства железных дорог шел с перерывами. В 1913 г. Генеральный штаб русской армии составил подробный план развития и усиления железных дорог, который в силу недостаточности средств и начавшейся войны не удалось реализовать в полной мере⁴. 18 июля 1914 г. после объявления мобилизации на всем протяжении Московско-Казанской железной дороги началось экстренное осуществление воинских перевозок, обусловленных мобилизационным планом, и приостановилось коммерческое движение.

Не менее важным мероприятием в начале мобилизации было взятие под охрану особо важных стратегических железнодорожных мостов. 24 июля 1914 г. Исполня-

ющий должность начальника штаба Казанского военного округа генерал-лейтенант Ф. Н. Добрышин издал приказ № 308, исходя из которого «работа железнодорожных линий в военное время направлена... на удовлетворение потребностей Военного Ведомства... установлена охрана сих путей войсками, дабы предупредить возможные со стороны злоумышленников покушения и порчу означенных путей и тем обеспечить непрерывность и правильность работы их для выполнения военных заданий»⁵. Получив телеграмму начальника штаба Казанского военного округа № 1475 от 15 июля 1914 г. казанский и симбирский губернаторы отдали распоряжения о выставлении охранных войск к важнейшим железнодорожным сооружениям на территории округа. Войсковое охранение было выставлено к Романовскому мосту на р. Волге и к мосту на р. Суре у г. Алатыря. Остальные менее важные железнодорожные сооружения, имевшиеся в губерниях, на основании циркулярной телеграммы № 337 подлежали охране местной полицией⁶. Согласно секретному рапорту чебоксарского уездного исправника В. А. Лохвицкого на имя казанского губернатора от 1 августа 1914 г. охрана железнодорожных сооружений, расположенных в Чебоксарском уезде, была возложена на 4 стражников, квартировавших на станции Тюрлема⁷. Подобный рапорт 15 августа 1914 г. составил гражданский уездный исправник И. Н. Филантропов: «По линии Московско-Казанской железной дороги в районе Цивильского уезда имеется 11 железнодорожных мостов, из коих 1 мост, расположенный на 852 версте, имеет длины 5 сажень, а остальные по величине очень незначительные. Охрана... 5-саженого моста осуществлена с 26 июля и имеется наблюдение за всеми остальными мостами»⁸. Только ядринский уездный исправник А. С. Иерусалимский доносил главноначальствующему Казанской губернии, что «железнодорожных сооружений во вверенном мне уезде не имеется»⁹. 16 июля 1914 г. из Москвы от начальника жандармского полицейского управления железных дорог полковника С. А. Максимова на имя казанского губернатора пришла шифрованная телеграмма следующего содержания: «Ввиду... начавшихся массовых перевозок войск и запасных чинов предписано закрывать станционные буфеты за 15 минут до прихода воинских поездов на все время стоянки таковых или пребывания воинских команд на станциях... и войти в сношение о порядке закрытия винных лавок, всех заведений, производящих торговлю спиртными напитками вблизи полосы отчуждения». Ответ казанского губернатора был следующим: «Торговлю крепкими напитками прекратить во всех мобилизованных уездах»¹⁰. Эти меры предосторожности были нелишними, так как уже 24 июля в Ядринском уезде начались беспорядки. Пристав Хмельницкий докладывал по этому поводу со станции Ибреси ядринскому уездному исправнику А. С. Иерусалимскому: «Прибывают партии запасных Курмышского и Ядринского уездов пьяные; запасные объясняют: вино отпускают из винной лавки в Кошлоушах Ядринского уезда [ныне чувашское село в Вурнарском районе. — С. Б., О. Ш.]... проходящие партии запасных напиваются и пьяными прибывают в Ибреси». Вскоре ядринский исправник докладывал о сложившейся обстановке в уезде казанскому губернатору П. М. Боярскому: «Партия запасных Курмышского уезда числом около 1 тысячи человек, разгромив лавку в Курмышском уезде в азартном пьяном виде в селе Бызовке... подожгли таковую. Вина в лавке не было, в 3-х верстах от села Норусово [ныне с. Калинино в Вурнарском районе Чувашской Республики. — С. Б., О. Ш.] напали на дом лесника, разграбили таковой... Пристав Мансуровский сообщил по телефону: в деревне Шинеры [ныне деревня в

Вурнарском районе. — С. Б., О. Ш.] Норусовской волости партией Курмышского уезда разгромлена потребительская лавка, часть вещей отобранана... в Кошлоушах винная лавка все время закрыта, по слухам торгует винная лавка в Цивильском уезде, пограничном пункте с Ядринским уездом». Курмышский уездный исправник подтвердил эту информацию в докладе симбирскому губернатору 25 июля 1914 г.: «Запасные Курмышского уезда учиняют при следовании в Ядринском уезде безобразия... в пьяном виде разбивают лавки, грабят. ...Послать стражу для сопровождения Ваших запасных и недопущения беспорядков». Казанский губернатор дал распоряжение ядринскому исправнику: «Усилить охрану на пути Абызова — Воскресенское, стянуть туда всю свободную стражу... Выяснены ли зачинщики беспорядка, были ли переданы Воинскому Начальству». П. М. Боярский предлагал А. С. Иерусалимскому использовать наличные силы полиции И. Н. Филантропова, который докладывал, что у него в городе и уезде «все благополучно». На помощь приставу Мансуровскому был командирован пристав Метелкин «для принятия решительных мер по поддержанию порядка», а столоначальник Ляпидовский «временно командирован в 1 стан»¹¹.

В целях пресечения подрывной деятельности агентов вражеских разведок чебоксарский, цивильский и ядринский уездные исправники в начале войны провели обследование станций и прилегавших к железнодорожному полотну территорий на предмет обнаружения беспроводного телеграфа шпионов для сообщения сведений о количестве проходящих воинских эшелонов. Аппаратуры связи разведки противника обнаружено не было¹².

На 1 января 1913 г. Московско-Казанская железная дорога, в зоне действия которой оказались Казанская и Симбирская губернии и соответственно уезды чувашского края располагала 519 паровозами, 645 пассажирскими и 15 169 товарными вагонами¹³. Дорога имела важное стратегическое значение. Две магистральные линии Московско-Казанской железной дороги вели к двум важнейшим переправам и крупнейшим пристаням на Волге — к Казани и Батракам, а отдельная ветвь дороги (Инза — Симбирск) подводилась к третьей крупной пристани на Волге у Симбирска. Московско-Казанская железная дорога, являясь тыловой, должна была осуществлять не только перевозки для фронта, но и обслуживать нужды хозяйства. Первым испытанием дороги стала перевозка нижних чинов запаса, новобранцев и ратников Государственного ополчения в войсковые части с началом мобилизации, объявленной в стране. По мере ее проведения большая часть паровозного парка, товарных и пассажирских вагонов использовалась для перемещения войск.

В условиях начавшейся войны Московско-Казанская железная дорога приобрела важное значение как транспортная артерия, соединявшая центральную часть страны, через Инзу и Сызрань, с Сибирской железной дорогой, по которой не только перебрасывались на фронт войска, продовольствие и топливо, но и следовали из США и Японии, союзниц России, разнообразные товары. Для России в годы войны эти грузы приобрели исключительное значение, поскольку страны Европы, охваченные войной, были неспособны поставлять ей традиционные товары. Импортные товары поступали в порт Владивостока, отсюда по Транссибирской магистрали, затем Московско-Казанской и Рязанско-Уральской железным дорогам шли в центр страны.

В годы Первой мировой войны сложилась новая система перевозок — разрешительная, или литерная, согласно которой каждый груз занимал определенное место в очередности. Постепенно все грузы стали перевозиться только по разрешениям.

Железные дороги перевозили по планам военные грузы, интендантское имущество, строительные материалы, металлы для оборонных предприятий, топливо, рельсы и хлопок. Кроме плана снабжения войск продовольствием был разработан порядок перевозки продовольственных товаров, которые выкупались земствами и городами и направлялись в адрес губернаторов. Только продовольственным грузам, направлявшимся в войска, присваивалась литера А (дававшая статус внеочередных грузов). Следствием этого стали перебои в снабжении городов.

Между правительственными чиновниками, местными предпринимателями и правлением дороги шла острая борьба по поводу очередности отправки грузов¹⁴. 27 июля 1914 г. Московский порайонный комитет по регулированию массовых перевозок по железным дорогам направил в Чебоксарскую городскую управу уведомление. В нем говорилось, что ходатайства о доставке по железным дорогам в населенные пункты, на крупные промышленные предприятия и в общественные организации предметов питания, топлива и других грузов первой необходимости рассматриваются Особым совещанием при порайонном комитете, «ходатайства же о внеочередной отправке грузов на станции железных дорог, не входящих в район ни одного комитета (а было их 9)... должны быть направлены в Центральный комитет по регулированию массовых перевозок грузов по железной дороге»¹⁵. Министр внутренних дел Н. А. Маклаков циркуляром № 41 от 22 августа 1914 г. возложил на особые совещания порайонных комитетов регулировку перевозки коммерческих грузов в период мобилизационного состояния железных дорог¹⁶. В список внеочередных продовольственных и фуражных грузов входили чай, мясные товары, рыба, хлеб печеный, сахарный песок, рафинад, мука, крупы, соль, жмых, отруби, хлеб в зерне, макароны, а также сено. На использование овса и ячменя частными лицами накладывалось особое ограничение, так как они были стратегическим сырьем для кавалерийских частей действующей армии¹⁷.

Для отправки вне очереди по железным дорогам продуктов первой необходимости требовалось получить удостоверение от государственного органа о необходимости этой доставки. Содержание ходатайства хорошо видно на примере заявления торговавшего в г. Чебоксарах по промысловому свидетельству 2-го разряда крестьянина Салахутдина Сайфутдинова от 11 декабря 1914 г. на имя Чебоксарской городской управы. Закупив у товарищества крупчатной мельницы в г. Самаре 1 вагон сортовой муки, он просил выдать ему следующее удостоверение: «Доставка... 1 вагона крупчатки вне очереди по железной дороге от станции Самара до станции Шихраны [с 1925 г. — г. Канаш. — С. Б., О. Ш.] является необходимостью». Мотивировка о том, что «запас крупчатки в городе Чебоксарах вообще очень небольшой» позволила получить ему это удостоверение¹⁸. Аналогичное заявление написал 6 апреля 1915 г. крестьянин, проживавший в г. Чебоксары П. Д. Кобышков, который закупил в г. Хвалынске 600 пудов муки-крупчатки и 500 пудов пшеницы в г. Сенгилей для нужд своего города¹⁹.

1 августа 1914 г. канцелярия Московского порайонного комитета срочной телеграммой уведомила казанского губернатора, что по соглашению министра путей сообщения с военным министром при нем образуется Особое совещание с участием представителей военного ведомства, на которых возложена обязанность рассмотрения и удовлетворения ходатайств, относящихся к доставке по железным дорогам, входящим в район Московского комитета, в населенные пункты, крупные промыш-

ленные предприятия и общественные учреждения предметов питания, топлива и других грузов первой необходимости. «Совещанию дано право по соображению с современными воинскими перевозками в экстренных случаях допускать внеочередную отправку неотложно нужных грузов, по удостоверении остроты нужды правительственными или общественными учреждениями... включая Биржевой Комитет, но не по ходатайству частных лиц для собственных нужд... Московский Порайонный Комитет разослал 24 июля всем губернским и уездным земским... и городским управам, входящим в район его дорог, запросы о скорейшем доставлении ему сведений, необходимых для урегулирования подвоза на места предметов питания и грузов первой необходимости»²⁰. В запросе требовалось указать род срочно требовавшихся грузов, их наличный запас, суточное потребление, станции отправления и назначения²¹.

На Московско-Казанской железной дороге наиболее интенсивно эксплуатировались линии Казань — Сихраны — Тимирязево (Ромоданово) и Сызрань — Рузаевка — Сасово — Рязань — Москва. Резкое увеличение перевозок транзитных грузов с Транссибирской магистрали нарушил нормальный оборот подвижного состава и вызвал крайнее напряжение в работе дороги. С началом войны в августе 1914 г. на основе Положения от 19 июля 1914 г. был создан Распорядительный комитет по перевозкам, а в августе 1915 г. — Особое совещание по перевозкам²².

7 августа 1914 г. главноначальствующий Казанской губернии П. М. Боярский предложил земским и городским учреждениям «озаботиться скорейшим доставлением... Порайонному комитету... сведений... в отношении выяснения нужды в экстренной доставке грузов первой необходимости не только для городов, но и других более крупных пунктов уезда. Сообщить о внеочередной отправке Комитету»²³. 8 августа 1914 г. казанский губернатор уведомил уездные съезды, земских начальников, городских голов и уездных исправников о том, что с 7 августа 1914 г. «до окончания военных действий... бедствующие семьи нижних чинов запаса и ополчения будут перевозимы бесплатно со всех станций русских железных дорог в вагонах 3 или 4 классов по казенным и частным железным дорогам, применяющим общий пассажирский тариф [льготный тариф № 171 — 1914 г. — С. Б., О. Ш.]». Такое право проезда предоставлялось бедствующей семье один раз²⁴. Но из-за неправильного применения правила земскими начальниками и чинами полиции удостоверения на бесплатный проезд по железным дорогам выдавались всем крестьянам, имевшим среди ближайших родственников раненых и больных нижних чинов, находившихся в эвакуационных пунктах. Это привело к их переполнению «лицами преимущественно крестьянского сословия, прибывающими для свидания с родными и больными воинами и не имеющими средств на обратный проезд»²⁵. Были и другие категории населения, подпадавшие на льготный тариф. Согласно циркуляру казанского губернатора № 2447 от 16 августа 1914 г. право льготного проезда имели следующие категории служащих: 1) должностные лица местной администрации, отправлявшиеся по делам службы в товарных, служебных, рабочих и экстренных поездах, на тендерах отдельно следующих поездов; 2) врачи, ветеринары и фельдшеры, служащие в правительственных учреждениях, городских и земских управах «при местных войсках или при войсковых частях... в случаях их командировок... с целью предупреждения эпидемических и эпизоотических болезней»; 3) женщины-врачи, служащие в земстве²⁶.

В 1909 — 1915 гг. министром путей сообщения был выдающийся государственный деятель С. В. Рухлов, член Государственного Совета и действительный тайный советник, казненный ЧК в 1918 г.²⁷ 5 сентября 1914 г. он докладывал царю, что благодаря самоотверженному отношению к делу железнодорожных рабочих и служащих перевозка эшелонов на фронт происходит «со всей необходимой точностью и быстротой»²⁸. Перевозка войск еще в начале военной кампании привела к резкому сокращению доставки коммерческих грузов. Их совокупная доля на дорогах восточной части страны составила 75 — 80 % по сравнению с 1913 г., что впоследствии оказало влияние на хозяйственную жизнь регионов. Ситуация усугублялась тем, что в 1914 г. в стране собрали богатый урожай зерновых, но доставить хлеб из-за перегруженности железных дорог воинскими перевозками в основные потребляющие районы было невозможно. Надо учитывать и то обстоятельство, что зерно являлось основным экспортным товаром России, а в условиях войны внешнеторговые операции с рядом европейских стран были приостановлены. Это приводило к скапливанию хлебных грузов на железнодорожных станциях. Из телеграммы начальника управления железных дорог от 27 апреля 1915 г. видно, что для обеспечения продовольствием отправлялись только грузы, адресованные в губернские присутствия, губернские уездные земские и городские управы, а также губернаторам²⁹.

В связи с перегрузкой железной дороги военными заказами уже 1 ноября 1914 г. прекратилась льготная перевозка законтрактованных рабочих в район Донецкого бассейна, а 23 декабря приостановили отправку переселенцев по железным дорогам в Сибирь, что видно из предписания воинского начальника Цивильского уезда Цивильскому волостному правлению³⁰. Из отношения Московского порайонного комитета на имя Чебоксарской городской управы от 28 февраля 1915 г. видно, что сроки внеочередных перевозок гражданских грузов с начала 1915 г. постоянно нарушались «в связи с совершенно исключительными событиями». В документе говорилось, что в отношении частных грузов железные дороги располагают «той частью пропускной способности и теми перевозочными средствами, которые остаются в их распоряжении за удовлетворением потребности в перевозке грузов, предназначенных для нужд государственной обороны и для снабжения армии всем необходимым, а потому... лишены возможности своевременно выполнять наряды порайонных комитетов»³¹. Такой приоритет военных грузов над частными (гражданскими) был определен § 4 «Правил о регулировке Особыми Совещаниями при порайонных комитетах» от 25 ноября 1914 г. с целью жесткого выполнения плана воинских перевозок. В августе 1915 г. было создано Особое совещание по топливу, которое преимущественное право в обеспечении им отдавало армии, флоту, промышленным предприятиям и железным дорогам.

Верховная власть придавала огромное значение железным дорогам как стратегически важным узлам. По территории чувашских и русскоязычных уездов чувашского края проходила железнодорожная линия Алатырь — Ибреси — Шихраны — Урмары — Тюрлема — Казань, проложенная в 1893 — 1894 гг. С окончанием строительства станций и железной дороги открылась возможность вывоза из Чуваши сельскохозяйственных товаров и леса. Русскоязычный город Алатырь был центром одноименного уезда Симбирской губернии и важным пропускным пунктом на пути следования воинских эшелонов, с одной стороны, и поездов с беженцами и ранеными воинами — с другой. К 1911 г. население Алатыря насчитывало 25,5 тыс. жителей.

В городе были построены паровозоремонтные мастерские и депо, в которых к началу XX в. работало около 100 рабочих. С железнодорожной станции в год отправляли хлеб и лес, общий вес которых достигал 1,2 млн пудов³².

В связи с постройкой железной дороги Москва — Казань на спрямляющей линии казанской магистрали от Арзамаса до Шихран в 1916 г. возникла станция Шумерля, получившая название от расположенной в 3 км от нее деревни³³. Станция Ибреси и поселок, образовавшийся при ней, входили в состав Хомбуть-Батыревской волости Буинского уезда Симбирской губернии³⁴. Важный узловой железнодорожный узел станция Шихраны и станция Урмары входили в состав Цивильского уезда Казанской губернии. При этом Шихраны являлись центром сбора всех призывников и новых воинских пополнений, прибывавших из волостей Цивильского, Чебоксарского (в том числе из г. Чебоксары), части Ядринского и чувашских волостей Козьмодемьянского уездов и следовавших затем на фронт. Станция в д. Тюрлеме (ныне в 14 км от малого города районного подчинения Козловка Чувашской Республики) входила в состав Богородской волости Чебоксарского уезда Казанской губернии³⁵. Всего с 29 июля 1914 г. по 3 ноября 1915 г. из Чебоксарского уезда, по нашим подсчетам, были мобилизованы и отправлены через станцию Шихраны на фронт 12 325 чел.³⁶ В 1914 — 1915 гг. недалеко от нее были построены 2 казармы для проживания рекрутов, которых после обучения отправляли в боевые войска. Положение на станции в июле 1914 г. осложнилось в связи с выступлением 2 тыс. солдат из команды запасных нижних чинов против представителей царской администрации. События были катализированы введением «сухого закона» во время проведения мобилизации. В связи с большим запросом на лечебные учреждения было принято решение об организации 2 военных госпиталей на станции Шихраны, но их строительство к июню 1917 г. так и не было завершено. Вскоре Шихраны стали пунктом заготовки хлеба для Петербургского интендантства. Организацией данной работы занимался Н. Я. Абалымов, отец А. Н. Абалымова, председателя Цивильской земской управы. В 1915 г. им было закуплено для военного ведомства 75 тыс. пудов ржаной муки и 20 тыс. пудов ячменя на сумму 104 734 руб.³⁷ Заготовительной деятельностью он занимался вплоть до революции 1917 г. Привлекался к заготовке хлеба для военного ведомства и хлебо-торговец Н. П. Курбатов, продавший ему 12 тыс. пудов муки и 10 тыс. пудов овса³⁸. В Шихранах появились яичные и лесные склады, хлебные амбары и жилые постройки приезжих и местных купцов, скупавших по низкой цене у чувашских крестьян яйца, птицу, хлеб, строительный лес, клепку дубовую. К началу войны в поселке и на станции действовало более 40 крупных торговых фирм. В начале XX в. в поселке проживало около 600 чел.; там не было ни больниц, ни школ, ни библиотек, ни других культурных заведений, хотя была построена церковь³⁹, предпринимались меры по ее охране. До постройки казармы 15 стражников квартировали по обывательским квартирам. В начале 1917 г. после начала строительства новых железнодорожных веток Шихраны стали центром торговли и промышленности для уездов Казанской и Симбирской губерний.

Скопление воинского контингента на железнодорожных станциях потребовало от властей введения жестких требований санитарно-полицейского надзора. С 5 марта 1915 г. на железнодорожных станциях начали действовать «Правила о продаже съестных припасов воинским чинам при станциях железных дорог и паромных пристанях, следующих в составе эшелонов, или эвакуируемым раненым и больным».

Они были утверждены верховным начальником санитарной и эвакуационной части принцем, генерал-адъютантом А. П. Ольденбургским еще 30 октября 1914 г. По правилам торговля съестными припасами проводилась в пределах специально отведенной гражданскими и военными властями полосы отчуждения. Торговцы были обязаны держать все продаваемые продукты на лотках, разносить в корзинах и содержать их «с должной опрятностью, покрывая чистым... легкосменяемым полотном»⁴⁰. Торговцы и их «подручные», которые разносили в корзинах продукты питания к военным и санитарным эшелонам, должны были иметь особые жестяные номерные бляхи (их выдавала местная жандармская железнодорожная полиция). С лотков и корзин разрешалось продавать продукты по фиксированной цене: хлеб — черный (3 коп.), белый (6 коп.), баранки (7 — 10 коп.); мясо и птицу вареную и жареную (курица — 50 — 60 коп.); ветчину (50 коп.) и колбасу вареную (25 коп.); сало свиное; яйца сырые и вареные (20 коп.); рыбу вареную и жареную (20 коп. за 1 фунт); молоко кипяченое (5 коп. бутылка), творог; огурцы соленые (10 коп. за 1 десяток); яблоки моченые, апельсины и лимоны; пироги с начинкой (10 коп. за 1 фунт); чай (золотник — 2 коп.); сахар колотый и пиленый; дешевые сорта табака и папирос. Не допускались к продаже: фрукты сырые (за исключением лимонов и апельсинов); овощи сырые; «квасы всякого рода». Плата с торговцев не взималась, но их продажа не должна была носить монопольного характера. Цены устанавливались властями сообразно с местными условиями и вне всякой зависимости от цен, установленных в железнодорожных буфетах. Содержатели железнодорожных буфетов 3-го класса обязаны были иметь в своих заведениях для продажи нижним чинам дешевые сорта табака и папирос. «Приведение сих правил санитарно-полицейского надзора возлагается на Главный Комитет по охране ж/д, МВД и Министерство Путей Сообщения...»⁴¹.

С 1 августа по 28 сентября 1915 г. Московско-Казанская железная дорога приняла 7 882 вагона с беженцами и эвакуационными грузами, которые вынудили правление дороги прекратить погрузку частных коммерческих грузов на всех станциях. В результате такой практики эшелоны с эвакуированными материалами простаивали на узловых станциях Шихраны и Алатырь в ожидании отправления или разгрузки от 3 до 10 дней, загромаждая маневренные, запасные и станционные пути. Все это приводило к нарушению нормального обмена товарными вагонами. Негативное воздействие на функционирование дороги оказывала неравномерность следования санитарных и воинских поездов, для обязательного пропуска которых требовалось пересматривать графики движения и расписания поездов. К тому же следование поездов в уменьшенных составах, но с увеличенной скоростью приводило к усиленному износу инженерных сооружений дороги и подвижного состава. Последние факторы стали особенно сильно сказываться в работе дороги с октября 1915 г. Закупка нового подвижного состава наталкивалась на значительный рост цен на продукцию вагоностроительных заводов, которые были неспособны выполнять размещаемые на них заказы. Затруднения с обеспечением дороги шпалами, дровами, другими лесными материалами вынуждали руководство дороги приобретать в частную собственность лесные имения. Так, в 1916 г. в Казанской губернии было куплено имение «Собакино»⁴².

28 октября 1915 г. на состоявшемся в г. Харькове съезде представителей городов по «борьбе с дороговизной» была принята резолюция об упорядочении работы

железнодорожного транспорта и улучшении регистрации пребывавших на станции вагонов с грузами в целях сокращения сроков их простоя на промежуточных станциях и станциях назначения. Решение подразумевало развитие и Московского железнодорожного узла прокладкой вторых и третьих путей. Главной причиной расстройства работы железных дорог представители съезда считали разделение железнодорожных перевозок между несколькими ведомствами, причем ни одно из которых не несет полной ответственности перед страной за состояние железнодорожного движения; все следует сосредоточить в руках одного ведомства под руководством лица, пользующегося общественным доверием и ответственного перед народным представительством, устранив административную опеку. Они рекомендовали городским и земским управам использовать право приобретения на льготных условиях участков казенных лесных дач и заняться заготовкой дров для населения⁴³.

Циркуляр Центрального военно-промышленного комитета от 21 декабря 1915 г. давал право уполномоченным от Всероссийского земского и городского союзов, выполняющим заказы интендантского ведомства, выдавать предложения литеры Н по военному тарифу на перевозку теплых вещей, необходимых в деле снабжения армии, отправляемых как на фронт, так и в интендантские склады⁴⁴.

Из циркуляра казанского губернатора № 433 от 23 марта 1916 г. следует, что на некоторых станциях Московско-Казанской железной дороги наблюдалось значительное скопление грузов, препятствовавшее дальнейшему прибытию составов с вагонами на место разгрузки, что затрудняло снабжение армии и населения предметами первой необходимости и вызывало спекулятивное поднятие цен на местных рынках. Принимая во внимание, что весной городские и земские управы проводили большие закупки семенного и продовольственного хлеба, губернатор распорядился вывозить со станций принадлежавшие им грузы немедленно, по прибытии, «дабы способствовать, возможно, скорой разгрузке железнодорожных складочных помещений»⁴⁵. 9 мая 1916 г. председатель Особого совещания утвердил новые правила распределения между потребителями твердого минерального топлива Донецкого бассейна. Согласно им на случай недостатка подвижного состава на железной дороге и невозможности вывезти из мест добычи к потребителю все количество топлива, «общая его цифра разделяется на 3 серии»: 1) серию «А», подлежащую безусловной погрузке и вывозу в первую очередь вне зависимости от категории потребителя; 2) серию «Б», предъявляемую к загрузке во вторую очередь; 3) серию «В», подразумевающую погрузку в случае особо благоприятных условий вывоза⁴⁶.

О расстройстве железнодорожного сообщения к лету 1916 г. следует из «Доклада Редакционной Комиссии Общегубернскому Совещанию по борьбе с дороговизной в г. Казани». Огромная армия, которую пришлось перевозить на фронт, пополнять, снабжать и кормить, колоссально загрузила железнодорожную сеть. По мнению докладчиков, железная дорога «в общем, удовлетворительно справилась с этой работой, но... не смогла наладить в достаточной степени перевозку продовольственных грузов... объявляя запрещенными те или иные станции (к разгрузке). Огромные запасы... продуктов... мяса и хлеба в Сибири лежат нетронутыми, и двинуть их не представляется возможным. Это болезненно отражается на... экономическом организме, он... теряет способность противостоять развитию паразитов, которые стремятся к легкому обогащению на поле общественного бедствия»⁴⁷. Например, к концу 1916 г. станция г. Алатыря была перегружена различными грузами военного

назначения, а складские помещения — переполнены снарядами ящиками, изготовившимися Алатырским военно-промышленным комитетом, что нарушало работу Алатырского железнодорожного узла⁴⁸. Такое положение дел на железной дороге в целом ослабляло возможность тыла полноценно снабжать фронт всем необходимым.

Для упорядочивания железнодорожных перевозок специалисты редакционной комиссии предлагали следующие меры: 1) сократить пробег порожних вагонов; 2) не допускать использование их не по назначению; 3) ходатайствовать об увеличении количества паровозов на Московско-Казанской железной дороге; 4) разработать более интенсивный график движения поездов, чтобы установить безостановочное движение воинских и частных грузов; 5) ходатайствовать о разрешении перевозки дров и другой продукции первой необходимости в Казань по подготовленной для движения части строящейся Екатеринбургской железной дороги и по участку Шихраны — Арзамас «с понижением для этих грузов тарифа до нормы»; 6) допустить движение по этому пути продукции, предназначенной для военного ведомства. По заявлению «господина Малецкого» при увеличении «провозной способности» в 1,5 раза, пропускная способность Московско-Казанской железной дороги должна была увеличиться до 330 вагонов в обе стороны⁴⁹.

О сбое в работе железной дороги видно из циркуляра № 3634 Всероссийской сельскохозяйственной палаты от 7 августа 1916 г.: «Расстройство железнодорожного сообщения лишает... возможности регулярного подвоза к населенным пунктам продуктов продовольствия. Продукты растительные, заменив собой в питании населения мясо, в тоже время являются грузами чрезвычайно трудными для перевозки. ...В сырых овощах до 80 % воды. ...И эту воду, как бесполезный балласт приходится возить по железным дорогам, что при условии недостатка вагонов совершенно недопустимо»⁵⁰. Чтобы уменьшить нагрузку на железные дороги сельскохозяйственная палата рекомендовала городским и земским управам пропагандировать разведение пригородных огородов. 9 декабря 1916 г. Перевозочный отдел Управления железных дорог издал циркуляр № ПЕ 8954/139705, который спешно был разослан местным военно-промышленным комитетам Казанской и Симбирской губерний и порайонным комитетам. В нем говорилось о необходимости организации на наиболее крупных железнодорожных станциях ночной загрузки и погрузки, так как при общем недостатке вагонов «на сети» наиболее существенным ресурсом является сокращение простоя вагонов «под нагрузкой». Согласно циркуляру работу следовало организовать в 2 смены⁵¹.

Необходимо отметить, что в 1916 г. по Московско-Казанской железной дороге были перевезены 2 851 051 воинский чин, 34 269 арестантов и конвойных, причем значительная часть перевозки пассажиров и грузов происходила по воинскому, уменьшенному тарифу; выросли перевозки и по служебному тарифу⁵². Роль железнодорожных войск в годы Первой мировой войны трудно переоценить. К концу 1916 г. в их составе на фронте находились 2 600 офицеров, 130 400 нижних чинов, которые были объединены в 40 железнодорожных батальонов и 7 коренных парков узкоколейных железных дорог. При строительстве блиндированных поездов (бронепоездов), создании систем разрушения и восстановления дорог железнодорожники проявляли большую изобретательность. Железнодорожные батальоны, выполняя значительные объемы работ по развитию сети дорог в тылу русской армии, обеспечивали ее боеготовность. Железнодорожные войска во время войны продемонстрировали исклю-

чительную важность для страны: без них ведение войны вряд ли бы стало возможным⁵³. К тому же железная дорога несла огромные расходы по содержанию лазаретов, строительству новых развязок, открытых согласно мобилизационному плану, чтобы увеличить пропускную способность железнодорожных линий. В годы Первой мировой войны железная дорога стала испытывать трудности с кадрами, так как значительная часть рабочих и служащих, обеспечивавших ремонтные работы в депо и мастерских, была призвана в действующую армию. Надеясь получить бронь как работники железной дороги на их место приходили менее квалифицированные служащие, в том числе те, кто скрывался от мобилизации⁵⁴. Администрация паровозных мастерских и служб пути в приказном порядке заставляла работать сверхурочно, повторяя, что любой сбой в работе будет считаться государственным преступлением и караться судом по законам военного времени⁵⁵.

Министерство путей сообщения и Военное министерство в годы Первой мировой войны постоянно заботились об усилении пропускной способности линии Казань — Шихраны — Арзамас — Люберцы и окончании линий Арзамас — Шихраны, Казань — Екатеринбург, строительство и ввод которых были заморожены на четыре года. Линия Арзамас — Шихраны была введена в строй в 1918 г.⁵⁶

После Февральской революции 1917 г. по всей линии дороги от Москвы до Алатыря прошли митинги служащих и рабочих дороги с участием комиссии, в которой состояли член Государственного Совета К. С. Немешаев, члены Государственной Думы Д. И. Герценвиц, В. А. Ржевский, член Земского городского Союза Н. М. Терешкович. Здесь же присутствовали высокопоставленные представители администрации во главе с фон Н. К. Мекком. Встреча с членами комиссии в Алатыре произошла 8 апреля 1917 г., на ней рабочие и служащие потребовали улучшения экономического положения⁵⁷. 14 марта 1917 г. казанский губернский комиссар командировал по просьбе Цивильского уездного комиссара Временного правительства А. Н. Абалымова в его распоряжение 185 вооруженных солдат, из которых 70 были направлены на станцию Урмары, а 115 — на станцию Шихраны для охраны самой станции, пакгаузов и поддержания общественного порядка⁵⁸.

7 апреля 1917 г. начальник штаба Казанского военного округа генерал Ф. Н. Добрышин отправил телеграмму № 9143 во все уезды Казанской и Симбирской губерний с решением делегатов 54 гарнизонных комитетов округа об условиях перевозок по железным дорогам и водным путям воинских чинов. В ней говорилось, что для восстановления порядка необходимо: 1) следить за недопущением переполнения железнодорожных станций, паромных пристаней «публикой» и воинскими чинами; 2) наблюдать за правильной посадкой раненых и больных воинских чинов, не допуская переполнения вагонов сверх нормы, установленной железнодорожными правилами; 3) принять меры к ограждению личной безопасности железнодорожных служащих при исполнении ими служебных обязанностей, а также железнодорожных путей, сооружений и грузов; 4) проверять увольнительные документы и проездные билеты «всех проходящих и отправляющихся в поездах уезжающих солдат и офицеров»; 5) воинских чинов, не имеющих документов, задерживать и отправлять в распоряжение коменданта или караулов станции для препровождения в ближайшие воинские части, где из них формировать особые команды от 100 до 200 человек для отправления на фронт; 6) «в помощь» назначать военные патрули «достаточной силы» для отправления на станции, где это окажется необходимым; 7) разделить меж-

ду гарнизонными военными комитетами участки железных дорог и задерживать всех подозрительных лиц и военнопленных, находящихся на станциях, пристанях, в поездах и районах железных дорог; 8) организовать эшелонные комитеты для сохранения дисциплины и недопущения дезертирства⁵⁹.

Драматически складывалась ситуация на дороге после Октябрьской революции 1917 г. Так, 27 октября общее собрание мастеровых, рабочих и служащих Перовских вагонных мастерских Московско-Казанской железной дороги, где традиционно преобладало влияние большевиков, своим постановлением объявили Временное правительство и всех его вождей правительством предателей и изменников делу революции⁶⁰. В депо, мастерских и на станциях дороги развернулась борьба между Всероссийским исполнительным комитетом железнодорожников, находившимся под контролем большевиков, и Всероссийским железнодорожным союзом, где большое влияние имели меньшевики и эсеры. Попытки введения рабочего контроля на железной дороге и осуществления анархического лозунга «Железные дороги — железнодорожникам!» наносили вред работе дороги и парализовали деятельность ее правления и администрации. На всех станциях функционировали военно-революционные комитеты, часто отменявшие решения правления дороги. В ноябре 1917 г. был создан Цивильский уездный Совет солдатских и крестьянских депутатов. После свержения Временного правительства на станции Шихраны стал функционировать Союз строителей военных барачков, деятельность которого была направлена на всеобщую демократизацию общественной жизни⁶¹. В конце 1917 г. на Московско-Казанской железной дороге было объявлено военное положение, а председателем Главного военно-революционного комитета был назначен большевик В. Ф. Савельев, слесарь Перовских мастерских.

Брестский мир с Германией, подписанный правительством большевиков 3 марта 1918 г., вывел Россию из Первой мировой войны, но не улучшил положение на дороге. Развернувшиеся в стране революционные потрясения и хаос Гражданской войны полностью дезорганизовали ее деятельность. Общая погрузка в вагоны, отправлявшиеся по Московско-Казанской железной дороге, за первое полугодие 1918 г. снизилась по сравнению с 1916 г. на 46 %⁶². На основании декрета «О национализации предприятий ряда отраслей промышленности, предприятий в области железнодорожного транспорта, по местному благоустройству и паровых мельниц» Московско-Казанская железная дорога 28 июня 1918 г. как частное предприятие была национализирована⁶³. Весь технический, рабочий и служебный персонал предприятия, включая директора, правление и ответственных распорядителей, объявлялись состоящими на службе советской власти, уход с постов карался революционным трибуналом по всей строгости уголовных законов. 4 сентября 1918 г. был принят декрет советской власти «О ликвидации частных железных дорог», упразднивший правление дороги, передавший ее собственность республике, ознаменовав свидетельствуя о полной ликвидации частновладельческого предпринимательства на железной дороге.

Таким образом, можно сделать вывод, что чувашские и российские исследователи немало сделали по изучению проблемы мобилизации на Московско-Казанской железной дороге во время Первой мировой войны, однако недостаточно освещены некоторые вопросы относительно чувашского края. Благодаря своевременной подготовке губернские и уездные власти оперативно отреагировали на телеграфное со-

общение о начале мобилизации. В целом мобилизация ресурсов Московско-Казанской железной дороги после объявления войны прошла успешно и в установленные сроки благодаря тщательно разработанному в мирное время плану воинских перевозок и энергии железнодорожников. Железнодорожные сооружения дороги взяли под охрану. Переброска в 1914 г. огромных войсковых масс, продовольствия, боеприпасов, вооружения и снаряжения была выполнена Московско-Казанской железной дорогой удовлетворительно. К началу 1915 г. она стала испытывать серьезные трудности с важными перевозками. При этом мобилизация русской армии, осуществленная в кратчайшие сроки, и снабжение фронта и тыла предметами первой необходимости продемонстрировали высочайший профессионализм и непоказной патриотизм работников Московско-Казанской железной дороги. В 1917 г. железнодорожники пытались работать самоотверженно и эффективно, но отток кадров служащих и рабочих мастерских, материально-технический износ отраслевой базы, недостаточны финансирование и снабжение железной дороги привели к усилению напряженности и сбоям в ее работе. В 1918 г. после выхода России из войны Московско-Казанская железная дорога как частная собственность была национализирована и передана в ведение советской республики.

Библиографические ссылки

¹ См.: **Харитонов В. Г.** Канаш : ист. очерк. Чебоксары, 2013.

² См.: **Макарова С.Л.** Организация работы железных дорог в Российской империи // Вестник архивиста. 2003. № 1. С. 195 ; **Сидоров А. Л.** Железнодорожный транспорт России в Первой мировой войне и обострение экономического кризиса в стране // Исторические записки. 1948. Т. 26. С. 18 — 58.

³ См.: **Фортунагов В. В.** Патриотический трудовой подвиг российских железнодорожников в годы Первой мировой войны // Мир науки, культуры, образования. 2014. № 6 (49). С. 482 — 484.

⁴ Там же. С. 483.

⁵ НА РТ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 1391. Л. 22.

⁶ Там же. Оп. 4. Д. 5735. Л. 2.

⁷ Там же. Л. 231.

⁸ Там же. Л. 371.

⁹ Там же. Л. 229.

¹⁰ Там же. Л. 22.

¹¹ Там же. Л. 137, 147 — 151, 155 — 159.

¹² Там же. Л. 406, 415, 421.

¹³ См.: **Андреев В. В.** Московско-Казанская железная дорога в годы Первой мировой войны (об изменении в работе железных дорог Москва – Казань в годы Первой мировой войны) // Вестник Чувашского университета. Гуманитарные науки. 2006. № 4. С. 3 — 11.

¹⁴ Там же. С. 4.

¹⁵ ГИА ЧР. Ф. 82. Оп. 1. Д. 1331. Л. 342.

¹⁶ ГИА ЧР. Ф. 86. Оп. 1. Д. 989. Л. 119.

¹⁷ ГИА ЧР. Ф. 82. Оп. 1. Д. 1359. Л. 61, 66, 69; Ф. 86. Оп. 1. Д. 1008. Л. 171.

¹⁸ ГИА ЧР. Ф. 82. Оп. 1. Д. 1331. Л. 512 — 512 об. ; Д. 1358. Л. 18.

¹⁹ Там же. Д. 1358. Л. 100.

²⁰ Там же. Д. 1331. Л. 354.

²¹ ГИА ЧР. Ф. 86. Оп. 1. Д. 989. Л. 135.

²² **Макарова С. Л.** Указ. соч. С. 195.

²³ ГИА ЧР. Ф. 82. Оп. 1. Д. 1331. Л. 353.

²⁴ ГИА ЧР. Ф. 76. Оп. 1. Д. 40. Л. 26 ; Ф. 82. Оп. 1. Д. 1330. Л. 87.

- ²⁵ ГИА ЧР. Ф. 76. Оп. 1. Д. 43. Л. 2 ; Ф. 82. Оп. 1 ; Д. 1330. Л. 120.
- ²⁶ ГИА ЧР. Ф. 86. Оп. 1. Д. 989. Л. 146 — 147.
- ²⁷ См.: **Фортунагов В. В.** Указ. соч. С. 483.
- ²⁸ Цит. по: **Андреев В. В.** Указ. соч. С. 4.
- ²⁹ ГИА ЧР. Ф. 82. Оп. 1. Д. 1358. Л. 171; Ф. 86. Оп. 1. Д. 1008. Л. 30.
- ³⁰ ГИА ЧР. Ф. 82. Оп. 1. Д. 1330. Л. 117, 123.
- ³¹ Там же. Д. 1359. Л. 35.
- ³² См.: **Дмитриев Э. Я.** Города Чувашии : экон.-геогр. очерки. Чебоксары, 1987. С. 70.
- ³³ См.: **Матвеев Г. П.** Экономико-географический очерк Чувашии. Чебоксары, 1959. С. 169 — 170.
- ³⁴ См.: Первая мировая война: австро-венгерские и германские военнопленные в Чувашии (документы и материалы Государственного исторического архива Чувашской Республики) / сост. Ф. Н. Козлов. Чебоксары, 2014.
- ³⁵ См.: **Дубанов И. С.** Географические названия Чувашской Республики : краеведч. слов. 2-е изд., доп. Чебоксары, 2013. С. 405.
- ³⁶ ГИА ЧР. Ф. 82. Оп. 1. Д. 1328. Л. 32 ; Д. 1331. Л. 454; Д. 1352. Л. 1 — 8, 22 — 33, 78 — 78 об.; Д. 1354. Л. 14 — 18, 26, 41 — 57, 61 — 66 об. ; Д. 1355. Л. 9, 14 — 19, 24 — 32.
- ³⁷ См.: **Харитонова В. Г.** Указ. соч. С. 20 — 22.
- ³⁸ Там же. С. 21.
- ³⁹ См.: **Дмитриев Э. Я.** Указ. соч. С. 52 — 53.
- ⁴⁰ ГИА ЧР. Ф. 82. Оп. 1. Д. 1358. Л. 142.
- ⁴¹ Там же. Л. 142 — 143.
- ⁴² См.: **Андреев В. В.** Указ. соч. С. 5 — 6.
- ⁴³ ГИА ЧР. Ф. 82. Оп. 1. Д. 1359. Л. 173 — 176.
- ⁴⁴ Там же. Л. 306.
- ⁴⁵ ГИА ЧР. Ф. 79. Оп. 1. Д. 1379. Л. 21 ; Ф. 82. Оп. 1. Д. 1387. Л. 55.
- ⁴⁶ ГИА ЧР. Ф. 82. Оп. 1. Д. 1387. Л. 152.
- ⁴⁷ Там же. Л. 163 — 163 об.
- ⁴⁸ ГИА ЧР. Ф. 76. Оп. 1. Д. 43. Л. 480 — 480 об.
- ⁴⁹ ГИА ЧР. Ф. 82. Оп. 1. Д. 1387. Л. 163 об. — 164.
- ⁵⁰ Там же. Д. 1358. Л. 212 — 212 об.
- ⁵¹ Там же. Д. 1387. Л. 282 — 282 об.
- ⁵² См.: **Андреев В. В.** Указ. соч. С. 6.
- ⁵³ См.: **Старостенков Н. В.** Железнодорожные войска России. М., 2001. Кн. 1.
- ⁵⁴ См.: **Андреев В. В.** Указ. соч. С. 7.
- ⁵⁵ См.: **Барышев Г. А.** Трудовая слава : очерк истории развития юдинского железнодорожно-го узла. Казань, 1995.
- ⁵⁶ См.: **Андреев В. В.** Указ. соч. С. 7 — 8.
- ⁵⁷ Там же. С. 8.
- ⁵⁸ См.: **Фортунагов В. В.** Указ. соч. С. 22.
- ⁵⁹ ГИА ЧР. Ф. 555. Оп. 1. Д. 2. Л. 43.
- ⁶⁰ См.: **Журавлев В. В.** Национализация частных железных дорог в СССР // Исторические записки. 1970. Т. 86. С. 57 — 132.
- ⁶¹ См.: **Харитонова В. Г.** Указ. соч. С. 22.
- ⁶² См.: **Журавлев В. В.** Указ. соч. С. 109 — 110.
- ⁶³ См.: **Андреев В. В.** Указ. соч. С. 10.

Поступила 23.04.2018 г.

УДК 94(47).084.5

О. А. Филенкова

O. A. Filenkova

**АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ ДЕЛЕНИЕ
ПЕНЗЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНТЕКСТЕ
СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ
В 1917 — НАЧАЛЕ 1920-х гг.**

**ADMINISTRATIVE AND TERRITORIAL DIVISION
OF THE PENZA GOVERNORATE IN THE CONTEXT
OF SOCIAL AND POLITICAL PROCESSES
OF 1917 — THE BEGINNING OF THE 1920S**

Ключевые слова: история РСФСР, административно-территориальная реформа 1920-х гг., социально-политические процессы, формирование гражданского общества.

На материалах Пензенской губернии в статье раскрывается проблема формирования модели территориального управления в 1917 — 1920-х гг. Автор доказывает, что необходимость легитимизации власти вынуждала большевиков идти на уступки регионам и препятствовала концентрации ресурсов, но в итоге возобладала тенденция к централизации управления, и формирование зримого и продуктивного участия местных интеллектуальных элит в разработке наиболее эффективной модели территориальной политики было безвозвратно разрушено.

Key words: history of the RSFSR, administrative and territorial reform of the 1920s, social and political processes, formation of civil society.

Based on the materials of the Penza Governorate the problem of formation of a territorial administration model in 1917 — 1920s is revealed in the article. The author argues that the need for legitimization of the power forced the Bolsheviks to make concessions to the regions and prevented the concentration of resources, but finally the centralization of authority prevailed and the formation of a visible and productive participation of local intellectual elites in the development of the most effective model of territorial policy was irretrievably destroyed.

Правовые основы революционной перестройки административно-территориального деления начали формироваться на рубеже 1917 — 1918 гг. первоначально как решение проблемы легитимизации стихийного перераспределения территорий, инициированного на местах¹. В целях регулирования этого процесса с 1918 г. при губисполкомах в соответствии с предписанием НКВД стали создаваться административно-территориальные комиссии². В Пензенской губернии начало работы такой комиссии было чрезвычайно осложнено втягиванием региона в горнило вооруженного противостояния Гражданской войны: в мае 1918 г. Пенза оказалась в эпицентре восстания частей чехословацкого корпуса, и все процессы организационной перестройки надолго остановились.

Задачи модернизации экономики страны привели к необходимости трансформировать имперскую модель административно-территориального деления страны: в основу реформы был положен критерий «хозяйственно-экономического тяготения»,

призванный стать важнейшим стимулом выравнивания экономического потенциала и развития регионов в целом. Созданная в феврале 1920 г. по решению VII съезда Советов административная комиссия во главу угла реформы поставила задачу районирования территорий, объединенных вокруг пролетарских центров³. После создания Общеплановой государственной комиссии при Совете труда и обороны в апреле 1921 г., а чуть позднее областных экономических советов контуры реформы получили определенное очертание: губернское деление предстояло упразднить, общей тенденцией становилось укрупнение территорий по принципу: край (область) — округ — район. Волостной уровень управления уходил в небытие. Ощущалась прямая связь районирования и планов по электрификации страны. Так, согласно одной из докладных записок К. Д. Егорова, секретаря административной комиссии при ВЦИКе, отмечалось, что в состав Центрально-промышленного района ГОЭЛРО включило: Тверскую, Ярославскую, Костромскую, Нижегородскую, Владимирскую, Иваново-Вознесенскую, Московскую, Пензенскую, Рязанскую, Тульскую, Орловскую, Смоленскую, Минскую (часть), Могилевскую, Гомельскую, Курскую и Тамбовскую губернии⁴.

Однако уже в конце 1921 г. на IX съезде Советов вопрос о районировании приобрел иное направление. В докладе по вопросам советского строительства Т. В. Сапронов предложил ограничиться уже созданными областями (Северо-Западной, Северной и Уральской), оставить на повестке дня вопрос о создании Волжской области и воздержаться от дальнейшего реформирования, пойдя по простому пути укрупнения губерний. Первоначально эта мера была признана своевременной, необходимой и целесообразной. Показательно, что предложение о сокращении числа губерний, представленное как проект члена ВЦИКа Ю. Ларина (М. А. Лурье), в формате телеграммы наркомата внутренних дел № 467 от 21 февраля 1922 г. было направлено всем губисполкомам. По предложению Ю. Ларина предстояло упразднить Рыбинский, Пермский, Тамбовский, Пензенский, Тверской, Владимирский, Ярославский, Рязанский, Костромской, Симбирский, Курский, Калужский, Орловский, Витебский, Олонецкий, Псковский, Гомельский, Новгородский, Череповецкий, Северо-Двинский, Тюменский и Уфимский губисполкомы (всего 22 губернии)⁵. Территория ликвидированных субъектов поезде передавалась более развитым в промышленном отношении регионам. Так, территория Пензенской губернии делилась между Нижегородской (Саранский, Инсарский, Наровчатский и Краснослободский уезды), Самарской (Городищенский уезд) и Саратовской (Пензенский, Чембарский, Мокшанский, Нижне-Ломовский и Керенский уезды) губерниями⁶.

Реакция регионов не заставила себя долго ждать. Практически все намеченные к ликвидации губисполкомы высказались против столь непродуманного решения. Так, 25 февраля 1922 г. на заседании Пензенский губернский исполнительный комитет Советов РКК депутатов (расширенного пленума) подавляющим большинством голосов (19 против 2) постановил: признать упразднение Пензенской губернии нецелесообразным. В центр был направлен обширный доклад о предполагаемом упразднении Пензенской губернии, подготовленный Пензенским губисполкомом и губадмкомиссией. По мнению регионального политического эстеблишмента, «отдаленность губернского центра от губернской периферии приведет к ослаблению деятельности административного аппарата и создаст серьезную угрозу проведению в жизнь административных задач». Пензенская губерния «как находящаяся в неблаго-

приятных условиях сообщения с соседними губернскими центрами; как представляющая собой экономический район переходного типа от чисто земледельческого к земледельческо-кустарно-промысловому; как губерния, имеющая в своем составе до 20 % мордовского и татарского населения, что ей придает специфический в этнографическом отношении оттенок; как губерния переходного типа и в естественно-историческом отношении (лесостепь при сравнительно высокой лесистости), что ее отличает заметным образом от Саратовской губернии; как обладающая старым губернским центром крупного культурного значения, распространяющим свое влияние в известной мере за пределы губернии не только не должна быть упразднена, но в данных условиях даже должна быть расширена за счет тех местностей соседних губерний, которые при экономическом сродстве с Пензенской губернией поставлены в лучшие условия с Пензой, чем со своими губернскими городами»⁷. Региональные власти отстаивали прежнее видение проблемы (создание областей, но при сохранении обновленных губерний).

Позднее в ходе анализа экономического обеспечения проекта, рекомендаций НКВД, ВЦИК, ВСНХ, ЦСУ, Госплана и т. д., реакции с мест от столь радикального проекта отказались. Прежде всего, хромал тезис об экономии ресурсов на содержание управленцев. Ведь, если центр расположить, например, в Саратове, то расходы на поездки землемеров, ревизоров и других специалистов существенно возрастут, и число сотрудников нужно будет увеличивать из-за дальности расстояния. В частности, расстояние от Краснослободска до Пензы составляло 210 верст, а до Саратова — 530. А если измерить и сложить расстояние от всех уездных центров до Пензы получалось 1 080, а до Саратова — 3 530 верст (т. е. 330 %). Соответственно этим расчетам ожидалось увеличение расходов в 3,3 раза. Более того, было высказано предложение об увеличении территории Пензенской губернии за счет Кузнецкого уезда, северо-западной части Хвалынского и западной части Сызранского и Карсунского уездов, Моршанского, Спасского и Темниковского уездов Саратовской, Симбирской и Тамбовской губерний⁸.

В то же время еще 6 февраля 1921 г. в специальном циркулярном письме Наркомат внутренних дел поставил перед уездными и губернскими исполкомами задачу собрать материал о количестве фабрично-заводских предприятий; о занятиях основной части населения; о распределении населения по территории; о хозяйственном тяготении населения к тому или иному населенному пункту; о состоянии железнодорожных станций и паромных пристаней; и, наконец, о национальном составе населения⁹.

Активное привлечение лучших интеллектуальных ресурсов региона к поискам научного решения проблемы реформирования административно-территориальной системы объективно выступает отражением более глобального и, безусловно, прогрессивного феномена, рожденного в горниле Великой русской революции, — культивации ростков гражданского общества, семена которого были брошены в благодатную почву еще в эпоху Великих реформ. Можно сетовать на паллиативный и непоследовательный характер шагов, предпринимаемых центральными властями в этом направлении, на реформистскую чехарду в процессе выработки административного решения относительно общей тенденции к централизации или децентрализации управления. Однако вряд ли можно оспорить тот факт, что в своей основе предложенная модель организации власти Советов, закрепившаяся в ходе революции,

произрастала на сетевой основе, подпитывала и транслировала «геоисторический и социальный опыт» территориальных общностей людей¹⁰. Примечательно, что первоначально стратегия реформы определялась не как прием децентрализации, территориальной перекройки, а как «один из важных методов концентрации сил, внимания, воли, руководства и организации в советском строительстве»¹¹. Данная задача последовательно решалась в исследовании А. Е. Любимова, посвященном анализу истории административно-территориального устройства Пензенской губернии. Вопрос об «областном территориальном организме» рассматривался автором опосредованно через вопрос о «социальных элементах местности», имевшего, по его мнению, преимущественное значение¹².

В этом отношении трудно назвать случайным стечением обстоятельств или следствием чрезмерной исполнительности и столь заметную исследовательскую и публикационную активность региональных властей в деле изучения условий и научной организации районирования территорий. Такая особенность местной жизни была отмечена и авторами сборника материалов подготовительного этапа реформы, опубликованного центральным издательством: «Чрезвычайно интересна методология дробного районирования, принятая Пензенский Губпланом в его проекте районно-волостного деления губернии»¹³. Издание сборника «Материалы по районированию и организации Средне-Волжской области» помимо ссылки на анализ и статистику позиционировалось как пособие по краеведению к изучению Пензенского края¹⁴.

Итогом деятельности административно-территориальной комиссии при губисполкоме стала разработка проекта внутригубернского деления (1921 г.). Проект обсуждался на местах в уисполкомах и волисполкомах в течение второй половины 1921 г., и, наконец, был представлен на утверждение пленуму губисполкома июньской сессии 1922 г. Общее количество уездов сокращалось с 11 до 9 (упразднялись Рузаевский и Мокшанский уезды), а число волостей снижалось с 254 до 170. По вопросу о внешних границах губернии в планах региональных властей стояло присоединение Кузнецкого и Петровского уездов Саратовской губернии, части Спасского и Темниковского уездов Тамбовской губернии и части Карсунского и Ардаатовского уездов Симбирской губернии¹⁵.

11 июля 1922 г. последовало Постановление ВЦИК о приостановлении всяких административно-территориальных делений до начала 1923 г., и работа местных комиссий была приостановлена. Впрочем это решение не отменило проведение исследований по разработке методологии районирования и тщательного обследования организационных условий хозяйства селений на основе анализа данных подворных переписей Пензенской губернии за 1910, 1911, 1917 и 1920 гг. Для определения границ районов были выбраны 20 критериев «естественно-исторического и экономического порядка», в том числе: качество почвы; степень лесистости; обеспеченность землей; интенсивность промысловой деятельности населения; развитие обрабатывающей промышленности; обеспеченность рабочим скотом; характер скотоводства; развитие молочного скотоводства; развитие овцеводства, свиноводства, птицеводства; удельный вес технических культур в структуре сельскохозяйственного производства; развитие огородничества; размер селений; средний размер семьи; расстояние до торгового центра или базара; расстояние до ближайшей железнодорожной станции и др. Общее заключение, сделанное при детальном районировании губернии, позволило прийти к выводу, что единственным фактором, который мог

быть положен в основу грядущей реформы, выступало существование в губернии торговых центров¹⁶. В 1924 г. Проект административно-территориального районирования Пензенской губернии с описанием районов был опубликован в типографии Воровского в г. Пензе.

Дальнейшее развитие событий покажет, что необоснованная централизация управления и связанное с этим укрупнение регионов негативно скажутся на оперативности, а значит, и результативности контроля над ресурсами. Вместе с тем, несмотря на возвращение к прежней сетке административных центров, робкие ростки разграничения зон ответственности во взаимодействии центра и регионов, формирование зримого и продуктивного участия местных интеллектуальных элит в разработке наиболее эффективной модели территориальной политики были безвозвратно разрушены.

Библиографические ссылки

¹ См.: Об организации местного самоуправления // Вестник НКВД. 1917. № 5. Ст. 278; О порядке изменения границ губернских, уездных и прочих // Собрание Узаконений и Распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства РСФСР. 1918. № 8. Ст. 324.

² См.: Отчет о деятельности Пензенского губернского исполнительного комитета 9-го созыва. Январь — сентябрь 1922 г. 10 губернскому съезду Советов рабочих и красноармейских депутатов. Пенза, 1922. С. XLIII.

³ См.: Сборник материалов по районированию с 1917 по 1925 год / под ред. К. Д. Егорова. М.; Л., 1925. С. 16 — 18.

⁴ ГАРФ. Ф. Р-5677. Оп. 1. Д. 7. Л. 118.

⁵ Там же. Оп. 3. Д. 2. Л. 124 — 125.

⁶ Там же. Л. 112.

⁷ Там же. Л. 85 — 85 об.

⁸ Там же. Л. 96 — 98.

⁹ ГАРФ. Ф. Р-5677. Оп. 1. Д. 7. Л. 7.

¹⁰ См.: **Черкашин А. К.** Полнота власти советов: геоисторический анализ в контексте сетевой модели системы государственного управления // Известия Иркутского государственного университета. Сер. Политология. Религиоведение. 2017. Т. 22. С. 110 — 120. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_30273895_54731881.pdf (дата обращения: 04.01.2018).

¹¹ Сборник материалов по районированию... С. 11.

¹² См.: **Любимов А. Ю.** Исторический обзор административно-территориального устройства Пензенской губернии // Материалы по районированию и организации Средне-Волжской области. Вып. II. Пензенский и Саранский округа. Самара, 1925. С. 13.

¹³ Сборник материалов по районированию... С. 252.

¹⁴ См.: Материалы по районированию и организации Средне-Волжской области. Вып. II. С. 13.

¹⁵ См.: Отчет о деятельности Пензенского губернского исполнительного комитета 9-го созыва... С. XLIV — XLVI.

¹⁶ См.: Проект административно-экономического районирования Пензенской губернии. Описание районов. Пенза, 1924. С. IX, XVI.

Поступила 31.05.2018 г.

УДК 94(470.345).084

*Ю. М. Морозова**Yu. M. Morozova*

**ВЕРХОВНЫЙ СОВЕТ — ВЫСШИЙ ОРГАН
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ МОРДОВИИ (1938 — 1994 гг.):
К 80-ЛЕТИЮ ОБРАЗОВАНИЯ**

**THE SUPREME SOVIET AS THE HIGHEST BODY
OF STATE AUTHORITY OF MORDOVIA (1938 — 1994):
TO THE 80TH ANNIVERSARY OF FORMATION**

Ключевые слова: Верховный Совет, конституция, закон, постановление, созыв, сессия, Мордовия, республика.

Статья посвящена 80-летию со дня образования Верховного Совета Мордовской АССР. Его социально-экономической и законотворческой деятельности на протяжении почти шестидесятилетней истории.

Key words: the Supreme Soviet, constitution, law, decree, convocation, session, Mordovia, republic.

The article, devoted to the 80th anniversary of the formation of the Supreme Soviet of the Mordovian ASSR, deals with social, economic and legislative activities of this body of state authority for almost sixty years of its history.

Согласно Конституции Мордовской АССР 1937 г. Верховный Совет Мордовской АССР (ВС МАССР) являлся высшим органом государственной власти в республике, органом власти автономной республики, самостоятельно решал вопросы вне пределов прав Союза СССР и РСФСР, относящиеся исключительно к его ведению, а именно: принятие Конституции Мордовской АССР (май 1978 г.), внесение в нее изменений; утверждение государственных планов экономического и социального развития республики и государственного бюджета Мордовской АССР (с 1956 г. — в форме закона и отчетов об их выполнении)¹. Кроме того, высший орган государственной власти принял ряд законов и других актов, регламентировавших его организацию и деятельность: закон о выборах в Верховный Совет, регламент Верховного Совета (с незначительными изменениями он составил основу регламента Государственного Собрания Республики Мордовия), положение о постоянных комиссиях Верховного Совета, закон об отзыве депутата (за все время деятельности ВС МАССР ни один депутат не был отозван, что говорит об ответственности и выполнении наказов избирателей)².

Всего ВС МАССР избирался 12 раз: 1-й созыв с продленным сроком полномочий (7 сессий) — 1938 — 1946 гг.; 2-й (7) — 1947 — 1950 гг.; 3-й (7) — 1951 — 1954 гг.; 4-й (8) — 1955 — 1959 гг.; 5-й (9) — 1959 — 1963 гг.; 6-й (8) — 1963 — 1967 гг.; 7-й (7) — 1967 — 1970 гг.; 8-й (9) — 1971 — 1974 гг.; 9-й (14) — 1975 — 1979 гг.; 10-й (10) — 1980 — 1984 гг.; 11-й (14) — 1985 — 1990 гг.; 12-й (20) — 1990 — 1995 гг.

На сессиях ВС МАССР всех созывов регулярно утверждались Государственный бюджет на предстоящий год и отчеты Совета Министров республики об исполнении госбюджета за истекший год, указы Президиума ВС МАССР (РМ), начиная с 1957 г.

рассматривались ежегодные и пятилетние государственные планы развития народного хозяйства Мордовии. Кроме них на сессиях обсуждались вопросы государственного строительства, промышленности, транспорта и связи, сельского, водного и лесного хозяйства, охраны окружающей среды и природы, жилищного строительства и коммунального хозяйства, благоустройства и бытового обслуживания населения, торговли и общественного питания, народного образования и науки, развития здравоохранения, физической культуры и спорта, труда и социального обеспечения, организации борьбы с правонарушителями и административной ответственности, деятельности правоохранительных органов, местных органов государственной власти и государственного управления.

На первой сессии очередного созыва Верховный Совет формировал подконтрольные и подотчетные ему органы власти — Президиум Верховного Совета, Совет Министров, Верховный Суд и Комитет народного контроля Мордовской АССР. Совет Министров во время принятия бюджета ежегодно отчитывался о проделанной работе. Верховный Суд и Комитет народного контроля отчитывались один раз за 4 года, когда Верховный Совет утверждал их состав.

Верховный Совет проводил в жизнь решения высших органов власти СССР и РСФСР — постановления и законы Верховных Советов СССР и РСФСР, а также постановления Совета Министров СССР об улучшении медицинского обслуживания населения Советского Союза (вскоре Верховный Совет Мордовии принимал аналогичное постановление об улучшении медицинского обслуживания населения Мордовской АССР³).

Верховный Совет Мордовской АССР имел право координировать и контролировать деятельность предприятий, учреждений и организаций союзного и республиканского подчинения в пределах своих полномочий. Руководители предприятий союзного подчинения, например объединений и заводов «Светотехника», «Электровыпрямитель», медикаментов («Биохимик»), «Мордовцемент», на сессиях Верховного Совета отчитывались о санитарном состоянии, об условиях труда рабочих и об улучшении окружающей среды, поскольку своим производством наносили вред экологическому состоянию республики. В тоже время на заседаниях Президиума Верховного Совета директора заводов и начальники строительных организаций «Мордовстрой», «Саранскжилстрой», «Мордовколхозстрой», «Мордовсельстрой», «УНР-13» отчитывались о строительстве жилья для своих рабочих и перечислении 10 % от заработанного дохода в бюджет районных и городских Советов для строительства жилья и объектов социально-культурного назначения (школы, больницы, дома культуры, библиотеки и т. д.)⁴.

Силами Алексеевского цементного завода в 1956 — 1957 гг. были построены в пос. Комсомольском Чамзинского района общеобразовательная школа на 500 мест и больница на 300 коек. Тургеневский светотехнический завод (г. Ардатов) в середине 1960-х гг. построил новую больницу, клуб и общеобразовательную школу в пос. Тургенево. В начале 1970-х гг. объединение «Светотехника» построило больницу в густонаселенном (100 тыс. чел.) микрорайоне г. Саранска — на Светотехстрое, а завод силикатного кирпича в г. Ковылкине построил центральную районную больницу. Силами Куйбышевской железной дороги и ее Рузаевского отделения в начале 1960-х гг. была построена вторая городская больница, которая обслуживала не только железнодорожников, но и жителей г. Рузаевки⁵.

На сессиях Верховного Совета, особенно 1950 — 1960 гг., почти ежегодно обсуждалась работа предприятий местной промышленности, которых насчитывалось около 120 (районные промышленные комбинаты и различные артели). Они производили строительные материалы, кирпич, черепицу, краски, гвозди, обозы, кадки, валенки, шапки, белье, нижний и верхний трикотаж. В частности, Кочкуровский районный промкомбинат выпускал пуховые подушки, а Краснослободский — кадушки, Ладский — валенки, Ичалковский — стулья, столы, шкафы и др., Ардатовский райпромкомбинат — предметы домашнего обихода, фуфайки, без которых не обходилась ни одна крестьянская семья.

Многие аспекты многогранной работы ВС МАССР исследованы учеными республики⁶. Менее изученным оказалась созывная и сессионная деятельность высшего органа государственной власти республики.

Большая часть деятельности ВС МАССР 1-го созыва приходится на период, связанный с Великой Отечественной войной. Необходимость оперативного проведения различных мероприятий часто исключала возможность созыва сессий. Однако еженедельно заседал Президиум ВС: решались вопросы о помощи фронту, строительстве Сурского оборонительного рубежа, севе и уборке урожая, подготовке техники и содержанию животных в тяжелых зимних условиях⁷.

Третья сессия ВС МАССР 2-го созыва в январе 1948 г. утвердила Закон «О пятилетнем плане восстановления и дальнейшего развития народного хозяйства Мордовской АССР»⁸.

Основная хозяйственно-политическая задача первой послевоенной пятилетки состояла в том, чтобы ликвидировать тяжелые последствия Великой Отечественной войны во всех отраслях экономики и культуры, а затем превзойти довоенный уровень.

Депутаты 3-го созыва ВС МАССР принимали решение о строительстве ряда промышленных объектов: заводов Алексеевского цементного, саранского электролампового и «Электровыпрямителя», мотовозоремонтного, кабельного, инструментального, медицинских препаратов, пивоваренного, ТЭЦ-2, молочного и мясоперерабатывающего комбинатов. Одновременно на сессиях обсуждались вопросы улучшения работы культпросветучреждений и торговли. Была поставлена задача построить в районах республики Дома культуры, сельские клубы, в г. Саранске кинотеатры и музыкально-драматический театр⁹.

На сессиях 4-го созыва рассматривались вопросы «О задачах Советов МАССР по народному образованию» (октябрь 1956 г.) и «О состоянии и мерах усиления жилищного строительства, благоустройства районных центров и сел, улучшения работы по культурно-бытовому обслуживанию сельского населения» (ноябрь 1958 г.). В первом случае перед республикой была поставлена задача о переходе к всеобщему семилетнему образованию, во втором — обеспечение жильем всех жителей республики. Объем государственного жилищного строительства (ввод в эксплуатацию жилых домов) в Мордовии на 1959 — 1960 гг. устанавливался в размерах 350 тыс. м²¹⁰.

Руководствуясь принципами дальнейшего увеличения депутатского корпуса, ВС МАССР в январе 1959 г. внес изменения в ст. 22 Конституции Мордовской АССР о норме представительства в Верховный Совет республики и установил избрание одного депутата от каждых 8 тыс. населения вместо 12 тыс. Согласно этому положению в верховный орган власти республики стали избирать 128 депутатов вместо 107¹¹.

ВС МАССР 5-го созыва принял Постановление «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в Мордовской АССР» (12 июня 1959 г.) и Закон «О бюджетных правах Мордовской АССР и местных Советов депутатов трудящихся» (5 июля 1962 г.)¹². В соответствии с принятием первого в Мордовской АССР вводилось всеобщее обязательное восьмилетнее образование для детей и подростков в возрасте от 7 до 16 лет. Во втором подчеркивалась связь государственного бюджета с планом социально-экономического развития республики. Государственный бюджет составлялся в соответствии с этим планом и обеспечивал необходимыми денежными средствами планомерное развитие народного хозяйства МАССР.

В законе предусматривалось оставление в распоряжении республики сверхплановой оборотной наличности денежных средств, образующихся от превышения доходов над расходами. Большие бюджетные права предоставлялись городским и районным Советам. Они могли увеличивать общую сумму доходов и расходов без изменения размеров отчислений от государственных налогов.

Сессии ВС МАССР 6-го созыва рассматривали вопросы: о дальнейшем улучшении медицинского обслуживания и охраны здоровья населения (3-я сессия, 25 — 26 июня 1964 г.); торговли и общественного питания (5-я сессия, 20 июля 1965 г.). Достаточно сказать, что в 1965 г. во всех райцентрах республики функционировали больницы и поликлиники, все колхозы и совхозы имели фельдшерские пункты и родильные дома, а розничный товароборот государственной и кооперативной торговли достиг 292,9 млн руб. (увеличился по сравнению с 1958 г. на 115,8 млн руб.)¹³.

На сессиях ВС МАССР 7-го созыва были приняты постановления «О мерах улучшения бытового обслуживания населения» (1-я сессия, 7 апреля 1967 г.), «О состоянии и мерах улучшения предприятий торговли и общественного питания» (7-я сессия, 10 июля 1970 г.), «О состоянии и мерах по улучшению мелиоративного и водохозяйственного строительства в колхозах и совхозах Мордовской АССР» (8-я сессия, 28 — 29 декабря 1970 г.). Благодаря решениям ВС за годы восьмой пятилетки были осуществлены работы по мелиорации на площади 72 тыс. га, построены осушительные системы на площади 9,9 тыс. га¹⁴. За 1966 — 1970 гг. объем розничного товарооборота кооперативной торговли вырос на 42 % и составил 241,6 млн руб. Жители республики больше, чем раньше, приобретали товары культурно-бытового назначения. Так, продажа населению телевизоров в 1970 г. по сравнению с 1965 г. выросла с 8 380 до 22 600 шт., холодильников — с 2 210 до 7 900, электропылесосов — с 796 до 2 100, стиральных машин — с 7 352 до 25 500 шт. Если в 1965 г. в Мордовии имелось 561 предприятие бытового обслуживания, то в 1970 г. их стало 666. К тому же было построено около 2 млн м² жилья¹⁵.

ВС МАССР 8-го созыва принял нормативно-правовые акты «О районном и городском Совете депутатов трудящихся МАССР» (2-я сессия, 27 — 28 декабря 1971 г.) и «О статусе депутатов Советов депутатов трудящихся МАССР» (6-я сессия, 16 мая 1973 г.). Кроме того, были рассмотрены вопросы: «О мерах по предотвращению загрязнения рек республики неочищенными сточными водами» (5-я сессия, 28 декабря 1972 г.); «О мерах по улучшению строительства и эксплуатации автомобильных дорог в МАССР» (6-я сессия, 16 мая 1973 г.); «О состоянии и мерах улучшения работы Советов по охране и рациональному использованию земли в колхозах и совхозах республики» (8-я сессия, 16 апреля 1974 г.)¹⁶. В годы девятой пятилетки в Мор-

довской АССР получила дальнейшее развитие всесторонняя интенсификация сельского хозяйства. Наряду с укреплением его материально-технической базы была проделана большая работа по комплексной химизации и мелиорации земель. Если в 1966 — 1970 гг. в среднем ежегодно на поля республики вносилось 1 012 тыс. ц минеральных удобрений, то в 1975 г. — 1 853,3 тыс. ц¹⁷.

В девятой пятилетке в Мордовии расширилось мелиоративное строительство. В колхозах и совхозах вовлекли в оборот 19,6 тыс. га осушенных земель и 43,4 тыс. га орошаемых земель¹⁸. Меры, направленные на развитие комплексной механизации, химизации и мелиорации земель, способствовали повышению урожайности зерновых культур (до 14 ц с 1 га) картофеля и сахарной свеклы (до 280 ц с 1 га)¹⁹.

Непрерывно увеличивавшийся автомобильный транспорт повышал требования к дорожному хозяйству. За годы девятой пятилетки построили 531 км новых дорог с твердым покрытием. Были сданы в эксплуатацию дорога Саранск — Краснослободск, участки автомагистралей Москва — Куйбышев и Саранск — Горький (Нижний Новгород)²⁰.

На сессиях ВС МАССР 9-го созыва были приняты законодательные акты, касавшиеся непосредственно самого Верховного Совета, Совета Министров и местных Советов Мордовской АССР, их статуса, компетенции и полномочий, а также о новой Конституции Мордовской АССР» (9-я сессия, 29 — 30 мая 1978 г.). Обсуждались вопросы: «О состоянии и мерах улучшения работы по дорожному строительству и благоустройству городов и сельских населенных пунктов МАССР» (3-я сессия, 2 июля 1976 г.); «О задачах советских и хозяйственных органов по улучшению бытового обслуживания населения, качества выполнения заказов и повышению культуры обслуживания трудящихся республики»; «О работе Министерства торговли МАССР, Мордовпотребсоюза и Управления общественного питания по выполнению постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 5 июля 1977 г.», «О мерах по дальнейшему развитию торговли в МАССР» (10-я сессия, 19 июля 1978 г.)²¹.

В десятой пятилетке реальные доходы населения Мордовии повысились на 17,2 %. Среднемесячная заработная плата рабочих и служащих республики увеличилась со 136 руб. в 1976 г. до 150 руб. в 1980 г., оплата труда колхозников и работников совхозов составила 130 руб. Население республики получило 1,5 млн м² жилья²².

Объем розничного товарооборота государственной и кооперативной торговли, включая общественное питание, возрос с 653 млн руб. в 1975 г. до 809 млн руб. в 1980 г. Определенные успехи были достигнуты в бытовом обслуживании населения. Объем бытовых услуг вырос на 60 %²³.

Однако принимаемые правовые акты высшим органом власти Мордовии по вопросам улучшения торговли, общественного питания, бытового обслуживания населения в практическом плане оказались бесплодными, так как осуществляли эти решения партийные органы, которые проваливали одно дело за другим. Даже введенная карточная система на приобретение товаров первой необходимости не могла полностью удовлетворить запросы жителей республики.

Сессии ВС МАССР 10-го созыва были посвящены вопросам укрепления трудовой дисциплины и сокращения текучести кадров в народном хозяйстве, социалистической законности и охраны правопорядка, расширения производства и улучшения качества товаров народного потребления. ВС принял постановления «Об образовании Мордовского республиканского агропромышленного объединения» и «Об образовании

совета Мордовского республиканского агропромышленного объединения» (7-я сессия, 1 июня 1983 г.)²⁴.

К началу 1980-х гг. в советском социуме снизилась трудовая дисциплина, часто отмечались прогулы и неявка на работу без уважительных причин, резко выросла текучесть кадров, появилась новая категория людей — «несуны», которые воровали с производства все, что могли унести. ВС МАССР принимал меры борьбы с этими явлениями.

На сессиях ВС МАССР 11-го созыва были приняты законы и постановления по дальнейшему улучшению жилищно-бытового и коммунального обслуживания населения, а также медицинского обслуживания (1-я сессия, 15 марта 1985 г.); «Об ускорении строительства Сурского водопровода» (2-я сессия, 20 декабря 1985 г.); «О задачах Советов народных депутатов МАССР по совершенствованию структуры управления народным хозяйством»; «Об организаторской работе советских и хозяйственных органов республики по использованию возможности личных подсобных хозяйств граждан, подсобных сельских хозяйств предприятий и организаций, потребительской кооперации и садоводческих товариществ для увеличения производства продуктов питания и улучшения снабжения ими населения» (8-я сессия, 9 апреля 1988 г.)²⁵.

ВС МАССР 11-го созыва работал в сложных условиях «перестройки». Реформы проходили под лозунгами ускорения социально-экономического прогресса, увеличения темпов роста экономики, внедрения в производство достижений научно-технического прогресса, активизации человеческого фактора и повышения благосостояния советских людей. Однако программа ускорения была не выполнена и фактически провалена. Верховный Совет в целом принимал верные решения, но он был одинок. Власть находилась у партийных органов, которые проваливали все законы и постановления высшего органа республики, при этом ни за что не отвечали. Особенно нерешенными оказались социальные программы — продовольственная, жилищная, здравоохранения, производства товаров народного потребления и т. д.

В марте — мае 1990 г. был избран ВС Мордовии 12-го созыва, работавший до 5 января 1995 г. В его деятельности нашли отражение крупнейшие преобразования, связанные с происходившими переменами в социально-политической, экономической и культурно-идеологической жизни Мордовии.

Деятельность Верховного Совета Мордовии последнего созыва пришлась на наиболее напряженный для республики период. Впервые законы и постановления принимались в результате острых дискуссий представителей различных политических сил. Некогда единый высший государственный орган растворился в борьбе групп и группировок. В этих условиях с трудом достигался компромисс по вопросам политического и социально-экономического характера. Большинство принятых и утвержденных нормативно-правовых актов относилось к стабилизации экономики и переходу к рыночным отношениям. Однако немало законов и постановлений было принято в сфере государственного строительства.

В декабре 1990 г. на 4-й сессии ВС принята «Декларация о государственно-правовом статусе МССР», где Мордовия была провозглашена Мордовской Советской Социалистической Республикой. Этим правовым актом республика подтвердила статус союзной и выступила против сепаратизма, широко распространившегося в СССР и РСФСР. На 5-й сессии (23 марта 1991 г.) были одобрен Проект Договора о Союзе суверенных республик и заслушана информация об итогах проведения референдумов

СССР и РСФСР 17 марта 1991 г.²⁶ На 6-й сессии (11 — 14 апреля 1991 г.) были внесены изменения в Конституцию МССР, где ВС объявлял, что вся власть в республике принадлежит ее многонациональному народу и заявлял о решимости создать демократическое правовое государство в составе РСФСР и обновленного Союза ССР²⁷.

На 7-й сессии (31 августа 1991 г.) принято постановление ВС «О политической ситуации в республике в связи с антиконституционным государственным переворотом в СССР». В этом правовом документе республика осудила действия ГКЧП-истов и поддержала Президента РФ Б. Н. Ельцина²⁸.

На 8-й сессии (24 — 26 октября, 1 ноября 1991 г.) был утвержден пост Президента МССР²⁹.

На 9-й сессии (26 декабря 1991 г.) было принято постановление «Об обеспечении деятельности Президента МССР»³⁰.

На 10-й сессии (16 — 17, 23 — 24 января, 6 — 7 февраля 1992 г.) были приняты закон «Об основах бюджетного устройства и бюджетного процесса в МССР» и постановление «О председателе Фонда имущества», который возглавил будущий глава республики Н. И. Меркушкин³¹.

На 11-й сессии (30 марта 1992 г.) был обсужден и парафирован Федеративный Договор о разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти РФ и органами власти республик в составе Российской Федерации³².

12-я сессия (5, 9 — 11 июня 1992 г.) приняла важные нормативно-правовые акты — «О передаче предприятий, имущества, передаваемых в государственную общественность МССР» и «О внесении изменений и дополнений в постановление собственности на территории МССР». После этого в республике начали осуществляться приватизационные процессы на промышленных предприятиях, которые когда-то прославляли ее и были градообразующими³³.

На 13-й сессии (5 — 6 августа 1992 г.) были приняты постановления «О порядке применения на территории МССР Закона РФ „Об основах налоговой системы в РФ“» и «О мерах по оказанию финансовой помощи сельскому хозяйству»³⁴.

14 сессия (23 — 25 декабря 1992 г., 7 — 9 апреля 1993 г., 20 апреля 1993 г.) рассмотрела вопросы о социально-экономическом положении республики (в частности, Программу (Основные направления) деятельности Правительства МССР на период стабилизации экономики) и о внесении изменений и дополнений в Программу разгосударствления и приватизации государственного имущества в МССР на 1993 г. На этой же сессии был принят закон «Об упразднении постов Президента и вице-президента МССР», вызвавший массу споров и разногласий. Упраздненный президент посчитал названный правовой акт незаконным и начал процедуру оспаривания этого решения. В дело вмешались аппарат Президента РФ и Конституционный Суд РФ. После долгих разбирательств и заседаний дело было передано на рассмотрение Конституционного Суда МССР, который признал правомочность и правильность решения ВС МССР³⁵.

На 15-й сессии (22 сентября 1993 г.) было принято постановление «О политической ситуации в республике в связи с обращением Президента Российской Федерации Б. Н. Ельцина к гражданам России 21 сентября 1993 года», в нем действия и решения Президента РФ Б. Н. Ельцина признавались неконституционными и выражалась поддержка решениям ВС и Конституционного Суда Российской Федерации,

призывавших органы власти, трудовые коллективы, всех граждан республики встать на защиту конституционного строя. Из 114 народных депутатов, присутствовавших на этой сессии, «за» проголосовали — 109, «против» — 1, воздержались — 7³⁶. С точки зрения сложившейся юридической практики данное решение являлось во многом правильным, но в плоскости практической политики оказалось крайне неоднозначным. Мордовия окончательно испортила отношения с федеральным центром, она слабо финансировалась и перестала попадать во многие стабилизационные социально-экономические проекты, разрабатываемые Правительством РФ.

На 16-й сессии (22 октября 1993 г.) ВС МССР принял постановление «О реформе государственных органов местного самоуправления МССР»³⁷.

На 17-й сессии (25 — 28 января, 16 — 18 февраля 1994 г.) было внесено изменение в Конституцию (Основной закон) МССР: слова «Мордовская Советская Социалистическая Республика» заменялись словами «Республика Мордовия»; наименование «Мордовская Советская Социалистическая Республика» изменялось на «Республика Мордовия»; Государственное Собрание РМ провозглашалось представительным и законодательным органом Республики Мордовия в составе 75 депутатов, работающих на постоянной основе сроком на 4 года, срок полномочий Государственного Собрания первого созыва определялся в 2 года; вносились изменения и дополнения в Конституцию РМ в связи с осуществлением реформирования системы органов государственной власти и местного самоуправления в Республике Мордовия (в ст. 2, 11, 42 Конституции РМ слова «Советы народных депутатов» заменялись словами «органы государственной власти и местного самоуправления»); Государственное Собрание РМ признавалось правопреемником ВС МССР, Правительство РМ — правопреемником Совета Министров МССР, представительные органы местного самоуправления — правопреемниками местных Советов народных депутатов. Кроме того, обсуждались вопросы о республиканском бюджете РМ на 1994 г.; о бюджете территориального дорожного фонда на 1994 г., о временных чрезвычайных мерах по борьбе с преступностью, об упорядочении торговли алкогольными напитками в МССР³⁸.

На 18-й сессии ВС РМ (7 — 8 апреля 1994 г.) была утверждена дата проведения одновременных выборов в Государственное Собрание, представительные органы, а также глав местного самоуправления РМ — 27 ноября 1994 г.³⁹

19-я сессия ВС РМ (8 — 9 сентября, 10 — 11 ноября 1994 г.) приняла законы «О выборах главы местного самоуправления» и «О выборах депутатов представительных органов местного самоуправления». Выборы признавались несостоявшимися в случае, если в них приняло участие менее 50 % граждан, включенных в списки избирателей⁴⁰.

На 20-й сессии (6 января 1995 г.) были внесены изменения в законы об органах государственной власти РМ. Избранным считался кандидат в депутаты, получивший большее число голосов избирателей по отношению к другим кандидатам. В результате были признаны состоявшимися выборы в Государственное Собрание в г. Саранске, Рузаевке и Ковылкине⁴¹.

Изучение опыта формирования и деятельности ВС Мордовии, безусловно, требует дальнейшего исследования. Он вызывает неоднозначную оценку, при этом накопленные десятилетиями наработки можно использовать в современной практике. В частности, такие демократические формы деятельности, как отчеты депутатов перед избирателями и депутатские наказания, выполнявшие функцию обратной связи, могут существенно повысить эффективность работы современных народных избранников.

Библиографические ссылки

- ¹ ЦГА РМ. Ф. Р-234. Оп. 8. Д. 75. Л. 67 ; Д. 449. Л. 261.
- ² Там же. Д. 168. Л. 29 ; Д. 481. Л. 153.
- ³ Там же. Д. 432. Л. 507.
- ⁴ Там же. Д. 123. Л. 304 ; Д. 207. Л. 85 ; Д. 234. Л. 96 ; Д. 326. Л. 78.
- ⁵ Там же. Д. 162. Л. 30 ; Д. 482. Л. 181 ; Д. 484. Л. 133 ; Д. 488. Л. 194 ; Д. 562. Л. 168.
- ⁶ См.: **Брагин А. П.** На общественных началах. Саранск, 1962 ; **Сальников Ю. И.** К вопросу об усилении партийного руководства местными Советами Мордовии после XX съезда КПСС (1956 — 1960 гг.) // Материалы по истории, археологии и этнографии Мордовии. Саранск, 1976 ; **Букин М. С.** Становление мордовской советской национальной государственности (1917 — 1941 гг.). Саранск, 1990 ; **Морозова Ю. М.** Верховный Совет Мордовии (1938 — 1994 гг.) : моногр. / НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. Саранск, 2014.
- ⁷ ЦГА РМ. Ф. Р-234. Оп. 2. Д. 273. Л. 234 ; Д. 274. Л. 226.
- ⁸ Там же. Оп. 6. Д. 22. Л. 311.
- ⁹ Там же. Оп. 7. Д. 39. Л. 441 ; Д. 67. Л. 22 ; Д. 110. Л. 58 ; Д. 143. Л. 15 ; Оп. 8. Д. 19. Л. 54.
- ¹⁰ Там же. Оп. 8. Д. 86. Л. 350 — 352 ; Д. 207. Л. 409 — 411.
- ¹¹ Там же. Д. 221. Л. 421 — 422.
- ¹² Там же. Д. 234. Л. 291 — 292 ; Д. 432. Л. 601 — 602.
- ¹³ Там же. Д. 518. Л. 541 — 543 ; Д. 562. Л. 15, 361 — 363.
- ¹⁴ Там же. Д. 686. Л. 250 — 252 ; Д. 1005. Л. 389 — 391 ; Д. 1006. Л. 281 — 283.
- ¹⁵ Там же. Д. 1007. Л. 6.
- ¹⁶ Там же. Оп. 10. Д. 8. Л. 455 — 456 ; Д. 84. Л. 267 — 269 ; Д. 60. Л. 291 — 293 ; Д. 84. Л. 264 — 266 ; Д. 124. Л. 249 — 251.
- ¹⁷ Там же. Д. 185. Л. 121.
- ¹⁸ Там же. Л. 17.
- ¹⁹ Там же. Л. 18.
- ²⁰ Там же. Л. 19.
- ²¹ Там же. Д. 279. Л. 105 — 107 ; Д. 325. Л. 121 — 123 ; Д. 400. Л. 150 — 152 ; Д. 399. Л. 178 — 180 ; Д. 527. Л. 355 — 356 ; Д. 528. Л. 260 — 262 ; Д. 537. Л. 186 — 188.
- ²² Там же. Д. 537. Л. 14 — 16.
- ²³ Там же. Л. 17 — 18.
- ²⁴ Там же. Д. 699 а. Л. 139 — 141.
- ²⁵ Там же. Д. 823. Л. 230 — 232 ; Д. 824. Л. 268 — 270 ; Д. 1018. Л. 81 — 83.
- ²⁶ Там же. Д. 1319. Л. 121 — 123.
- ²⁷ Там же. Д. 1320. Л. 69 — 71.
- ²⁸ Там же. Д. 1321. Л. 80 — 82.
- ²⁹ Там же. Д. 1322. Л. 12 — 14.
- ³⁰ Там же. Д. 1323. Л. 44 — 46.
- ³¹ Там же. Д. 1324. Л. 111 — 113.
- ³² Там же. Д. 1325. Л. 15 — 17.
- ³³ Там же. Д. 1555. Л. 91 — 94.
- ³⁴ Там же. Д. 1556. Л. 57 — 59.
- ³⁵ Там же. Д. 1557. Л. 61 — 64.
- ³⁶ Там же. Д. 1560. Л. 35 — 37.
- ³⁷ Там же. Д. 1561. Л. 133 — 135.
- ³⁸ Там же. Д. 1563. Л. 221 — 223.
- ³⁹ Там же. Д. 1564. Л. 97 — 99.
- ⁴⁰ Там же. Д. 1565. Л. 11 — 14.
- ⁴¹ Там же. Д. 1566. Л. 37 — 39.

Поступила 04.05.2018 г.

УДК 94(47).084.6

С. А. Жуков

S. A. Zhukov

СНАБЖЕНИЕ ЛИЧНОГО СОСТАВА РККА ОБМУНДИРОВАНИЕМ И ОБУВЬЮ В ХОДЕ СОВЕТСКО-ФИНЛЯНДСКОЙ ВОЙНЫ 1939 — 1940 гг.

THE RED ARMY TROOP SUPPLY WITH UNIFORMS AND FOOTWEAR DURING THE SOVIET-FINLAND WAR OF 1939 — 1940

Ключевые слова: Советско-финляндская война, РККА, снабжение войск, деятельность тыла, обмундирование красноармейцев.

В статье рассматривается вопрос об организации снабжения РККА обмундированием и обувью при подготовке и в ходе Советско-финляндской войны 1939 — 1940 гг.

Key words: the Soviet-Finland War, the Red Army, troop supply, rear activities, the Red Army uniform.

The problem of the organization of the Red Army troop supply with uniforms and footwear at the stage of preparation and during the Soviet-Finland War of 1939 — 1940 is considered in the article.

Советско-финляндская война 1939 — 1940 гг. и сегодня представляет интерес не только для специалистов, но и для всех интересующихся отечественной историей. Сто пять дней вместили в себя яркие, необычные и трагические события. Бетонные стены дотов-«миллионников» линии Маннергейма, «прогрызаемые» артиллерией Красной армии, смертоносная переправа через Тайпален-йоки, разгромленная техника 44-й стрелковой дивизии, застывшая по обочинам заснеженных дорог, вода, хлынувшая из открывшихся шлюзов Саймаанского канала, — эти и многие другие картины продолжают интересовать историков. Все это — «Зимняя война», где знаменитый русский «генерал Мороз» перешел на сторону противника, причиняя советским войскам массу смертельных неудобств. Одним из памятных образов Советско-финляндской войны является фигура плохо одетого, замерзающего красноармейца. Помните у А. Твардовского: «Замерзший, маленький, убитый...»? Однако насколько это типично для Советско-финляндской войны? Относительно событий войны существует много мифов (вспомним хотя бы знаменитых снайперов-«кукушек», которых с советской стороны видели многие, а с финской — никто). И если плохое обмундирование красноармейцев — это правда, то кто виноват? Некоторые аспекты данных проблем мы попытаемся осветить.

Исследование проблем, связанных с обмундированием красноармейцев, думается, следует начать, с выяснения потерь личного состава РККА от обморожений в ходе войны. Эта цифра характеризует прямой и непосредственный урон, понесенный Красной армией из-за просчетов в снабжении обмундированием и обувью. Уже на этом этапе исследователя ждут серьезные трудности. С момента окончания

Советско-финляндской войны прошло более 70 лет, но в имеющихся сведениях о потерях личного состава существуют серьезные расхождения. Это отмечают многие ученые¹. В частности, относительно обмороженных по разным источникам показатели отличаются почти в два раза. Так, согласно исследованию потерь личного состава, проведенному специалистами из Управления кадров Министерства обороны СССР и Главного штаба сухопутных войск под руководством генерал-полковника Г. Ф. Кривошеева, число обмороженных составляет 9 614 чел. (2,9 % от общего числа потерь)². По справкам о санитарных потерях и ведомостям боевой убыли в личном составе действующих армий, хранящимся в АВМД, число обмороженных составило 17 867 чел.³

Если опираться на последнюю цифру, то следует констатировать, что потери от обморожений в ходе Советско-финляндской войны в процентном отношении к общим потерям значительно превысили показатели соответствующих «зимних» потерь в ходе Великой Отечественной войны 1941 — 1945 гг., попытаться понять, чем это вызвано и насколько была виновата система вещевого снабжения. Если же брать за основу данные комиссии Г. Ф. Кривошеева, то стоит ли вообще поднимать вопрос о замерзавших раздетых и необутых красноармейцах? В таком случае просто следует согласиться, что Советско-финляндская война проходила в зимний период и в плане обморожений не представляет ничего особенного, ведь, например, потери от обморожений за I квартал 1942 г. составили к общим потерям РККА практически столько же — 2,8 %⁴. Эту мысль подтверждают данные начальника санитарного управления Северо-Западного фронта военврача 1-го ранга Дивакова: согласно его отчету число обмороженных с 11 февраля по 13 марта 1940 г. составило 2,7 % (2 502 чел.) от общих санитарных потерь фронта⁵. Однако согласно справкам о санитарных потерях по Северо-Западному фронту численность обмороженных за этот период — 4 739 чел. (3 452 чел. в 7-й армии и 1 287 в 13-й армии)⁶. Сведения расходятся практически в два раза.

Мнения участников о событиях той войны относительно обморожений разнятся. Так, исследователи А. Север и А. Колпакиди, ссылаясь на фронтовиков, говорят об «огромном числе обмороженных»⁷. Командующий 15-й армией командарм 2-го ранга В. Н. Курдюмов утверждал, что «на финском театре в первый период войны было много обмороженных»⁸. Однако, например, в 122-й стрелковой дивизии, несмотря на тяжелейшие условия быта личного состава (интенсивные боевые действия в отрыве от баз, размещение в лесу под открытым небом), по докладу командира дивизии полковника П. С. Шевченко, сильно обмороженных не было вообще⁹. В ходе совещания начальствующего состава санитарной службы Ленинградского военного округа, проходившего 7 — 8 апреля 1940 г. и посвященного итогам Советско-финляндской войны, также нет никаких упоминаний о проблеме обморожения военнослужащих¹⁰.

Таким образом, вопрос установления точных потерь от обморожений в ходе Советско-финляндской войны требует дальнейшего специального исследования. Однако вернемся к проблемам снабжения обмундированием и обувью, где тоже достаточно невыясненных вопросов. Одним из них является оценка качества и полноты обеспеченности войск вещевым имуществом. Приведем ряд точек зрения непосредственных участников событий.

Во-первых, некоторые должностные лица РККА высоко оценивали качество снабжения личного состава обмундированием и обувью. Например, начальник

снабжения Северо-Западного фронта комбриг Лагунов в «Отчете по военно-хозяйственному обеспечению войск Северо-Западного фронта и частично войск северных армий за период военных действий в Финляндии 1939 — 40 г.» утверждал, что «к началу операции каждый боец был обеспечен: зимним шлемом, а впоследствии шапкой-ушанкой, стальным шлемом с подшлемником (только боевой состав), шинелью или ватной курткой (в тылах), летним обмундированием, ватным обмундированием, 2-мя парами теплого белья, 2-мя парами нательного белья, 2-мя парами теплых портянок, 2-мя полотенцами, сапогами или ботинками, валенками и снаряжением»¹¹. С точки зрения начальника снабжения 50-го стрелкового корпуса интенданта I ранга Самусевича, «обозно-вещевое снабжение прошло нормально, части обеспечены были не плохо»¹². По мнению командира 3-го стрелкового корпуса комдива П. И. Батова, «наши бойцы, наши части... были замечательно одеты», а во всех проблемах, связанных с обмундированием, виноваты «отсутствие требовательности, учета, контроля» командиров и низкая дисциплинированность самих военнослужащих¹³.

Однако согласно другим данным, к началу боевых действий в войсках имелись существенные недостатки по обеспеченности вещевым имуществом. Например, нарком обороны СССР К. Е. Ворошилов в докладе об итогах Советско-финляндской войны утверждал, что, «начиная войну зимой, войска не были должным образом обмундированы, оснащены и снабжены для действий в суровых зимних условиях»¹⁴. Ему вторит командир 136-й стрелковой дивизии комдив С. И. Черняк, говоря о босых бойцах в декабре 1939 г.¹⁵

Большая недостача вещевого имущества в частях РККА к началу боевых действий отмечается в материалах комиссии по описанию Советско-финляндской войны. В частности, до полной потребности не хватало: ватного обмундирования — 7 563 ватные телогрейки и 20 169 ватных шаровар; теплого белья (норма — два комплекта) — 56 462 рубахи и 47 423 пары кальсон; теплых портянок (норма — две пары) — 19 782 пары; перчаток — 5 884 пары; шлемов стальных на боевой состав дивизий — 3 785 шт., до нормы (согласно табелю) — 48 321 шт.; подшлемников — 16 904 шт.; плащ-палаток — 48 560 шт.¹⁶

Серьезную нехватку обмундирования и обуви к началу операции подтверждают заявки армий на получение вещевого имущества, отправленные в декабре 1939 г. Так, на 20 декабря 1939 г. 7-й армии уже требовалось 78 500 пар сапог и 55 тыс. пар валенок, а 8-я армия в конце декабря запрашивала 20 тыс. ватных курток, 100 тыс. комплектов нательного белья и 36 тыс. комплектов теплого белья¹⁷. К 6 января 1940 г. 8-я армия дополнительно требовала 67 500 пар обуви¹⁸.

Таким образом, несмотря на заявления некоторых должностных лиц, к началу боевых действий в РККА имелись серьезные проблемы с обеспеченностью военнослужащих вещевым имуществом. Приведенные материалы указывают, что ситуация со снабжением была неоднородна, качество и количество вещевого имущества в воинских частях значительно разнились. Имелись части и соединения, укомплектованность которых не вызывала вопросов, но были и такие, в которых существовали серьезные проблемы с обмундированием и обувью. Раскроем основные причины этих проблем.

Объем статьи не позволяет осветить все трудности снабжения вещевым имуществом военнослужащих РККА, существовавшие в конце 1939 г., однако остановимся

на некоторых вопросах, сыгравших, на наш взгляд, решающую роль. Начнем с констатации сложности снабжения обмундированием и обувью в ходе Советско-финляндской войны 1939 — 1940 гг., вызванной низким качеством мобилизационных мероприятий в сентябре 1939 г.

Необходимо помнить, что накануне Советско-финляндской войны численный состав Вооруженных сил СССР увеличился более чем в два раза: в семи военных округах (Московском, Калининском, Ленинградском, Белорусском, Киевском, Харьковском, Орловском) была проведена частичная мобилизация. В результате проведенных масштабных мероприятий «под ружье» были поставлены 2,61 млн резервистов¹⁹ (чтобы понять размах этих действий, напомним, что численность современных вооруженных сил Российской Федерации составляет около 1 млн чел.). Призыв личного состава осуществлялся скрытно, под видом проведения больших учебных сборов, о мобилизации призванных было объявлено позднее, 22 сентября 1939 г.²⁰ Таким образом, за два с половиной месяца до Советско-финляндской войны большую часть РККА стали составлять призывники, обутые и одетые в ходе недавней мобилизации.

Мобилизация, особенно такая массовая, представляет собой сложный комплекс мероприятий, требующих высочайшей организации, навыков и умений личного состава, принимающего в нем участие. Тем не менее при выполнении этих условий в короткие сроки обеспечить качественным обмундированием и обувью большое число военнослужащих — сложнейшая задача.

С данной проблемой в 1939 г. не смогла справиться Финляндия. С 12 октября здесь была объявлена всеобщая мобилизация²¹, но ресурсы финских складов оказались недостаточны и не позволили обмундировать всех резервистов, большинство из них так и воевали в полувоенной амуниции, которая получила особое название — «форма Каяндера»²².

В СССР частичная мобилизация 1939 г. тоже не отличалась организованностью и высветила, в том числе, проблемы со снабжением вооруженных сил²³. В аспекте интересующего нас вопроса в качестве примера можно указать на уже упоминавшуюся 122-ю стрелковую дивизию, воевавшую вместо шинелей, по заявлению ее командира полковника Шевченко, «в черных пиджаках», которые «были даны со дня мобилизации»²⁴. Ярким примером неудовлетворительного приема резервистов осенью 1939 г. являлся Кингисеппский окружной военкомат, где в ходе мобилизации в течение 11 дней «бедствовали от холода и голода» около 500 чел.²⁵

При выполнении мобилизационных мероприятий осенью 1939 г. выявился ряд существенных недочетов во всех областях, так или иначе связанных со снабжением войск. «Железные дороги мобилизацией были застигнуты врасплох», перевозки войск и имущества проводились внепланово²⁶, запасов, накопленных на складах Наркомата обороны для обеспечения мобилизации, оказалось недостаточно²⁷, крайне неорганизованно прошла мобилизационная поставка в армию автотранспорта, лошадей, обоза²⁸. Казармы и сборные пункты оказались неподготовленными к приему массового пополнения. «Прибывавший приписной состав размещался на голом полу вповалку»²⁹. В таких условиях невозможно было ожидать, что снабжение призывников обмундированием и обувью пройдет без срывов.

При этом следует отметить, что советское руководство имело определенный опыт по проведению мобилизационных мероприятий — частичная мобилизация в

СССР проводилась не впервые. Во второй половине 1930-х гг. организации процесса мобилизации уделялось определенное внимание: для отработки действий организовывались тренировки. Подобное мероприятие, например, проводилось осенью 1938 г. в шести военных округах (включая Ленинградский военный округ). Выявленные при этом недочеты обсуждались на заседании Главного военного совета РККА 14 — 15 октября 1938 г.³⁰ Однако тренировки, как показала осень 1939 г., не привели к значительным положительным изменениям в организации мобилизационных мероприятий.

Оказать оперативную помощь в снабжении войск в ходе мобилизации могли бы предприятия и организации Северо-Запада СССР. Однако их мобилизационные планы также не отличались совершенством³¹. Они были разработаны на случай вступления СССР в мировую войну и проведения всеобщей мобилизации. Документов, предусматривавших ситуацию локальной войны, не было. Поэтому мобилизационные планы в конце 1939 г. в виду несоответствия «требованиям фактического положения» в действие практически не вводились. Предприятия при подготовке и в ходе Советско-финляндской войны работали по схеме мирного времени, снабжение РККА проходило внепланово, согласно специальным заданиям и указаниям наркоматов страны или служб снабжения Ленинградского военного округа. Это затрудняло работу предприятий и даже приводило к перебоям в снабжении населения региона³².

Кроме проблем, вызванных низким качеством мобилизационных мероприятий, в период подготовки к Советско-финляндской войне советским военным руководством был допущен ряд ошибок, оказавших негативное влияние на результат снабжения личного состава РККА обмундированием и обувью. В частности, следует обратить внимание на ошибки в планировании операции против Финляндии и несогласованность деятельности органов военного управления при передислокации частей и соединений на северо-западный театр военных действий (под ним мы понимаем территорию Ленинградской области с Новгородским и Псковским округами, Мурманскую область и Карельскую АССР). Остановимся на них несколько подробнее.

Планирование военных действий с Финляндией широко освещено в различных исследованиях³³. Анализируя этот материал, выделим ряд особенностей планирования военных действий Советско-финляндской войны, оказавших, на наш взгляд, существенное влияние на снабжение войск вещевым имуществом:

— планы не отражали реальных сроков проведения операции и сил, привлекаемых к ней;

— план проведения военных действий против Финляндии в рамках локальной войны был утвержден осенью 1939 г., оставляя слишком мало времени на планирование и организацию тылового обеспечения (фактически месяц). При этом в плане отсутствовали точные сроки начала операции, что давало надежду на более длительный срок подготовки.

В документах РГВА нами обнаружен «План материального обеспечения и устройства тыла на период боевых действий с Финляндией»³⁴. Несмотря на то, что документ не подписан, он позволяет в общих чертах судить о планировании снабжения войск в предстоявшей войне. Предусматривалось обеспечение операции с учетом глубины 110 — 150 км и продолжительности 15 суток. Текущий расход ма-

териальных средств в войсках до начала операции планировалось покрывать ежедневным подвозом всего двух поездов (в основном с продовольствием и фуражом) для войск на Карельском перешейке и двух поездов для сил, действовавших севернее Ладожского озера.

Однако стремительный рост группировки войск на театре военных действий привел к значительным изменениям планов, в том числе по снабжению войск. Вынужденная корректировка проводилась вплоть до начала войны³⁵. Это делало невозможной качественную подготовку войск к предстоящим действиям (в том числе их снабжение обмундированием и обувью), затрудняло своевременное перераспределение имевшихся запасов материальных средств. Части и соединения, прибывавшие из других военных округов, вследствие несогласованности действий органов военного управления оказывались «чужими» для снабженцев Ленинградского военного округа, которые иногда просто отказывались снабжать вновь прибывшие части или же обеспечивали их в последнюю очередь³⁶.

Серьезной ошибкой советского руководства, повлекшей значительные негативные последствия, стала неадекватная оценка эксплуатационных свойств состоявшегося на обеспечении РККА обмундирования и обуви: «Принятая на снабжение Красной Армии форма одежды по конструкции, покрою и цвету не полностью отвечала условиям военного времени... Вскрылось несоответствие норм снабжения войск теплыми вещами с их фактической потребностью при ведении боевых действий в северных районах»³⁷.

Следует пояснить, что обозно-вещевая служба снабжала военнослужащих РККА в соответствии с утвержденными нормами обмундирования и обуви, но часть предметов, входивших в нормы снабжения, в условиях Советско-финляндской войны не обеспечивала военнослужащим приемлемые условия жизнедеятельности. В первую очередь обувь, перчатки и суконовый шлем («буденовка»), который в зимних условиях «не оправдал себя» и 29 декабря 1939 г. решением Ставки Главного командования Красной армии был заменен на шапку-ушанку³⁸. Также валенки в Ленинградском военном округе, в строгом соответствии с нормами снабжения военного времени, первоначально могли получить далеко не все, а лишь командный и начальствующий состав фронтовых и запасных частей, красноармейцы и младший командный и начальствующий состав фронтовых частей кавалерии, конной артиллерии, мотомеханизированных частей и повозочные (те же нормы снабжения теплыми вещами распространялись на Уральский и Сибирский военные округа, более «усиленные» нормы снабжения существовали лишь для «холодных и высокогорных районов», но и в них в качестве обязательного предмета обмундирования фигурировали шлем-«буденовка» и хлопчатобумажные перчатки³⁹). Такие нормы в условиях «зимней войны» оказались неэффективными. То есть даже при полном и своевременном снабжении войск в соответствии с действовавшими на тот момент требованиями, обмундирование красноармейцев при ведении боевых действий не соответствовало их фактической потребности.

Почему же руководство РККА не смогло понять этого раньше? Почему решение об изменении норм снабжения было принято лишь в последних числах декабря 1939 г.? Здесь, видимо, следует учитывать следующее. Во-первых, в предвоенный период форма одежды РККА не «тестировалась» во время серьезных холодов. Как утверждал комдив М. П. Кирпонос на совещании при ЦК ВКП(б) в апреле 1940 г.,

в мирное время «при 15-градусном морозе у нас не разрешалось выводить бойцов на занятия в поле»⁴⁰. Во-вторых, сильные холода зимой 1939 — 1940 гг. начались, вопреки распространенному мнению, спустя примерно месяц после начала боевых действий. Кроме того, такие морозы были аномальными для данных районов и стали неприятным сюрпризом для советского командования.

Влияние низкой температуры на деятельность войск как на Карельском перешейке, так и на территориях севернее Ладожского озера стало ощутимым лишь в конце декабря 1939 г., когда столбик термометра опустился ниже 20 °С⁴¹. Наступившие холода быстро достигли аномальных значений. По заявлениям финских газет такой суровой зимы в Финляндии не было 47 лет. В Москве 16 января 1940 г. также была зафиксирована аномальная, самая низкая за 100 лет, температура — -44 °С⁴². На северо-западе СССР в январе — феврале 1940 г. мороз достигал -50 °С. При этом, по наблюдениям синоптиков, средняя многолетняя температура января в этих районах составляла -13 °С⁴³.

В таких условиях не выдерживала техника: от мороза рвались линии телефонной связи, давали сбой системы управления железнодорожными составами, до дна промерзали водоемы⁴⁴. Каково же было военнотруженикам вести боевые действия? Даже незначительные недостатки в снабжении обмундированием и обувью могли привести к тяжелейшим последствиям для здоровья. Ясно стали видны просчеты в предвоенной оценке эксплуатационных свойств состоявшего на обеспечении РККА обмундирования и обуви. Совершенно очевидно, что без теплого головного убора, рукавиц и валенок эффективно вести боевые действия было невозможно. Поэтому их требовалось пошить, а затем срочно доставить к театру военных действий. И обе задачи были трудно выполнимы⁴⁵.

Ситуация в начале 1940 г. усугубилась обильными снегопадами, переходившими в метели и бураны, крайне затруднявшими действия войск⁴⁶. Снег кроме непосредственных неудобств создавал дополнительные трудности: он не давал промерзнуть земле, и под 30 — 40-сантиметровыми сугробами иногда обнаруживалась болотная вода. Это делало опасным использование валенок. Промокшие валенки при сильном морозе таили серьезную угрозу для здоровья. Участник Советско-финляндской войны Герой Советского Союза И. Ульянов вспоминал: «Промочишь раз, после и не просушишь, пока на отдых не попадешь. И днем, и ночью у тебя ноги стынут от промерзших валенок»⁴⁷. Так что даже наличие валенок в достаточном количестве не решало всех проблем военной зимы 1939 — 1940 гг. Войскам требовались валенки на кожаной подошве или кожаная обувь с меховыми чулками в комплекте⁴⁸.

Таким образом, проблема замерзающего красноармейца — участника Советско-финляндской войны — проблема комплексная, сложная и во многом не изученная. По нашему мнению, определенно можно сказать следующее.

Во-первых, снабжение войск РККА обмундированием и обувью при подготовке и в ходе войны проходило тяжело: имелось много проблем, снабжение частей и соединений было неравномерным и часто неудовлетворительным, что повлекло за собой потери личного состава от обморожений.

Во-вторых, причины подобного кроются в различных сферах жизнедеятельности страны, ее вооруженных сил и тыла. Здесь можно отметить трудности, связанные с организацией мобилизации, неэффективным планированием операции, недостаточ-

ной компетентностью командиров и начальствующего состава РККА. При этом не стоит забывать и об объективных сложностях, затруднявших деятельность войск и их снабжение (в первую очередь аномально тяжелые погодные условия).

В-третьих, следует констатировать, что данная проблема изучена в недостаточной степени, необходим комплексный анализ процесса снабжения обмундированием и обувью военнослужащих, который позволит ответить на все вопросы о замерзающих красноармейцах той «незнаменитой войны».

Библиографические ссылки

¹ См.: **Килин Ю. М.** Потери вооруженных сил СССР в Советско-финляндской войне 1939 — 1940 гг. [Электронный ресурс] // *Studia Humanitatis Borealis*. 2014. № 1 (2). С. 23 — 29; **Осьмачко С. Г.** Боевые потери Красной армии накануне Великой Отечественной войны: проблемы определения, достоверность результатов // К 75-летию начала Великой Отечественной войны: На грани катастрофы : материалы междунар. науч. конф. / рук. проекта М. Ю. Мягков ; сост. Ю. А. Никифоров, Д. В. Суржик. Мичуринский, 2017. Ч. 1. С. 602 — 611.

² См.: Гриф секретности снят : Потери Вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах : стат. исслед. / В. М. Андронников, П. Д. Буриков, В. В. Гуркин [и др.] ; под общ. ред. Г. Ф. Кривошеева. М., 1993. С. 99, 104.

³ АБМД. Ф. 1. Оп. 13739. Д. 26. Л. 27, 87, 136 — 137.

⁴ См.: Гриф секретности снят. С. 147.

⁵ РГВА. Ф. 34980. Оп. 1. Д. 137. Л. 98 — 99.

⁶ АБМД. Ф. 1. Оп. 13739. Д. 26. Л. 29, 86, 136 — 137.

⁷ **Север А., Колпакиди А. И.** Спецназ ГРУ : самая полная энцикл. М., 2012. С. 69.

⁸ Зимняя война 1939 — 1940. Кн. 2. И. В. Сталин и финская кампания (Стенограмма совещания при ЦК ВКП(б)). М., 1999. С. 127.

⁹ Там же. С. 118.

¹⁰ АБМД. Ф. 1. Оп. 7401. Д. 1.

¹¹ РГВА. Ф. 34980. Оп. 1. Д. 137. Л. 126.

¹² Там же. Д. 1300. Л. 120.

¹³ Зимняя война 1939 — 1940. С. 91 — 92.

¹⁴ Доклад наркома обороны СССР К. Е. Ворошилова об итогах Советско-финляндской войны 1939 — 1940 гг. / публ. Л. Г. Ивашова // Военно-исторический журнал. 1993. № 4. С. 11.

¹⁵ См.: Зимняя война 1939 — 1940. С. 59.

¹⁶ См.: Комиссия по описанию Советско-финляндской войны. Интендантское снабжение Советской Армии в Советско-финляндской войне 1939—1940 гг. [Рукопись] // Библиотека ВАТТ. 1941. Инв. 3556. С. 15.

¹⁷ РГВА. Ф. 34980. Оп. 2. Д. 30. Л. 22. Д. 31. Л. 96.

¹⁸ См.: **Коневская М. А.** Организация обозно-вещевого снабжения в период централизации системы снабжения РККА (1935 — 1941) // Вестник РГГУ. Сер.: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2017. № 1 (22). С. 85.

¹⁹ См.: Книга Памяти. 1939 — 1940 гг. М., 1999. Т. 2. С. 11.

²⁰ ЦГА СПб. Ф. 7179. Оп. 59. Д. 175. Л. 24.

²¹ См.: Отечественная военная история : в 3 т. М., 2003. Т. 2 — 3. С. 251.

²² Принимай нас, Суоми-красавица! «Освободительный» поход в Финляндию 1939 — 1940 гг. : сб. док. и фотоматериалов / авт. проекта и сост. Е. Балашов. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 2004. С. 69.

²³ См.: **Жуков С. А.** Мобилизация Ленинградского военного округа 1939 г. и ее влияние на безопасность Северо-Западного региона СССР // Обеспечение национальной безопасности Российской Федерации в Северо-Западном регионе в условиях глобализации и формирования новой архитектуры мирового порядка в конце XX — начале XXI вв. : материалы работы круглого стола 17 мая 2007 г. СПб., 2007. С. 27 — 32.

- ²⁴ Зимняя война 1939 — 1940. С. 120.
- ²⁵ ЦГАИПД СПб. Ф. О-1638. Оп. 3. Д. 112. Л. 6.
- ²⁶ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 12. Д. 2. Л. 21.
- ²⁷ ЦГА СПб. Ф. 1684. Оп. 4. Д. 145. Л. 15 об.
- ²⁸ РГВА. Ф. 34980. Оп. 1. Д. 1266. Л. 209.
- ²⁹ АВМД. Ф. 1. Оп. 1399. Д. 2. Л. 14 — 15.
- ³⁰ См.: Главный военный совет РККА. 13 марта 1938 г. — 20 июня 1941 г. : док. и материалы. М., 2004. С. 152.
- ³¹ ЦГА СПб. Ф. 1684. Оп. 4. Д. 145. Л. 49, 52.
- ³² Там же. Л. 8, 15, 49.
- ³³ См.: Советско-финляндская война 1939 — 1940 : в 2 т. / сост.: П. В. Петров, В. Н. Степаков. СПб., 2003. Т. 1. С. 13, 17 — 18, 27 ; **Барышников В. Н.** СССР и Финляндия в 1920 — 1930 гг.: проблема начала «зимней войны» // 105 дней «зимней войны»: к 60-летию Советско-финляндской войны 1939 — 1940 гг. / под ред. Н. И. Барышникова. СПб., 2000. С. 11.
- ³⁴ РГВА. Ф. 34980. Оп. 1. Д. 1464. Л. 1 — 16.
- ³⁵ РГВА. Оп. 1. Д. 688. Л. 57 — 61.
- ³⁶ См.: Зимняя война 1939 — 1940. С. 59.
- ³⁷ Развитие тыла советских вооруженных сил (1918 — 1988). М., 1989. С. 98.
- ³⁸ См.: **Воронов Н. Н.** На службе военной : военные мемуары. М., 1961. С. 140.
- ³⁹ См.: Об утверждении норм теплого обмундирования на военное время : Приказ НКО № 035-1938 г. [Электронный ресурс] // Сборник документов. URL: <http://www.rkka.ru/docs/p-pko-035-38.htm> (дата обращения: 4.05.2018).
- ⁴⁰ Зимняя война 1939 — 1940. С. 31.
- ⁴¹ См.: Принимай нас, Суоми-красавица! С. 87 ; РГВА. Ф. 34980. Оп. 2. Д. 4. Л. 30.
- ⁴² См.: Принимай нас, Суоми-красавица! С. 110, 178.
- ⁴³ См.: Ленинградская область и Карельская С.С.Р. Климатическая карта. М. ; Л., 1931. 1 к.
- ⁴⁴ РГВА. Ф. 34980. Оп. 1. Д. 57. Л. 614.
- ⁴⁵ См.: **Жуков С. А.** «Работа тыла встречала огромные трудности, особенно трудности подвоза»: некоторые аспекты снабжения войск в Советско-финляндской войне 1939 — 1940 годов // Ученые записки Орловского государственного университета. 2017. № 1 (74). С. 14 — 19 ; **Его же.** Деятельность руководства Ленинграда и области по организации снабжения войск в ходе Советско-финляндской войны 1939 — 1940 гг. // Чтения по военной истории / под ред. Е. В. Ильина. СПб., 2011. С. 208 — 215.
- ⁴⁶ РГВА. Ф. 34980. Оп. 1. Д. 700. Л. 92.
- ⁴⁷ Бои на Карельском перешейке. М., 1941. С. 82.
- ⁴⁸ РГВА. Ф. 34980. Оп. 1. Д. 1300. Л. 96.

Поступила 10.05.2018 г.

УДК 433

А. Б. Филонова

A. B. Filonova

ТРУД ЖЕНЩИН МАРИЙСКОЙ АССР НА ЛЕСОРАЗРАБОТКАХ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

WORK OF WOMEN OF THE MARI ASSR ON LOGGING DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

Ключевые слова: женщины, Марийская АССР, Великая Отечественная война, лесоразработка, труд.

В статье рассматривается труд женщин Марийской АССР на лесоразработках в годы Великой Отечественной войны. Особое внимание уделяется выполнению государственных планов, кадровой подготовке женщин.

Key words: women, the Mari ASSR, the Great Patriotic War, logging, labour.

The article is devoted to the work of women of the Mari ASSR on logging during the Great Patriotic War. Particular attention is paid to the implementation of state plans, personnel training of women.

Великая Отечественная война 1941 — 1945 гг. стала трудным испытанием для всей страны. Одной из главных задач советского государства на начальном этапе войны стал перевод экономики, в том числе промышленности, на военный лад. Этот процесс включал в себя производство военной продукции на заводах и фабриках, размещение и пуск в эксплуатацию предприятий, перебазированных из западных регионов страны. Особое место в развитии промышленного производства в военный период занимала лесная промышленность. По всей стране, в том числе в Марийской АССР, в связи с уходом большей части мужского населения на фронт, остро стояла проблема нехватки рабочих рук. Вся ответственность за заготовку дров и лесоматериалов легла на плечи женщин, престарелых людей и подростков.

На основе архивных материалов и научной литературы мы попытаемся рассмотреть труд женского населения Марийской АССР на лесоразработках в период Великой Отечественной войны. Заявленная проблематика нашла отражение в трудах В. Д. Васенина¹, Б. И. Тресцова², Л. Н. Киртаева³, а также в сборниках документов⁴ и обобщающих работах по истории марийского края⁵.

В директиве Марийского обкома ВКП(б) и Совнаркома Марийской АССР от 1 июля 1941 г. была поставлена задача по перестройке республики на военный лад, в том числе лесной отрасли. Вопросами заготовки и поставки леса здесь занимался Марийский лесной транспортный трест (Маритранслес). С уходом мужского населения на фронт лесная промышленность марийской республики испытывала дефицит квалифицированных кадров. В основном работали «сезонники» — женщины, подростки и престарелые люди. В 1943 г. в системе Маритранслеса работала 2 971 женщина, что составляло 46,5 % от общего числа рабочих и служащих⁶. Из-за проблемы нехватки кадров в лесной отрасли встал вопрос о подготовке кадров

массовых квалификаций. Так, в 1942 г. главной задачей Марийского республиканского лесопромышленного союза (Марлеспромсоюз) в этом направлении было обеспечение квалифицированными кадрами ведущих отраслей промышленности, работавших на оборону страны. Касалось это и лесохимической и деревообрабатывающей промышленности. Подготовка кадров для системы Марлеспромсоюза в 1942 г. сводилась к бригадному и индивидуальному обучению без отрыва от производства или краткосрочным курсам с отрывом от производства для повышения квалификации работающих. Всего в 1942 г. были приняты 559 женщин, их обучали обознанию, щеплению, лесохимии, готовили в качестве счетоводов, кочегаров и шоферов. Двухмесячные курсы бухгалтеров с отрывом от производства прошли 14 женщин, полторамесячные курсы подсечников — 8, двухмесячные курсы столяров мебельного производства — 10 женщин⁷.

В августе-сентябре 1942 г. впервые были организованы стахановские школы. Опыт работы лучших стахановцев лесной отрасли, таких, как Анисимова, Зайцева и Комиссарова, передавался другим бригадам. Стахановские школы по методу Ф. Г. Комиссарова (суть метода состояла в увеличении числа людей в бригаде и в строгом разделении труда между ними) окончили 3 женские бригады лесорубов, в том числе сезонная женская бригада К. Шихматовой из колхоза имени Михайлова Троицко-Посадского сельсовета на Карасьярском лесоучастке и бригада лесорубов постоянного кадра под руководством Е. Карась на Майском участке. Обучением этих бригад в стахановских школах руководили технорук Бистренин на Карасьярском лесоучастке и инженер Мартынов на Майском участке. Всего стахановские школы прошли 11 бригад.

По данным индивидуальной подготовки квалифицированных рабочих к 20 сентября 1942 г. были подготовлены 18 чел., из них 12 женщин: А. Г. Ильина, К. Е. Соколова, А. А. Бышева, В. П. Вагина, Е. С. Цузырникова, А. П. Шмакова, А. Г. Немцева, М. К. Холкина, А. Т. Паукова, А. Ф. Садовникова, Т. Никифорова, А. М. Авдодина. Кроме квалифицированных рабочих непосредственно на лесоучастках в сентябре 1942 г. начальники и техноруки проводили индивидуальную подготовку 7 бракеров и 2 пилоточей. Среди женщин на пилоточей обучились Е. Наумова и Л. Козловская, ранее работавшие уборщицами⁸. Кроме того, проводились курсовые мероприятия. Так, в августе 1942 г. 4 женщины, окончив курсы повышения квалификации бухгалтеров, продолжили работу бухгалтерами на лесоучастках. В сентябре 1942 г. в г. Йошкар-Олу на курсы шоферов были направлены 4 девушки, которые учились при Маритранслесе.

В I квартале 1943 г. через Марлеспромсоюз были подготовлены 220 женщин различных специальностей — токарей, бондарей, спичечников, рамщиков, масленщиков, кочегаров, счетоводов. Курсы с отрывом от производства за тот же период в качестве промышленных мастеров, технических инструкторов подсечки и взрывников по заготовке осмола окончили 318 женщин. В Горномарийском леспромхозе за первый квартал 1943 г. подготовили 90 женских кадров по специальностям токаря, ложкаря, спичечника, бондаря, смолоскипидарника, рамщика, болтовщика, кочегара. За II квартал 1943 г. в системе Марлеспромсоюза бригадное и индивидуальное ученичество, курсы с отрывом от производства, краткосрочные курсы и техминимумы прошли 192 женщины⁹. Общая численность рабочих среди женского населения на

производстве по Марлеспромсоюзу за первое полугодие 1942 г. составила 1 040 чел., а в первом полугодии 1943 г. — 1 777, т. е. на 737 чел. больше. За III квартал 1943 г. прошли обучение 308 женщин¹⁰. За IV квартал 1943 г. общее число женского населения, прошедшего обучение, составляло 747 чел.¹¹

В течение первого полугодия 1944 г. по системе Марлеспромсоюзу кадры готовились в основном через индивидуально-бригадное обучение без отрыва от производства, курсы с отрывом от производства, краткосрочные семинары и техминимумы. Всего за указанный период были организованы 15 комсомольских молодежных бригад. Так, молодежные бригады спичечников Суртовской промартели «Химик» во главе с бригадирами Е. Кротовой и С. Ведерниковой выполняли план на 140 %, с бригадирами Н. Срединным, З. Немцевой и И. Павловым — на 120 %¹².

Организация подготовки кадров массовых квалификаций среди женщин дала результаты. В докладе начальника лесозаготовительной сплавной конторы П. Ф. Бугорова об итогах сплава по рекам Большая Кокшага и Большой Кундыш в навигацию 1942 г. приводятся имена жителей республики, добившихся особых результатов, в их числе Е. Синцова, Е. И. Терпигорьева, Ф. Г. Козлова и Е. А. Рыбакова, ежедневно выполнявшие нормы на 200 — 250 %. В 1942 г. по качеству выполняемой работы на сортировке лучшей была признана Г. Н. Семенова, на ручной погрузке — А. И. Ласточкина¹³. За высокую производительность труда указами Президиума Верховного Совета Марийской АССР от 30 октября 1943 г. 8 женщин и от 5 декабря 1943 г. 8 женщин награждены почетными грамотами Президиума Верховного Совета Марийской АССР. За стахановскую работу на сплаве в навигацию 1943 г. были выдвинуты 13 кандидатов на получение грамоты Президиума Верховного Совета Марийской АССР¹⁴.

Женщины на лесочастьях стремились перенять новые методы работы для улучшения показателей труда. По методу Комиссарова организовали работу бригады Антоновой, Белковой на Кужерском лесопункте¹⁵. В Йошкар-Олинском лестранхозе бригада А. В. Калябиной ежедневно выполняла норму до 140 %¹⁶. Бригадир лесорубов Головинского лесочастья К. И. Мосунова, организовав работу в бригаде по принципу строгого разделения труда, добилась значительных успехов — сверх задания было заготовлено 107 тыс. м³ древесины (180 % от плана)¹⁷.

Активно участвовали в заготовке леса бывшие домохозяйки. Так, на Головинском лесопункте Ф. И. Ионова организовала бригаду лесорубов, производительность труда бригады возчиков А. Ф. Черепановой составила 230 %¹⁸. Бригада Йошкар-Олинского лестранхоза вместо взятых по обязательству 6,5 тыс. м³ древесины на 20 июня 1943 г. вывезла 8,0 тыс. м³¹⁹. Лесорубы Суслонгерского лестранхоза Н. Н. Самоделкина, мобилизованная на дровозаготовки из колхоза «Победа» Косолаповского района, выполнила 2,6 тыс. м³ вместо нормы 2,5 тыс. м³, а Винокурова — 3,3 тыс. м³. Хороших показателей достигли также шоферы Кужерского мехлеспункта К. Михеева (101 %) и В. Варламова (180 %)²⁰. В 1943 г. Козьмодемьянская сплавная транзитная контора не выполняла норм выработок из-за текучести кадров, но отдельные рабочие добились значительных результатов. В их числе Т. В. Самолетова, которая выполнила норму выработки на 193 %. В том же году начальник Илетской сплавной конторы Лаптев отметил хорошую работу стахановцев: М. З. Барановой и 20 чел. ее бригады, Ф. И. Ивановой, А. Г. Григорьевой, П. Е. Ефремовой, Ф. Н. Николаевой и др.²¹

Значительную роль в перевыполнении планов сыграли социалистические соревнования. Передовики лесной промышленности проявляли инициативу в организации движения многотысячников, где преуспело и женское население. В соревновании отдельных бригад Лопатинского древкомбината Маритранслеса в 1944 г. первое место заняла бригада грузчиц сушильного отделения деревоотделочного цеха под руководством Окурихиной, выполнившая норму выработки на 148,9 %. В числе лучших участников индивидуального соревнования древкомбината оказались Стекольщикова (107,3 %), бригадир Скурихина (148,9), станочница П. И. Кузьмина (136,4), коновозчик В. Соловьева (198,3 %) и др. В результате успешного выполнения сообразительств годовой план валовой продукции по состоянию на 1 ноября 1944 г. был выполнен на 102,2 %²².

Усилия и старания работников леса не остались незамеченными. Об этом свидетельствует постановление Совнаркома Марийской АССР и бюро обкома ВКП(б). Уже 8 июля 1942 г. постановлением «О премировании стахановцев лесозаготовок» за высокую производительность труда были премированы передовики лесной промышленности: член бригады возчиков Моркинского лестранхоза А. В. Васильева, бригадир женской бригады лесорубов Суслонгерского лестранхоза Е. И. Дождикова, лесник Волжского лесничества Звениговского лесхоза А. К. Мудрова, лесоруб Йошкар-Олинского лестранхоза А. В. Калябина, шофер Тюмшинского лесопункта А. М. Кондакова. Некоторые женщины были награждены почетными грамотами Президиума Верховного Совета МАССР. Среди них следует отметить бригадиров сплавных контор и рабочих лесосплава Н. И. Гремину, Е. И. Дождинову, А. А. Дудину, А. П. Ефремову и др.²³ В 1944 г. за успешное проведение лесосплава в навигацию 1943 г. были награждены Е. Г. Алексеева, М. З. Баранова, А. К. Веткина, А. Г. Григорьева, П. Е. Ефремова, Ф. И. Иванова, Е. К. Ильдюкова и др. В том же году за успешное проведение весеннего плотового и летнего молевого сплава почетной грамоты получили А. М. Горячкина, М. И. Сдинцова, В. М. Тетерина²⁴. Знака «Почетный железнодорожник» была удостоена бригадир лесорубов Йошкар-Олинского лестранхоза А. И. Сокова. Знаком «Ударнику Сталинского призыва» награждены лесоруб Йошкар-Олинского лесхоза А. Е. Губина, бригадир возчиков Суслонгерского лестранхоза Е. М. Рязайкина, бригадир женской бригады Юринского лестранхоза А. В. Смирнова, лесоруб Сернурского района А. И. Смоленцева, грузчик Маритранслеса А. М. Степанова, специалист по сплаву Козьмодемьянской сплавной конторы А. Н. Симонова, лесоруб Кужерского мехлеспункта К. Сафина, бракер леса Тюмшинского мехлеспункта М. Хафизова, бригадир возчиков Йошкар-Олинского лестранхоза А. Ф. Черепанова²⁵.

Удельный вес работников среди промышленного персонала к концу войны вырос до 56,5 %. Марийские лесозаготовители поставляли на оборонные заводы страны древесину, ружейную болванку, лесохимическое сырье, снабжали топливом и строительным лесом железные дороги, промышленность, строительство. Условия работы в лесной промышленности ухудшились в связи с уменьшением капиталовложений, недостатком рабочей силы, ослаблением технической оснащенности.

Таким образом, в сложных условиях Великой Отечественной войны работники леса Марийской АССР самоотверженным трудом обеспечивали население древесиной. За военные годы лесорубы Марийской АССР поставили 14 млн м³ древесины на военные нужды и восстановление городов, поселков, предприятий, шахт и других

разрушенных врагом объектов народного хозяйства. Значительный вклад в общее дело лесного хозяйства внесли женщины республики. Несмотря на имевшиеся трудности, они выполняли и перевыполняли нормы выработки, приближая победу, обеспечивая поставку стройматериалов в разрушенные фашистскими захватчиками города.

Библиографические ссылки

¹ См.: **Васенин Д. В.** Промышленность и рабочие Марийской АССР в период Великой Отечественной войны (1941 — 1945 гг.). Йошкар-Ола, 2014.

² См.: **Тресцов Б. И.** Марийский лес. Йошкар-Ола, 1997.

³ См.: **Киргаев Л. Н.** Патриотизм юности, проверенный временем. Йошкар-Ола, 2004.

⁴ См.: Труженики леса Марийской АССР в Великой Отечественной войне 1941 — 1945 гг. Йошкар-Ола, 2000 ; Они ковали Победу. Республика Марий Эл : сводный том : поимен. списки тружеников тыла и участников Великой Отеч. войны. Йошкар-Ола, 2012 ; Марийская АССР в годы Великой Отечественной войны 1941 — 1945 гг. Йошкар-Ола, 2005.

⁵ См.: История Марийской АССР. Йошкар-Ола, 1987. Т. 2 ; **Иванов А. Г., Сануков К. Н.** История Марий Эл. Йошкар-Ола, 2015.

⁶ ГА РМЭ. Ф. Р-811. Оп. 1. Д. 782.

⁷ ГА РМЭ. Ф. Р-729. Оп. 1. Д. 8. Л. 4 — 5.

⁸ ГА РМЭ. Ф. Р-811. Оп. 1. Д. 750. Л. 5 — 7.

⁹ ГА РМЭ. Ф. Р-729. Оп. 1. Д. 8. Л. 48 — 55.

¹⁰ Там же. Л. 60, 67.

¹¹ Там же. Л. 81.

¹² Там же. Д. 18. Л. 64.

¹³ ГА РМЭ. Ф. Р-811. Оп. 1. Д. 752. Л. 28 — 29.

¹⁴ Там же. Д. 782. Л. 19.

¹⁵ См.: Труженики леса Марийской АССР в Великой Отечественной войне. С. 48.

¹⁶ См.: **Васенин Д. В.** Указ. соч. С. 164.

¹⁷ См.: Труженики леса Марийской АССР в Великой Отечественной войне. С. 67.

¹⁸ ГА РМЭ. Ф. Р-811. Оп. 1. Д. 782. Л. 211 — 212.

¹⁹ См.: **Васенин Д. В.** Указ. соч. С. 165.

²⁰ ГА РМЭ. Ф. Р-811. Оп. 1. Д. 782. Л. 213.

²¹ Там же. Д. 790. Л. 52, 81.

²² Там же. Д. 822. Л. 39.

²³ См.: Труженики леса Марийской АССР в Великой Отечественной войне. С. 52 — 59.

²⁴ ГА РМЭ. Ф. Р-811. Оп. 1. Д. 818. Л. 1 — 6.

²⁵ ГА РМЭ. Ф. Р-811. Оп. 1. Д. 816. Л. 72 ; **Тресцов Б. И.** Указ. соч. С. 122.

Поступила 05.04.2018 г.

УДК 94(47).084«1945/1966»

Ю. Н. Арзамаскин

Yu. N. Arzamaskin

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА ПО ПРОПАГАНДЕ СВОБОДЫ ИСПОВЕДАНИЯ ИСЛАМА В СССР СРЕДСТВАМИ КИНО В 1945 — 1966 гг.

THE SOVIET STATE ACTIVITY TO PROMOTE THE FREEDOM OF THE CONFESSION OF ISLAM IN THE USSR BY MEANS OF CINEMA IN 1945 — 1966

Ключевые слова: мусульмане СССР, Совет по делам религиозных культов, пропаганда, кинофильмы, Духовное управления мусульман Средней Азии и Казахстана, Духовное управление мусульман европейской части СССР и Сибири.

В статье раскрывается деятельность советского государства по пропаганде свободы исповедания ислама средствами кино, которая с середины 1940-х гг. являлась важным элементом внешней политики. Снятые фильмы не отражали истинного отношения государства к потребностям граждан, исповедующих ислам, но помогли формировать положительный образ СССР на мусульманском Востоке.

Key words: Muslims of the USSR, the Council for Religious Affairs, propaganda, movies, the Spiritual Administration of Muslims of Central Asia and Kazakhstan, film the Spiritual Administration of Muslims of the European part of the USSR and Siberia.

The article reveals the activities of the Soviet state to promote the freedom of the confession of Islam by means of cinema, which since the mid-1940s was an important element of the foreign policy. Available movies didn't reflect the real attitude of the State to the needs of citizens who practiced Islam, but helped to form the positive image of the USSR in the Muslim East.

Советские чиновники высокого ранга и представители искусства понимали необходимость и значение громких пропагандистских кампаний и умели организовывать их. 12 февраля 1945 г. председатель Совета по делам религиозных культов при СНК СССР (СДРК) И. В. Полянский доложил секретарю ЦК ВКП(б) Г. М. Маленкову об инициативе Союзинторгкино — смонтировать фильм из двух короткометражных лент, снятых студиями кинохроники Баку и Ташкена о съездах Духовного управления мусульман Средней Азии и Казахстана (САДУМ) и Духовного управления мусульман Закавказья (ДУМЗАК). Новый фильм предлагалось демонстрировать в зарубежных государствах как свидетельство свободы исповедания ислама в СССР¹.

4 августа 1945 г. председатель СДРК СССР И. В. Полянский и заместитель председателя правления Всесоюзного общества культурной связи с заграницей А. В. Караганов обратились к председателю Комитета по делам кинематографии при СНК СССР И. Г. Большакову с предложением выпустить документальные фильмы о праздновании Рамадана в Москве, Баку, Ташкенте, Казани и Уфе для демонстрации в странах мусульманского Востока. Особое внимание обращалось на подбор квали-

фицированных режиссеров и операторов для съемок². Вскоре государство выделило средства на киносъемку материалов о повседневной жизни, праздниках мусульман и съездах муфтиятов для пропаганды в странах зарубежного Востока. Уже в отчете за III квартал 1946 г. уполномоченный по АзССР докладывал о съемках праздника «Оруджлуг-байрам» Бакинской киностудией³.

11 марта 1955 г. заместитель председателя САДУМ З. Бабаханов согласовал в СДРК вопрос о том, какие подарки он повезет на конференцию стран Азии по ослаблению напряженности в международных отношениях, проведение которой планировалась в Дели. В отношении фильма о конференции религиозных объединений СССР, призвавшей народы планеты к сохранению мира, которая состоялась с 9 по 12 мая в Загорске, и ленты о праздновании Курбан-байрама в Москве, З. Бабаханов предложил сначала внимательно их просмотреть и только потом принимать решение — стоит ли их показывать зарубежным мусульманам⁴. Вероятнее всего, З. Бабаханов прекрасно понимал, что оба фильма условно можно назвать документальными, полностью отражающими ситуацию с положением верующих в СССР.

В начале июня 1956 г. И. В. Полянский отправил руководству СССР предложения СДРК, позволявшие расширить связи советских мусульман с зарубежными собратьями по вере. Одно из них касалось создания документального фильма о праздновании Курбан-байрама в Москве, Ленинграде, Уфе, Казани, Ташкенте, Алма-Ате, Баку и других городах⁵.

Летом 1957 г. председатель Совета улемов Пакистана М. Бадаюни прилетел в СССР с делегацией мусульман по приглашению САДУМ. В ходе этого визита на средства Духовного управления мусульман европейской части СССР и Сибири (ДУМЕС) и САДУМ был снят черно-белый документальный фильм «Пребывание делегации духовных деятелей Исламской республики Пакистан в СССР». Кадры киноплёнки запечатлели осмотр гостями исторических памятников Москвы — достопримечательностей Кремля, Всесоюзной сельскохозяйственной выставки, Московской соборной мечети и т. д.

12 мая 1958 г. в доме М. Бадаюни был устроен просмотр этого фильма, который был переведен на язык урду. На мероприятии присутствовало примерно 150 человек. Особое впечатление на собравшихся оказал тот факт, что в Ташкенте на намаз собралось около 20 тыс. мусульман. После демонстрации фильма многие зрители заговорили о лживости пропаганды США по поводу преследования религии в СССР. Важным был и вывод М. Бадаюни о том, что раз правительство Пакистана не торопится дружить с СССР, мусульмане двух государств сами должны это сделать⁶.

В феврале 1958 г. председатель СДРК А. А. Пузин написал секретарю ЦК КПСС Н. А. Мухитдинову письмо «Об использовании мусульманских и других религиозных организаций СССР в целях усиления советского влияния в странах Востока». В качестве одной из перспективных идей Министерству культуры СССР предлагалось организовать съемки пребывания в СССР делегаций иностранных мусульманских деятелей с последующим включением этих сюжетов в документальные кинофильмы, показывающие жизнь мусульман в СССР, рост их благосостояния и культурного уровня (с акцентом на то, как это видят иностранные делегации во время пребывания в СССР).

Данная задача была вновь озвучена в подготовленном СДРК в 1958 г. проекте постановления ЦК КПСС «Об использовании религиозных организаций СССР в интересах политики Советского государства в странах Ближнего и Среднего Востока». С целью реализации поставленной задачи в конце января 1958 г. предлагалось организовать съемку фильма о пребывании иранской мусульманской делегации в Баку, Ташкенте, Москве и Ленинграде⁷.

По заказу САДУМ и ДУМЕС и на их средства Центральная студия документальных фильмов сняла документальный фильм «Гости из Дамаска» о пребывании в СССР в 1958 г. мусульманских деятелей из Сирийского района ОАР во главе с муфтием Абуль Юсер Абиддином. СДРК и МИД СССР запланировали отправить этот фильм через «Совэкспортфильм» в государства Азии и Африки для демонстрации уровня свободы совести в СССР.

Учитывая расходы САДУМ и ДУМЕС на съемку этого фильма, СДРК в августе 1959 г. просил Государственный комитет по культурным связям с зарубежными странами при СМ СССР выделить необходимую сумму на тиражирование фильма. Однако госкомитет согласился оплатить только расходы по его транспортировке в зарубежные государства⁸. Поэтому тиражирование фильма было также осуществлено на деньги ДУМЕС и САДУМ. В последующем фильм «Гости из Дамаска» регулярно дарили главам мусульманских делегаций, приезжавших в СССР. В начале сентября 1959 г. СДРК от имени муфтиев Ш. Ш. Хиялетдинова и З. Бабаханова подарил эту киноленту главному муфтию Сирийского района Абу Юсер Абидину⁹.

В конце января 1959 г. А. А. Пузин утвердил план работы Совета по делам религиозных культов и его уполномоченных в республиках, краях и областях на 1959 г.¹⁰ В документе ставились задачи по развитию международных связей религиозных организаций СССР в целях борьбы за мир и разоблачения клеветы в отношении СССР. Для этого предлагалось направлять за границу кинофильмы, изготавливаемые по заказам религиозных организаций СССР.

На заседании СДРК 23 марта 1959 г. было принято решение содействовать созданию документального фильма «Памятники ислама в СССР». Спустя месяц, 29 апреля, на очередном заседании СДРК было решено выработать предложения по съемкам фильмов с мусульманской тематикой с целью их использования для доказательства в странах Востока высокого уровня свободы совести в СССР. Уже 7 мая Председатель СДРК А. А. Пузин утвердил план мероприятий по расширению связей религиозных организаций СССР с религиозными организациями стран Арабского Востока, в котором первый раздел «Кино» имел пять пунктов, показывавших перспективу использования этого искусства с целью доказательства свободы совести в СССР (речь шла о процветании мусульман).

В январе 1960 г. Председатель ЦК компартии Индонезии Айдит беседовал с Председателем Госкомитета по культурным связям с зарубежными странами при СМ СССР Г. А. Жуковым. Учитывая пожелания Айдита, СДРК 18 января 1960 г. принял решение помочь Совинформбюро и Комитету радиовещания и телевидения при СМ СССР в организации выступлений мусульманских лидеров СССР перед народом Индонезии о свободе совести в Советском Союзе. На этом заседании было также принято решение о том, что высказанное З. Бабахановым желание о покупке для нужд САДУМ фильмов «Жизнь мусульман СССР» и «Культура мусульман СССР» может быть рассмотрено в случае официального обращения в СДРК¹¹.

3 апреля 1959 г. в справке для ЦК КПСС А. А. Пузин докладывал о методах использования религиозных каналов советской контрпропаганды в странах Арабского Востока. В их числе были названы отправка в зарубежные государства двух документальных фильмов о пребывании в СССР иностранных мусульманских делегаций¹².

Весной 1960 г. МИД СССР и СДРК вели переписку о противодействии пропаганде Запада на Арабском Востоке. В ходе обмена мнениями СДРК предложил использовать фильмы «Жизнь мусульман СССР», «Культура мусульман СССР», «Гости из Дамаска», «Пребывание делегации духовных деятелей Исламской Республики Пакистан в СССР» и др. В мае 1960 г. СДРК рассмотрел проект плана мероприятий по расширению международных связей религиозных организаций СССР с зарубежными религиозными организациями. Было решено организовать сбор отзывов зарубежных мусульман об этих фильмах с целью изучения вопроса о целесообразности съемок нового фильма из этого цикла¹³.

На заседании СДРК, прошедшем 28 июня 1960 г., сообщалось о готовности кинофильмов «Жизнь мусульман СССР» и «Культура мусульман СССР» для проката в зарубежных странах на фарси, урду, английском и арабском языках¹⁴.

В январе 1960 г. в переписке между СДРК и МИД СССР шла, Генеральный консул СССР в Стамбуле М. М. Волков предложил показать в Турции фильмы, снятые в УзССР, — «Жизнь мусульман СССР» и «Культура мусульман СССР», и просил прислать эти фильмы с переводом на турецкий язык¹⁵.

В сентябре 1961 г. делегация мусульманских деятелей Марокко посетила СССР. От имени мусульман СССР на обеде в честь делегации 29 сентября муфтий З. Бабаханов и муфтий Ш. Хиялетдинов передали подарки для короля Марокко, в том числе кинофильм «Приезжайте к нам в Узбекистан» и документальный цветной фильм на французском языке «Солидарность» от Советского комитета солидарности стран Азии и Африки¹⁶.

Анализ деятельности СДРК дает возможность заявить, что его специалисты хорошо понимали стоявшие перед ними задачи и тщательно готовили документы по своей работе. Так, в проекте «Плана мероприятий по дальнейшему развитию внешней деятельности религиозных центров и организаций СССР в интересах Советского государства (на 1961 год)» было намечено снять документальные фильмы о пребывании в СССР религиозных зарубежных делегаций, в которых должна быть показана благополучная религиозная жизнь в СССР. Подобные пункты имелись и в планах работы уполномоченных совета. Например, в плане работы уполномоченного СДРК по УзССР на 1962 г. было намечено получение кинофильма «Мусульмане Советского Союза» для отправки через САДУМ «после согласования с инстанциями»¹⁷.

В «Материалах и докладах об итогах проведения единовременного учета религиозных объединений, молитвенных зданий и церковного имущества», подготовленных СДРК в 1962 г., сообщалось, что по рекомендации СДРК для зарубежного зрителя изготовлены документальные кинофильмы на арабском, фарси, урду и английском языках: «Жизнь мусульман СССР», «Пребывание в СССР делегации мусульманских деятелей Пакистана» и «Гости из Дамаска»¹⁸.

Прошедшая в г. Ташкент 30 — 31 октября 1962 г. конференция мусульманских организаций СССР была снята на киноленту для показа мусульманам зарубежья.

Чуть позже, на заседании СДРК 20 ноября 1962 г., было решено создать кинофильм, посвященный этой конференции, с целью рассылки его за рубеж. Причем особое внимание было обращено на контрольный просмотр фильма членами СДРК перед запуском в прокат¹⁹.

В отчете уполномоченного СДРК отмечено проведение конференции в Ташкенте 30 — 31 октября 1962 г., сформулированы предложения по ее популяризации. Предлагалось снять «Узбекфильмом» ленту о конференции дополнить кадрами о достижениях культуры и хозяйственной жизни народов Средней Азии, перевести ее на арабский, французский и английский языки. Фильм предлагалось использовать и для демонстрации в советских посольствах. Для усиления впечатления было предложено демонстрировать фильмы: «Положение мусульман СССР», «Гости из Марокко», «Приезжайте к нам в Узбекистан». Уполномоченный СДРК также предложил провести фотовыставку в тех странах, куда отправили приглашения. Напомним, что приехали всего 5 иностранцев из 4 стран, хотя были приглашены 33 человека из 20 иностранных государств²⁰.

В мае 1963 г. Председатель СДРК А. А. Пузин докладывал в Совет Министров СССР о том, что сняты и направлены в страны Азии и Африки документальные фильмы: «Жизнь мусульман СССР», «Культура мусульман СССР», три фильма о пребывании в СССР мусульманских делегаций из Пакистана, Марокко, Сирии, фильм о конференции мусульманского духовенства, состоявшейся в Ташкенте 30 — 31 октября 1962 г.²¹

Анализ планов работы муфтиятов показывает, что в вопросе кинопропаганды свободы совести в СССР они во многом совпадали с документами СДРК. Например, в плане международной деятельности САДУМ на 1964 г. имеется пункт о выпуске документального фильма, освещающего визит делегации мусульман Того в СССР. О масштабности планов этого управления относительно съемок подобных фильмов свидетельствуют данные о запланированных расходах. Так, на расширенном заседании Президиума САДУМ 27 января 1966 г. отмечалось, что в 1966 г. расходы на создание фильмов запланированы в сумме 18 000 руб.²², при том, что средняя заработная плата в СССР в 1966 г. составляла 107,44 руб.

На наш взгляд, все фильмы, снятые в исследуемый период о жизни мусульман в СССР, скорее всего, можно отнести к жанру художественно-документальных, постановочных или, как принято называть такие произведения, мокьюментари (псевдодокументальные фильмы). Тем не менее именно эти произведения с учетом того, как они снимались и для чего предназначались, являются ценным источником для понимания истинного состояния государственно-мусульманских отношений в советском государстве в 1945 — 1966 гг. Более того, количество и качество снятых сюжетов о жизни мусульман СССР позволяют говорить о том, что современное мусульманское кино постсоветского пространства частично обязано своим рождением советским съемочным бригадам, выполнявшим поставленные перед ними партийно-государственным аппаратом СССР задачи.

Все снятые фильмы не отражали истинного отношения государства к потребностям своих граждан, исповедующих ислам, но помогали формировать положительный образ СССР на мусульманском Востоке. Несмотря на официально декларируемое невмешательство государства в дела конфессий, Совет по делам религиозных

культов, МИД СССР и ряд других ведомств принимали активное участие в съемках всех фильмов, в том числе с участием зарубежных мусульманских делегаций, приезжавших в СССР.

Библиографические ссылки

¹ ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 20. Л. 76.

² Там же. Д. 21. Л. 99.

³ Там же. Д. 221. Л. 54.

⁴ ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 4. Д. 37. Л. 46.

⁵ ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 129. Л. 199.

⁶ ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 4. Д. 93. Л. 61.

⁷ ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 166. Л. 18, 85; Ислам и Советское государство (1944 — 1990) : сб. док. Вып. 3 = Islam and the Soviet State (1944 — 1990 гг.) : Documents. Vol. 3 / сост., авт. предисл. и примеч. Д. Ю. Арапов. М., 2011. С. 166 — 171.

⁸ ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 195. Л. 120.

⁹ ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 4. Д. 114. Л. 69.

¹⁰ ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 187. Л. 1 — 17.

¹¹ Там же. Д. 204. Л. 19.

¹² Там же. Д. 188. Л. 68 — 69.

¹³ Там же. Д. 204. Л. 105 — 107 ; Д. 212. Л. 82.

¹⁴ Там же. Д. 205. Л. 103.

¹⁵ ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 4. Д. 114. Л. 6, 7.

¹⁶ ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 1373. Л. 78 — 79.

¹⁷ Там же. Д. 1355. Л. 123 — 124.

¹⁸ Там же. Д. 1425. Л. 227.

¹⁹ Там же. Д. 1386. Л. 74 — 75.

²⁰ Там же. Д. 1749. Л. 113 — 116.

²¹ Там же. Д. 1420. Л. 18.

²² ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 4. Д. 162. Л. 46; Оп. 6. Д. 50. Л. 78.

Поступила 20.04.2018 г.

УДК 94(470.345)

С. А. Ивлиев, Т. Н. Кадерова

S. A. Ivliev, T. N. Kaderova

**ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ
«ХРУЩЕВСКОГО ДЕСЯТИЛЕТИЯ» В КОНТЕКСТЕ ДУХОВНОЙ
ЖИЗНИ СОВЕТСКОГО СОЦИУМА: ВЗГЛЯД ИЗ ПРОВИНЦИИ
(На примере Мордовской АССР)**

**IDEOLOGICAL TRANSFORMATIONS OF THE “KHRUSHCHEV
DECADE” IN THE CONTEXT OF THE SPIRITUAL LIFE
OF THE SOVIET SOCIETY: A VIEW FROM THE PROVINCE
(On the example of the Mordovian ASSR)**

Ключевые слова: идеология, критика культа личности, десталинизация, коммунистическое строительство, концепция «отмирания государства», концепция «общенародного государства», формирование «нового человека».

В статье на примере Мордовской АССР исследуются особенности идеологических трансформаций 1953 — 1964 гг. и их влияние на духовную жизнь российской провинции.

Key words: ideology, criticism of the cult of personality, de-Stalinization, Communist construction, “withering away of the state” conception, “commonnation state” conception, formation of a “new man”.

The features of the ideological transformations of 1953 — 1964 and their influence on the spiritual life of the Russian province are explored in the article on the example of the Mordovian ASSR.

Период 1953 — 1964 гг. характеризуется существенной коррекцией теоретических воззрений. Произошедшие модификации, обусловленные укреплением коллективных позиций высших представителей партийного и государственного аппарата, хотя и не затрагивали фундаментальных основ советской идеологии, оказали глубокое воздействие на общественно-политическое развитие СССР. Отправной же точкой пересмотра многих теоретических положений стала критика «культа личности» как определенной системы взглядов на развитие общества и государства.

Развенчание «культа личности» включало в себя два существенно отличающихся друг от друга этапа. Первый этап связан с выступлением Г. М. Маленкова на заседании Президиума ЦК на следующий день после похорон И. В. Сталина, где он заявил о необходимости «прекратить политику культа личности и перейти к коллективному руководству страной». За этой риторикой стояло желание представителей правящей партийной номенклатуры обезопасить свое положение от возможности новых репрессий, вероятных с утверждением у власти очередного сильного лидера, сохранить свои жизнь и привилегии. Недаром даже имя Сталина стало все реже упоминаться в официальных документах и средствах массовой информации¹.

В многочисленных публичных выступлениях партийных и государственных руководителей страны говорилось о необходимости воссоздать коллективное руководство как исконно ленинскую норму, а также о том, что концентрация власти в одних руках в сталинскую эпоху была правильным, но временным явлением,

вызванным тяжестью первых пятилеток, индустриализацией и коллективизацией, а позже — войной и послевоенным восстановлением. При этом вплоть до 1956 г. все значительные начинания нового советского руководства трактовались официальной пропагандой как прямое продолжение дела не только В. И. Ленина, но и И. В. Сталина. Например, в ходе обсуждения на сессии Верховного Совета Мордовской АССР 15 сентября 1953 г. проекта антикризисной программы по дальнейшему подъему сельского хозяйства страны, подчеркивалось: «Эта программа опирается на знание экономических законов, на науку о строительстве коммунистического общества, разработанную И. В. Сталиным в его труде „Экономические проблемы социализма в СССР“, который имеет величайшее значение для марксистско-ленинской теории, для всей нашей практической деятельности. Идеи этого сталинского труда освещают путь к полной победе коммунизма»². Примечательно, что обсуждаемый проект в реальности во многом противоречил сталинским теоретическим установкам о устойчивом развитии советского сельского хозяйства в послевоенный период и фактически был призван вывести аграрный сектор экономики из кризиса, в котором тот находился на момент смерти «вождя народов». Мероприятия, предлагаемые программой, подавались как фактическое воплощение в жизнь учения И. В. Сталина. Решения XIX съезда партии, состоявшегося в 1952 г., оценивались на сессии как «вооружившие советский народ величественной программой коммунистического строительства»³. Таким образом, вплоть до 1956 г. авторитет умершего вождя оставался непререкаемым, а заложенные им идеологические конструкции — незыблемыми.

Ограниченной критикой «культы личности» как общественного явления (при сохранении неизменными сталинских теоретических построений) фактически закладывалась идеологическая основа для устойчивого и, как тогда казалось, долговременного функционирования коллективного руководства страной. Поэтому неожиданной для представителей партийной и государственной элиты стал закрытый доклад Н. С. Хрущева 25 февраля 1956 г. на XX съезде КПСС с осуждением «культы личности» И. В. Сталина и его резкой критикой. В докладе была озвучена новая точка зрения на недавнее прошлое страны, с перечислением многочисленных фактов преступлений второй половины 1930-х — начала 1950-х гг., вина за которые возлагалась только на И. В. Сталина. В нем также была поднята проблема реабилитации репрессированных партийных и военных деятелей⁴.

Несмотря на условную закрытость, доклад был распространен по всем партийным ячейкам страны и республики, причем на ряде предприятий к его обсуждению привлекали и беспартийных. Обсуждение доклада велось также в ячейках ВЛКСМ. И хотя полностью он был опубликован только в 1989 г., его «смягченный» вариант был обнародован в качестве Постановления Президиума ЦК КПСС «О преодолении культа личности и его последствий» от 30 июня 1956 г. как в центральной печати, так и в региональной прессе, в частности на страницах газеты «Советская Мордовия»⁵.

Доклад Н. С. Хрущева стал началом второго этапа развенчания «культы личности», однако сужал само это явление до критики злоупотреблений И. В. Сталина и его режима. За этим нетрудно увидеть стремление нового советского лидера укрепить собственную власть, превратить ее в единоличную, отстранив от управления конкурентов — коллективное руководство. В тоже время историческое выступление

первого секретаря стало ярким сигналом для региональных партийных руководителей и всего населения страны об окончательном утверждении у власти в СССР нового лидера.

Происходившее привело к попытке властей Мордовии дистанцироваться от сталинского наследия и поддержать авторитет нового руководства КПСС. «... Борьба против культа личности, — подчеркивалось в официальном печатном органе Мордовского обкома КПСС — газете «Советская Мордовия», — свидетельствует не о слабости, а о гигантской мощи нашей партии... преодоление последствий культа личности обеспечит дальнейшее укрепление партии и повышение творческой инициативы масс»⁶. Показательно, что у некоторых простых граждан в связи с этим возник закономерный вопрос: почему «старые партийцы», члены Политбюро и Совета Министров не выступили против Сталина, не отстранили его от власти при жизни?⁷ Отвечая на него, партийные руководители пытались донести свою позицию до общественности: «В сложившихся условиях этого нельзя было сделать... советские люди знали Сталина как человека, который выступает всегда в защиту СССР от происков врагов, борется за дело социализма. ... Всякое выступление против него в этих условиях было бы не понято народом, и дело здесь вовсе не в недостатке личного мужества. Ясно, что каждый, кто бы выступил в этой обстановке против Сталина, не получил бы поддержки в народе. Более того, подобное выступление было бы расценено в тех условиях как выступление против дела строительства социализма, как крайне опасный в обстановке капиталистического окружения подрыв единства партии и всего государства»⁸. Такая мысль, не лишенная логики и здравого смысла, фактически признавала бессилие партии перед лицом всевластного диктатора — И. В. Сталина. Признаться в этом открыто партийная элита не могла, но для большинства простых граждан, далеких от политики, такое объяснение казалось вполне приемлемым.

Критика сталинизма за пределами Советского Союза по-разному была воспринята руководителями социалистических стран. С одной стороны, лидеры Китая (Мао Цзэдун), Северной Кореи (Ким Ир Сен), Албании (Э. Ходжа) — были против антисталинской риторики Н. С. Хрущева, видя в ней угрозу собственной власти. С другой стороны, десталинизация в СССР, пусть и ограниченная, привела в ряде стран Восточной Европы к довольно быстрому развитию процессов «идеологической эрозии», угрожавшим правящим в них просоветским правительствам, первым проявлением которых стало Познанское восстание в Польше в июне 1956 г. Наиболее драматично эти процессы протекали в ходе Венгерского восстания 23 октября — 9 ноября 1956 г., подавленного с помощью советских вооруженных сил. Безусловно, данные события, не могли не вызвать вопросов у населения Мордовии. Партийные и советские органы республики выступили с необходимыми разъяснениями, призванными пресечь любые вольные трактовки. «Буржуазная пропаганда пытается сейчас изобразить дело так, будто трудящиеся были застрельщиками вооруженной авантюры, — отмечала в разгар венгерского мятежа региональная печать. — Но разве найдется хоть один честный человек, который осмелится поставить знак равенства... между венгерским рабочим и теми, кто устраивал на улицах Будапешта костры из книг, воскрешая картины средневекового мракобесия и гитлеровского разбоя? Защищая народно-демократический строй, завоеванный трудящимися Венгрии в борьбе против гитлеровских захватчиков, венгерское правительство вынуж-

дено было ввести в действие вооруженные силы. ...советские воинские части, находящиеся в Венгрии согласно Варшавскому договору, пришли на помощь венгерским войскам, венгерским трудящимся, защищающим народное государство»⁹. Таким образом, особое внимание средства массовой информации уделили противостоянию восставших венгерскому трудовому народу, а само выступление определялось как контрреволюционный антинародный мятеж. Реальный же источник данных событий — развенчание культа личности Сталина — искусно обходился стороной.

Со временем критика культа личности И. В. Сталина была доведена до логического конца. В ходе XXII съезда КПСС (1961 г.) были приняты решения о выносе тела покойного вождя из мавзолея и переименовании города Сталинграда в Волгоград (наряду с этим последовало много других переименований). И. В. Сталин теперь стал объектом беспощадной критики, особенно со стороны людей, в той или иной мере пострадавших от сталинского режима. Так, один из старейших партийцев Мордовии, член РКП(б) с 1918 г., А. Козлов сразу по окончании XXII съезда писал: «И. В. Сталин нарушал ленинские нормы партийной жизни, злоупотреблял властью, доверием партии, народа. ...его гроб не может находиться рядом с великим Лениным». Далее приводился случай, оказавшийся личной драмой: в 1937 г. был арестован как враг народа коммунист Белоклоков, состоявший в одной с ним партийной организации. Знавший его много лет как порядочного и честного человека, А. Козлов выступил на партсобрании в его защиту и лишь только за это был через два дня исключен из рядов ВКП(б). Над ним самим нависла угроза ареста. «Трудно переживал я те дни, хотя верил, что рано или поздно меня восстановят в партии, что правда восторжествует», — подчеркивал он, связывая итоги XX и XXI съездов с восстановлением попранной справедливости. Виня Сталина в произошедших с ним и его товарищами несчастиях, А. Козлов, как и миллионы других советских граждан, пострадавших от репрессивного режима, подчеркивал, что «далек от обид на партию и государство»¹⁰. Его риторика в этом плане представляет собой типичную риторику эпохи.

Коллективы различных предприятий, учреждений, организаций Мордовии в официальных сообщениях заявляли о своем согласии с выводами, сделанными на XXII съезде КПСС о вредных последствиях культа личности Сталина, заклеили позором «антипартийные и антинародные действия фракционной группы Молотова, Маленкова, Кагановича и других», выступивших апологетами сталинизма, а фактически ратовавшими за ограничение власти Н. С. Хрущева¹¹. Однако наряду с гражданами, искренне поддерживавшими данное решение съезда или оставшимися равнодушными к нему, существовала часть населения, не согласная с развенчанием вождя и видевшая за действиями властей попытку переложить всю ответственность за все неудачи и «перегибы» на умершего руководителя. Для них И. В. Сталин по-прежнему оставался человеком, «принявшим страну с сохой, а оставившим с ядерной бомбой»¹², стоявшим в одном ряду с такими правителями-государственниками, как Иван Грозный и Петр Великий. Впрочем их мнение едва ли могло быть услышано или найти отражение на страницах официальных СМИ. Тем не менее о наличии подобных настроений косвенно говорят некоторые факты. Так, вплоть до начала 1960-х гг. ряд колхозов республики по-прежнему носил имя И. В. Сталина¹³.

Показательно, что параллельно с усилением развенчания «культа личности» покойного правителя все более уходила в тень критика «культа личности» как обще-

ственного явления, которая с падением коллективного руководства перестала быть востребованной. Более того, стала набирать силу противоположная тенденция — формирование «культы личности» Н. С. Хрущева, достаточно отчетливо проявившаяся уже к XXI съезду КПСС (27 января — 5 февраля 1959 г.). Одним из делегатов на этом съезде от Мордовии была Герой Социалистического Труда, главный агроном совхоза «Саразт» Атяшевского района П. И. Равкина, написавшая очерк «Под счастливой звездой (Записки делегата XXI съезда КПСС)», где подчеркивается правильность политики Н. С. Хрущева, встретившая безоговорочную поддержку всеми делегатами от МАССР и народом Мордовии. «После заключительного заседания съезда, — пишет П. И. Равкина, — почти рядом с нами показался Никита Сергеевич. Он неторопливо шел по залу. Появилось неодолимое желание подойти к нему и сказать хотя бы несколько сердечных слов благодарности от нашей делегации, от всего мордовского народа за его постоянную заботу о благе людей, об интересах государства. Я быстро поделилась этой мыслью с товарищами.

— Пока не окружили Никиту Сергеевича, подойди к нему, — сказал Георгий Иванович (первый секретарь Мордовского обкома КПСС Г. И. Осипов. — *Прим. авт.*). — Поговори с ним.

— Здравствуйте, Никита Сергеевич! — подойдя к нему, проговорила я. Сердце у меня никогда еще так не билось. Но я держалась, старалась не показывать своего волнения.

— Здравствуйте, — просто и непринужденно сказал Никита Сергеевич, — пожал мне руку и, улыбнувшись, спросил: — Откуда такая боевая?

— Из Мордовии.

— А сама кто по национальности?

— Мордовка.

Никита Сергеевич пристально посмотрел на меня. Заметив на груди моей Золотую Звезду, кивнул:

— За что получили?

Я коротко, сбивчиво рассказала. Он похвалил:

— Молодчина!

Потом снова обратился с вопросом:

— Много таких боевых у вас в Мордовии?

Я совсем застеснялась, но ответила:

— Не мало, Никита Сергеевич.

— Это хорошо! — заключил он. — Очень хорошо!

Нас стали постепенно окружать. Делегаты попросили Никиту Сергеевича сфотографироваться с ним. Видно было, что ему некогда, но он просьбу не отклонил, встал с краю выстроившейся группы. Увидев это, я предложила:

— Никита Сергеевич, давайте в середину.

Все меня поддержали, и он встал рядом со мной, снова пожал мне руку.

Всю жизнь я буду ощущать теплоту пожатия этой руки. Я тут же мысленно дала себе клятву: трудиться в дальнейшем еще упорнее, отдавать все свои силы, все свое умение прекрасному делу торжества коммунизма»¹⁴.

Как видно из приведенного отрывка, фигуру Н. С. Хрущева, как и персоны предшествовавших ему советских вождей и российских монархов, уже начал окружать своеобразный «сакральный ореол». При этом автора очерка — П. И. Равкину

— едва ли корректно упрекнуть в неискренности или сознательной лести. Ее очерк, написанный с большой душевной теплотой, скорее, свидетельствует о традиционном доверии простого труженика из глубинки к носителю верховной власти.

Восхваление же с властных трибун руководителей партии и государства оставалось привычным атрибутом советской официальной риторики. Так, в выступлении И. П. Астайкина, Председателя Совета Министров МАССР, на сессии Верховного Совета республики 16 декабря 1960 г. подчеркивалось, что «...трудящиеся Мордовской АССР, как и все советские люди, единодушно выражают глубокую благодарность Никите Сергеевичу Хрущеву за его неутомимую деятельность во имя мира, счастья и благополучия народов»¹⁵. «Примером беззаветного служения народу является деятельность всенародного депутата Никиты Сергеевича Хрущева, у которого всем депутатам надо учиться высокой принципиальности, последовательности в решении вопросов, сердечности в обращении с людьми, глубокой верой в человека», — наставлял коллег-депутатов с парламентской трибуны Г. Я. Меркушкин¹⁶.

Однако надо отметить, что «культ личности» как Н. С. Хрущева, так и всех последующих советских руководителей никогда уже не достигал прежних (сталинского времени) масштабов. В ходе критики «культа личности» в значительной мере удалось отказаться от наиболее одиозных проявлений этого феномена, фактически являвшегося идейной основой жесткой автократии.

Между тем демонтаж сталинского наследия открывал новому руководству простор для поисков путей реализации его замыслов и устремлений. Одним из магистральных направлений этого поиска стали пересмотр отношения к построению коммунизма не как к отвлеченной цели, а как к непосредственной близлежащей реальной задаче всего советского общества в течение ближайших двух десятилетий.

Идея о постепенном переходе к коммунистическому обществу оформилась еще в 1930-е гг. в связи с провозглашением завершения строительства социализма в СССР. «Если бы не война, — констатирует современный исследователь А. А. Фокин, — возможно, лозунг о строительстве коммунизма в двадцатилетний срок мог бы появиться не в 60-х, а в 40-х гг. Несмотря на отрицание практик сталинского периода, в официальном представлении о коммунизме обнаруживается множество идей, которые оформились именно в 30-е — начале 50-х гг. Они выступали фактическим наполнением теоретических построений и очерчивали круг реальных задач, решение которых, по мнению разработчиков, должно было привести страну к „светлому будущему“»¹⁷.

Для форсирования коммунистического строительства была и еще одна немаловажная причина. Во второй половине 1950-х гг. членами советского руководства и лично Н. С. Хрущевым стало все яснее осознаваться объективное давление развивавшихся процессов глобализации на советское общество и социалистический блок в целом, а следовательно, и необходимость для СССР в целях избежания изоляции и отставания быть не просто супердержавой, а стать своего рода «протоглобальной общностью», политически и экономически интегрированной во всемирную систему, как один из ее лидеров, центров притяжения (выражением чего, например, в сфере внешней политики стало налаживание тесных связей с рядом стран «третьего мира» и их лидерами — Египтом и его президентом Г. А. Насером, Кубой и ее руководителем Ф. Кастро и др.). Поэтому требовалась более широкая идея-программа, на-

целенная на реализацию «большого мирового проекта». Ею и стали идея «скорого броска в коммунизм» и связанная с ней концепция общенародного государства, которая воплотила в себе и конкретизировала представление о развернутом коммунистическом строительстве.

Новые идеи оказались отличными от идеологических построений 1945 — 1953 гг. Так, в их рамках полностью отрицался сталинский тезис «об усилении классовой борьбы внутри социалистического государства по мере его развития и движения к коммунизму» (чем в свое время оправдывался террор в стране). Особый упор, напротив, делался на монолитность советского общества, на отсутствие внутри его каких-либо серьезных противоречий. Один из политобозревателей газеты «Советская Мордовия» Т. Сергеев под рубрикой «В помощь пропагандисту и агитатору» разъяснял региональному читателю: «В советском обществе не может быть почвы для обострения классовой борьбы, прежде всего, потому, что у нас безраздельно господствует социалистическая форма собственности на средства производства. А это значит, что коренные интересы рабочего класса, колхозного крестьянства и интеллигенции едины»¹⁸. В статье особо подчеркивалось, что теперь «острие классовой борьбы для СССР повернуто именно во вне, против враждебной деятельности империалистического лагеря»¹⁹.

Поскольку пересмотр прежних идеологических положений о государстве происходил в русле объявленного партией возвращения к истокам ленинского наследия, то наиболее существенной критике был подвергнут постулат об усилении государства по мере продвижения к коммунизму. Данный постулат теперь рассматривался как «искусственный и неверный», навязанный партии и советскому обществу И. В. Сталиным в целях усиления личной власти. В идеологическом плане отныне основной упор делался на ленинскую формулу: полное отмирание государства произойдет при переходе от первой фазы развития (переходного периода от социалистической революции) к высшей его фазе (коммунизму)²⁰, который якобы наступит еще при жизни текущего поколения. Основным путем такого перехода являлось поголовное привлечение трудящихся к государственному управлению через постепенную передачу функций государства общественным организациям, а в сфере внешней политики — через распространение социалистического способа производства на весь мир, но не посредством «троцкистского экспорта революции», а через скорую и неизбежную победу в «мирной конкуренции социалистической и капиталистической систем». «Хотя диктатура рабочего класса перестала быть необходимой уже в условиях развернутого строительства коммунизма в СССР, — разъяснял жителям Мордовии политобозреватель И. Ермаков, — государство же, как общенародная организация, остается до полной победы коммунизма»²¹. Отсюда следовало, что отмирание государства уже идет полным ходом, хотя государство пока не отмерло совсем.

Фактически в СССР за ширмой идеологического клише об отмирающем государстве происходило упрочнение бюрократического аппарата. Поэтому подобная идеологическая реляция больше расходилась с реальностью, чем учение И. В. Сталина об усиливающемся государстве, а значит, нуждалась и в более существенном восхвалении.

Отмеченные идеологические новации порождали весьма противоречивые тенденции в культурной жизни общества. С одной стороны, отмечались некоторая либерализация и демократизация общественной жизни. С другой стороны, форси-

рованное построение коммунизма создавало объективные условия для усиления идеологического диктата государства во всех сферах жизни общества. Особенно значительно последнее коснулось государственно-церковных отношений. Период относительно мирного сосуществования, установившийся в послевоенное время, закончился, сменившись политикой воинствующей нетерпимости. Хотя начало гонений на церковь в Мордовии было на какое-то время замедленно благодаря активной деятельности епископа Пензенского и Саранского Леонида (Лобачева), вскоре, однако, снятого со своей должности. Если к концу 1959 г. на территории республики действовали 28 храмов, то в 1961 — 1962 гг. на всю Мордовию осталось только 14 действующих храмов, из них 3 молитвенных дома. Полностью были уничтожены храмы в Чамзинке, Новосильцево, Мельцанах, Резоватове, в руины превратились церкви в Ивановке, Протасове, Пушкине, Вадовских Селищах, Инсар-Акшине, Атемаре, Старом Синдрове, Болдове, Сабур-Мачкасах, Знаменском и десятках других сел²².

Активных верующих стали приравнивать чуть ли не к преступникам. Так, в 1960 г. один из докладчиков на втором пленуме Саранского горкома КПСС (его имя в документе не сохранилось) выступил с речью «О задачах городской партийной организации в борьбе с преступностью и нарушением общественного порядка». Он заявил: «Нельзя останавливаться на происках церковников. И хотя их действия не подпадают под формулу нарушителей общественного порядка, они совершают преступление перед обществом, а потому здесь общественные организации должны повысить свою роль»²³. Как видно из сути высказывания, оно состоит из двух прямо противоречащих друг другу частей: в одной из них признается, что юридически «церковники» не являются нарушителями закона, тогда как во второй они объявляются преступниками.

Одним из типичных примеров религиозных гонений в Мордовской АССР можно считать явился случай снятия с регистрации здания церкви и религиозной общины в с. Колопине Краснослободского района Мордовской АССР. Как следует из сохранившихся документов, церковь была закрыта на основании решения исполкома Краснослободского районного Совета депутатов трудящихся от 30 марта 1962 г. и постановления Совета по делам Русской православной церкви при Совете Министров СССР от 9 октября 1963 г., и здание рекомендовалось использовать в дальнейшем «для культурных или хозяйственных целей»²⁴. Интересна мотивация властью данного решения. Согласно заключению, сделанному уполномоченным Совета по делам РПЦ при Совете Министров СССР по Мордовской АССР А. И. Сапего от 26 ноября 1963 г., «в селе Колопино... на почве распада религиозной общины с февраля 1960 г. здание... церкви не используется верующими для культовых целей»²⁵. Распад же Колопинской религиозной общины был, якобы, вызван ненадлежащим поведением священника И. Д. Потапкина, обвинявшегося в бесконтрольном расходовании общинных денег на личные нужды, несоблюдении санитарно-гигиенических норм при крещении новорожденных детей, нарушении советского законодательства о культах и т. д. Все предъявлявшиеся к священнику претензии были, судя по всему, клеветой, тем не менее это стало основанием для закрытия церкви.

Власти настойчиво проводили линию на усиление индивидуальной работы с религиозными людьми по месту жительства, для чего широко использовались постоянно действующие агитпункты, дома агитаторов, лектории на дому. Например, в

с. Чукалы Ардатовского района республики активный лектор-атеист В. П. Царев «одно время зачастил... в дом Кириндясовых. И на то была основательная причина. Супруги Кириндясовы не только сами верили в бога, но и заставляли совершать религиозные обряды своих детей»²⁶. Кроме того, родители были против их вступления в пионерскую организацию. В. П. Царев упорно добивался прекращения подобной практики, а также того, чтобы дети стали пионерами. При этом необходимость вступления их в пионерскую организацию он увязывал с привитием атеистического мировоззрения²⁷.

Следует также отметить, что гонениям подвергались не только православные, но и представители других конфессий, как традиционных, так и не традиционных для Мордовии. Например, до конца 1950-х гг. в г. Саранске официально действовала протестантская община евангельских христиан и баптистов, члены которой, согласно информации региональных властей, «проводили активную работу по вовлечению в секту новых лиц, делая ставку главным образом на молодежь»²⁸. Многие молодые люди попадали в эту организацию не столько по религиозным мотивам, сколько рассматривая ее в качестве своеобразного «клуба» для общения, проведения досуга. В 1959 г. численность сектантов составила 132 человека. В том же году Советом Министров МАССР данная община была снята с регистрации и запрещена по причине того, что «свое общение с населением сектанты стремились использовать для пропаганды религии», внушая «верующим реакционное мировоззрение, отрывая их от активной жизни общества»²⁹. Таким образом, дело шло к тому, что на территории республики вскоре будут уничтожены все приметы религиозной культуры.

Усиление идеологического диктата партии и государства, обусловленного форсированным коммунистическим строительством, все чаще касалось личной жизни граждан. Показательным примером явилось «движение за коммунистический быт», активно развернувшееся в республике в начале 1960-х гг. Его целью стала замена сложившегося веками традиционного бытового уклада новыми формами. Вот как описывала в марте 1964 г. неоднозначную сущность этого движения на примере событий, происходивших в г. Ардатове, его участница и приверженец А. Фомина, работавшая школьным учителем. С ее слов, уличный комитет переулка Луначарского, возглавляемый А. А. Арепиной, искал пути сплочения коллектива. Решено было улицей бороться за коммунистический быт. И все чаще в комнатке Арепиных собирались члены уличного комитета: думали, как двигаться к намеченной цели, как увлечь этой мечтой всех. Решили: особенно непримиримо следует относиться к поступкам, противоречащим коммунистической морали, наиболее фундаментальные постулаты которой были отражены в «моральном кодексе строителя коммунизма»³⁰.

Как видно из дальнейшего рассказа А. Фоминой, как-то недостойно повел себя в семье бухгалтер маслозавода, считавшийся хорошим производственником и отзывчивым товарищем. Он поднял руку на жену. Как следствие, члены боровшегося за коммунистический быт уличного комитета вынуждены были строго его предупредить: «Или ты изменишь свое поведение, или мы изменим отношение к тебе»³¹. То есть подобные идеологические начинания далеко не всегда несли в себе негативный оттенок.

Наряду с положительными сторонами, связанными, в частности, с популяризацией в широких массах нравственных идеалов добра, взаимовыручки и т. п., соответствующих как моральному кодексу строителя коммунизма, так и отечественным

коллективистским традициям, движение за коммунистический быт имело и ряд негативных моментов. Все они, так или иначе, были связаны с вмешательством в личную жизнь человека, ограничивали его личное пространство. Как свидетельствует А. Фомина, три года боролись в переулке имени Луначарского за коммунистический быт. «И вот конец 1963 г. — рассказывает она. — Идет собрание. Гудят люди. Конечно, все знают зачем пришли сюда. Состояться торжества по необычному случаю — самым достойным семьям будет присвоено звание коммунистических... Собрание началось. Анна Алексеевна коротко доложила результаты проверки обязательств. ...Брали во внимание, не только как члены семьи выполняют нормы на производстве, но и как живут, о чем думают, к чему стремятся, как воспитывают детей, относятся к товарищам»³². Данные семьи рассматривались как зародыши новой, коммунистической жизни. Дальше предполагалось, что будут села, деревни, города коммунистического труда и быта, а потом районы, области, республики.

В числе кандидатов на высокое звание была одна семья, которой в такой чести было отказано, так как глава семейства, считавшийся лучшим на производстве, «с душой берущийся за любое общественное дело», в то же время «любит выпить, хоть и без шума, без скандала, а луначарцы за такое не прощают». Подобное выставление недостатков отдельного человека на всеобщее обозрение, безусловно, едва ли можно было рассматривать как корректное и приемлемое. Также преобладало чрезмерное превалирование коллективного начала над личностным: луначарцы, как отмечала А. Фомина, «коллективно ходят в кино, слушают лекции, доклады. Коллективом справляют свадьбы серебряные, золотые, молодежные, чествуют передовиков, старейшин»³³.

Из этого примера хорошо видна попытка власти осуществить мечту классиков марксизма о «новом человеке», которую планировалось достичь через прямое вхождение господствующей идеологии в повседневный быт людей.

Задача формирования нового человека, гражданина будущего коммунистического общества, привела в исследуемое время к усилению борьбы за влияние на духовную жизнь людей. На эту сферу распространялось монопольное господство КПСС, исключавшее любую конкуренцию, в частности со стороны религиозных организаций.

В целом, идеологические новации исследуемого времени привели к двоякому результату: с одной стороны — наблюдались раскрепощение духовной жизни, требование вовлекать трудящихся в управление государством, с другой — эти инициативы были помещены в жесткие рамки системы, освобожденной от культовых наслоений, но скованной идеологией броска в коммунизм, навязанной КПСС. Как следствие, наряду с реальной демократизацией общественной жизни, усилилось идеологическое влияние власти во всех ее сферах, что привело к дальнейшей универсализации социокультурных ценностей советского социума, в чем заключалось своеобразие эпохи «оттепели».

Библиографические ссылки

¹ См.: Бакланов В. 1953 год: СССР — жизнь после смерти «бога» — Сталина [Электронный ресурс]. URL: http://historick.ru/view_post.php?id=220&cat=10 (дата обращения: 06.07.2016).

² Четвертая сессия Верховного Совета Мордовской АССР третьего созыва. 15 сентября 1953 г. : стеногр. отчет. Саранск, 1953. С. 82 — 83.

³ Там же. С. 97.

⁴ См.: **Пыжиков А. В.** Хрущевская оттепель. М., 2002. С. 47 — 51.

⁵ См.: Постановление Центрального Комитета КПСС «О преодолении культа личности и его последствий» // Советская Мордовия. 1956. 3 июля.

⁶ Коммунистическая партия — вдохновитель и вождь советского народа // Советская Мордовия. 1956. 10 июля.

⁷ См.: **Задкова Т. Ю.** «Оттепель». Зарисовки из жизни российской провинции // Центр и периферия. 2010. № 4. С. 76 — 81.

⁸ Постановление Центрального Комитета КПСС «О преодолении культа личности и его последствий» // Советская Мордовия. 1956. 3 июля.

⁹ Крушение антинародной авантюры в Венгрии // Советская Мордовия. 1956. 31 окт.

¹⁰ **Козлов А.** Совершенно правильное решение // Советская Мордовия. 1961. 1 нояб.

¹¹ См.: **Селезнев А.** Непокколебимая вера // Советская Мордовия. 1961. 2 нояб.

¹² **Бедариде Ф.** Уинстон Черчилль. М., 2003. С. 400 — 401 (ЖЗЛ).

¹³ НА НИИГН. Оп. 1. Д. 132. Л. 11 ; Седьмая сессия Верховного Совета Мордовской АССР четвертого созыва. 26 ноября 1958 г. : стеногр. отчет. Саранск, 1959. С. 47.

¹⁴ **Равкина П. И.** Под счастливой звездой (Записки делегата XXI съезда КПСС) // Литературная Мордовия : лит.-худож. альманах. 1959. № 17. Саранск, 1959. С. 12.

¹⁵ Третья сессия Верховного Совета Мордовской АССР пятого созыва. 16 — 17 декабря 1959 г. : стеногр. отчет. Саранск, 1960. С. 5.

¹⁶ Там же. С. 136.

¹⁷ **Фокин А. А.** Образы коммунистического будущего у власти и населения СССР на рубеже 50 — 60-х гг. XX века : автореф. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2007. С. 18 — 19.

¹⁸ **Сергеев Т.** Построение социализма и классовая борьба // Советская Мордовия. 1956. 18 дек.

¹⁹ Там же.

²⁰ См.: **Ленин В. И.** Полн. собр. соч. М., 1969. Т. 33. С. 74.

²¹ **Ермаков И.** Коммунизм и государство // Советская Мордовия. 1961. 12 окт.

²² См.: **Бахмустов С. Б.** Православие в мордовском крае [Электронный ресурс]. Ч. 8. URL: <http://www.gidrm.ru> (дата обращения: 22.02.2016).

²³ ЦГА РМ. Ф. 333-П. Оп. 3. Д. 50. Л. 40.

²⁴ ЦГА РМ. Ф. 228. Оп. 1. Д. 2103. Л. 410.

²⁵ Там же. Л. 412.

²⁶ Атеисты наступают // Советская Мордовия. 1964. 11 февр.

²⁷ Там же.

²⁸ ЦГА РМ. Ф. 333-П. Оп. 3. Д. 50. Л. 40.

²⁹ Там же. Л. 40 — 41.

³⁰ См.: **Фомина А.** Торжество в переулке Луначарского // Советская Мордовия. 1964. 7 марта.

³¹ Там же.

³² Там же.

³³ Там же.

Поступила 11.05.2018 г.

УДК 94(470.345)«1953/1964»

Н. М. Бибина

N. M. Bibina

СОВЕТЫ И КУЛЬТУРНО-БЫТОВОЕ ОБСЛУЖИВАНИЕ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ МОРДОВИИ В ПЕРИОД ХРУЩЕВСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ 1953 — 1964 гг.

SOVIETS AND CULTURAL AND CONSUMER SERVICES FOR THE RURAL POPULATION OF MORDOVIA IN THE PERIOD OF THE KHRUSHCHEV TRANSFORMATIONS IN 1953 — 1964

Ключевые слова: Советы, село, культурно-просветительные учреждения, советская идеология, культурные запросы населения.

В статье на примере Мордовской АССР анализируются особенности работы Советов в сфере культурно-бытового обслуживания сельского населения в эпоху «хрущевской оттепели».

Key words: Soviets, village, cultural and educational institutions, Soviet ideology, cultural demands of the population.

The peculiarities of the activity of the Soviets in the sphere of cultural and consumer services for the rural population in the era of the “Khrushchev thaw” are analyzed in the article on the example of the Mordovian ASSR.

Анализ развития культурного строительства в Мордовии в 1953 — 1964 гг. под руководством Советов, исследование его отдельных направлений позволяют конкретно представить процесс организации и проведения работы по осуществлению культурного просвещения народа.

Наиболее характерная черта культурного строительства на селе в 1950-е — начало 1960-х гг. — рост общей культуры, образования, самодеятельного творчества населения. Развитие культуры сельского населения под руководством Советов в тот период отражает общие тенденции, характерные для всей страны, и прежде всего — укрепление интернациональной основы национальной культуры.

Практика культурного строительства в республике в 1953 — 1964 гг. позволяет сделать вывод, что культура мордовского народа поднялась на качественно новую ступень, закрепляя лучшие традиции и творчески заимствуя в этой области достижения русского народа и других народов средневолжских республик. Учреждения культуры улучшили работу, увязывая ее с конкретными задачами хозяйственного и культурного строительства, усилили связь с жизнью. Здесь стало больше читаться лекций, докладов по вопросам борьбы за выполнение народно-хозяйственных планов, на политические темы с разъяснением решений съездов ЦК КПСС, сессий Верховных Советов СССР, РСФСР и МАССР по вопросу увеличения урожайности, продукции животноводства, снижения себестоимости и др.

В рассматриваемый период только за 1954 г. в Мордовии открылись 105 новых кинотеатров, из них 15 сельских, и 39 сельских клубов. В к этому времени имелось 439 сельских клубов, 389 библиотек, 162 избы-читальни, 32 районных Дома культуры, а также парки культуры в городах Саранске, Рузаевке и многих райцентрах¹.

В библиотеках значительно увеличилось количество книг, выросло и число читателей. На приобретение книг для библиотек в 1955 г. было выделено 1 900 тыс. руб., на приобретение хозяйственного инвентаря, музыкальных инструментов и капитальный ремонт зданий культпросветучреждений израсходовали 1 600 тыс. руб. В республике работали 295 киноустановок². С каждым годом росли покупка, а также подписка на книги и периодические издания. Только газет и журналов в Мордовии в 1957 г. выписывали 280 тыс. экземпляров.

В 1957 г. в Мордовской АССР функционировали 32 районных Дома культуры, 621 сельский клуб, 460 библиотек с фондом около 3 млн книг, 320 киноустановок. Кроме того, имелись 22 профсоюзных клуба, 267 «красных уголков» и 67 ведомственных библиотек. Насчитывалось более 100 тыс. радиоточек, 76 государственных и колхозных радиоузлов³.

За годы власти Советов в Мордовии развивалось профессиональное искусство. Работали Мордовский республиканский объединенный театр драмы, театр кукол, Мордовская филармония, ансамбль песни и танца. В 1957 г. были организованы два новых музыкальных коллектива — ансамбль оперетты и симфонический ансамбль.

XX съезд КПСС, где был развенчан культ личности И. В. Сталина, потребовал решительной перестройки всей идеологической, массово-разъяснительной и культурно-просветительной работы как необходимого условия успешного строительства коммунизма⁴. Естественно, советские органы начали проводить работу по разъяснению и выполнению решений съезда и последующих постановлений партии и правительства.

Под руководством гор(рай)советов культпросветучреждения стали уделять внимание усилению массово-разъяснительной работы непосредственно в цехах предприятий, в бригадах и на фермах, в летнее время прямо на пастбищах для животноводов были организованы «красные уголки», библиотеки, установлены доски показателей.

Принимались меры по улучшению наглядной агитации. По решению сельских Советов почти во всех колхозах появились стенды с плакатами «За что борется наш колхоз», а также с показателями передовиков. Во многих районах и колхозах стала выходить сатирическая газета «Крокодил идет по району (МТС, колхозу)», в которой резкой критике подвергались лодыри и нерадивые работники. Под руководством Советов культпросветучреждения развернули работу по разъяснению решений июньского 1957 г. пленума ЦК КПСС и вокруг его важнейшего призыва: «Догнать в ближайшие годы США по производству продуктов животноводства на душу населения». Этому вопросу посвящались специальные плакаты, лозунги и другие формы наглядной агитации. Так, за 8 месяцев 1957 г. в клубных учреждениях Советов республики были прочитаны 10 136 лекций и докладов на общественно-политические, естественно-научные и медицинские темы и 3 108 лекций и докладов на сельскохозяйственные темы, проведены 47 175 бесед и 55 300 громких чтений⁵.

Большую, содержательную работу под руководством райисполкома вели культпросветучреждения Zubovo-Полянского района, пропагандируя производство животноводческой продукции. Хорошо была поставлена наглядная агитация в Темников-

ском районе — как в райцентре, так и на местах (в клубах, колхозах, бригадах)⁶. Здесь быстро распространился передовой опыт. Как только один колхоз выполнял те или иные обязательства или работник добивался высоких показателей, в тот же день по всем колхозам района распространялся красочно оформленный плакат. Например: «Колхоз им. Ворошилова 26 августа выполнил план хлебазаготовок. Слава передовикам! Следуйте его примеру!» и т. п.⁷

Клубы и библиотеки Темниковского района проводили работу по плану, который утверждался на заседании райисполкома. Например, в план Русско-Караевского клуба были включены мероприятия для быстрого выполнения задач, стоявших перед колхозом, в связи с достойной встречей 40-й годовщины Октября. На видном месте в клубе висели лозунги: «Колхозники и колхозницы, достойно встретим 40-ю годовщину Великого Октября!», «Догоним к 1960 — 1961 году США по производству мяса и молока на душу населения» и др. Налаженная массово-разъяснительная работа способствовала выполнению колхозом взятых социалистических обязательств. Так, в этом колхозе надой на каждую корову составил к 1 сентября 1957 г. более 2 тыс. л⁸. Примеры положительной работы культпросветучреждений имелись в Ардатовском, Ичалковском, Ковылкинском, Краснослободском, Саранском и других районах⁹.

Значительную работу библиотеки республики проводили по пропаганде и обслуживанию населения книгами. В 1956 г. они обслужили 241 686 читателей, провели 3 900 888 книговыдач, организовали 5 942 выставки и 3 738 обзоров и 1 478 читательских конференций; работали 840 пунктов выдачи и передвижек¹⁰.

В 1957 г. в библиотеках республики были организованы выставки, посвященные Октябрьской революции 1917 г., — «Мордовия к 40-й годовщине Октября» и др.¹¹ Библиотеки Краснослободского района вели работу по доведению книги до каждого населенного пункта, а ульяновская библиотека Ичалковского района, куликовская библиотека Теньгушевского района и ряд других обеспечили доведение книги до каждого колхозного двора¹².

Однако многие культпросветучреждения эти задачи выполняли неудовлетворительно. Крайне мало пропагандировался передовой опыт колхозников и механизаторов. Часто пропаганда передового опыта носила отвлеченный характер, без использования опыта передовиков района, колхоза, МТС. Доклады и лекции на сельскохозяйственные темы читались редко, в ряде случаев на низком уровне. Так, за 8 месяцев 1957 г. в Рузаевском районе было прочитано только 8 лекций на сельскохозяйственные темы, в Лямбирском — 10, а в некоторых клубах Атюрьевского района такие лекции совсем не читались¹³.

Большая роль при организации культурного досуга трудящихся отводилась художественной самодеятельности. В культурно-просветительных учреждениях республики к началу 1958 г. насчитывалось 1 523 коллектива художественной самодеятельности с общим числом участников около 20 тыс. чел. Только за 1957 г. эти коллективы дали 9 194 концерта и спектакля¹⁴.

В начале 1950-х гг. сильные ансамбль песни и пляски, драматический коллектив были созданы при Рузаевском Доме культуры железнодорожников, хоровой и драматический коллективы — при Ардатовском Доме культуры, хоровые коллективы имелись в Болдовском, Мельцанском, Старошайговском, Кочкуровском, Зубово-По-

лянском, Дубенском и других районах. Ведущее место в репертуаре коллективов художественной самодеятельности занимали мордовские и русские народные песни, танцы и произведения советских композиторов¹⁵.

Осуществляя решения XX съезда КПСС в области расширения кинообслуживания населения, советские органы республики проделали определенную работу по расширению киносети. В 1956 г. в Мордовии имелось 320 киноустановок: 11 стационарных установок в городах, 27 — в районных центрах, 149 киноустановок в колхозах, совхозах и МТС. В 1950-е гг. вырос объем капитальных вложений в киносеть республики. В 1957 г. за счет банковской ссуды по инициативе районных Советов были построены летние театры общей площадью на 400 мест в Больших Березниках и Ширингушах. При активном участии Саранского горсовета был переоборудован кинотеатр «Октябрь» для показа широкоэкранных кинофильмов, а в кинотеатре «Юность» установили механизм для демонстрации «немых» кинофильмов. В 1950-е гг. улучшилась материальная база для показа кинофильмов. Во многих колхозах построили новые клубы с хорошими залами для демонстрации фильмов¹⁶.

Однако следует отметить, что со строительством не везде дело обстояло благополучно. Так, начатое в 1956 г. строительство кинотеатра в г. Саранске на 330 мест не было закончено. Трест «Мордовстрой» к строительству этого очага культуры отнесся безответственно. Из отпущенных на его строительство 800 тыс. руб. были освоены только 412 тыс. руб. В 1957 г. из 740 тыс. руб. освоили только 310 тыс. руб. Все это происходило из-за отсутствия контроля Саранского городского Совета и его исполкома¹⁷. При попустительстве Зубово-Полянского райсовета медленно, в течение пяти лет, строился кинотеатр в с. Потьма, из отпущенных средств было использовано немногим более 60 %¹⁸.

В ознаменование 40-й годовщины Октябрьской революции по постановлению Верховного Совета, обкома КПСС и Совета Министров Мордовской АССР от 12 апреля 1957 г. проводился смотр культпросветучреждений республики. Его цель заключалась в том, чтобы устранить имевшиеся недостатки в работе культпросветучреждений, поднять уровень их работы, подготовить к работе в зимних условиях и привлечь общественность к работе в советах клубов. В большинстве районов смотр прошел успешно. Одним из ответственных этапов стали собрания трудовых коллективов, на которых с отчетами выступали клубные и библиотечные работники. Во время смотра культпросветучреждений появились новые формы работы. Например, в Краснослободском и Торбеевском районах по инициативе исполкомов Советов проводились эстафеты культуры¹⁹.

Среди первоочередных проблем, вставших перед Советами в годы семилетки (1959 — 1965 гг.), занимали вопросы культурно-просветительной работы. В их руках находилась широкая сеть клубов, Домов культуры, театров, кино и других культурно-просветительных учреждений. Кроме того, они осуществляли методическое руководство и контроль за работой учреждений культуры, находящихся в ведении министерств, ведомств, предприятий.

Как известно, уровень культурно-просветительной работы среди населения в решающей мере зависит от количества культурно-просветительных учреждений и их материальной базы. За годы семилетки в Мордовской АССР были построены 10 ки-

нотеатров на 3 600 мест, сметная стоимость которых составила 1 329 тыс. руб., число массовых библиотек увеличилось на 37, клубных учреждений — на 135, киноустановок — на 208²⁰. Культурно-просветительные учреждения строились не только за счет государственных ассигнований, но и за счет колхозов и совхозов методом народной стройки. Так, в Мордовии силами колхозов и совхозов по инициативе сельских Советов были построены все сельские клубы и библиотеки.

В целом, за 1953 — 1964 гг. были построены 12 кинотеатров, 416 сельских клубов, 32 Дома культуры, 176 библиотек. Если в 1953 г. книжный фонд составлял 1 616 098 книг, то в 1964 г. — 4 047 538 книг. Росло число читателей: в 1953 г. их насчитывалось 190 275 чел., в 1964 г. — 322 960 чел. Если в 1953 г. библиотеки республики на руки читателям выдали 2 893 684 книги, то в 1964 г. эта цифра составляла 5 150 573 книги²¹.

За счет средств колхозов и совхозов при активном участии сельских и районных Советов в 1953 — 1964 гг. были построены 349 сельских клубов и библиотек. Если в 1953 г. в республике кино посмотрели 3 942 зрителя, то в 1964 г. — 12 607 чел. Соответственно вырос валовый сбор от работы киносети: в 1953 г. он составил 873 тыс. руб., а в 1964 г. — 2 483,0 тыс. руб.²²

За 1953 — 1964 гг. произошел значительный рост численности работников искусства. Если в 1953 г. в республике насчитывалось 132 артиста-профессионала, то в 1964 г. — 207; если в 1953 г. не имелось не одного артиста народных театров, то в 1964 г. их было уже 59 чел.²³ Одновременно значительно повысился уровень развития художественной самодеятельности (табл. 1).

Таблица 1

Динамика развития художественной самодеятельности в Мордовской АССР*

Показатель	1953	1964	Процент 1964 г. к 1953 г.
Кружков художественной самодеятельности, единиц	1 231	1 553	126
Участников кружков художественной самодеятельности, чел.	17 053	21 700	127
Дано концертов, единиц	2 485	5 433	218
Прочитано лекций и докладов, единиц	10 648	20 323	190

* Таблица составлена по: ЦГА РМ. Ф. Р-234. Оп. 8. Д. 620. Л. 305.

В рассматриваемый период большое внимание уделялось строительству и расширению сети учреждений культуры. В годы семилетки (1959 — 1965 гг.) в г. Саранске были построены музыкально-драматический театр (сумма капитальных вложений составила более 12 млн руб.), телецентр, картинная галерея, стадион, книжная база, 2 кинотеатра, Клуб строителей, воздвигнут монументальный памятник стратонавтам. В 1962 г. открылся педагогический институт. В г. Рузаевке и Ковылкине и в райцентрах построили 6 новых кинотеатров на 1 630 мест²⁴.

Объем бытовых услуг населению увеличился в 2,7 раза, значительно возросла сеть мастерских бытового обслуживания, особенно в сельской местности. В городах

и районных центрах — Саранске, Рузаевке, Атяшеве, Ардатове, Ичалках, Чамзинке, Ковылкине, Больших Березниках, Лямбуре, Торбееве, Темникове, Зубовой Поляне, Старом Шайгове, Инсаре — при непосредственном участии исполкомов рай(гор)советов были построены типовые комбинаты бытового обслуживания. В г. Саранске закончено строительство фабрики химической чистки²⁵.

В повышении культуры быта сельского населения важное значение имела электрификация села. За пять лет семилетки в селе были построены 19 районных и 725 потребительских подстанций, 3 585 км магистральных и распределительных линий электропередач и 2 900 км низковольтных электросетей²⁶. В 1964 г. все совхозы и колхозы, а также 80 % крестьянских домов пользовались электроэнергией. Семилетний план по электрификации села в республике выполнили за 4 года²⁷.

В удовлетворении постоянно растущих культурно-бытовых запросов населения важное место занимала торговля. Объем розничного товарооборота за 5 лет семилетки вырос на 34 % (по плану — 29 %). Сеть предприятий торговли и общественного питания расширилась за эти годы на 337 магазинов, 72 столовые и 83 хлебопекарни²⁸.

Следует признать, что вопросы строительства и использования существующих зданий культурных учреждений многие исполкомы городских и районных Советов решали слабо. Так, Чамзинский и Ичалковский райисполкомы допустили крупные ошибки при планировании кинотеатров соответственно в пос. Комсомольском и Ичалках. С низким качеством были закончены и сданы в эксплуатацию кинотеатры в Рузаевке, Ковылкине и Торбееве, которые, не успев развернуть работу, потребовали капитального ремонта. Часто затягивались сроки строительства кинотеатров. В результате Совет Министров МАССР был вынужден в 1962 — 1963 гг. выплатить Госбанку из бюджета более 800 тыс. руб. не возвращенных кинотеатрами ссуд²⁹.

Кроме того, иногда сельские клубы и библиотеки находились в запущенном состоянии и в зимних условиях не отапливались. При этом райисполкомы не вникали в содержание работы учреждений культуры, не понимали их роли в трудовом воспитании населения, не добивались того, чтобы к концу семилетки в каждом колхозе и совхозе были хорошие клуб и библиотека.

К сожалению, в улучшении культурно-воспитательной работы среди населения почти никакого участия не принимали общественные самостоятельные организации учреждений культуры. За улучшение работы магазинов, столовых и предприятий бытового обслуживания отвечали комиссии общественного контроля, но они бездействовали. Практически не работали женские советы, которые занимались улучшением быта, на предприятиях, в учреждениях, колхозах и совхозах.

Несмотря на достигнутые показатели, по некоторым из них, характеризовавшим уровень и размах культурно-просветительной работы, Мордовия отставала от многих областей и республик Российской Федерации. Намного ниже общедолюжного были посещаемость кино, продажа литературы на душу населения, выдача книг библиотеками. В 500 населенных пунктах не демонстрировались кинофильмы. Материально-техническая база учреждений культуры оставалась крайне слабой, 86 клубов и 147 библиотек размещались в непригодных зданиях, 40 библиотек — в частных домах³⁰.

Как нам представляется, серьезные недостатки в работе учреждений культуры и искусства были связаны главным образом, с тем, что местные Советы глубоко не

вникали в их деятельность, не оказывали им необходимую практическую помощь. Тем не менее именно Советы многое сделали для того, чтобы культурно-просветительные учреждения стали подлинными центрами культуры.

Библиографические ссылки

- ¹ ЦГА РМ. Ф. Р-234. Оп. 8. Д. 18. Л. 174.
- ² Там же. Л. 175.
- ³ Там же. Д. 123. Л. 9.
- ⁴ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 1898 — 1959. М., 1971. С. 163.
- ⁵ ЦГА РМ. Ф. Р-234. Оп. 8. Д. 123. Л. 10.
- ⁶ Там же. Л. 11.
- ⁷ Там же. Л. 12.
- ⁸ Там же. Д. 145. Л. 27.
- ⁹ Там же. Д. 140. Л. 98 ; Д. 151. Л. 35 ; Д. 156. Л. 25 ; Д. 157. Л. 39 ; Д. 159. Л. 41 ; Д. 161. Л. 27.
- ¹⁰ Там же. Д. 123. Л. 13.
- ¹¹ Там же. Л. 14.
- ¹² Там же. Л. 15.
- ¹³ Там же. Д. 156. Л. 125.
- ¹⁴ Там же. Л. 19.
- ¹⁵ Там же. Л. 20.
- ¹⁶ Там же. Л. 22.
- ¹⁷ Там же. Д. 63. Л. 114.
- ¹⁸ Там же. Д. 150. Л. 304.
- ¹⁹ Там же. Л. 27.
- ²⁰ Там же. Д. 545. Л. 68.
- ²¹ Там же. Д. 556. Л. 76.
- ²² Там же. Д. 562. Л. 39.
- ²³ Там же. Д. 567. Л. 24.
- ²⁴ Там же. Д. 545. Л. 69.
- ²⁵ Там же. Д. 546. Л. 15.
- ²⁶ Там же. Д. 544. Л. 91.
- ²⁷ Там же. Л. 92.
- ²⁸ Там же. Д. 547. Л. 23.
- ²⁹ Там же. Д. 508. Л. 56.
- ³⁰ Там же. Д. 526. Л. 140.

Поступила 10.05.2018 г.

УДК 930.25

В. А. Ахмадуллин

V. A. Akhmadullin

**ПРОБЛЕМЫ ВЕРИФИКАЦИИ АРХИВНЫХ МАТЕРИАЛОВ
(На примере изучения политики советского государства
в отношении мусульман)**

**ARCHIVE DATA VERIFICATION PROBLEMS
(On the example of the Soviet Muslim policy studying)**

Ключевые слова: мусульмане СССР, Совет по делам религиозных культов, Духовные управления мусульман, хадж, система исламского образования, медаль, ООН.

С 1944 г. политика по отношению к мусульманам в СССР осуществлялась через Совет по делам религиозных культов. За чуть более 20 лет работы эта организация подготовила большое количество документов, освещающих различные стороны жизни советских мусульман. В статье классифицированы и ошибки, допущенные составителями документов, и проанализированы некоторые из них.

Key words: Muslims of the USSR, the Council for the Affairs of Religious Cults, Spiritual Administration of Muslims, the Hajj, Islamic education system, medal, the UN.

After 1944, the Council for the Affairs of Religious Cults implemented the policy in relation to Muslims in the USSR. For more than 20 years of its activity this body had prepared a large number of documents covering various aspects of the life of Soviet Muslims. Errors made by the drafters of documents are classified in the article, as well as some of them are analyzed.

Современные исследователи государственно-мусульманских отношений получили возможность изучить большой массив уникальных документов. Их рассекречивание позволяет увидеть многие, ранее не доступные широкому кругу специалистов, аспекты деятельности советского государства по строительству отношений с мусульманами страны. Вместе с тем объективный анализ архивных материалов партийно-государственного аппарата позволяет выявить просчеты, допущенные разными поколениями ученых, а также помогает обнаружить ошибки, сделанные самими составителями некоторых документов. Установление истинного положения в проведении религиозной политики советским государством поможет с научной точки зрения обосновать современную политику России по отношению к мусульманам.

Изучение архивных документов, освещающих государственно-мусульманские отношения, показало, что значительное количество ошибок в них допущено при раскрытии проблем, связанных с хаджем советских мусульман. Например в отчете, подписанном 20 мая 1953 г. членом Совета по делам религиозных культов при СМ СССР (СДРК) Л. А. Приходько, зафиксировано, что мусульмане СССР последний раз ездили на хадж в 1946 г., но «6» исправлена на «5» и рядом сделана запись синими чернилами «В 1945, а не в 1946 г.». Далее в документе указано: «С тех пор, хотя религиозные центры мусульман и ставили этот вопрос перед Советом, но положительного разрешения он не получал»¹. Однако в отчете, который Л. А. При-

ходько подписал 8 мая 1954 г. вместе с двумя инспекторами СДРК, указано, что советские мусульмане не ездили на хадж с 1947 г.²

Как показывает анализ многочисленных документов СДРК, в 1946 — 1952 гг. мусульмане Советского Союза хадж не совершали, и он был возобновлен в 1953 г.³ Единственным советским мусульманином, который в 1947 г. побывал в хадже, стал заместитель председателя Духовного управления мусульман Средней Азии и Казахстана (САДУМ) З. Бабаханов. Он в то время обучался в знаменитом университете Аль-Азхар (Египет) и смог выехать в хадж⁴.

Анализ переписки СДРК и МИД СССР помог установить ошибку, допущенную 11 марта 1958 г. инспектором СДРК А. С. Тазетдиновым при составлении «Справки об отношениях, сложившихся между духовными управлениями мусульман СССР с мусульманскими организациями Египта и Сирии». В справке справедливо говорится о возобновлении паломничества мусульман СССР в Мекку с 1944 г., но затем допущена ошибка о его повторном возобновлении с 1954 г.⁵ (хадж стал ежегодным для советских мусульман не с 1954 г., а с 1953 г.).

На пленуме Центрального духовного управления мусульман (ЦДУМ, Уфа, 10 — 15 июня 1946 г.) его председатель муфтий Г. З. Расулев, перечисляя паломников 1945 г., назвал 16 человек, вместо 17, забыв представителя Духовного управления мусульман Северного Кавказа (ДУМСК) и частично перепутав города, из которых были хаджи⁶. Анализ документов показал, что именно муфтий Г. З. Расулев одним из первых ввел в заблуждение религиозную и научную общественность о том, когда партийно-государственный аппарат СССР разрешил мусульманам совершать хадж после почти пятнадцатилетнего запрета. На съезде ЦДУМ, переименованного в Духовное управление мусульман европейской части СССР и Сибири (ДУМЕС, Уфа, 25 — 28 октября 1948 г.), он заявил: «В 1945 году в истории мусульман произошло небывалое радостное событие, благодаря доброжелательному отношению нашего Советского Правительства было разрешено мусульманам Советского Союза совершить паломничество в Мекку»⁷.

Однако тот факт, что 6 советских мусульман, все из САДУМ, были в хадже 1944 г., подтверждают многочисленные документы: препроводительное письмо к загранпаспортам, подписанное ответственным секретарем СДРК Р. А. Татеосовым для ОВИР управления милиции Москвы; переписка СДРК с НКВД СССР о долгах хаджиев; ответ уполномоченного СДРК по УзССР И. Ибадова в СДРК об этих долгах; письмо И. В. Полянского И. Ибадову об обмене денег паломникам и его указания известить председателя САДУМ муфтия И. Бабахана о приезде хаджи; доклад И. В. Полянского В. М. Молотову о хаджах 1944 и 1945 гг.; отчет И. Ибадова (24 июня 1945 г.); доклад И. В. Полянского К. Е. Ворошилову; справка о религиозных организациях в УзССР (1 января 1946 г.); доклад председателя СДРК от 20 июля 1946 г. заместителю Председателя Совета Министров СССР; письмо И. В. Полянского в МИД СССР (апрель 1949 г.); доклад И. В. Полянского Председателю СМ СССР Г. М. Маленкову от 16 июня 1953 г.; «Справка об отношениях, сложившихся между духовными управлениями мусульман СССР с мусульманскими организациями Египта и Сирии», подготовленная СДРК 11 марта 1958 г. для МИД СССР⁸.

В материалах СДРК нередко имеются взаимоисключающие документы о хадже за разные годы. Как свидетельствует «Краткий обзор состояния и деятельности мусульманского духовенства за 1949 год», духовные управления не подавали ходатайств

о хадже. Однако в информационном отчете уполномоченного СДРК по УзССР за I квартал 1949 г. говорится, что он получил директиву СДРК № 4/109-с от 2 апреля 1949 г. и в соответствии с ней рекомендовал председателю САДУМ И. Бабахану ходатайствовать перед руководством СССР о хадже. Муфтий пообещал срочно подготовить такое обращение. В апреле 1949 г. председатель ДУМЕС Г. З. Расулев извещал председателя СДРК И. В. Полянского о постановке депутатами съезда управления (25 — 28 октября 1948 г.) вопроса об организации хаджа в 1949 г. В докладе И. В. Полянского от 23 апреля 1949 г. в ЦК ВКП(б) сообщалось, что муфтияты хотят участвовать в хадже 1949 г.⁹

Не избежали ошибок о персоналиях паломников и руководители СДРК. Председатель СДРК А. А. Пузин в 1960 г. подписал справку для МИД СССР, в которой указал, что И. Саттиев побывал на хадже 1945 г. Возможно, он опирался на заключение, подписанное 3 сентября 1952 г. заведующим отдела по вопросам мусульманского, иудейского и буддийского культов Л. А. Приходько, в котором указано, что председатель ревизионной комиссии САДУМ И. Саттиев «в 1945 г. был за границей — совершал паломничество в Мекку». Однако И. Саттиев 15 февраля 1945 г. вернулся с хаджа 1944 г. и осенью 1945 г. в хадж не ездил, что подтверждают многочисленные документы¹⁰. Путаница с хаджем возникала и в названиях городов. Например, в протоколе беседы работников СДРК с И. Бабаханом о хадже 1945 г. член САДУМ по Таджикистану Баширхан Исхаки, проживавший в Ленинабаде, назван жителем Ленинграда¹¹.

Таким образом, утверждения советских исследователей и политиков, как отечественных¹², так и зарубежных¹³, руководителей муфтиятов и исламских порталов¹⁴, утверждающих, что хадж возобновился с 1945 г., не соответствуют данным, которые имеются в рассекреченных в последнее время архивных документах.

Работники СДРК, готовя протокол беседы с паломниками 1954 г., допустили ошибки: зафиксировали вылет из Москвы на Каир 10 июля, а возврат записали 11 июля, но он состоялся 11 августа. Паломник Абдуллаахунов Ислам-Ахун записан как два человека — Абдулла Ахунов и Ислам-Ахун¹⁵. В отчете уполномоченного СДРК по БАССР М. Ш. Каримова, подготовленном в декабре 1957 г., зафиксировано, что в 1955 г. из БАССР ездили на хадж два человека — М. Рахимов и К. Мужеканов, но вместе с ними выезжал и житель д. Атмагулово Туймазинского района Башкирии М. Х. Кашаев¹⁶.

Много неточностей нами обнаружено по датам рождения паломников. Например, в сопроводительных документах паломника 1957 г. А. Гаджиева как дата рождения указан 1882 г., а затем несколько раз — 1894 г. Более того, в анкете, заполненной в рукописном варианте, указано, что он родился 6 мая 1894 г. р.¹⁷ Похожая ситуация сложилась с анкетой паломника Г. Г. Гайнуллина в 1958 г. В одном документе машинописью указана дата рождения — 1914 г., а в другом документе от руки записано, что он родился 24 марта 1894 г.¹⁸ В выездном деле паломника 1959 г. Л. Бегдуллаева обозначено, что он награжден медалью «За доблестный Труд», но такой медали не было (была медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941 — 1945 гг.»)¹⁹. Та же ошибка совершена в анкете паломника И. А. Бурангулова²⁰. Изучая документы паломников 1957 г., мы обнаружили, что Н. С. Ходжаев за участие в войне был награжден двумя орденами «Красная Звезда», медалями «За оборону Сталинграда», «За освобождение Варшавы», «За участие в Великой

Отечественной войне». Но медали с последним названием в СССР не было, существовала медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941 — 1945 гг.»²¹. Вероятно, ее и имели в виду составители выездного дела этого героического человека.

Анализ протоколов бесед работников СДРК с паломниками, докладов и отчетов Совета показывает, что на хадж 1958 г. выехал 21 человек. Тем не менее, по докладу инспектора СДРК К. Ф. Тагирова, представительство от республик было следующим: УзССР — 10 человек, КирССР — 3 человека, ТАСССР — 2 человека, КазССР и БАССР по 1 человеку. Затем он утверждает, что были 4 служителя культа, 2 студента медресе, 14 служащих, колхозников, рабочих и пенсионеров, т. е. 20 человек, а не 17. К. Ф. Тагиров не учел, что еще одним паломником был студент Аль-Азхара Ю. Шакиров. На хадж 1958 г. он выехал из Каира, где обучался²².

В справке СДРК о числе паломников в Мекке в 1955 г. указано, что из Ирака прибыли 10 649 хаджи, затем — 4 850 чел., по Ливану указаны 1 752 чел., затем — 670 хаджи. Особое удивление вызывает тот факт, что в числе государств указана Африка, которую представляли 4 060 паломников. Выяснить, какие страны Африки имелись в виду, нам не удалось²³.

31 марта 1956 г. уполномоченный СДРК по АзССР М. Мамедов докладывал СДРК, что в 1955 г. из республики поехали на хадж 5 чел.²⁴ Однако изучение значительного массива документов позволило нам выявить полный список советских паломников, из которых ДУМЗАК представляли 4 чел.²⁵

В записке для ЦК КПСС, подписанной А. А. Пузиным 16 января 1962 г., указано: «Мусульмане Советского Союза также ежегодно выезжали в Мекку в качестве паломников в количестве до 20 человек», и в 1961 г. их было 15 чел.²⁶ По нашему мнению, председатель СДРК допустил четыре ошибки, так как запрет на хадж был сделан еще на рубеже 1920-х — 1930-х гг.; начиная с 1944 г., когда хадж разрешили после многих лет запрета, он так и не стал ежегодным; иногда на хадж выезжало чуть более 20 человек; в 1961 г. выехали всего 13 чел. А. А. Пузин не учел, что два человека, прошедшие все инстанции, Ю. Б. Исхаки и Х. Муминов, на хадж не полетели. Подтверждением того, что в группе были 13 чел. являются документы: Примечание к списку работников, досрочно отозванных министерством из-за границы за II квартал 1961 г.; информация о приеме у марокканского министра короны 4 июля 1961 г.; отчет о поездке в Саудовскую Аравию на паломничество З. Фахрутдинова, старшего подгруппы и заместителя руководителя всей группы; письмо от 4 августа 1962 г. заведующего отделом Государственного комитета СМ СССР по культурным связям с зарубежными странами И. Самыловского в СДРК и др.²⁷ А. А. Пузин также не учел, что в 1954 г. (2 — 30 августа)²⁸, 1955 г. (22 июля — 22 августа 1955 г.)²⁹, 1958 г. (20 июня — 25 июля)³⁰ на хадже побывало по 21 гражданину СССР.

Особый интерес вызывает вопрос о том, совершали ли хадж коммунисты. Ответ на него есть в выездных делах паломников. Например, имеются разночтения в выездном деле паломника 1963 г. — А. Бурханова. В одном из экземпляров указано, что он член компартии с 1943 г. (партбилет № 06067266), но при этом на соседних листах отмечено, что он беспартийный. А. Бурханов с 1956 г. работал заместителем председателя республиканского Совета по управлению курортами профсоюзов (Ташкент), но на одном из листов указано, что с 1943 г.³¹ Безусловно, чиновник с такой

высокой должностью не мог быть беспартийным, поэтому мы полагаем, что он состоял в коммунистической партии.

Весной-осенью 1946 г. между уполномоченным СДРК по УзССР и центральным аппаратом СДРК шла переписка из-за нарушения САДУМ структуры мусульманского журнала. Совет настаивал на возвращении от четырех рубрик к трем, утвержденным ранее: официальной — постановления и распоряжения САДУМ; религиозной — толкование Корана, молитвы и проповеди, патриотические статьи, биографии видных мусульман; ответы на вопросы. Поэтому уполномоченного обязали присылать в СДРК статьи, после редактирования они передавались руководству УзССР, а затем в САДУМ. 30 марта 1946 г. уполномоченный СДРК по УзССР ответил И. В. Полянскому, что замечания устранены, и доложил: «Содержание сданных в печать очередных № 2 — 3 журнала Духовного управления мусульман Ср. Азии и Казахстана соответствует Вашим решениям». По нашему мнению, в документе допущена опечатка. Анализ показал, что первый выпуск журнала состоял из № 1 — 2, и два последующих из № 3 — 4 и № 5 — 6³².

Часть ошибок касается мусульманских должностей, исламских и географических объектов. В сообщении о приеме в Верховном Совете СССР (июль 1955 г.) имам-хатыб Московской соборной мечети И. Муштареев назван настоятелем Московской мечети³³. В выездном деле претендента на хадж 1963 г. И. Ф. Алманова указано, что он работает в Казанской мечети им. Марфиани, а не им. Марджани³⁴. В докладе уполномоченного СДРК по БАССР за 1954 г. и I полугодие 1955 г. упоминается «деревня Благодаровка Челна, Вершинского района Куйбышевской области», на самом деле речь идет о д. Благодаровке в Челно-Вершинском районе Куйбышевской области³⁵. В другом документе — проповеди К. Б. Салихова, отпечатанной на русском языке, отмечено, что он член ДУМЕС, мухтасиб Московской, Горьковской, Арзамасской областей и имам-хатыб Московской мечети, выступил в честь Дня независимости Афганистана в августе 1959 г.³⁶ Однако Арзамасской области к тому времени уже не было, так как ее территория в 1957 г. была передана в состав Горьковской области³⁷.

Анализ архивных документов позволяет классифицировать ошибки и неточности в них следующим образом: 1) преднамеренные, продиктованные политической конъюнктурой, с целью создания положительного образа СССР на международной арене; 2) сделанные по незнанию специфики ислама; 3) ошибки и неточности технического характера, сделанные в основном механически, непреднамеренно секретарем-машинисткой; 4) ставшие следствием отсутствия устойчивых и достоверных потоков первичной информации, что свойственно новым органам управления, каким стал СДРК, основанный в 1944 г.

Рассекреченные архивные материалы, показывающие различные аспекты государственно-мусульманских отношений в советском государстве, помогут выявить особенности их развития и, безусловно, дадут возможность исправить ошибки, допущенные их составителями.

Библиографические ссылки

¹ ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 91. Л. 261.

² Там же. Д. 100. Л. 26.

³ ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 42. Л. 153 — 155; Д. 48. Л. 82; Д. 66. Л. 11, 13; Д. 68. Л. 33 — 34, 291; Д. 70. Л. 91 — 92; Д. 71. Л. 20; Д. 91. Л. 242 — 243; Д. 93. Л. 140а, 140б, 141; Д. 100.

Л. 26 ; Д. 113. Л. 168 — 169 ; Д. 118. Л. 81 ; Д. 129. Л. 84 ; Д. 525. Л. 233 — 234 ; Д. 529. Л. 147 — 150 ; Д. 964. Л. 14 — 15 ; Д. 966. Л. 218 — 220, 222 — 223 ; Д. 967. Л. 50 — 52 ; Д. 1555. Л. 5 ; ЦГА Москвы. Ф. Р-3004. Оп. 1. Д. 24. Л. 134 ; Д. 27. Л. 102 ; Д. 31. Л. 21.

⁴ ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 83. Л. 234.

⁵ Там же. Д. 170. Л. 81.

⁶ Там же. Д. 525. Л. 42 об. — 44, 46.

⁷ Там же. Д. 526. Л. 88.

⁸ ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 20. Л. 81, 88, 90 — 92 ; Д. 29. Л. 136 ; Д. 34. Л. 16, 45, 117 ; Д. 39. Л. 71 ; Д. 54. Л. 279 об. ; Д. 58. Л. 74 ; Д. 93. Л. 1406 ; Д. 170. Л. 81.

⁹ ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 63. Л. 85 ; Д. 527. Л. 39 ; Д. 964. Л. 146 ; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 111. Л. 61.

¹⁰ ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 6. Л. 9, 11 ; Д. 10. Л. 92, 93, 146, 147 ; Д. 20. Л. 87, 88, 143, 145, 151, 152, 153, 156, 179 — 199 ; Д. 34. Л. 16 ; Д. 45. Л. 2 — 5, 13, 14 — 29, 53, 57 ; Д. 83. Л. 234 ; Д. 526. Л. 88 — 89.

¹¹ Там же. Д. 45. Л. 14.

¹² См.: **Малашенко А. В.** Исламское возрождение в современной России. М., 1998. С. 58 ; **Резван Е.** Хадж из России // Ислам на территории бывшей Российской империи : энцикл. слов. М., 1998. Вып. 1. С. 98 ; **Силантьев Р. А.** Мусульманская дипломатия в России: история и современность. М., 2010. С. 144 ; **Его же.** Эволюция системы внешних сношений духовных управлений мусульман России: сравнительно-исторический анализ (конец XVIII в. — начало XXI в.) : дис. ... д-ра ист. наук. М., 2014. С. 119 ; **Синенко С. Г.** Мусульманское духовное собрание : худож.-док. повествование. Уфа, 2008. С. 223 ; **Синицын Ф. Л.** Советское государство и ислам во время Великой Отечественной войны (1941 — 1945 гг.) // Мир и политика : науч.-полит. журн. 2011. № 06 (57). С. 67 ; Восстановление традиции хаджа в Советском Союзе [Электронный ресурс]. URL: www.idmedina.ru/ussr/?1076 (дата обращения: 25.09.2012) ; **Королева Л. А., Молькин А. Н.** Запад и мусульмане Среднего Поволжья в 1960 — 1980-е гг. [Электронный ресурс] // История и археология. 2014. № 3. URL: <http://history.snauka.ru/2014/03/881> (дата обращения: 29.11.2014).

¹³ См.: **Левитин Л. И.** Узбекистан. Эпоха Каримова. Критические заметки сторонника Президента Ислама Каримова. М., 2003. С. 164 ; **Мурзахалилов К., Маматалиев К., Мамаюсупов О.** Ислам в условиях демократического развития Кыргызстана: сравнительный анализ // Центральная Азия и Кавказ : журн. соц.-полит. исслед. 2005. № 3 (39). С. 53 — 65 ; **Усманходжаев А.** Жизнь муфтиев Бабахановых: служение возрождению Ислама в Советском Союзе. М. ; Н. Новгород, 2008. С. 57 ; **М. Aji Suryadan Frassminggi Kamasa.** Geliat Islam di Rusia. Catatan Diplomat Indonesia. Jakarta, 2012. Н. 200.

¹⁴ См.: **Бабаханов Ш.** Муфтий Зияуддинхан Ибн Эшон Бабахан. Жизнь и деятельность. Ташкент, 1999. С. 39 ; **Асадуллин Ф. А.** Москва мусульманская: история и современность: очерки. М., 2004. С. 129 ; **Якупов В.** История организации хаджа в России : выступление на II Междунар. конф. по хаджу «Хадж: прошлое и настоящее» [Электронный ресурс]. URL: www.e-islam.ru/newsall/public/?id=2061 (дата обращения: 19.04.2012) ; **Амин аль-Касим, Дилявер Сейдахметов.** История хаджа крымских татар [Электронный ресурс]. URL: http://islam.com.ua/articles/meet_islam/forgotten_history/1187/ (дата обращения: 08.05.2013).

¹⁵ ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 4. Д. 60. Л. 5, 10.

¹⁶ Там же. Оп. 3. Д. 123. Л. 27 ; Д. 535. Л. 95.

¹⁷ Там же. Д. 158. Л. 79, 82, 87, 89.

¹⁸ Там же. Д. 159. Л. 91, 94 ; Д. 173. Л. 65.

¹⁹ Там же. Д. 173. Л. 148.

²⁰ Там же. Д. 160. Л. 3.

²¹ Там же. Д. 1449. Л. 166.

²² ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 123. Л. 1 — 3 ; Д. 140. Л. 26, 105 — 107, 130 — 132 ; Д. 158. Л. 56, 92 — 107, 128 — 139 ; Д. 159. Л. 87 — 96, 182 — 190 ; Д. 160. Л. 36 — 40, 60 — 66 ; Д. 165.

Л. 34 ; Д. 166. Л. 196 ; Д. 173. Л. 24, 33, 36 — 39, 43 — 45, 48, 50 — 52, 54, 57, 58, 61 — 65 ; Д. 174. Л. 20 — 22 об. ; Д. 585. Л. 5 ; Оп. 4. Д. 91. Л. 77 ; Д. 162. Л. 175.

²³ ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 4. Д. 41. Л. 47.

²⁴ Там же. Оп. 3. Д. 228. Л. 68.

²⁵ Там же. Д. 227. Л. 108, 112 ; Д. 230. Л. 37, 132 — 133.

²⁶ Там же. Д. 1401. Л. 1.

²⁷ ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 1365. Л. 2, 50 ; Д. 1374. Л. 15 — 18, 21, 23, 24, 87 — 100, 179 — 189 ; Д. 1556. Л. 19 ; Д. 1590. Л. 52, 53 ; Д. 1748. Л. 162 ; Д. 1749. Л. 10, 63 ; ЦГА Москвы. Ф. Р-3004. Оп. 1. Д. 73. Л. 130.

²⁸ ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 102. Л. 160 — 164, 166, 167, 169 — 179а, 181, 182, 241, 242, 249 — 256, 261, 329 — 335 ; Д. 105. Л. 101 — 103, 252 ; Д. 106. Л. 92 ; Д. 110. Л. 54, 77 — 78 ; Д. 530. Л. 145, 183 — 186, 219 ; Д. 531. Л. 5 ; Д. 535. Л. 95 ; Д. 580. Л. 51 ; Оп. 4. Д. 37. Л. 16 ; Д. 114. Л. 57 ; ЦГА Москвы. Ф. Р-3004. Оп. 1. Д. 35. Л. 52.

²⁹ ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 113. Л. 196 ; Д. 122. Л. 32 — 34 об., 76 — 78, 81, 102 — 107, 118, 129, 132, 134, 136, 137, 140, 147 ; Д. 123. Л. 3 — 9, 12 — 13, 15, 17 — 22, 25 — 27, 40 — 42 ; Д. 140. Л. 59 — 61 ; Д. 173. Л. 22 ; Д. 192. Л. 14 ; Д. 227. Л. 108, 112 ; Д. 230. Л. 37, 132 — 133 ; Д. 535. Л. 95 ; Д. 580. Л. 88 — 89, 97 ; Оп. 4. Д. 41. Л. 4 — 91 об.

³⁰ ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 123. Л. 1 — 3 ; Д. 140. Л. 26, Л. 105 — 107, 130 — 132 ; Д. 158. Л. 56, 92 — 107, 128 — 139 ; Д. 159. Л. 87 — 96, 182 — 190 ; Д. 160. Л. 36 — 40, 60 — 66 ; Д. 165. Л. 34 ; Д. 166. Л. 196 ; Д. 173. Л. 24, 33, 36 — 39, 43 — 45, 48, 50 — 52, 54, 57, 58, 61 — 65 ; Д. 174. Л. 20 — 22 об. ; Д. 585. Л. 5 ; Оп. 4. Д. 91. Л. 77 ; Д. 162. Л. 175.

³¹ ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 1449. Л. 174 — 179, 181 — 183, 185.

³² Там же. Д. 24. Л. 326 ; Д. 29. Л. 135 ; Д. 34. Л. 45 ; Д. 41. Л. 203 ; Д. 963. Л. 46, 75 — 76, 108 — 113, 115, 116, 154 — 154 об. ; Д. 964. Л. 124 ; Оп. 4. Д. 23. Л. 12.

³³ ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 4. Д. 38. Л. 18.

³⁴ Там же. Оп. 3. Д. 1449. Л. 51.

³⁵ ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 531. Л. 213 — 215 ; Д. 539. Л. 36 — 37 ; Карты городов, сел, деревень и улиц России на одном сайте. URL: <http://maprossiya.ru/samarskaya-oblast/chelno-vershinskiy-raion/derevnya-blagodarovka/> (дата обращения: 09.04.2016).

³⁶ ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 4. Д. 109. Л. 46 — 47.

³⁷ Арзамасская область: она пала жертвой кукурузы! [Электронный ресурс] // Ленинская смена. URL: <http://www.lensmena.ru/2015/09/арзамасская-область-она-пала-жертвой/> (дата обращения: 09.04.2016).

Поступила 17.04.2018 г.

УДК: 93/94.728.338.467 (470.42)

А. А. Вильчик

A. A. Vilchik

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРОГРАММЫ СТРОИТЕЛЬСТВА ЖИЛЬЯ В ПЕРИОД ДЕВЯТОЙ И ДЕСЯТОЙ ПЯТИЛЕТОК (На материалах Ульяновской области)

IMPLEMENTATION OF THE HOUSING CONSTRUCTION PROGRAM IN THE PERIOD OF THE NINTH AND THE TENTH FIVE-YEAR PLANS (On the materials of the Ulyanovsk region)

Ключевые слова: строительство, индивидуальное строительство, жилищный фонд, девятая пятилетка, десятая пятилетка, Ульяновская область.

Создание необходимых жилищных условий являлось одним из ключевых направлений политики Советского государства. На период девятой и десятой пятилеток приходится пик активности жилищного строительства. В статье на основе статистических данных осуществлен анализ динамики количественных и качественных показателей в решении жилищной проблемы.

Key words: construction, individual construction, housing, the ninth five-year plan, the tenth five-year plan, the Ulyanovsk region.

The creation of the necessary housing conditions was one of the key policies of the Soviet state. The period of the ninth and the tenth five-year plans was the peak of housing construction activity. Based on statistical data an analysis of quantitative and qualitative changes in the solvation of the housing problem is made in the article.

В период девятой (1971 — 1975) и десятой (1976 — 1980) пятилеток социально-экономическое положение населения СССР значительно улучшилось. Наличие жилой площади для любого человека является одной из главных потребностей в жизни. Реализация государством этой потребности оказывает значительное влияние на социально-экономическое развитие всей страны¹.

Предпринятые Советским Союзом меры послужили причиной увеличения итоговых показателей, достигнутых строителями в годы девятой пятилетки, по сравнению с восьмой на 4,83 %². Общее количество построенного в годы девятой пятилетки составило 544 млн м², что позволило улучшить жилищные условия около 55 млн советских граждан³. В этот период возросло и количество капитальных вложений по сравнению с 1966 — 1970 гг. на 70,56 % и составило 493 млрд руб. Однако в целом задача на девятую пятилетку, а именно сдача в эксплуатацию жилых зданий общей площадью 565 — 575 млн м², была выполнена только на 94,4 %⁴.

На годы вышеуказанных пятилеток и в Ульяновской области приходится пик активности жилищного строительства. Всего за годы девятой пятилетки в области было сдано в эксплуатацию 1 904,3 тыс. м² общей жилой площади, что превысило на 27,9 % показатели восьмой пятилетки⁵. В связи с этим жилищные условия улучшились примерно у каждого восьмого жителя области, а новоселье справили около 70 тыс. семей ульяновцев⁶. Значительная часть жилых зданий была построена с улуч-

шенной планировкой квартир. Во многом это стало возможным благодаря увеличению суммы капитальных вложений в период девятой и десятой пятилеток на 37,7 % по сравнению с 1966 — 1970 гг. Всего было выделено 1 209,4 млн руб., при этом строительными организациями было освоено 1 916 млн руб., что превысило плановые показатели. Начиная с первых годов десятой пятилетки наметилась тенденция сокращения показателей строительства гражданами индивидуального жилья⁷. Если за годы восьмой пятилетки граждане построили около 804 тыс. м², то на 1975 г. данный показатель сократился на 14 %. Данный факт можно объяснить тем, что строительство жилых зданий стало осуществляться преимущественно за счет государственных средств⁸.

На десятую пятилетку была поставлена задача по значительному повышению эффективности капитальных вложений при одновременном обеспечении наиболее рационального использования материальных и финансовых ресурсов. Кроме того, планировалось улучшить уровень ответственности проектных организаций за качество и экономичность проектов, а также за определение сметной стоимости. Превышение показателей девятой пятилетки должно было произойти благодаря внедрению инновационных научно-технических достижений, применению объемно-планировочных и конструктивных решений, упрощению документации, введению рациональных форм проектирования и использования современной вычислительной техники для проектирования⁹.

Значительный вклад в жилое строительство внес коллектив домостроительного комбината. В частности, СМУ КПД только за первые три месяца ввело в эксплуатацию 50 тыс. м² жилья. Благодаря работе партийного и профсоюзного комитетов, а также руководства комбината удалось мобилизовать строительные бригады и выполнить план по сдаче жилья на 113 %¹⁰. Кроме домостроительного комбината, успешно справился с планом и трест «Промстрой». Данным организациям за успехи в социалистическом соревновании первого года десятой пятилетки были присуждены переходящие Красные знамена Министерства строительства СССР и ЦК профсоюза рабочих строителей и промстройматериалов. Коллективы треста, цементного завода и монтажного управления треста «Волгопромвентиляция» по итогам первого полугодия 1976 г. были награждены переходящими знаменами обкома КПСС, облисполкома, облсовпрофа и обкома ВЛКСМ «За повышение эффективности производства и качества работы в десятой пятилетке»¹¹.

Однако не все строительные организации и предприятия уделили необходимое внимание ключевым вопросам, касавшимся как производства, так и экономии людских и материальных ресурсов. Замедляло возведение жилых массивов и качество поставляемых предприятиями промстройматериалов и продукции стройиндустрии, что привело к тому, что около 10 млн руб. были не освоены. Так, в Ульяновской области 22 строительные организации не выполнили план. Наиболее низкие показатели были у СМП-345 и треста «Сельхозводстрой»¹².

В конце 1976 г. в мастерской №1 института «Ульяновскгражданпроект» архитектор С. Н. Титов разработал проект строительства двух двенадцатиэтажных жилых зданий, которые планировалось возвести на улице Минаева и Карла Либкнехта. Согласно плану, в каждом здании должно быть по 81 квартире. При этом сами здания соединялись при помощи комплекса предприятий быта¹³. Жилые здания предполагали более удобную планировку и обустройство, нежели в иных проектах. Планировалось создание отдельного помещения для детских колясок и велосипедов

на лестничных клетках, по два лифта на один подъезд, мусоропровод, на нижнем этаже — магазин «Овощи — фрукты», приемный пункт прачечной и диспетчерская. Здания должны были быть построены за оставшиеся годы десятой пятилетки¹⁴.

В годы десятой пятилетки продолжилось и обучение строителей основам профессии. Наставниками молодых строителей были опытные специалисты: М. К. Абулханов — ударник коммунистического труда и бригадир передового технологического потока домостроительного комбината, Ю. Ф. Карпов — заслуженный строитель РСФСР и бригадир трубоукладчиков треста «Спецстроймеханизация», В. Н. Кочетков — лидер соцсоревнований «Главульяновскстроя» среди каменщиков и член партбюро СМУ-22, Г. И. Яшина — электросварщица объединения «Железобетон» и заслуженный строитель РСФСР, В. Я. Солдатиков — каменщик Димитровградского управления строительства и заслуженный строитель РСФСР, Н. П. Брагин и Н. Н. Филипов — бригадиры из ПМК-197 и ПМК-1055 треста «Ульяновскстрой»¹⁵.

В 1976 — 1981 гг. ульяновские строители активно стали применять метод бригадного подряда Н. А. Злобина, который получил одобрение ЦК КПСС¹⁶. В 1976 — 1977 гг. по данному методу в области трудилось 200 коллективов, а бюро обкома КПСС поставило задачу довести объемы работ в жилищном строительстве, выполненных с помощью этого метода, к концу пятилетки до 80 %¹⁷.

В 1977 г. объем капитальных вложений составил более 215 млн руб., основная часть данных средств была направлена на сооружение новых и реконструкцию старых промышленных предприятий, на долю жилых зданий предусматривалось 25,5 % от этой суммы. В области успешно был выполнен годовой план ввода жилых зданий в эксплуатацию, были построены 3 детсада на 540 мест и ряд объектов культурного и бытового обслуживания¹⁸. Всего было сдано более 300 тыс. м² жилья, в том числе 10 жилых домов. Отличные показатели были у треста «Промстрой», управлений «Волгоэлектромонтаж», «Промвентиляция», СМП-345 и др.¹⁹

В конце 1977 г. партийные, профсоюзные организации и хозяйственные руководители стали акцентировать все большее внимание на работе строительных организаций и предпринимать действенные меры, позволившие наладить эффективное использование имеющихся материально-технических и людских ресурсов.

С целью уменьшения сроков строительных работ в Ульяновской области в заключительные годы десятой пятилетки стала активно использоваться электронно-вычислительная техника. Благодаря внедрению ЭВМ в строительный процесс к середине 1978 г. удалось улучшить достоверность в оперативных расчетах, поднять труд инженеров-техников на иную, более высокую качественную ступень и сэкономить около 530 тыс. руб.²⁰ Однако данный эффект мог быть более значительным, если бы удалось устранить целый ряд недостатков, замедляющих инновационный процесс. К таким недостаткам прежде всего относились непонимание некоторыми руководителями значимости внедрения ЭВМ в строительный процесс для обработки большого потока информации и создания проектов, а также отсутствие элементарных навыков взаимодействия с вычислительной техникой у трудящихся и управленцев.

О необходимости повышения квалификации инженерно-технических работников было незамедлительно доложено на очередном партийном заседании: «Стоит отметить, что многие не правильно понимают способности ЭВМ, считая их безграничными. Это далеко не так, машина способна только быстро и безошибочно обрабатывать информацию, которую представляет ей человек, а впоследствии выдавать различные

варианты решения. В связи с этим необходима у инженеров и техников квалификация высокого уровня для того, чтобы сократить вероятность допущения человеком ошибки при занесении им информации в документ. Качественный специалист должен уметь понимать современные графики, нормативы и другую инженерно-техническую документацию. Поэтому необходимо немедленно открыть краткосрочные курсы»²¹.

Курсы для повышения квалификации инженеров, техников и операторов, работающих с ЭВМ, были открыты во втором полугодии 1978 г. на базе «Главульяновскстроя». Кроме того, постоянно стали проводиться аттестации, конкурсные соревнования, а также практические занятия по обмену опытом со специалистами информационно-вычислительных центров Министерства строительства СССР²².

Обучение на курсах дало результаты — работники треста № 2, управления «Стройкомплект» и нормативно-исследовательских станций получили необходимые навыки для работы с ЭВМ. В ноябре 1978 г. на базе «Ульяновскстроя» была введена вторая ЭВМ ЕС-1022²³.

Согласно докладу начальника информационно-вычислительного центра «Главульяновскстроя» А. Адонина, работникам стали доступны такие функции ЭВМ, как расчет потребности в материальных ресурсах по физическим объемам строительно-монтажных работ, обработка путевых листов водителей и товарно-накладных, задачи бухгалтерского учета, расчет зарплаты²⁴.

В 1978 г. Ульяновск значительно преобразился благодаря эффективной работе строителей. Всего было освоено около 237 млн руб., что превысило на 13 % показатель 1977 г. Программа по возведению жилого жилья была перевыполнена — 43 подрядные организации справились с планом самостоятельно, 23 — с помощью генерального подряда. В эксплуатацию было сдано около 260 тыс. м², что превысило план на 2 %. В целом работа подрядных организаций по сравнению с предыдущими годами десятой пятилетки значительно улучшилась. Более 100 строительных бригад превысили плановые показатели. Лучшие результаты показали бригады каменщиков СМУ-22 «Промстрой» (под руководством лауреата Государственной премии СССР И. Е. Москвичева) и монтажников домостроительного комбината В. С. Бочкарева. Всего в области работало более 10 тыс. строителей²⁵.

Однако, несмотря на успешно выполненный план, не все организации имели отличные показатели. Например, 22 организации не сумели выполнить поставленной в 1978 г. плановой задачи, при этом низкие показатели были зафиксированы у коллектива СУ-937, треста «Уфимдорстрой», хозрасчетного прорабского участка треста «Облремонтстрой», ПМК-56 треста «Промстрой» и др.²⁶ Данные организации не смогли своевременно осуществить монтаж дома № 12 в Железнодорожном районе, кладку 216-квартирного дома №43 в микрорайоне № 19 Засвияжья, жилого здания № 19 в квартале 280²⁷.

Добиться высоких показателей в заключительные годы десятой пятилетки мешала несогласованность действий руководителей «Главульяновскстроя» и строительных бригад. В 1979 г. всего в строй было введено около 100 тыс. м² жилья из запланированных 260, 3 школы, 1 детский сад, 9 магазинов и ряд других зданий. Годовая программа по вводу в эксплуатацию жилья была выполнена только на 34 %, а на стройках области неосвоенными остались 83 млн руб. В связи с отставанием от плана часть объектов пришлось отодвинуть на начало 1980 г., а это 165 тыс. м² жилья, школа в строящемся жилком районе Засвияжья, 4 детских сада²⁸.

К декабрю 1979 г. в трудном положении находилось большинство пусковых объектов Ульяновска (коробки домов 1-Ж и 3-3 в жилом районе Заволжья, дом № 12 в Железнодорожном районе, дом № 19 в Засвияжье, общежитие № 2-Б на улице В. Полевой, дом № 18 в квартале № 19, дом № 1 во втором микрорайоне УЗТС). При этом у большинства этих объектов отсутствовало обеспечение теплом, а на некоторых — система отопления была запущена частично. От плановых показателей отставали следующие организации: СУ ТЭЦ-2, ПМК-406, СМУ-20, ПМК-1, трест «Сельхозводстрой», СУ-954 и ПМК-874. Однако в то же время здесь нужно отметить и коллективы строительных и монтажных организаций, которые успешно справлялись с плановой задачей: «Волгоэлектромонтаж», СМУ транспортного управления, ДРСУ-4, участок «Югспецавтоматика», мостопоезд № 829, СМП-132, а также РСУ областного управления бытового обслуживания²⁹.

Поставленный в 1976 г. план десятой пятилетки по строительству более 2 млн м² жилья, учебных заведений и предприятий удалось перевыполнить на 6 %. На этом партия не планировала останавливаться и разработала новый план на одиннадцатую пятилетку, основной задачей которого было превышение достигнутых в 1980 г. итоговых показателей. Для его осуществления планировалось культивировать повсеместно в практику орловский метод ввода в эксплуатацию жилых зданий³⁰.

Таким образом, в Ульяновской области в период девятой и десятой пятилеток вопрос строительства жилых зданий являлся ключевым. В связи с этим для его решения были задействованы силы как работников партийных комитетов, так и строительных бригад. Введенная в годы девятой пятилетки практика по обучению и воспитанию будущих бригадиров и по культивированию инновационного опыта строительных работ (активное использование ЭВМ), способствовала ускорению темпов проектировки будущих зданий, а также дальнейшему их возведению. Развитие жилого фонда оказывало также влияние на упрочнение существовавшей материально-технической базы в социально-бытовой сфере. Наличие жилой площади у советских граждан послужило индикатором спроса в данной сфере, так как для обустройства помещения требовались различные товары и услуги. Кроме того, в годы десятой пятилетки значительно возросло количество бытовых предприятий, оказывающих населению различные услуги. Все это значительно повысило качество жизни ульяновцев.

Библиографические ссылки

¹ См.: Мухамедов Р. А., Архипов Д. В. Процесс административно-территориального устройства Ульяновского округа Средневожской области // Известия Самарского научного центра РАН. 2017. Т. 19, № 3. С. 90 — 94.

² Народное хозяйство СССР в 1975 году : стат. ежегодник. М., 1976. С. 605.

³ Там же. С. 604.

⁴ Структурные сдвиги в экономике СССР в восьмой и девятой пятилетках. М., 1976. С. 15.

⁵ ГАУО. Ф. Р-3273. Оп. 1. Д. 1101. Л. 9

⁶ Там же. Ф. Р-3038. Оп. 1. Д. 1131. Л. 5.

⁷ Там же. Оп. 8. Д. 26. Л. 11.

⁸ См.: Ульяновская область к 70 годовщине Великой Победы : стат. сб. Ульяновск, 2015. С. 58.

⁹ ГАНИ УО. Ф. 8. Оп. 62. Д. 1. Л. 17.

¹⁰ См.: Железнов А. Работать без отстающих // Ульяновская правда. 1976. 24 июля.

¹¹ См.: Аквилянов Ю. Плоды созидательного труда // Там же. 1976. 8 авг.

¹² ГАУО. Ф. Р-3152. Оп. 1. Д. 190. Л. 15.

- ¹³ **Миняков В.** Близнецы — великаны // Ульяновская правда. 1976. 24 июля.
- ¹⁴ ГАУО. Ф. Р-3152. Оп. 1. Д. 192. Л. 11.
- ¹⁵ Там же. Ф. Р-3273. Оп. 5. Д. 101. Л. 6.
- ¹⁶ Там же. Ф. Р-3152. Оп. 1. Д. 187. Л. 7.
- ¹⁷ Ульяновская область за годы пятилеток : стат. ежегодник. Ульяновск, 1977. С. 286.
- ¹⁸ ГАУО. Ф. Р-3273. Оп. 6. Д. 74. Л. 11.
- ¹⁹ Сдавать пусковые в срок // Ульяновская правда. 1977. 23 июля.
- ²⁰ **Адонин А.** Почему ошибается ЭВМ? // Ульяновская правда. 1979. 18 мая.
- ²¹ Ульяновская область за годы пятилеток. С. 286.
- ²² **Адонин А.** Указ. соч.
- ²³ ГАУО. Ф. Р-3273. Оп. 6. Д. 78. Л. 10.
- ²⁴ **Адонин А.** Указ. соч.
- ²⁵ Ульяновская область за годы пятилеток. С. 287.
- ²⁶ **Железнов А.** Преодолеть отставание // Ульяновская правда. 1979. 20 июля.
- ²⁷ **Григоренко Ю.** Требование времени // Там же. 1978. 8 сент.
- ²⁸ ГАУО. Ф. Р-3273. Оп. 6. Д. 78. Л. 10.
- ²⁹ **Егорова Н.** Главный фактор — ритмичность // Ульяновская правда. 1979. 18 мая.
- ³⁰ **Пашкин А. Г., Забалухина Н. В.** Симбирский — Ульяновский край в новейшей истории России. 1917 — 1991. Люди, события, факты. Ульяновск, 2012. С. 139.

Поступила 14.05.2018 г.

УДК 94(470)«1985/1991»

С. Ю. Нуйкин
S. Yu. Nuykin

ТВОРЧЕСКИЕ СОЮЗЫ И ТВОРЧЕСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ МОРДОВИИ В ГОДЫ ПЕРЕСТРОЙКИ (1985 — 1991 гг.)

CREATIVE UNIONS AND CREATIVE INTELLIGENTSIA OF MORDOVIA IN THE YEARS OF PERESTROIKA (1985 — 1991)

Ключевые слова: творческие союзы, перестройка, дискуссия, финансирование культуры, материально-техническая база.

В статье на основе архивных материалов рассматриваются основные направления культурной политики и проблемы, возникшие в творческих организациях Мордовии в процессе реформ 1985 — 1991 гг.

Key words: creative unions, perestroika, discussion, financing of culture, material and technical base.

The main directions of cultural policy and the problems the creative organizations of Mordovia faced in the course of reforms of 1985 — 1991 are considered in the article on the basis of archival materials.

Принципиальное изменение государственной политики в области культуры в 1985 — 1991 гг. заключалось в отказе от командных методов управления и административного вмешательства в творческий процесс, навязывания искусству идеоло-

гических догм¹. В числе основных задач Министерства культуры СССР значилось углубление взаимодействия с творческими союзами и другими общественными организациями. В период гласности и демократизации руководство страны заметным образом сменило направление культурной политики: ослабло влияние партийных органов на культуру, некоторые направления культурного строительства были переданы на региональный уровень, расширилась свобода творчества и самовыражения².

В эти годы на конференциях и собраниях творческих организаций деятели искусства свободно обсуждали наболевшие проблемы. Так, на отчетно-выборной конференции (1985 г.) Мордовского отделения Всероссийского театрального общества* поднимались вопросы плохой организации работы театров, отсутствия зрительского интереса и заинтересованности самих театральных работников. Особенно беспокоили театралов слабая производственная база театров, отсутствие профессиональной театральной критики, а также низкий профессионализм артистов и посредственность актерского состава³. Материально-техническая база театров была, действительно, слабой: два театра работали в одном здании, не хватало костюмов и реквизита, не было современного технического оборудования и декораций, не решался вопрос жилья для артистов, многие из которых годами жили в гостиницах⁴. Не лучшим образом обстояли дела с развитием национального театра, открытого в августе 1989 г. У театра также не было своей сцены, режиссера; репертуар состоял из двух спектаклей, многие артисты труппы были мало знакомы с мордовскими языками⁵.

Интересно отметить, что в начале перестройки в республике еще встречались случаи прямого вмешательства партийных работников в творческий процесс. Например, выбор артистов на ту или иную роль проходил с ведома горкома и обкома партии⁶. Не было изжито недобросовестное и формальное отношение чиновников Министерства культуры к художественной самодеятельности, отчетной документации по деятельности театров, проведению гастролей. Артистам все чаще задерживалась заработная плата⁷.

В 1988 г. на заседании правления мордовской организации Союза театральных деятелей (СТД) РСФСР театралы республики обсуждали постановление коллегии при Министерстве культуры МАССР и проект «Основных направлений развития и перестройки театрального дела в РСФСР», созданный в рамках эксперимента по совершенствованию управления и повышению эффективности деятельности театров. В ходе этого эксперимента планировалось применить на практике новый порядок формирования репертуаров, демократизацию внутритеатрального управления, расширение самостоятельности театров в планировании творческо-производственной деятельности, ценообразовании и материальном стимулировании. Присутствующие на собрании театральные работники проголосовали за принятие проекта, но они не знали, как встроить мордовские театры в новую модель, так как существовала специфическая местная проблема: два театра (Государственный драматический театр МАССР и Государственный театр музыкальной комедии МАССР) по сути были слиты в один. Разделение театров произошло только в июне 1990 г.⁸

* Мордовское отделение Всероссийского Театрального Общества (ВТО) создано в 1936 г., в 1986 г. ВТО было реорганизовано в Союз театральных деятелей РСФСР.

В начале 1990-х гг. в условиях перехода к рыночным отношениям и резкого падения государственного финансирования культурной сферы творческие союзы, как и другие учреждения культуры, получили временную поддержку от государства. Согласно Указу Президента СССР, творческие Союзы и предприятия, объединения и организации, входившие в систему этих союзов, в 1991 г. были освобождены от всех видов налогов, сборов и пошлин⁹.

Что касается театральных работников, то согласно Постановлению Совета Министров РСФСР «О социально-экономической защите и государственной поддержке театров и театральных организаций в РСФСР» (1991 г.) в рамках государственной службы занятости в РСФСР создавалось специальное подразделение по трудоустройству и переподготовке творческих работников — Театральная биржа. Обеспечивались дополнительные меры по социальной защите работников театра, улучшению материально-технической базы театров и т.д. Тогда же было принято Положение о театре в РСФСР, которое определяло правовые, экономические и социальные условия создания и функционирования театров¹⁰.

Самой «молодой» общественной творческой организацией в республике был Союз композиторов, созданный в 1982 г. В апреле 1987 г. образовано Мордовское отделение Всероссийского музыкального общества, которое объединило деятелей музыкальной и хореографической культуры¹¹. К началу своего существования Союз композиторов Мордовской АССР включал 7 членов, из них — 3 композитора и 4 музыковеда. Все члены Союза имели высшее образование¹².

На I Учредительном съезде Союза композиторов Мордовской АССР, который состоялся 26 февраля 1982 г., председатель правления Союза Г. Г. Вдовин представил доклад, в котором оценил состояние и перспективы развития музыкального искусства Мордовской АССР, отметив, что «мордовское профессиональное творчество начало развиваться только после победы Великой Октябрьской Социалистической революции»¹³ и связано с именами первых мордовских композиторов Л. П. Кирюкова и Л. И. Воинова. Предтечей Союза композиторов Мордовии было созданное в 1955 г. объединение композиторов Мордовии при Республиканском Доме народного творчества, которое организовывало творческую деятельность композиторов-любителей. Кроме того, Г. Г. Вдовин раскрыл и основные проблемы, стоявшие перед Союзом. Прежде всего — это недостаточная исполнительская база. «Нам не хватает профессионального хора, который бы мог быть воссоздан вновь на базе комитета по телевидению и радиовещанию, — отмечал председатель правления Союза композиторов МАССР, — нам нужен струнный квартет, который бы кроме своего прямого назначения мог стать основой различных камерных ансамблей (трио, квинтета, секстета, дуэта и т.д.), нам хотелось бы иметь хотя бы малый состав симфонического оркестра, который бы мог исполнять симфоническую музыку (недостающих музыкантов можно было бы приглашать на разовых началах). Нам кажется, нужно нашему оркестру театра чаще выходить из „ямы“ на сцену. Мы завидуем „белой“ завистью нашим коллегам из братских республик Поволжья и Урала, ибо у них это все есть»¹⁴.

С течением времени к этим проблемам прибавились другие. Композиторов возмущала «перестройка» в театрах — конфликты и частая неоправданная смена художественного и административного руководства. Переход к рыночным отношениям породил коммерциализацию культуры, снижение зрительского интереса к

серьезному музыкальному искусству и разгул примитивной, однообразной эстрадной музыки. В этих условиях перед композиторами Мордовии вставала проблема пропаганды своих произведений, однако слабость исполнительской базы по-прежнему не позволяла исполнять классическую музыку на должном уровне¹⁵. Имелись и другие причины. Председатель ревизионной комиссии Союза композиторов Мордовской АССР Н. И. Бояркин отмечал: «Насколько слабо дело обстоит с пропагандой музыкальных произведений у нас в Мордовии по сравнению с другими соседними областями, говорит хотя бы и такой факт. Музыкальная литература: сборники народных песен, книги, посвященные песенной культуре, почти не интересуют наши музыкальные учебные заведения и вышеназванные учреждения. В их библиотеках редко можно найти книги, ноты по мордовской музыке. Они не подписываются на их приобретение»¹⁶.

Кроме того, Н. И. Бояркин заключил, что Союз не был готов к вызовам времени, не был способен бороться за обновление национального искусства, поднимать его значимость в глазах людей, особенно молодежи, воспитывая в них иммунитет противостояния западной массовой культуре¹⁷.

В эпоху перестройки и гласности множились дискуссии о дальнейшем развитии страны и не малую долю противоречивых оценок в эти споры вносили именно писатели. Союз писателей МАССР был создан в 1934 г. В 1987 г. в Союзе писателей МАССР состояло 37 человек, средний возраст членов Союза составлял 64 года¹⁸.

В 1985 — 1991 гг. писатели Мордовии призывали писать правду, поднимать уровень мордовской литературы. «Наше время чрезвычайно интересное для творческого человека, — говорил на республиканском собрании писателей МАССР главный редактор журнала „Мокша“ Г. И. Пинясов. — Гласность, ликвидация зон, запретных для критики, дают необычайный простор для размышлений, свободно и открыто высказывать наболевшее. В таких условиях редколлегии очень важно не потерять правильные ориентиры, избегать шараханья из стороны в сторону. Одинаково вредно быть лакировщиком „перестройки“, т. е. выдавать желаемое за действительное или же занять позу очернителя»¹⁹.

Одной общей проблемой для всех творческих работников Мордовии было отсутствие профессиональных критиков в области искусства. Страдали от этого и писатели. На расширенном заседании правления Союза писателей Мордовской АССР в декабре 1987 г. литераторы постановили активизировать роль критики в литературном процессе и создать при правлении Союза писателей МАССР секцию литературной критики²⁰. В отсталости региональной критики известный литературовед и критик Г. И. Горбунов видел прежде всего недостатки самой мордовской литературы: «Когда мы говорим, что наша критика отстает от жизни, то нередко забываем, что она, как ни странно, по эстетическому уровню соответствует внутреннему содержанию литературы. Она не может восприниматься нами одухотворенной и глубоко насыщенной потому, что в самой литературе глубина общественного пафоса и эстетическая полнота изображаемого стали подменяться порой ценностями, отнюдь не обусловленными потребностями народа...»²¹.

К началу 1990-х гг. обсуждение перестройки сменилось реальными проблемами, связанными с финансированием издательства произведений мордовских писателей, которые не имели читательского спроса и не приносили никакого дохода, тогда как типографские услуги быстро дорожали, росли цены на бумагу, полиграфические

материалы, оборудование. В условиях хозрасчета республиканским типографиям было не выгодно печатать мордовскую литературу. Республиканская типография вернула издательству 18 рукописей из плана 1991 г.²²

В апреле 1992 г. на общем собрании коллективов редакций журналов «Мокша», «Сятко», «Якстерь тештне», «Чилисема» и писателей Мордовии был учрежден Фонд возрождения мордовской художественной литературы. Будучи создан помочь в выпуске произведений художественной литературы на мордовских и русском языках путем их частичного финансирования, фонд фактически стал на короткое время источником материальной поддержки мордовских писателей в тяжелые годы переходной экономики. Фонд был ликвидирован в августе 1997 г.²³

Союз художников Мордовии, основанный в 1937 г., столкнулся с похожими проблемами, что и остальные творческие союзы республики и прежде всего с низкой материально-технической базой.

В 1985 г. в республике работали Художественно-производственные мастерские мордовского отделения Художественного фонда РСФСР и 13 небольших художественно-оформительских мастерских: 11 мастерских при районных Домах культуры и 2 мастерские при Саранском городском парке культуры и отдыха им. А. С. Пушкина и Рузаевском городском парке им. В. И. Ленина²⁴. «Мастерские, за исключением Рузаевской, имеют слабую материальную базу, ютятся в маленьких, непригодных помещениях, — указывалось в справке Министерства культуры МАССР в отдел пропаганды и агитации обкома КПСС. — Так, Большеберезниковская художественно-оформительская мастерская располагается в бывшей киноаппаратной, где зимой очень холодно. Не имеет соответствующего помещения художественно-оформительская мастерская при Саранском городском парке культуры и отдыха им. А. С. Пушкина. Остро стоит проблема обеспечения их материалами, красками. Ни одна заявка Министерства культуры Мордовской АССР Государственным комитетом Мордовской АССР по материально-техническому снабжению не удовлетворяется. Не отпускает по безналичному расчету краски и кисти для мастерских „Искусство“. Поэтому художники вынуждены выполнять только те работы, где заказчик предоставляет свои материалы, краски»²⁵.

Достаточно отметить, что художники художественно-производственных мастерских Художественного фонда РСФСР работали в тесных, непригодных помещениях без каких-либо удобств. В ведении Союза имелись кирпичное и деревянное двухэтажные здания по ул. Красноармейской, гараж и несколько складских помещений. Состояние производственных площадей оценивалось как неудовлетворительное, последний ремонт проводился в 1977 г. В производственных помещениях не было горячей и питьевой воды, иногда не работала канализация, художники не обеспечены рабочей одеждой²⁶.

Представитель обкома профсоюзов работников культуры Г. Ф. Смирнова на одном из собраний Союза художников МАССР и Художественно-производственных мастерских Художественного фонда РСФСР в 1985 г. отмечала, что уделяется очень мало внимания здоровью и охране труда художников: «Забота об условиях труда на одном из первых мест должны стоять...»²⁷. Однако, несмотря на эти условия, художники Художественно-производственных мастерских продолжали работать и перевыполняли планы. Годовой план 1984 г. мастерские выполнили на 116,8 %, план 9 месяцев 1985 г. на 114,2 %²⁸.

Внутреннюю жизнь союза можно проследить по протоколам собраний. На одном из собраний (1986 г.) Союза художников и художественно-производственных мастерских, председатель правления Союза художников МАССР В. А. Беднов затронул проблемы, характерные как для Союза художников РСФСР, так и для мордовского отделения Союза. Прежде всего обсуждался принцип остаточного финансирования культуры и его последствия для художников. Среди других вопросов — консервативность и немобильность выставкомов, оторванность художественной критики от практики современного искусства (в мордовском отделении Союза не было ни одного профессионального критика). Особо была выделена проблема низкой творческой активности молодых художников-оформителей художественно-производственных мастерских (ХПМ). «К сожалению, Мордовские ХПМ утрачивают свои творческие позиции — говорилось в докладе. — Художники списочного состава почти не принимают участие в творческой жизни Союза. Пассивность молодых художников ХПМ не способствует улучшению творческой атмосферы в союзе. В составе молодежного объединения нет ни одного художника из списочного состава ХПМ. Союз художников Мордовии, молодежное объединение пополняются талантливыми художниками, работающими в других организациях города и республики. Из 57 участников Республиканской выставки 1986 г. „Художники Мордовии — XXVII съезду КПСС“ 26 авторов, работающих в других организациях и всего лишь 3 — из списочного состава ХПМ и ни одного из молодых художников ХПМ. Из 37 участников Зональной выставки в г. Костроме — 16 участников, работавших в других организациях и ни одного из молодых художников ХПМ. Примеры можно продолжить, и все они скажут о том, что художников ХПМ станковое искусство не интересует. Художники списочного состава ХПМ могли бы участвовать на наших выставках произведениями декоративно-оформительского искусства, как это было раньше 3 — 5 лет назад. Правление, партбюро Союза художников не однажды предлагали дирекции ХПМ проводить выставки-отчеты художников-оформителей, но дирекция ХПМ эти предложения не проводит в жизнь, и художники ХПМ оказываются вне сферы выставочной деятельности коллектива Союза художников»²⁹. Общей проблемой на общесоюзном и местном уровне был конфликт между Художественным фондом и Союзом художников. Во многих областных отделениях Художественного фонда создавалась нездоровая обстановка, молодые художники не хотели вступать в молодежные объединения Художественного фонда³⁰. Подобное положение складывалось и в творческой организации мордовских художников, отягощенной собственными внутренними проблемами и конфликтами.

Прекрасно обобщают картину положения творческих союзов на закате эпохи перестройки, в том числе и Союза художников Мордовии, слова доктора социологических наук И. А. Бутенко: «Итак, союзы освобождаются от идеологического влияния, но еще пользуются некоторым предоставленным государством имуществом, из-за дележа которого происходят многочисленные тяжбы; руководители союзов, наряду с участием в этих тяжбах, озабочены социально-политической борьбой и, меньше, — профессиональными успехами сообщества; роль искусства в социально-политической жизни с институционализацией других политических сил становится менее значительной. Художники, вышедшие на рынок, успешно удовлетворяют широкий и невзыскательный спрос и упиваются первыми материальными плодами общественного признания»³¹.

К началу 1990-х гг. большинство творческих работников республики критически оценивали происходившие в стране трансформации. Об этом свидетельствует, например, обращение работников культуры и искусства Мордовской ССР в Верховный Совет Мордовской ССР, составленное в сентябре 1991 г. с просьбой передать здание общественно-политического центра на баланс Министерства культуры Мордовской ССР. Данное обращение в первую очередь раскрывает отношение творческой интеллигенции республики к перестройке. Текст обращения приводится полностью:

«Учреждения искусства республики в условиях перехода к рыночным отношениям требуют конкретной помощи со стороны Правительства Мордовской ССР и руководства города Саранска в создании коллективам театрально-концертных организаций нормальных условий для плодотворней творческой деятельности.

Театры, музеи, филармонии всегда имели большое влияние на умы и сердца людей всех возрастов. Сегодня все искусство, культура в опасности.

Перестройка предоставила художнику, артисту, музыканту творческую свободу, но поставила его перед угрозой новой несвободы: социальная незащищенность, бытовая неустроенность приводят к „утечке“ профессионалов, талантов из республики, а нищенское, все еще „остаточное“ государственное финансирование культуры, искусства могут привести к закрытию театров, музеев, филармонии в республике. Нет надлежащих помещений.

Поэтому работники культуры и искусства считают необходимым срочно передать здание общественно-политического центра на баланс Министерства культуры Мордовской ССР. Положительное решение этого вопроса позволит улучшить условия работы государственной филармонии, национальному театру, национально-культурному центру, другим учреждениям и творческим коллективам»³².

Из этого обращения видно, что работники культуры и искусства республики прекрасно осознавали противоречивость результатов той борьбы за творческую свободу, которую вели или поддерживали многие творческие люди Советского Союза.

Таким образом, в Мордовии в 1985 — 1991 гг. особенно заметно падение заинтересованности деятелей культуры и искусства к собственной работе; творческая молодежь отказывалась работать под идеологическим диктатом партии, а продолжающееся ослабление государственного руководства культурой вело к дезорганизации и рассеиванию материальных и человеческих ресурсов в этой сфере. На примере Мордовии видно, что прежде чем проводить масштабные эксперименты в культурной жизни страны, требовалось решить основные насущные задачи: укрепить материально-техническую базу творческих союзов, учреждений культуры и искусства, усовершенствовать их организацию, устранить местные специфические проблемы. Общественно-политические и экономические трансформации 1985 — 1991 гг. имели огромное значение в жизни творческой интеллигенции страны и ее регионов, при этом сыграли прежде всего негативную роль в ее будущем.

Библиографические ссылки

¹ Постановление Совета Министров РСФСР от 31 мая 1991 г. № 297 «О социально-экономической защите и государственной поддержке театров и театральных организаций в РСФСР» // Полное собрание законодательства СССР [Электронный ресурс]. URL: http://www.ussrdoc.com/ussrdoc_communizm/usr_14817.htm (дата обращения: 26.02.2018).

² Постановление Совета Министров СССР от 2 августа 1990 г. № 771. Вопросы Министерства культуры СССР // Полное собрание законодательства СССР [Электронный ресурс]. URL: http://www.ussrdoc.com/ussrdoc_communizm/usr_18183.htm (дата обращения: 23.02.2018).

³ ЦГА РМ. Ф. 6201-П. Оп. 1. Д. 71. Л. 5 — 16.

⁴ Там же. Д. 72. Л. 48, 59.

⁵ Заседания Верховного Совета Мордовской АССР. Двенадцатая сессия одиннадцатого созыва (22 сентября 1989 г.) : стеногр. отчет. Саранск, 1990. С. 71 ; ЦГА РМ. Ф. 6201-П. Оп. 1. Д. 87. Л. 37.

⁶ ЦГА РМ. Ф. 6201-П. Оп. 1. Д. 72. Л. 7.

⁷ Там же. Л. 49, 66 — 67, 72, 83.

⁸ ЦГА РМ. Ф. 6201-П. Оп. 1. Д. 87. Л. 9 ; Государственное учреждение «Центральный государственный архив республики Мордовия» : путеводитель. Саранск, 2015. Т. 3. С. 82 — 83.

⁹ Постановление Совета Министров РСФСР от 31 мая 1991 г. № 297 «О социально-экономической защите и государственной поддержке театров и театральных организаций в РСФСР». Полное собрание законодательства СССР. URL: http://www.ussrdoc.com/ussrdoc_communizm/usr_18183.htm (дата обращения: 23.02.2018).

¹⁰ Постановление Совета Министров РСФСР от 31 мая 1991 г. № 297 «О социально-экономической защите и государственной поддержке театров и театральных организаций в РСФСР» // Полное собрание законодательства СССР : сайт. URL: http://www.ussrdoc.com/ussrdoc_communizm/usr_14817.htm (дата обращения: 26.02.2018).

¹¹ ЦГА РМ. Ф. 6232-П. Оп. 1. Д. 47. Л. 13.

¹² Там же. Д. 1. Л. 83.

¹³ Там же. Д. 3. Л. 10 — 11.

¹⁴ Там же. Л. 23.

¹⁵ Там же. Д. 48. Л. 5, 15.

¹⁶ Там же. Л. 22.

¹⁷ Там же. Л. 20.

¹⁸ ЦГА РМ. Ф. Р-356. Оп. 2. Д. 279. Л. 34 ; ЦГА РМ. Ф. 269-П. Оп. 61. Д. 366. Л. 11.

¹⁹ ЦГА РМ. Ф. Р-356. Оп. 2. Д. 279. Л. 11.

²⁰ Там же. Л. 65.

²¹ Там же. Л. 66.

²² Там же. 307. Л. 8 — 10.

²³ Там же. Оп. 4. Д. 3. Л. 1 — 23.

²⁴ ЦГА РМ. Ф. 269-П. Оп. 61. Д. 361. Л. 4.

²⁵ Там же. Л. 5.

²⁶ ЦГА РМ. Ф. Р-1292. Оп. 2. Д. 146. Л. 37, 68.

²⁷ Там же. Л. 31.

²⁸ Там же. Л. 33.

²⁹ Там же. Л. 55.

³⁰ Там же. Л. 56.

³¹ Бутенко И. А. Судьба творческих союзов // Социологические исследования. 2002. № 9. С. 103.

³² ЦГА РМ. Ф. Р-1122. Оп. 3. Д. 1276. Л. 43.

Поступила 17.04.2018 г.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 316.334.2

И. Н. Гераскина

I. N. Geraskina

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СБАЛАНСИРОВАННОГО ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ

METHODOLOGICAL FOUNDATIONS OF BALANCED INNOVATIVE DEVELOPMENT OF SOCIAL AND ECONOMIC SYSTEMS

Ключевые слова: инновационное развитие, сбалансированное развитие, социально-экономическая система, синергетический подход.

В статье представлены результаты исследования онтологии сбалансированного инновационного развития сложных и стохастических социально-экономических систем, формирующие методологические аспекты современного менеджмента; изучены междисциплинарные основания решения проблемы обеспечения инновационности и устойчивости тренда развития социально-экономических систем; идентифицирована сущность систем управления и организационно-экономических механизмов, гарантирующих выживаемость и надежность их функционирования в условиях ускоряющейся динамики экзо- и эндогенных параметров среды.

Key words: innovative development, balanced development, social and economic system, synergetic approach.

The results of the study of the ontology of balanced innovative development of complex and stochastic social and economic systems that form the methodological aspects of modern management are represented in the article. Interdisciplinary foundations to solve the problem of ensuring innovative and sustainable development of social and economic systems are studied in it, as well as the essence of both management systems and organizational and economic mechanisms that guarantee the survival and reliability of their functioning under the conditions of accelerating dynamics of exo- and endogenous parameters of the environment was identified.

Квинтэссенцией сбалансированного инновационного развития социально-экономических систем (СЭС) выступают два фундаментальных свойства: постоянный обмен с внешней средой энергией, веществом, информацией и когерентное поведение компонентов. Эта концепция базируется на положениях теорий систем, самоорганизации и синергетики. По мнению профессора Г. Хакена, кибернетический и синергетический подходы к развитию придают первостепенное значение понятию «управление», преследуя при этом различные цели¹. Кибернетика формирует алгоритмы и методы, позволяющие управлять СЭС с целью ее функционирования задан-

ным способом. Синергетика исследует структурно-циклические процессы и самоорганизацию при изменении управляющих параметров СЭС. Интеграция научных подходов обуславливает идентификацию механизмов сбалансированного инновационного управления, действующих в СЭС и детерминирующих их функционирование. Возникает необходимость пересмотра концепта и методологии менеджмента, переход на идеи самоорганизации, саморегулирования и самоуправления; поиска новых путей целевого воздействия на указанные процессы в нелинейных динамических СЭС.

Результаты последних исследований обнажают фундаментальную проблему поиска общих объективных законов управления, сводимую к максимальному учету свойств объекта управления, что позволит найти новые пути развития современного менеджмента. Сбалансированное инновационное развитие СЭС — когерентное преобразование ее локальных подсистем (ресурсные потоки, инвестиции, субъекты, институты и др.), взаимосвязей и процессов между ними, обеспечивающих потенциал и способность к достижению стратегической цели перехода системы к качественно новому, имманентно присущему уровню развития в условиях экзогенных воздействий за счет синергетических эффектов и (или) организационно-управленческих инноваций².

Синергетические процессы выступают естественными в достижении СЭС устойчивых и новых состояний без целенаправленного экзогенного воздействия. Подобная модель управления отрицает сложную иерархию, а достижение объектом нового состояния детерминировано самоорганизацией и саморазвитием в целях решения системных проблем. Перечислим отличия синергетического и кибернетического подходов к управлению:

<i>Кибернетический подход</i>	<i>Синергетический подход</i>
— наличие в системе субъектов и объектов управления;	— естественные закономерности и факторы развития;
— информационная сущность управления;	— самоорганизация без субъекта управления;
— общие законы управления в разных системах;	— отсутствие целевых критериев развития;
— наличие обратной связи в системах управления;	— бифуркационный способ развития;
— регулирование поведения системы исходя из детерминированных целей с помощью обратных связей.	— чувствительность системы к начальным условиям.

Анализ представленных направлений в управлении СЭС позволяет понять, что синергетический подход изучает поведение системы с акцентом на ее естественные факторы развития, согласованность взаимодействия компонентов при образовании структуры как единого целого. В рамках кибернетического подхода исследуются адаптационные процессы управления и обмена информацией с внешней средой.

Естественное понимание самоорганизации в СЭС исключает активное субъективное вмешательство в процесс ее развития. Однако, с одной стороны, организационная деятельность человека основывается на факторах целеполагания, определяющих построение искусственных организационных форм и принуждение объекта к состоянию, задаваемому субъектом целеполагающей деятельности; с другой — че-

ловек как участник экономических отношений, как элемент СЭС с неизбежностью интегрирован в естественные процессы эволюции природы как имманентной целостности³.

Ученые выделяют четыре уровня самоорганизации СЭС в строительстве: 1) физический, формирующий максимально симметричную технологическую систему, состоящую из материально-вещественных элементов с линейно-циклическими связями и отношениями; 2) физико-химический, в контексте основы процессов преобразования исходных ресурсов в конечный продукт; 3) биосоциальный, как оптимальная реализация интеллектуальных возможностей субъектов предпринимательской среды; 4) психологический, т. е. максимальная реализация эвристической функции коллективного разума хозяйствующей структуры и ее партнеров, а также достижение высшей фазы умения улавливать и реализовывать «дух времени»⁴.

Сегодня активно дискутируется проблема соотношения процессов управления и самоорганизации в развитии СЭС разного масштаба. По мнению Ю. М. Осипова, «самоорганизация в первом приближении — это сама себя осуществляющая и производящая организация»⁵. Аналогичной точки зрения придерживается Г. И. Рузавин: «Не противопоставление самоорганизации организации, а тесное и непрерывное их взаимодействие служат залогом устойчивости и динамического развития любой СЭС»⁶.

Для регулируемой формы самоорганизации СЭС целесообразен поиск наилучшего решения проблем посредством совместных усилий. В данной форме доминируют положительные обратные связи, при усилении которых между участниками формируются взаимовыгодные отношения. Характерной чертой при этом является стремление к достижению благоприятного компромисса и преимуществ, получаемых в ходе взаимодействия. СЭС имеет возможность выйти на более высокий уровень устойчивого развития, выбирая из спектра существующих, нужный путь развития. Будущее видится как пространство возможностей, из которых будет реализована только одна. Задача управления СЭС заключается в попадании в область «желаемого» будущего.

Сложность формирования теории сбалансированного инновационного управления СЭС в отличие от других, например, систем технической природы, заключается в отсутствии постоянных величин, поэтому необходимо проводить аналогию с физическими процессами и описывать их математически. Многие экономические задачи можно решить с помощью систем дифференциальных уравнений, т. е. методом экономико-математического моделирования. Попытка формирования универсальной модели СЭС теоретически может привести к идентификации огромного числа эндогенных параметров. Если оценивать экономическую деятельность отдельного хозяйствующего субъекта одним или несколькими (n) эндогенными показателями, тогда для анализа состояния СЭС необходимо применять $n \times P$ показателей (количество субъектов хозяйствования в СЭС). В этом случае важно осуществить выборку сравнительно небольшого числа показателей, характеризующих исследуемую СЭС.

Рассматривая актуальность парадигмы сбалансированного инновационного развития СЭС, В. И. Приходько замечает, что «...именно они с их двойственной, искусственно-естественной природой содержат большие возможности для развития синергетических представлений»⁷.

Одной из основных характеристик эволюции СЭС является необратимость. Она заключается в невозможности изменения направленности процессов в каждый опре-

деленный момент времени. При значительном участии обратимых процессов они составляют лишь часть сложного и в целом необратимого процесса системного развития, который носит циклический характер. Комплексная схема Н. Д. Кондратьева отражает волнообразные колебания системной динамики трех видов: короткие, средние и большие. Периодические колебания (подъем → спад → кризис → оживление → подъем и т.д.) характеризуются тем, что начало подъема каждого цикла связано с внутрисистемными изменениями, а каждый спад сопровождается затяжными депрессиями наиболее значимых системных компонентов. Возникновение циклов является внутренней закономерностью системной динамики, имманентно присущей СЭС.

Каждый элемент и компонент СЭС (человек, подразделение, учреждение, регион, отрасль) — это самостоятельный, саморазвивающийся и саморегулирующийся организм, содержащий внутренние факторы поддержания собственного равновесия, защищающего его от саморазрушения. Строгая повторяемость и предопределенность способствуют поддержанию равновесного состояния. СЭС зависит от истории развития, регулярно испытывает внешние и внутренние возмущающие воздействия. Однако благодаря своим системообразующим, системосохраняющим интегративным факторам, независимо от того объективны они или субъективны, СЭС сохраняет стремление к целостности.

Сбалансированность СЭС определяется характером и способом комбинирования методов управления, взаимодействия социальных институтов, ценностных представлений людей, норм их поведения, обеспечивается связью интересов и потребностей людей с общими процессами организационного развития.

Целесообразно рассмотреть понятие «устойчивость» СЭС. Выделяют устойчивость простую и асимптотическую. Под последней понимают поведение СЭС, при котором после экзогенного воздействия амплитуда отклонения от равновесного положения с течением времени стремится к нулю. В случае, когда амплитуда не нарастает, а находится в определенных границах, имеет место простая устойчивость по Ляпунову.

Концепт сбалансированного инновационного развития СЭС существенно меняет традиционные представления менеджмента, согласно которым эффект от управляющего воздействия однозначно зависит от величины приложенных усилий (чем больше усилий, тем выше эффект), на следующие положения:

— сложноорганизованным СЭС нельзя навязывать пути развития, важно прогнозировать и понимать, как регулировать их собственные тренды;

— отсутствует жесткая предопределенность, существуют альтернативные пути развития и возможности выбора;

— малые возмущения в момент неустойчивости существенно влияют на развитие всей системы в целом. Чрезвычайно эффективными бывают незначительные, но точно организованные резонансные управляющие воздействия на СЭС. Закономерности и условия протекания быстрых лавинообразных процессов обусловлены действием механизма положительной обратной связи.

Ответ нелинейной динамики на фундаментальный вопрос, почему среди огромного множества сложных взаимодействующих факторов и сотен тысяч переменных удается выделить наиболее важные процессы и ключевые факторы, состоит в том, что во множестве случаев происходит самоорганизация, связанная с выделением параметров порядка. Отметим, что и нелинейную среду, обладающую бесконечным

числом степеней свободы, удастся описать в динамическую СЭС небольшим числом переменных. Рынок с сотнями тысяч агентов и миллионами товаров можно моделировать с помощью нескольких параметров.

Доказано, что человек в состоянии активно и творчески взаимодействовать с 5 — 7 параметрами (медленно меняющимися переменными), независимо от объема доступной ему информации. Однако на современном этапе развития цифровая экономика сталкивается с когнитивным барьером, выражающимся в ограниченном понимании природы сложных систем и процесса эффективного управления ими.

Профессор Г. Г. Малинецкий предлагает следующий алгоритм управления сложными системами: идентифицировать управляемую систему и ее окружение; → выделить действующие факторы и ключевой фактор («джокер»); → определить ведущее звено управляемого объекта («триггер»); → разработать меры активизации и усиления действия ведущего звена («укальвание в триггерную точку в нужное время»); → сформировать гармоничную, активную, когерентную, резонансную систему из сильнейших факторов; → сконструировать положительную обратную связь, обеспечивающую развитие; → заменить вертикальные (иерархические) связи на горизонтальные (самоорганизующиеся); → выделить развивающиеся точки, области, фронты роста, русла как фрактально-нейронную сеть; → выделить новые качества и свойства системы⁸.

Сегодня исследователи уделяют большое внимание проектированию систем эффективного управления СЭС, отличие которых состоит в том, что малые причины могут иметь масштабные следствия. Маркетинговая среда, общество и сам человек с его компетенциями выступают как гигантские усилители слабых сигналов или малых воздействий. Свойство усиления малого («чувствительность к начальным данным»), типичное для мира, дает надежду на то, что небольшие усилия, предпринятые менеджерами в одной из частей СЭС, могут кардинально поменять ее свойства. Необходимость ответственности за свои действия и за миссии, которые реализуют менеджеры проектов, становятся следствием свойств экономической системы и нашей реальности. В этой связи стратегически важным считается грамотное планирование проекта, учет различных случайных событий — как отрицательных, так и положительных, для более быстрого и надежного перерасчета показателей развития СЭС.

Следствием сбалансированного развития является образование аттракторов — инвариантных многообразий, к которым притягиваются траектории СЭС, изменяя вектор развития. Аттракторы имеют размерность, всегда меньшую исходной системы, что означает «забывание» начальных условий, откуда начинаются траектории движения к нему. Каждый аттрактор имеет свою область притяжения в фазовом пространстве СЭС, и можно выделить границу, разделяющую эти области, значит достаточно малое изменение начальных условий, находящихся вблизи указанной границы, может привести к качественно различному поведению всей системы. Таким образом, прилагая к СЭС малые воздействия, согласованные с ее внутренними свойствами, можно обеспечить новое поведение вдали от положения равновесия. Такое свойство, объясняемое эффектом самоорганизации в диссипативных системах, открывает новые возможности в решении задач современного менеджмента⁹.

Выявлять существующие аттракторы и переходы между ними, а также условия, способствующие переключению СЭС из одного состояния в другое, помогает фазовый анализ. Он обеспечивает наглядное представление временного ряда экономиче-

ских показателей и является основой принятия оперативных решений в быстро меняющейся внешней среде. С методологической точки зрения он представляет собой исследование, включающее сбор и обработку данных, построение фазовых кривых, их анализ на основе экономических процессов, выявление аттракторов, флуктуаций и моментов бифуркации, прогнозирование развития СЭС. Практическое применение этого метода состоит в том, что исследуется траектория движения некой изменяющейся во времени величины $x(t)$.

Таким образом, методологические особенности сбалансированного инновационного развития СЭС состоят в следующем:

1. Фундаментальным источником неравновесности выступает имманентно воспроизводящееся противоречие между природно-физиологической ограниченностью человека и его надприродной устремленностью к абсолютной субстанциональности и свободе. В связи с этим СЭС находятся в перманентно неравновесном состоянии, а их динамика имеет синергетическую природу и может достигаться синергетической парадигмой.

2. Способность оптимально изменять характеристики своих параметров, структуры функциональных отношений в соответствии с турбулентными внешними условиями с целью снижения уровня энтропии.

3. Содержание и направленность диссипативных процессов сводятся к прогрессирующему процессу креативности менеджмента, выражающегося в познании естественных порядков, создании все более совершенных искусственных систем, где под их совершенством понимается уровень свободы самополагания человека.

4. Любые СЭС, независимо от их масштабов и функциональной ориентации, рассматриваются как подсистемы глобальной макросоциальной системы и должны интерпретироваться с позиции обслуживания генерального социального диссипативного процесса.

5. Полный цикл синергетических превращений (нарастание флуктуации → фазовый переход → спонтанное, лавинообразное становление новой системы закономерностей → порядков) наблюдается лишь в подсистемах СЭС, а не в ней самой, т. е. она не разрушается, а воспроизводит на новом уровне диссипативные процессы, сохраняя их прежнюю направленность. Происходит реорганизация всей СЭС, обеспечивающая развитие ее главной системообразующей функции — единство «входа» и «выхода» — на все более высоком уровне. При этом — под «входом» понимается устремленность социума к субстанциональности, а под «выходом» — спонтанные, лавинообразные и нелинейные фазовые переходы (подсистемные бифуркации) к все большей степени свободы.

6. Устремленность к субстанциональности противоречива, так как в ее основе лежит дихотомия «порядка» и «хаоса». С одной стороны, неотъемлема упорядоченность условий и факторов целедостижения, что невозможно в хаосе. С другой стороны, новые потребности предполагают хаос, нарушение установившегося порядка. В силу этого социум эволюционирует как бы зигзагообразно, притягиваясь больше либо к полюсу «порядка», либо к полюсу «хаоса». Основанием предметной области сбалансированного инновационного развития СЭС, в рамках которой формулируются все остальные познавательные задачи, служит идентификация сфер ее функционирования, организация и динамика которых каузально не детерминированы и связаны с нелинейным развитием.

7. Динамика СЭС на длительную перспективу трудно предсказуема. Однако функциональные процессы в их развитии направлены на самосохранение, самовоспроизведение, стабилизацию режима развития и на снижение энтропии.

8. СЭС трудно детерминировать цель развития, но, варьируя значения управляющих параметров, рассчитанных с помощью экономико-математических моделей, можно определять фазовые кривые, аттрактор и прогнозировать условия саморазвития.

9. В условиях дефицита ресурсов, при равенстве всех начальных параметров, взаимодействие самоорганизующихся одноранговых и однородных СЭС предопределяет переход одной или нескольких систем в иерархически более высокий ранг. Энтропия данной СЭС уменьшается за счет соответствующего увеличения ее в других¹⁰.

В контексте сбалансированного инновационного развития цель управления СЭС определяется исходя из потребностей и возможностей становления и эволюции, необходимости содействия в раскрытии соответствующего ей потенциала; согласования интенсивности и направления динамики саморазвивающихся локальных процессов с изменениями в среде ее функционирования («вызовами среды»).

Таким образом, современная наука требует решения трудной и важной проблемы выявления и изучения механизмов построения систем управления СЭС, гарантирующих выживаемость и надежность их функционирования в условиях изменения экзо- и эндогенных параметров. Синергетический подход обогащает экономическую теорию и исследования. Применение ключевых понятий и представлений концепта сбалансированного инновационного развития СЭС даже на эвристическом уровне позволяет более глубоко и с другой точки зрения рассмотреть механизмы экономических процессов, качественных и структурных изменений.

Библиографические ссылки

¹ См.: **Хакен Г.** Тайны природы. Синергетика: учение о взаимодействии. М. ; Ижевск, 2003. 320 с.

² См.: **Гераськина И. Н.** Управление инновационным развитием социально-экономических систем. Саранск, 2017. 170 с.

³ См.: **Плякин А. В.** Пространственная экономическая трансформация региональной природно-хозяйственной системы: структура и механизм реализации. Волгоград, 2006. 364 с.

⁴ См.: **Асаул А. Н.** Самоорганизация, саморазвитие и саморегулирование субъектов предпринимательской деятельности в строительстве. СПб., 2013. 320 с.

⁵ Цит. по: Принципы хозяйственной самоорганизации. М., 1993. С. 124.

⁶ **Рузавин Г. И.** Самоорганизация как основа эволюционирования экономических систем // Вопросы экономики. 1996. № 3. С. 116.

⁷ **Приходько В. И.** Управляемая самоорганизация: кибернетико-синергетический подход // Системный подход в науках о природе, человеке и технике : материалы междунар. науч. конф. : в 3 ч. Гагарин, 2003. Ч. 3. [Электронный ресурс]. URL: <http://economy-lib.com/teoriya-i-metodologiya-ratsionalnoy-samoorganizatsii-v-sotsialno-ekonomicheskikh-sistemah> (дата обращения: 12.05.2017).

⁸ См.: **Малинецкий Г. Г.** «Чтоб сказку сделать былью...»: Высокие технологии — путь России в будущее. М., 2015. 224 с.

⁹ См.: **Гераськина И. Н.** Устойчивое инновационное развитие инвестиционно-строительного комплекса Российской Федерации: теория и практика. Саранск, 2018. 168 с.

¹⁰ **Колесников А. А.** Синергетические системы [Электронный ресурс]. URL: <http://www.swsys.ru/index.php?id=711&page=article> (дата обращения: 12.05.2017).

Поступила 16.04.2018 г.

УДК 336.564.2

*В. С. Безрукова**V. S. Bezrukova*

ФОРМЫ И МЕТОДЫ НАЛОГОВОГО СТИМУЛИРОВАНИЯ ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЙ: ОПЫТ РОССИИ И ЕЕ РЕГИОНОВ

FORMS AND METHODS OF TAX INCENTIVES FOR INNOVATION ACTIVITIES OF ENTERPRISES: THE EXPERIENCE OF RUSSIA AND ITS REGIONS

Ключевые слова: инновации, налоговое стимулирование, льготы, кредитование, мониторинг, предприятие, финансирование.

В современных условиях повышения эффективности производства можно достичь преимущественно за счет развития инновационных процессов, получающих конечное выражение в новых технологиях. Главной целью государственного регулирования инновационной деятельности должны стать создание благоприятной среды для новаторов, помощь этим предприятиям на первых этапах их становления, наращивание их инвестиционной привлекательности путем оказания налоговых послаблений и компенсации наиболее значимых рисков.

Key words: innovation, tax incentive, benefits, crediting, monitoring, enterprise, financing.

In modern conditions, the increase in production efficiency can be achieved mainly through the development of innovative processes that receive their final manifestation in new technologies. The main goal of state regulation of innovation activity should be to create an enabling environment for innovators, to help their enterprises in the early stages of development, to increase their investment attractiveness by providing tax breaks and compensating the most significant risks.

Финансовые принципы всегда играли важную роль в социально-экономических отношениях в стране. С помощью изменения ставок налогов, введения специальных налоговых режимов и систем налоговых льгот и санкций государство стимулирует развитие приоритетных отраслей и ограничивает развитие других. По международным стандартам инновация представляет собой результат инновационной деятельности, которая получила выражение в виде возникшего на рынке усовершенствованного продукта, внедренного в практической деятельности предприятий технологического процесса.

Как объект государственного регулирования инновации следует рассматривать на уровне предприятия и выделять их нацеленность в целом на рост эффективности деятельности предприятия и получение прибыли.

В последнее время прослеживается тенденция к активизации инновационных процессов в экономике¹, что требует более детального рассмотрения проблемы финансирования и стимулирования разработки инноваций, решения вопроса о формах и способах инвестиций в инновации, т. е. их внедрения в производство.

Стоит различать стимулирование инновационной деятельности и ее финансирование — это неравнозначные понятия. С экономической точки зрения, налоговое стимулирование представляет собой совокупность мер по введению налоговых льгот

и предоставлению преимуществ субъектам экономических отношений, которые создают более благоприятный климат для ведения ими инновационной деятельности. Привлекательность и простота данных инструментов налогового стимулирования состоит в отказе органов государственной власти и местного самоуправления от части денежных средств, которые в виде налогов и санкций должны поступать от научных и инновационных предприятий как в федеральный, так и в местные бюджеты. Эти «высвобожденные» средства остаются у указанных организаций для осуществления НИОКР, проведения модернизации производства, внедрения инноваций и т. д. Таким образом наблюдается эффект их косвенной финансовой поддержки: фискальная функция переходит в стимулирующую функцию налогообложения. Рассмотрим условия, которые создает государство для стимулирования инновационной деятельности на рисунке.

Региональные органы власти обладают наибольшей долей в осуществлении налогового стимулирования, которое выражается в строительстве технопарков, введении налоговых льгот инноваторам в различной форме. На федеральном уровне основными статьями затрат являются: расходы на финансирование создания государственных корпораций, осуществляющих функции инноваторов (например, Роснано). На муниципальном уровне налоговое стимулирование инновационной деятельности в целом не наблюдается из-за отсутствия необходимого объема ресурсов.

Действенным способом стимулирования инноваций в России является внесение изменений в налоговую политику, где эффективность налогового стимулирования выражается в появлении у предприятий свободных денежных ресурсов для осуществления инновационной деятельности. Отметим, что высвобождены такие ресурсы

Рисунок. Условия, создаваемые государством для стимулирования инновационной деятельности

могут быть преимущественно за счет снижения налоговой нагрузки. В этом и выражается эффективность налогового стимулирования.

Ориентир на зарубежный опыт, адаптированный к российским условиям, позволит встать в данном направлении РФ на новые пути развития. Стоит отметить, что для этого потребуются финансово-экономическое обоснование предлагаемых налоговых новшеств. Опыт западных стран показывает масштабное внедрение механизмов налоговых стимулов в финансовой политике. В некоторых странах организации могут вычитать из налоговой базы более 100 % средств, направленных на научные разработки и исследования. Так, компании Австралии имеют право вычитать из налогооблагаемого дохода 150 % объема своих расходов на НИОКР. Предоставление налоговых льгот предприятиям привело к экономическому росту стран: Ирландия, Индия, Китай, Израиль и Тайвань. Беспрецедентным стало то, что в короткие сроки структура экономик этих стран изменилась в сторону ориентации на высокотехнологичные отрасли².

Примечательным явлением в практике налогового стимулирования инновационной деятельности ряда индустриальных стран стало снижение ставки налогообложения доходов предприятий от реализации высокотехнологичной, запатентованной продукции. Такой инструмент налогового стимулирования используют многие страны Европы, а также Китай.

Несмотря на то, что нормы предоставления этой льготы в разных странах различны, в научной литературе их объединяют совокупным термином «патентное окно». Отличие данного инструмента от остальных льгот на проведение НИОКР состоит в создании налоговых стимулов для успешной коммерциализации полученных результатов инновационной деятельности, а большинство широко распространенных льгот на проведение НИОКР нацелены на снижение себестоимости проводимых исследований, т. е. выражены в создании благоприятных условий на начальных этапах инновационного процесса. С применением «патентного окна» поощряется успешное внедрение инноваций в производство, которое выражается в установлении более низкой ставки налогообложения прибыли.

От успешной инновационной деятельности во многом зависит конкурентоспособность, экономический рост и создание новых рабочих мест³. Некоторые страны утвердили верхние границы налоговых льгот, доступных компаниям в рамках «патентного окна». В Ирландии — 5 млн евро, в Испании — 6-кратный размер затрат на обеспечившую доход разработку. В Китае после получения компанией льгот на сумму в 5 млн юаней, ее прибыль начинает облагаться по ставке 50 % от общей ставки налогообложения прибыли⁴. Однако зарубежные эксперты считают, что оценить эффективность внедрения «патентного окна» сейчас довольно проблематично из-за относительно недавнего времени использования данного механизма.

Среди прочих мер налогового стимулирования инновационной деятельности следует отметить необходимость введения нового специального налогового режима. Вышеизложенный анализ мирового опыта свидетельствует о применении большого количества форм и методов налогового стимулирования инновационной активности предприятий. Нужно учитывать, что применяемые меры станут эффективными в том случае, если будут являться составной частью общей совокупности мер регулирования экономики.

Таким образом, можно выделить следующие основные меры налогового стимулирования инноваций, внедренные на Западе, но пока не нашедшие своего использования в России:

— применение налогового режима «патентного окна», который делает акцент на конечных результатах инновационной деятельности организаций, обеспечивая им более выгодный налоговый режим в случае получения дохода от создания и успешного широкомасштабного использования интеллектуальной собственности, например, товарных знаков, патентов, лицензий и ноу-хау;

— введение специального налогового режима для инновационно направленных предприятий;

— стимулирование с помощью налоговых льгот участие промышленных предприятий в формировании научно-исследовательских объединений, корпораций для совокупного решения наиболее серьезных проблем;

— введение практики установления налоговых льгот на определенные фиксированные временные промежутки (5 — 10 лет) и последующей оценкой эффективности их применения;

— создание действующего на постоянной основе комплекса научных исследований по оценке и сравнению эффективности налоговых льгот, применяемых в России и в других странах, определяющих дальнейшие направления инновационно-развития.

Российская налоговая система для стимулирования инновационной деятельности нуждается в более активном налоговом стимулировании путем использования избирательного подхода в многообразии налоговых мер. В современных условиях под методами налогового стимулирования понимают определенные способы и приемы, используемые в законодательной деятельности при введении налоговых льгот и иных мер налогового характера, нацеленных на предоставление имущественных и иных экономических приоритетов некоторым категориям налогоплательщиков или плательщиков сборов⁵.

В российском законодательстве методы налоговых льгот включены в комплекс таких мер, как государственные и частные гранты, амортизационная политика, прямое бюджетное финансирование, государственный заказ, создание государственных корпораций с государственным участием, субсидирование процентных ставок, таможные преференции, государственные гарантии.

С учетом складывавшихся в течение многих лет в отечественной инновационной практике условий, основными структурными единицами национальной инновационной системы выступают следующие организации: научно-исследовательские институты (отраслевые и академические), венчурные компании, рационализаторы, организации — потребители инновационной продукции, вузы, малые инновационные предприятия, кредитные организации, страховые компании, патентные бюро и др.

В современных условиях перечень мер налогового стимулирования инновационной деятельности предприятий, установленных в РФ, достаточно обширен. В России применяются следующие формы налогового стимулирования инновационной деятельности: освобождение от НДС при реализации научно-исследовательских и опытно-конструкторских разработок и дальнейшей реализации прав на конечные результаты инновационной деятельности; освобождение от налога на прибыль средств целевого финансирования и применение повышающих коэффициентов при

использовании льготы при учете расходов на НИОКР по налогу на прибыль; предоставление инвестиционного налогового кредита налогоплательщикам, осуществляющим НИОКР; применение ускоренной амортизации основных средств, используемых в научно-технической деятельности (повышающие коэффициенты).

Необходимо применять комплексный и системный подход к оценке целесообразности и эффективности применения данных налоговых льгот, что будет способствовать стимулированию инновационной деятельности⁶. Некоторые федеральные налоговые льготы установлены по всей территории РФ, другие введены на отдельных территориях (Сколково). На заседании Госдумы 20 июня 2017 г. было объявлено, что в России могут появиться несколько инновационных центров аналогичных «Сколково» и «Воробьевым горам» МГУ. Проект федерального закона «Об инновационном и научно-технологическом развитии образовательных и научных организаций» внесен в нижнюю палату парламента правительством. Данный закон нацелен на то, чтобы создавать при ведущих образовательных и научных организациях «инновационный пояс». Научные и образовательные организации получают возможность коммерциализировать те исследования и разработки, которые они ведут в рамках своей деятельности.

Отмечено, что уже сейчас вузы могут создавать малые инновационные предприятия, но льготный режим для таких организаций отсутствует, так как изначально предполагалось, что соответствующий правовой режим будет создаваться под «Воробьевы горы» МГУ. Однако Президентом РФ было принято решение, что законопроект должен носить рамочный характер, позволяющий в случае принятия соответствующего решения правительства такие инновационные и технологические центры создавать и при других образовательных и научных организациях. Законопроект также предполагает льготы по налогам и таможенным платежам для инновационных центров.

Анализируя спектр текущих мероприятий, применяющихся для стимулирования инновационной деятельности в РФ, можно резюмировать, что эти меры нацелены в основном на создание благоприятных условий в инновационной деятельности. Так, поощряется использование современного технологического оборудования, проведение научных разработок, повышение квалификации сотрудников, импорт не имеющего аналогов в России оборудования.

Несомненно, все это оказывает положительное влияние на развитие инноваций, но встает вопрос об эффективности предусмотренных мер и о возможном дополнении их налоговыми новациями, которые будут способствовать более успешному развитию инновационной деятельности РФ, несмотря на всю обширность и скоординированность системы налогового стимулирования инновационной деятельности предприятий. Узость теоретического и несовершенство методологического осмысления сущности инновационной деятельности предприятий в качестве объекта налогового регулирования является препятствием к эффективному налоговому стимулированию. Кроме того, в теории налогообложения нет четко устоявшегося понятийного инструментария налогового стимулирования и применение тех налоговых льгот, которые на данный момент действуют в РФ, нельзя полностью считать эффективными.

Некоторые отдельно взятые меры вызывают вопросы с точки зрения их уместности. Например, введенные налоговые льготы по упрощенной системе налогообло-

жения оказываются малоэффективными, ведь как правило субъекты упрощенных режимов — это малые предприятия, реже применяющие инновации. Ускоренная амортизация является лишь способом снижения убытков организации от инфляции, хотя считается льготой, но с экономической точки зрения сама по себе не является механизмом налогового стимулирования. Инвестиционный налоговый кредит, предусмотренный статьями 66 и 69 НК РФ, по своей сути отличается от налогового кредита на НИОКР в зарубежных странах, так как в зарубежных странах предоставление налогового кредита в зависимости от динамики роста расходов на НИОКР стимулирует компании к более активному наращиванию этих затрат.

Помимо этого, опыт взимания налога на добавленную стоимость в России не стимулирует инновационную активность предприятий, потому что научные разработки и инновационная продукция, как правило, имеют достаточно длительный срок проектирования и изготовления, а для этого необходимо авансирование проекта со стороны покупателей. По российскому законодательству суммы, перечисленные в качестве аванса и зачисленные на банковский счет, еще до поставки товаров или выполнения работ подлежат обложению налогом на добавленную стоимость.

Решение данных проблем необходимо проводить в разрезе комплексной работы по оценке эффективности налоговых льгот. Так, наряду с рассмотренными выше мерами налогового стимулирования, ориентируясь на опыт западных стран, в российских условиях возможно применение льготного кредитования, привлечения частных инвестиций и инновационных ваучеров, а также венчурного финансирования. Введение таких форм финансирования в РФ позволит добиться решения задачи обеспечения успешного инновационного развития, заинтересованности и вовлеченности в научных исследованиях и разработках, предназначенных для дальнейшего внедрения в производство⁷.

Как отмечают Н. В. Драчик и О. В. Чистякова, фирмы, входящие в первую сотню крупнейших мировых компаний, развивались благодаря венчурному капиталу, в том числе Skype, Microsoft, Apple, Hotmail, Cisco, Yahoo, Google, Intel и др.⁸ Несмотря на это, в России венчурное финансирование происходит только на самой начальной стадии стартапа, а его необходимо продолжать и в процессе роста. Несомненно, такой подход является слабым местом данной формы поддержки инновационных предприятий в нашем государстве⁹.

Целесообразно выделить некоторые пути совершенствования налогового стимулирования инновационной деятельности. Предложенные направления могут способствовать повышению мотивации современных российских компаний к инновационной деятельности, внедрению высоких технологий в свои производства:

— освобождение от взимания НДС со НИОКР без исключения по источникам финансирования и типам организаций, в которых они выполняются, а также освобождение организаций от налога на имущество, новое научно-техническое и промышленное оборудование при условии ввода такого оборудования в эксплуатацию в течение года с момента его приобретения налогоплательщиком;

— утверждение статуса «малой инновационной компании» для малых фирм, в том числе стартапы, для оказания им адресной государственной поддержки как в форме прямого субсидирования, так и налоговых стимулов;

— введение организациям раздельного учета доходов, полученных в виде налоговых послаблений, для упрощения мониторинга за их объемами и расходованием;

— создание масштабного комплекса государственных региональных консалтинговых центров для обеспечения компаний доступными сведениями по налоговому администрированию, что может снизить начальные издержки по подаче заявки на новую налоговую льготу (затраты на подготовку заявки собственными силами компании и оплату привлеченных консультантов);

— введение льготы по налогу на прибыль для банков и иных кредитных организаций, осуществляющих кредитование научных и инновационных организаций по льготным процентным ставкам.

Таким образом, изменения в налоговой политике — один из действенных способов стимулирования инноваций в РФ. Для осуществления предприятиями инновационной деятельности необходимы свободные финансовые ресурсы, которые могут быть высвобождены вследствие снижения налоговой нагрузки, этим и объясняется эффективность налогового стимулирования.

В последние годы все в большей степени динамику экономического роста РФ определяют научные достижения и уровень технического развития страны в целом. Наблюдается возрастающая роль науки в экономическом прогрессе: развитие производства приобретает инновационный характер. На сегодняшний день в РФ имеются значительные технологические и фундаментальные разработки, а также уникальная научно-производственная база. При этом инновационный сектор РФ развивается крайне медленно. Наблюдается слабая ориентация существующего инновационного потенциала на реализацию научных достижений, особенно в сфере создания и внедрения нового оборудования и технологий, также существует диспропорция между возможностями и их реальным воплощением на практике. Для того чтобы изменить сложившуюся ситуацию необходимо использовать весь спектр финансовых инструментов, прежде всего это поможет осуществить налоговое стимулирование.

Следует отметить многообразие форм и моделей стимулирования и финансирования инновационной деятельности, активно используемых за рубежом и получивших свое распространение в нашей стране. Наряду с традиционными (налоговое стимулирование, венчурное финансирование и льготное кредитование) внимания заслуживают новые перспективные для России формы инвестирования в инновационные проекты (инновационные ваучеры, лизинг и факторинг в инновационной деятельности, привлечение частных инвесторов). В то же время отметим, что в рыночной экономике должны преобладать негосударственные механизмы поддержки инновационных проектов, чего в настоящее время в нашей стране не наблюдается.

На региональном уровне поддержка государственной инновационной деятельности может осуществляться в части региональных налогов, к которым согласно ст. 14 части 1 НК РФ относятся налог на имущество организаций и транспортный налог.

В Республике Мордовия действует система льгот и преференций для инновационных предприятий, сформирован механизм государственной поддержки инновационной деятельности, который в частности предусматривает возможность отсрочки или рассрочки по уплате региональных налогов на срок до трех лет и инвестиционного налогового кредита по региональным налогам на срок до пяти лет, а также другие меры государственной поддержки (субсидирование части процентной ставки по привлекаемым банковским кредитам и лизинговым платежам, использование имущества республиканской казны в качестве залогового обеспечения под привлекаемые кредиты и др.).

На налоговые льготы могут рассчитывать предприятия, занятые следующими видами инновационной деятельности:

— производство и выпуск новой или усовершенствованной продукции (товаров, работ и услуг), улучшение потребительских свойств и технических характеристик продукции (товаров, работ и услуг) и (или) способов (технологий) их производства, в том числе нового или усовершенствованного сырья или материалов, предназначенных для практического применения на основе использования результатов интеллектуальной деятельности, полученных при осуществлении научной, научно-технической деятельности;

— выполнение и обслуживание прикладных и поисковых научных исследований, научно-технической деятельности и экспериментальных разработок, направленных на создание инновационной продукции и инновационной технологии, реализуемых в гражданском обороте и в социальной сфере;

— деятельность по продвижению инновационной продукции и (или) инновационных технологий на внутренний и мировой рынки;

— осуществление технологического переоснащения и подготовки производства к выпуску инновационной продукции и внедрению инновационной технологии, организация сервисного сопровождения и обслуживания инновационного проекта;

— проведение испытаний с целью сертификации и стандартизации инновационной продукции, инновационной технологии;

— создание, обслуживание и развитие инновационной инфраструктуры;

— охрана, приобретение и передача прав на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации с целью их освоения и реализации способами, не противоречащими законодательству Российской Федерации;

— деятельность по проведению экспертиз, оказанию консультационных, информационных, юридических и иных услуг по созданию и (или) практическому применению инновационной продукции, инновационной технологии;

— использование нового метода продаж или нового организационного метода в деловой практике, организации рабочих мест или во внешних связях¹⁰.

Итак, для обеспечения прорыва в сфере инноваций в России и каждом ее регионе необходимо вовлечение широкого круга инвесторов, особенно негосударственных пенсионных фондов, страховых компаний и частных лиц, в процессы финансирования инновационных разработок при всесторонней государственной поддержке данных процессов, применение различных форм стимулирования и финансирования инвестиционной деятельности, которые хорошо зарекомендовали себя в зарубежных странах. Такие меры должны привести к росту рынка наукоемких технологий, увеличению отдачи инновационного потенциала, изменению структуры экономики, переходу ее на инновационные рельсы. Получение доступа предпринимателей к финансовым ресурсам различных типов инвесторов может стать доступнее с развитием в России страхования инвестиций.

Библиографические ссылки

¹ См.: **Топорков С. Н.** Инновационные процессы на предприятии // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2009. № 2 (12). С. 24 — 30; **Кильдюшкина И. Г., Кшнякина Е. В.** К вопросу о реализации стратегии научно-технологического инноваци-

онного прорыва в сельхозпроизводстве // Там же. 2010. № 4 (16). С. 7 — 15 ; **Кормишкина Л. А.** Развитие малого инновационного предпринимательства как проявление эффективной национальной инновационной системы // Там же. 2013. № 2 (26). С. 44 — 52 ; **Липатова Л. Н., Пашкин А. А.** Характеристика участников рынка инновационного продукта // Инновационные процессы в развитии современного общества : материалы Междунар. науч.-практ. конф. Саранск, 2013. С. 144 — 147 ; **Щанкин С. А., Белоглазов В. И.** Инновационная политика современного строительного предприятия: На примере ООО «РЗКИ» // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве РМ. 2013. № 3 (27). С. 27 — 35 ; **Липатова Л. Н., Пашкин А. А.** Оценка инновационного потенциала России // Интеграция образования в условиях инновационной экономики : материалы Междунар. науч.-практ. конф. Саранск, 2014. С. 36 — 40 ; **Саков И. А.** Инновационная активность предприятий Республики Мордовия // Инновационная активность предприятий Республики Мордовия. 2014. № 3 (31). С. 101 — 106.

² См.: **Драчик Н. В.** Проблемы развития венчурного финансирования инновационных проектов в России. Зарубежный опыт // Молодой ученый. 2011. № 9 (32). С. 92 — 94.

³ См.: **Липатова Л. Н., Волчков В. Н., Бирюков И. Г.** Динамика и главный фактор производительности труда в современной российской экономике // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2016. № 3 (39). С. 111 — 121 ; **Липатова Л. Н.** Инновации как фактор экономического роста // Инновационные тенденции, социально-экономические проблемы взаимодействия в международном пространстве : материалы Междунар. науч.-практ. конф. Саранск, 2016. С. 96 — 105 ; **Ее же.** Инновационный потенциал экономического развития // Экономика и управление: вчера, сегодня, завтра // Сосновоборский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 2016. № 7 (6). С. 127 — 135 ; **Липатова Л. Н., Градусова В. Н.** Статистическая оценка развития инноваций в России // Инновационное развитие российской экономики : материалы X Междунар. науч.-практ. конф. М., 2017. Т. 3. С. 230 — 234 ; **Липатова Л. Н., Тингаев В. К., Пашкин А. А.** Сравнительная характеристика инновационных процессов в России // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2017. № 4 (44). С. 107 — 122.

⁴ См.: **Якобсон Л. И.** Государственный сектор экономики: экономическая теория и политика. М., 2000. 367 с.

⁵ См.: **Балабанов И. Т.** Инновационный менеджмент. СПб., 2006. 620 с.

⁶ См.: **Хайрулина Э. Р.** Налоговое стимулирование инновационной деятельности // Уникальные исследования XXI века. 2015. № 5 (5). С. 333 — 336.

⁷ См.: **Антипина О. В.** Анализ венчурного финансирования в России и за рубежом // Вестник стипендиатов ДААД. 2014. Т. 1. № 1—1 (11). С. 72 — 80.

⁸ См.: **Драчик Н. В.** Указ. соч. ; **Чистякова О. В.** Венчурный капитал как фактор развития инновационного предпринимательства // Известия Иркутской государственной экономической академии (Байкальский государственный университет экономики и права). 2011. № 6. С. 137

⁹ См.: **Зайцева Н. П., Мирошников Е. В., Иващук О. Д.** Особенности финансирования университетско-промышленных связей на различных стадиях жизненного цикла инноваций // ФЭС: Финансы. Экономика. 2016. № 9. С. 47 — 53.

¹⁰ Закон Республики Мордовия от 19 июня 2017 г. № 47-3 «Об инновационной деятельности в Республике Мордовия» [Электронный ресурс]. URL: http://www.garant.ru_hotlaw_mordovia (дата обращения: 16.04.2018).

Поступила 15.05.2018 г.

УДК 657.6

И. М. Концова, Е. Г. Москалева
I. M. Kontsova, E. G. Moskaleva

ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ РЫНКА АУДИТОРСКИХ УСЛУГ РОССИИ В СВЯЗИ С ПЕРЕХОДОМ НА МЕЖДУНАРОДНЫЕ СТАНДАРТЫ АУДИТА

TRENDS AND PROSPECTS IN THE DEVELOPMENT OF AUDIT SERVICES MARKET IN RUSSIA AS A RESULT OF THE APPLICATION OF INTERNATIONAL STANDARDS ON AUDITING

Ключевые слова: аудит, международные стандарты аудита, федеральные стандарты аудиторской деятельности.

В статье проведен анализ развития рынка аудиторских услуг в России, его тенденций и перспектив в связи с переходом на международные стандарты.

Key words: audit, International Standards on Auditing, federal auditing standards.

The article deals with the analyses of the development of the audit services market in Russia, their trends and prospects in connection with the transition to international standards.

Создание системы международных экономических связей обусловило необходимость гармонизации стандартов аудита на международном уровне для расширения круга пользователей финансовой отчетности, облегчения сопоставления финансовых показателей деятельности компаний разных стран и получения возможности оценки компетентности и профессионализма аудиторских фирм. В целях унификации подходов к аудиту на международном уровне были разработаны международные стандарты аудита.

International Standardson Auditing (ISA) / Международные стандарты аудита (МСА) — международные профессиональные стандарты для осуществления аудиторской деятельности. Их изучение призвано помочь специалистам аудиторских фирм грамотно организовать свою работу и повысить ее качество для того, чтобы более полно удовлетворять потребности общества в достоверной информации о финансовом состоянии и результатах хозяйственной деятельности аудируемых компаний.

Вопросам классификации МСА, их сравнительной характеристике с российскими стандартами аудиторской деятельности, анализу проблем и перспектив их внедрения в практику российского аудита посвящены работы многих зарубежных и отечественных ученых и практиков¹. Тем не менее данная тема остается актуальной и крайне важной, поэтому продолжает рассматриваться в научных кругах и профессиональном сообществе.

За последние 30 лет произошли значительные изменения в развитии аудита в России. Этот период условно разделяется исследователями на несколько этапов. Так, С. А. Касьянова² и А. В. Крикунов³ выделяют три этапа становления и развития аудита в России: 1987 — 1993 гг.; 1993 — 2001 гг. и 2001 г. по настоящее время.

На наш взгляд, наиболее полно и точно этапы развития аудита представлены в работах Л. И. Ворониной, которая выделяет 4 основных этапа: 1987 — 1988 гг.; 1989 — 1991 гг.; 1992 — 2008 гг. и 2008 г. по настоящее время⁴.

Первый этап берет свое начало в 1988 г. и связан с выходом в свет Закона «О кооперации в СССР». В это время в стране стали создаваться кооперативы, открываться частные фирмы и совместные предприятия, т. е. появились экономические субъекты, не являющиеся собственностью государства. В этот период была создана первая аудиторская фирма АО «Инаудит», что послужило мощным толчком к развитию аудита в России. В Обществе было создано 10 отделов, в которых состояли высококвалифицированные сотрудники, оказывающие услуги широкого спектра для предприятий, действовавших в СССР и за границей.

Второй этап связан с принятием законов «О предприятиях в СССР», «О собственности в СССР», «О предприятиях и предпринимательской деятельности», в соответствии с которыми в стране стали появляться коммерческие структуры, занимавшиеся аудиторской деятельностью:

— российские аудиторские фирмы, зарегистрированные в основном как товарищества с ограниченной ответственностью (ТОО) и акционерные общества закрытого типа (АОЗТ);

— иностранные аудиторские фирмы и совместные предприятия, в частности в январе 1990 г. было образовано совместное предприятие «Эрнст энд Янг Внешаудит»;

— общественные организации бухгалтеров-аудиторов, в частности Ассоциация бухгалтеров СССР, которая затем была преобразована в Ассоциацию бухгалтеров и аудиторов и сыграла большую роль в деле подготовки и переподготовки аудиторов.

Третий этап характеризуется бурным развитием аудита:

— появились многочисленные аудиторские фирмы в Москве, Санкт-Петербурге и других крупных городах России;

— под видом совместных предприятий в Москве открыли свои филиалы крупнейшие межконтинентальные аудиторские фирмы «большой шестерки»: «Делойт энд Туш (Deloitte & Touche)», «Артур Андерсен (Arthur Andersen LLP)», «Эрнст энд Янг (Ernst & Young, в настоящее время EY)», «Куперс энд Лайбрэнд (Coopers & Lybrand)», КПМГ (KPMG), «Прайс Уотерхаус (Price Waterhouse)»;

— развернулась широкомасштабная подготовка аудиторов.

К концу 1992 г. позиции аудита в России упрочились. Однако без нормативной базы такая мощная служба, как аудит, развиваться уже не могла. В результате Указом Президента РФ от 22.12.1993 № 2263 «Об аудиторской деятельности в Российской Федерации» были утверждены Временные правила аудиторской деятельности в Российской Федерации, действовавшие до принятия Федерального закона от 07.08.2001 № 119-ФЗ «Об аудиторской деятельности». С их помощью официально закрепился статус аудиторов, их обязанности и полномочия, требования к ним и процедура лицензирования деятельности⁵.

Четвертый этап характеризуется совершенствованием нормативно-правовой базы:

— вступление в силу нового Федерального закона от 30.12.2008 № 307-ФЗ «Об аудиторской деятельности», которым предусмотрено неотъемлемое участие всех аудиторов и аудиторских организаций в саморегулируемых высококласных аудиторских объединениях с дальнейшей отменой лицензирования аудиторской деятельности;

— принятие Федерального закона от 01.12.2007 № 315-ФЗ «О саморегулируемых организациях» и создание в нашей стране профессиональных объединений аудиторов;

— активная разработка и принятие федеральных правил (стандартов) аудиторской деятельности, обязательных для применения аудиторами.

Таким образом, по мнению Вороной Л. И., четвертый (заключительный) этап развития аудиторской деятельности в России берет свое начало в 2008 г. и продолжается по сегодняшний день. Однако, по нашему мнению, данная классификация не является полной, в результате чего мы предлагаем выделить новый, пятый этап развития аудиторской деятельности в России, начавшийся с 1 января 2017 г. Основные особенности этого этапа, отличающие его от предыдущих, определяются существенным изменением условий деятельности, связанных в первую очередь со следующими обстоятельствами:

во-первых, это переход к прямому применению международных стандартов аудита, которые приказами Минфина России от 24.10.2016 N192н и от 09.11.2016 N207н «О введении в действие международных стандартов аудита на территории Российской Федерации» являются обязательными с 1 января 2017 г. Несмотря на то обстоятельство, что федеральные стандарты изначально разрабатывались на основе международных, переход к их использованию серьезно меняет нормативную и методическую базу аудиторской деятельности;

во-вторых, это произошедшие изменения, касающиеся саморегулирования аудиторской деятельности. С момента создания института саморегулирования изменения вносились в отношении критериев численности членов организаций. Так, в последние годы рынок был резко дезориентирован повышением требований, и с 1 января 2017 г. минимальное количество членов-юридических лиц было увеличено до 2 000, физических лиц — до 10 000 (табл. 1).

Таблица 1

**Хронология повышения требований к численности членов
аудиторских саморегулируемых организаций**

Показатель	ФЗ-315 от 01.12.2007 «О саморегулируемых организациях»	ФЗ-307 от 30.12.2008 «Об аудиторской деятельности»	ФЗ-403 от 01.12.2014 «О внесении измене- ний в отдельные законодательные акты РФ»
Юридические лица	25	500	2 000
Физические лица	100	700	10 000

Составлена по: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_72967 ; http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_83311 ; http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_171541 (дата обращения: 16.04.2018).

Поскольку ни одна из действующих саморегулируемых организаций на момент принятия Федерального закона № 403 не соответствовала новым количественным требованиям, то в 2016 г. начались процессы объединения, которые привели к тому, что вместо 5 саморегулируемых организаций аудиторов продолжили свое существование только 2: СРО Ассоциация «Содружество» и СРО «Российский союз аудиторов» (табл. 2), которые сегодня имеют примерно равные доли на рынке аудиторских услуг.

Таблица 2

Количество действующих членов СРО, по состоянию на декабрь 2017 г.

Кол-во действующих членов СРО	СРО Ассоциация «Содружество»	СРО «Российский союз аудитор»
Аудиторских организаций	2 191	2 059
Аудиторов	9 277	10 265
Прочих организаций	51	5
Всего	11 519	12 329

Составлена по: Информационный портал «Все о саморегулировании» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.all-sro.ru/register/sroa/06-np-aas> ; <http://www.all-sro.ru/register/sroa/06-np-aas> (дата обращения: 15.04.2018).

В-третьих, это усиление регулирующего воздействия на аудиторскую деятельность со стороны государственных органов. 22 марта 2018 г. в Государственной думе состоялось заседание Экспертного совета по законодательному обеспечению аудиторской и контрольно-ревизионной деятельности при Комитете по финансовым рынкам, на котором обсуждались поправки ко второму чтению, подготовленные Банком России к законопроекту № 273179-7⁶. Данный законопроект вносит существенные изменения в регулирования аудиторской деятельности:

- Министерство финансов и Федеральное казначейство передадут свои полномочия по регулированию и контролю за аудиторами ЦБ РФ;
- проверять организации финансового сектора смогут только аудиторские организации, включенные в специальный реестр Банка России;
- повышаются требования ко всем аудиторским организациям в отношении численности аттестованных аудиторов;
- меняются критерии отнесения организаций к объектам обязательного аудита.

На сегодняшний день на рынке аудиторских услуг существует большое количество проблем, которые усугубляются с переходом на международные стандарты аудита. Об этом свидетельствует отрицательная динамика количества вновь зарегистрированных аудиторских организаций (рис. 1)⁷.

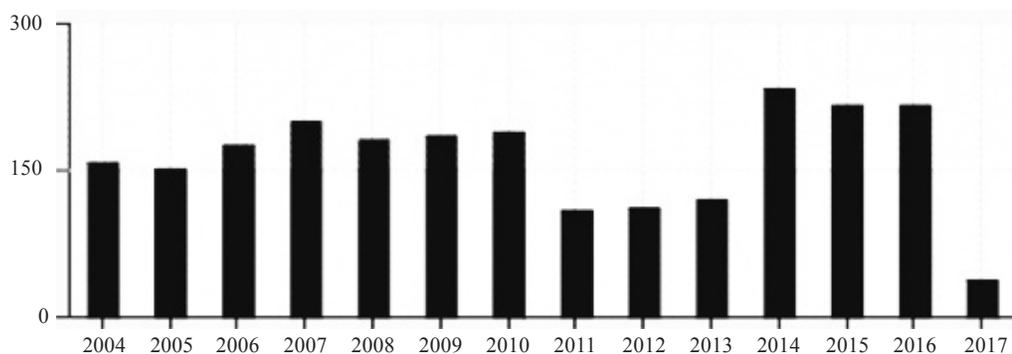

Рис. 1. Количество вновь зарегистрированных фирм (юр. лиц)

Количество вновь зарегистрированных фирм в период с 2004 по 2014 гг. увеличилось в 1,5 раза, но в последние годы наблюдается тенденция к уменьшению их числа. В результате в 2017 г. значение данного показателя почти в 5 раз ниже уровня прошлого года.

Кроме того, анализ среднего возраста аудиторских фирм в России показывает, что основная доля на рынке принадлежит аудиторским фирмам, существующим более 7 лет (рис. 2)⁸.

Доля аудиторских фирм, которые появились на рынке 2 года назад и позднее, составляет всего 11 % от общей совокупности.

Резкое сокращение числа аудиторских фирм, вновь появившихся на рынке в 2017 г., связано, на наш взгляд, со сложностями перехода на международные стандарты аудита и возможной передачей полномочий по надзору за аудиторской деятельностью ЦБ РФ. Как свидетельствует опыт других секторов, попавших под его регулирование (например, лизинга, микрофинансовых организаций), это почти неизбежно приводит к сокращению числа субъектов.

Проект поправок в закон об аудиторской деятельности помимо смены регулятора вводит понятие общественно значимых организаций, к аудиту которых будут допускаться компании со штатом не менее семи аудитором и только из реестра ЦБ. Реализация этих законодательных новшеств, как представляется, сократит объем рынка обязательного аудита. В то же время даст большие шансы для развития аудиторским компаниям, входящим в международные сети, в связи с высоким уровнем внешнего контроля качества со стороны сетей, а также другими критериями для вступления в них или текущего членства. Таким образом, усиление государственного контроля может вызвать в ближайшие годы волну роста международных сетей в России при одновременной чистке рынка от мелких компаний.

Кроме того, законопроект предусматривает изменение критериев отнесения к объектам обязательного аудита. Так, обязательный аудит организаций будет выполняться при соблюдении следующих условий:

а) объем выручки от продажи продукции (продажи товаров, выполнения работ, оказания услуг) за год, непосредственно предшествовавший отчетному году, составляет до 1 января 2021 г. более 600 млн руб., после 1 января 2021 г. — 800 млн руб.;

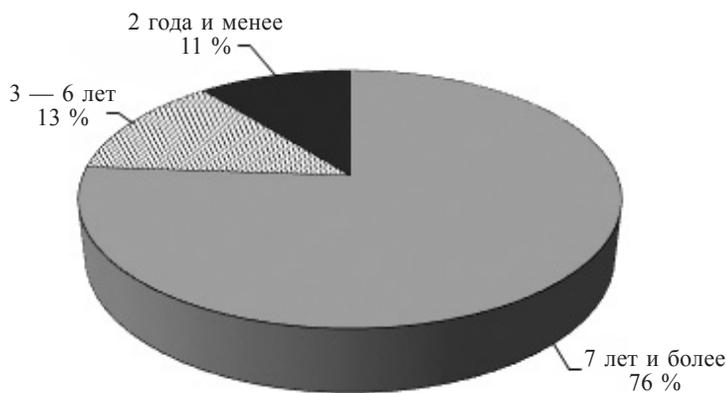

Рис. 2. Возраст аудиторских фирм (юр. лиц)

б) сумма активов бухгалтерского баланса по состоянию на конец года, непосредственно предшествовавшего отчетному году, составляет до 1 января 2021 г. более 200 млн руб., после 1 января 2021 г. — 400 млн руб.⁹

Анализ рынка аудиторских услуг, по данным Министерства финансов в 2016 г., показал, что доля проведенных проверок организаций, подлежащих обязательному аудиту в связи с превышением критериев финансовых показателей, занимает 49 % в общей совокупности (табл. 3).

Таблица 3

**Динамика аудиторских проверок по видам аудита
в 2015 — 2016 гг.**

Аудиторская проверка	Доля в общем количестве, %		Отклонение, %
	2015 г.	2016 г.	
Обязательный аудит	88,7	90,6	1,9
В том числе:			
акционерные общества	19,9	35,0	15,1
организации, ценные бумаги которых допущены к обращению на организованных торгах	1,2	0,8	-0,4
кредитные организации	1,2	1,0	-0,2
страховые организации и общества взаимного страхования	0,6	0,5	-0,1
негосударственные пенсионные фонды	0,2	0,2	0
иные некредитные финансовые организации	—	1,1	1,1
организации, в уставных (складочных) капиталах которых доля государственной собственности составляет не менее 25 %	3,4	2,4	-1,0
организации, финансовые показатели которых выше минимальных значений	49,7	49,0	-0,7
организации, предоставляющие и (или) раскрывающие консолидированную финансовую отчетность	—	1,4	1,4
Инициативный аудит	11,3	9,4	-1,9

Составлена по: Министерство финансов Российской Федерации: официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: https://www.minfin.ru/ru/performance/audit/audit_stat/MainIndex/# (дата обращения: 10.04.2018).

В результате рынок аудиторских услуг потеряет значительную часть клиентов в случае принятия законопроекта, содержащего поправки в части критериев отнесения к объектам обязательного аудита.

На наш взгляд, переход на международные стандарты аудита (МСА) был осуществлен в России преждевременно. Данный процесс может приобрести актуальность лишь после официального перехода на международные стандарты финансовой отчетности. Получается, что отчетность, составленная в соответствии с российскими требованиями учета, аудируется по международным. На сегодняшний день переход на МСА уже осуществлен, необходимо его принять как факт и постараться ми-

нимизировать возможные негативные последствия. Несмотря на то, что порядок признания международных стандартов аудита на территории РФ утвержден в июне 2015 г., после чего в саморегулируемых организациях проводилось обучение по программам МСА, российские аудиторы не смогли в полной мере подготовиться к переходу на их использование. Анализ многочисленных публикаций и практический опыт работы в аудиторской фирме позволяют нам выявить следующие важные проблемы, связанные с переходом на МСА.

Первая группа проблем связана с теорией и методологией аудита, состоящая в том, что исторически МСА были разработаны как стандарты аудита для защиты интересов собственников, осуществляющих вклады в акционерный бизнес. Россия не относится к государствам с преобладающей долей акционерных компаний в существующих формах организации бизнеса. Стандарты были разработаны для проведения аудита публичной консолидированной финансовой отчетности акционерных компаний, составленной на базе МСФО, а в России применяются для аудита всех видов отчетности. Они не ориентированы на соблюдение ограничений национального, гражданского, налогового, бухгалтерского, аудиторского законодательства, в связи с чем возникли трудности при попытке практического их применения.

Вторая группа проблем связана со сложностью содержания стандартов и их структуры. Большая часть российских предприятий не имеет операций с пенсионными планами, финансовыми инструментами, хеджированием рисков и прочими операциями. В то же время многие положения стандартов, ориентированных на аудит фирм, осуществляющих подобные операции, вызывают непонимание со стороны auditors. Кроме того, трудности возникают в связи с частотой, объемами и сложностью интерпретации постоянно вносимых изменений в стандарты, несоответствием традиционно используемых национальных методов и приемов проведения аудита требованиям МСА.

Третья группа проблем охватывает организационно-технические проблемы, среди которых следует выделить:

- увеличение длительности и трудоемкости проведения аудита;
- усложнение процесса обработки документации;
- сложности оформления аудиторского заключения и его стилистики;
- потенциальный недостаток знаний у российских специалистов;
- недостаток соответствующих программ обучения для применения МСА в средних и малых городах России;
- низкое качество имеющихся образовательных программ в области МСА при высокой стоимости обучения;
- увеличение реальной стоимости аудита при имеющемся сокращении потребности в аудите со стороны заказчиков.

Таким образом, применение МСА в России сопряжено серьезными проблемами. В условиях перехода на международные стандарты особое внимание на законодательном уровне должно быть уделено проблеме кадрового обеспечения — в новых условиях необходимы профессионалы более высокого уровня. В последнее время решение данной проблемы осложняется сокращением численности auditors и выдаваемых квалификационных аттестатов. Данные по количеству выданных аттестатов саморегулируемыми организациями auditors «Ассоциация „Содружество“» (СРО ААС) и «Российский союз auditors» (СРО РСА) представлены на рис. 3¹⁰. Так,

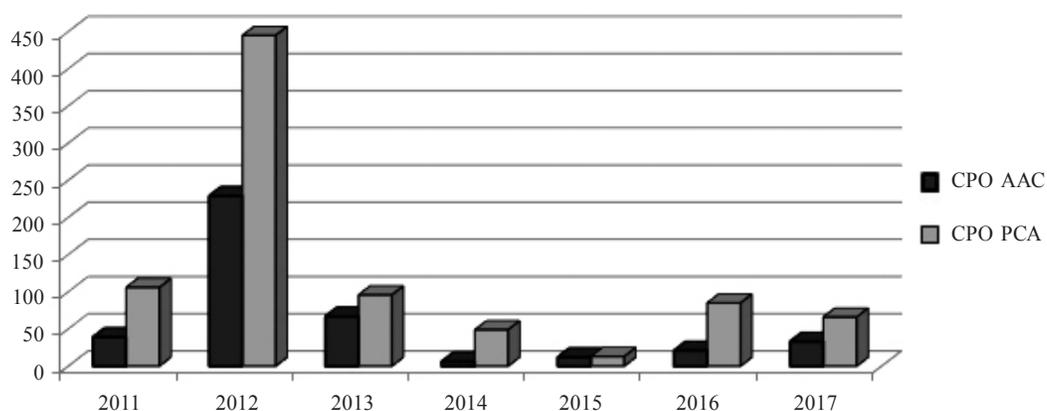

Рис. 3. Количество выданных квалификационных аттестатов

наибольшее количество квалификационных аттестатов было выдано в 2012 г., после чего произошел резкий спад в отношении данного показателя. По нашему мнению, данная отрицательная тенденция может усугубиться, поскольку в соответствии с рекомендациями Совета по аудиторской деятельности и Совета Единой аттестационной комиссии в 2018 г. будут внесены изменения в Программу квалификационного экзамена в области знаний «Аудиторская деятельность» — это унификация подхода к раскрытию содержания и применения международных стандартов аудита; приведение формулировок и содержания вопросов Программы в соответствие с формулировками и содержанием документов, регламентирующих аудиторскую деятельность в Российской Федерации; привязка вопросов Программы к темам, а не к названиям стандартов; внесение правок редакционного характера¹¹.

Проблема недостатка кадрового потенциала обостряется и в связи с тем, что в условиях сокращения бюджетных мест на экономические специальности в высших учебных заведениях, высокой стоимостью платного обучения и сложностями получения квалификационного аттестата профессия «аудитор» становится непопулярной и невостребованной для абитуриентов, и как следствие — на рынке недостаточно новых специалистов, которые быстрее воспринимают новшества, адаптируются в условиях изменений действующего законодательства.

Кроме того, не все специалисты, которые уже достаточно долгое время занимаются аудиторской деятельностью, на сегодняшний день обладают достаточной базой знаний в области международных стандартов, поскольку ранее осуществляли деятельность на основе федеральных стандартов. Хотя саморегулируемыми организациями проводятся программы повышения квалификации, на наш взгляд, этого недостаточно в условиях полного перехода деятельности на МСА. Анализ динамики показателя количества данных программ показал, что их число за последние годы снижается (рис. 4)¹².

Безусловно, государственная политика сегодняшнего дня ориентирована на повышение качества и эффективности аудита, а следовательно, необходимо увеличение числа квалифицированных специалистов. Для решения данной проблемы необходимо,

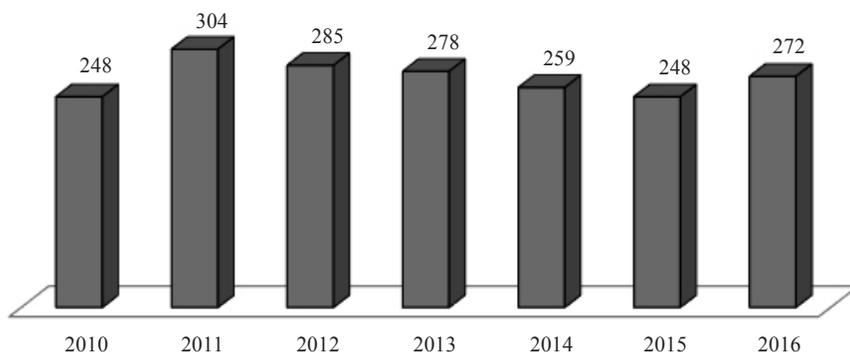

Рис. 4. Количество программ повышения квалификации, утвержденных саморегулируемыми организациями auditors

на наш взгляд, создать специализированные центры, обучающие специалистов на бесплатной основе за счет средств федерального бюджета. Проблема кадрового потенциала обостряется в связи с возможным внесением изменений в Федеральный закон № 307 «Об аудиторской деятельности», в соответствии с которыми «численность auditors, для которых эта аудиторская организация является основным местом работы, составляет до 1 января 2023 года не менее семи, а с 1 января 2023 года — не менее 12»¹³.

Принятие законопроекта приведет к тому, что большая часть субъектов рынка просто прекратит свое существование в силу недостаточности кадров. На сегодняшний день большая часть аудиторских фирм сосредоточена в Москве (35 %) и Санкт-Петербурге (9 %) (рис. 5)¹⁴.

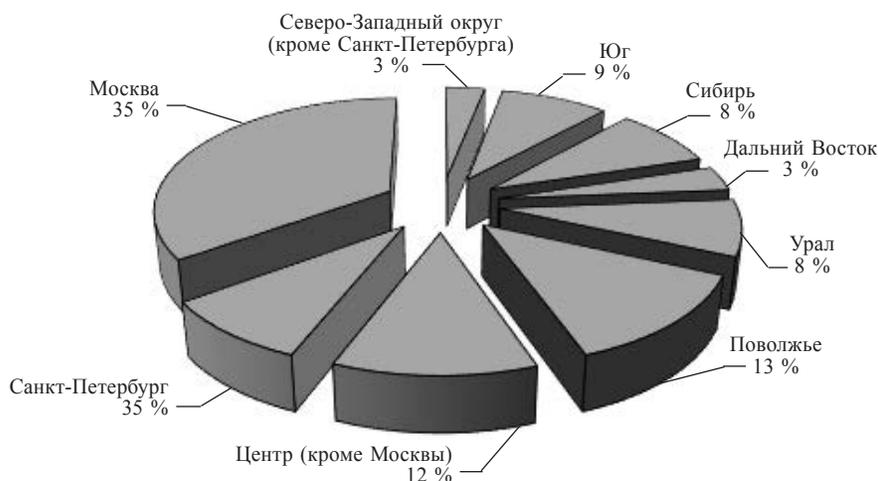

Рис. 5. Аудиторские фирмы по субъектам РФ (округам)

В то же время в Северо-Западном федеральном округе (кроме Санкт-Петербурга) и на Дальнем Востоке сосредоточено всего по 3 % соответственно от общей совокупности. В результате возникает угроза того, что в некоторых субъектах РФ рынок аудиторских услуг будет представлен одной-двумя фирмами или отсутствовать совсем. Например, в Республике Мордовия по состоянию на начало 2018 г. по данным Министерства финансов РФ на рынке аудиторских услуг присутствуют 34 аудитора и 8 аудиторских фирм, относящихся к субъектам малого бизнеса (табл. 4).

Таблица 4

Аудиторские организации в Республике Мордовия на начало 2018 г.

Наименование аудиторской организации	Принадлежность к СРО	Штат аудиторов, чел.	Объем выручки, тыс. руб.	Уд. вес, %
ЗАО АКФ «Федоренко»	СРО Ассоциация «Содружество»	4	1 465	9,36
ООО АФ «УниверсФинАудит»	СРО Ассоциация «Содружество»	3	1 723	11,00
ООО АФ «Афина»	СРО Ассоциация «Содружество»	3	880	5,62
ООО АФ «Аналитик»	СРО Ассоциация «Содружество»	5	1 813	11,58
ООО АФ «Аудит Актив»	СРО Ассоциация «Содружество»	4	983	6,28
ООО АФ «Аудит-С»	СРО Ассоциация «Содружество»	3	3 000	19,16
ООО АФ «Право и Финансы»	СРО «Российский союз аудиторов»	4	—	0,00
ООО АФ «СилАудит»	СРО Ассоциация «Содружество»	8	5 796	37,00

Составлена по: Министерство финансов Российской Федерации: официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: https://www.minfin.ru/ru/performance/audit/reestr_audit/auditor_org/?org_name=&OPF=&Terr=9&sro=&orzp=&ogrn (дата обращения: 15.04.2018) ; URL: <http://www.rusprofile.ru> (дата обращения: 15.04.2018).

При этом, если соответствующие поправки в Федеральном законе № 307 в части численности аудиторов будут приняты, только ООО АФ «СилАудит» сможет продолжить свою деятельность. Остальным либо придется объединяться, либо уходить с рынка. Подобная ситуация складывается и в ряде других субъектов РФ.

Помимо недостатка кадрового потенциала существуют и другие проблемы. Так, официально признанным языком международных стандартов аудита является английский. При внесении в них изменений деятельность российских аудиторов в связи с языковым барьером будет затрудняться. Кроме того, некоторые специальные термины, используемые в аудиторской деятельности, трактуются двояко. Проблема отсутствия узкоспециализированного программного обеспечения также порождает в свою очередь новые проблемы применения международных стандартов аудита в России: недостаток качественного специализированного программного обеспечения,

образовательных центров в области аудита и высокая стоимость обучения. Помимо этого, при переходе на МСА растут затраты аудиторских фирм: осуществление перевода стандартов, переобучение кадров, консультационные услуги и т. д. Все это требует значительных финансовых ресурсов, которых может и не быть в свободном доступе у аудиторских фирм, особенно относящихся к субъектам малого бизнеса.

На наш взгляд, в отношении решения проблемы развития кадрового потенциала необходимо пересмотреть перечень дисциплин по образовательным программам профиля «Бухгалтерский учет, анализ и аудит» путем увеличения количества часов, выделяемых на изучение международных стандартов аудита, обеспечить учебные заведения необходимой методической базой. Кроме того, в настоящее время в России не проводятся курсы по обучению (переобучению) аудиторов на бесплатной основе, отсутствует база специальной бесплатной литературы, и аудиторы из-за недостатка финансовых ресурсов часто используют устаревшую информацию. Решение данной проблемы должно осуществляться на законодательном уровне путем организации курсов и программ обучения международным стандартам аудита. Это требует значительных затрат финансовых ресурсов со стороны государства, которое, исходя из последних событий на рынке аудиторских услуг, заинтересовано в повышении качества аудита. Для осуществления всех вышеуказанных нами мероприятий необходимо финансирование из федерального бюджета.

В целом необходимо отметить, что для того, чтобы введение МСА в России оказалось успешным, необходима совместная работа Министерства финансов РФ, профессиональных объединений аудиторов и непосредственных участников рынка аудиторских услуг. Для этого Министерство финансов РФ и саморегулируемые организации аудиторов должны обеспечить решение следующих ключевых задач:

- унифицировать терминологию, т. е. обеспечить точный и корректный перевод МСА, подготовить глоссарий ключевых терминов;
- актуализировать МСА, в частности провести мониторинг и изменения оригинальных МСА и внести соответствующие корректировки;
- контролировать применение МСА путем предоставления разъяснений по спорным вопросам.

Слаженная работа всех звеньев по реализации данных задач приведет к тому, что использование МСА будет эффективно осуществляться с наименьшими затратами.

Несмотря на негативные тенденции, которые возникли в связи с переходом на международные стандарты, нельзя не отметить и возможности, которые открываются для аудиторских фирм нашей страны:

- повышение инвестиционной привлекательности России для иностранных компаний, так как применение международных стандартов аудита обусловлено увеличением прозрачности ведения финансовой отчетности;
- повышение профессионализма российских специалистов, и, как следствие, выход российского рынка аудиторских услуг на международный уровень.

Бесспорно, переход на международные стандарты аудита имеет положительное влияние на развитие аудиторской деятельности в стране и ее интеграции в международные процессы. Однако нельзя не отметить, что данный переход был осуществлен также с целью расширения рынка оказания услуг для зарубежных аудиторских фирм на территории страны. Именно эти фирмы, уже охватившие наибольшую долю

аудиторского рынка в России, лоббируют принятие нормативно-правовых актов по вопросам повсеместного применения МСФО и МСА в нашей стране.

Таким образом, вопрос необходимости перехода на международные стандарты аудита является дискуссионным. Он, несомненно, представляется логичным в случае аудита отчетности, составленной по МСФО, но в случае аудита отчетности, составленной по российским стандартам, МСА не учитывают специфики национального законодательства в сфере бухгалтерского учета и гражданского права. В связи с этим нельзя сказать, что переход на МСА был необходим российскому аудиторскому рынку. Полноценные выводы по итогам результатов перехода на МСА можно будет сделать только по статистическим данным итогов 2018 г., однако уже сейчас можно сказать, что рынок аудиторских услуг переживает не лучшее время, и ожидаемы негативные тенденции в отношении ряда показателей. Тем не менее, оглядываясь на опыт прошлого, можно с уверенностью утверждать, что для российского аудита данный переход не является непреодолимым препятствием.

Библиографический список

¹ См.: **Адамс Р.** Основы аудита. М., 1995. 398 с.; **Аренс А., Лоббек Дж.** Аудит. М., 1995. 560 с.; **Алборов Р. А., Концевая С. М.** Практический аудит. М., 2011. 301 с.; **Мизиковский Е. А., Козменкова С. В.** Анализ аудиторских стандартов третьего поколения // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. № 1. Ч. 1. Нижний Новгород, 2012. С. 226 — 229; Аудит : в 2 т. / Г. С. Клычова [и др.]. 2014. Т. 1. 416 с.; **Гайдаров К. А.** Сравнение Федеральных стандартов аудиторской деятельности и МСА. Аудиторские доказательства // Аудитор. 2014. № 11. С. 36 — 42; **Макальская М. Л., Ковалева Н. И.** Международные стандарты аудита. М., 2014. 112 с.; **Алборов Р. А., Концевая С. М., Козменкова С. В.** Проблемы развития методологии, метода и методики аудита // Международный бухгалтерский учет. 2015. № 36. С. 47 — 60; **Козменкова С. В., Кемаева С. А.** Аудит: проблемные вопросы и пути развития // Международный бухгалтерский учет. 2015. № 2. С. 46 — 57; **Мельник М. В., Соколов В. Я.** Будущее аудита. Встреча со специалистами Совета по Международным стандартам аудита и подтверждения достоверности информации (IAASB) // Аудиторские ведомости. 2015. № 11. С. 62 — 75; **Серебрякова Т. Ю.** Международные стандарты аудита как объект исследования // Международный бухгалтерский учет. 2015. № 4. С. 37 — 50; **Турищева Т. Б.** Внедрение международных стандартов аудита в России // Аудитор. 2015. № 12. С. 12 — 17; **Василенко А. А., Кизилов А. Н.** Применение международных стандартов аудита в России: терминологический аспект // Аудит. 2016. № 4 — 5. С. 14 — 19; **Клычова Г. С.** Методика проверки отдельного сегмента аудита // Профессия бухгалтера — важнейший инструмент эффективного управления сельскохозяйственным производством: сб. тр. по материалам V Междунар. науч.- практ. конф. Казань, 2016. С. 49 — 52.

² См.: **Касьянова С. А.** Аудит. М., 2016. 196 с.

³ См.: **Крикунов А. В.** Опыт развития и регулирования аудиторской деятельности (На примере Швеции и России) / А. В. Крикунов [и др.]. СПб., 2000.

⁴ См.: **Воронина Л. И.** Аудит: теория и практика : в 2 ч. М., 2018. Ч. 1. 314 с.

⁵ См.: **Шамрина И. В.** Содержание и методы контроля, используемые в судебно-бухгалтерской экспертизе и судебной бухгалтерии // Актуальные проблемы современной науки : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. 2011. С. 262 — 272.

⁶ О новом этапе развития аудиторской деятельности в России [Электронный ресурс]. URL: <http://отрасли-права.рф/article/24019> (дата обращения: 15.04.2018 г.).

⁷ Бухгалтерский учет. Налог. Аудит [Электронный ресурс]. URL: <https://www.audit-it.ru/sro/> (дата обращения: 18.05.2018).

⁸ Там же.

⁹ Проект № 273179-7 во втором чтении Федерального Закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации (в части надления Банка России полномочиями в сфере аудиторской деятельности)» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=PRJ;n=164087#04309457940150324> (дата обращения: 16.05.2018).

¹⁰ Саморегулируемая организация аудиторов «Ассоциация „Содружество“» [Электронный ресурс]. URL: http://auditor-sro.org/rules/members_list/reestr/ (дата обращения: 01.05.2018); Саморегулируемая организация аудиторов «Российский союз аудиторов» [Электронный ресурс]. URL: <http://org-rsa.ru/attestat/vydacha.php> (дата обращения: 01.05.2018).

¹¹ Официальный сайт «Единой аттестационной комиссии». Изменения в программу квалификационного экзамена на получение квалификационного аттестата аудитора 2018 [Электронный ресурс]. URL: http://eakrus.ru/materialy_k_obsuzhdeniyu/obsuzhdenie_izmenenij_v_programmu_kvalifikacionnogo_ekzamena_na_poluchenie_kvalifikacionnogo_attestata_auditora_2018 (дата обращения:).

¹² Министерство финансов Российской Федерации: официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: https://www.minfin.ru/ru/performance/audit/audit_stat/EduAud/ (дата обращения: 02.05.2018).

¹³ Проект № 273179-7 во втором чтении Федерального Закона...

¹⁴ Бухгалтерский учет. Налоги. Аудит [Электронный ресурс]. URL: <https://www.audit-it.ru/sro/> (дата обращения: 18.05.2018).

Поступила 23.05.2018 г.

УДК 338.439.02

*К. Г. Четаева
K. G. Chetaeva*

ИННОВАЦИОННЫЕ ПОДХОДЫ К РЕАЛИЗАЦИИ АГРОПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ НА ФЕДЕРАЛЬНОМ И РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЯХ

INNOVATIVE APPROACHES TO THE IMPLEMENTATION OF AGRO-FOOD POLICY AT THE FEDERAL AND REGIONAL LEVELS

Ключевые слова: инновации, агропромышленный комплекс, сельское хозяйство, агропродовольственная политика, экспортно ориентированное производство, биотехнологии.

В статье рассмотрены инновационные подходы к реализации российской агропродовольственной политики на федеральном и региональном уровнях; определено, что повышение конкурентоспособности отечественных аграриев возможно только при формировании инклюзивных инновационных систем для агропродовольственного сектора; предложены основные меры по стимулированию инноваций в интересах развития устойчивой агропродовольственной системы государства.

Key words: innovation, agro-industrial complex, agriculture, agro-food policy, export oriented production, biotechnologies.

Innovative approaches to the implementation of the Russian agro-food policy at the federal and regional levels are considered in the article; it was determined that the increase of competitiveness of domestic agrarians was possible only with the formation of inclusive innovative systems for the agro-food sector, as well as the main measures to stimulate innovations for the development of a sustainable agro-food system of the state were proposed.

Значение мер государственного регулирования, призванных стимулировать НИОКР и обеспечивать иные предпосылки и результаты инноваций, невозможно переоценить. Однако инновационная деятельность не должна ограничиваться высокотехнологичными отраслями. Больше внимание должно уделяться различным инновационным инициативам, возникающим в сельском хозяйстве и продовольственном секторе.

Высвобождение потенциала сельского хозяйства благодаря инновационной деятельности открывает многообещающие пути его экономического развития. Необходимость стимулирования инноваций в данном секторе диктуется целым рядом факторов. Помимо растущего спроса потребителей на продукцию, производимую в соответствии с принципами экологически устойчивого производства и необходимости снижения производственных затрат, в этой сфере также находят отражение проблемы более глобального характера. При существующих темпах роста населения ожидается, что к 2030 г. мировой спрос на продовольствие удвоится¹. Между тем конкуренция за природные ресурсы, усугубляемая последствиями изменений климата, обостряется. В этих условиях содействие формированию устойчивых и инклюзивных инновационных систем для агропродовольственного сектора становится более важным, чем когда бы то ни было.

Данные свидетельствуют о волне новых инновационных технологий для аграрного сектора, генерируемых в других отраслях экономики, о так называемом шестом технологическом укладе. Уникальное взаимопроникновение биологии, агрономии, цифровых технологий и робототехники преобразует всю производственно-сбытовую систему мирового агропродовольственного сектора².

Природо-ресурсный потенциал и конкурентные преимущества в посевных площадях, запасах пресной воды, энергетических и трудовых ресурсах России отечественным аграриям позволяют уверенно заявить о себе как о рекордсменах в сборе урожая и ключевых поставщиках сельхозпродукции на мировом рынке продовольствия³. Состояние российского агросектора определяет в настоящее время перманентно высокое сельхозпроизводство, особенно экспортно ориентированное производство зерна, превышающее внутренние нужды страны. Этому способствовали эффективные экономические и организационные меры господдержки, реализация госпрограмм развития АПК, удачно использованные санкции и эмбарго на импорт и достаточно благоприятные погодные условия в последние годы. Кроме того, в настоящее время тренд задает интеграция фундаментальных наук, биомедицины и агронаук. Агропромом востребованы достижения машиностроения и робототехники, IT-технологии, химия, космические, ядерные технологии, нанотехнологии и новейшие биотехнологии. Создание Федерального исследовательского центра питания, биотехнологии и безопасности пищи — один из примеров эффективного объединения, позволяющего существенно сократить путь от фундаментальных исследований до внедрения результатов непосредственно в практику агропрома и медицинского контроля⁴.

При этом производительность сельскохозяйственного труда в России в 3 — 5 раз хуже, чем в США и Западной Европе, что объясняется медленным освоением интеллектуальных решений и низким уровнем развития инновационной деятельности в области сельского хозяйства в России в целом, что красноречиво подтверждают данные официальной статистики. Так, в 2016 г. инновационная активность органи-

заций (удельный вес организаций, осуществлявших технологические, организационные, маркетинговые инновации, в общем числе обследованных организаций) составляла 4,0 %; удельный вес организаций, осуществлявших технологические инновации, в общем числе обследованных организаций — 3,4 %; удельный вес организаций, осуществлявших организационные инновации, в общем числе обследованных организаций — 0,9; удельный вес организаций, осуществлявших маркетинговые инновации, в общем числе обследованных организаций — 0,4 %; удельный вес инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг — 1,4 % (объем инновационных товаров, работ, услуг — 22,2 млрд руб.); удельный вес затрат на технологические инновации в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг — 0,9 % (затраты на технологические инновации — 15,0 млрд руб.)⁵. Несмотря на огромные посевные площади, которые составляют около 80 млн га по состоянию на 2016 г., «умные» технологии применяются только на 5 — 10 % территорий⁶.

Задача повышения конкурентоспособности отечественных аграриев сейчас решается на правительственном уровне. Основной способ решения проблемы — активный переход к «умному» сельскому хозяйству. Реализация перспективы устойчивого развития АПК, обеспечивающего продовольственную безопасность страны и выход на мировые рынки продовольствия, возможна только при использовании новейших достижений науки. Именно так поставлен вопрос в Указе Президента Российской Федерации от 21 июля 2016 г. № 350 «О мерах по реализации государственной научно-технической политики в интересах развития сельского хозяйства».

В конце 2016 г. профильным министерствам и ведомствам было поручено составить план внедрения в агропромышленный комплекс технологий «Интернета вещей». Позже Фонд развития интернет-инициатив разработал «дорожную карту», в которой детально расписан процесс внедрения инновационных технологий в отечественный агропромышленный сектор до 2019 г., итогом которого станет увеличение доли российских фермерских хозяйств до 30 %, активно использующих технологии «Интернета вещей». В 2017 г. основной упор был сделан на госрегулировании использования сельскохозяйственных беспилотных летательных аппаратов⁷.

Кроме того, по итогам совместного заседания Президиума Научно-экспертного совета при Председателе Совета Федерации Федерального собрания Российской Федерации и Совета по вопросам агропромышленного комплекса и природопользования при Совете Федерации Федерального собрания Российской Федерации, проведенного 4 октября 2016 г., были выделены основные проблемы, решение которых возможно при использовании именно инновационного подхода. К ним относятся:

1. Зависимость России от ввоза семян сельхозрастений и племенной продукции иностранного производства при высоком риске нелегитимного поступления некачественной сельхозпродукции. Решение проблемы состоит в восприятии, развитии и использовании агропромом для целей сельхозпрактики новейших биотехнологий, включая геномные (редактирование геномов), в том числе для создания элитного семенного фонда улучшенных районированных отечественных сортов растений и племенного фонда пород животных; в применении «золотого стандарта» современной селекции — методов молекулярного маркирования; в освоении молекулярной паспортизации растений и пород животных.

2. Производство высококачественных кормов, кормовых добавок для животных и лекарственных средств для ветеринарного применения. В этой сфере свой негативный вклад вносит изменение климата (потепление приводит к размораживанию скотомогильников и возврату опасных бактерий, вирусов и инфекций). Противодействием вызову должно стать создание прочной кормовой базы, разработка и производство вакцин для ветеринарии. Начало этому положено — в Белгородской области уже вступил в строй завод по производству незаменимых аминокислот — лизина, мощностью 57 тыс. тонн в год (это треть потребностей России). На очереди запуск современных заводов в Ростовской и Волгоградской областях.

3. Риск изменения зон распространения фитопатогенов на территории России. Его снижение требует разработки и производства диагностикумов (взвеси убитых микробов, которые служат в качестве антигенов и аллергенов при исследованиях) фитопатогенов, биопрепаратов, в том числе биопестицидов.

4. Совершенствование системы контроля качества сельскохозяйственной продукции и продовольствия и экспертизы генетического материала. Оптимизация действующей системы контроля предполагает формирование и ведение в России информационно-аналитического учета (регистрации) сельхозпродукции независимо от способа ее получения, а также повышение эффективности контроля и надзора. Для обеспечения ускоренной, прецизионной селекции и создания новых видов и пород чрезвычайно важно сейчас развитие системы генетических банков — хранилищ и доноров хозяйственно ценных признаков растений и животных⁸.

Таким образом, на сегодняшний день основные приоритеты государства непосредственно связаны с созданием отечественных селекционно-генетических и селекционно-семеноводческих центров, современных хранилищ первичной продукции, оптово-распределительных баз сельхозпродукции, техническим перевооружением отрасли, что объединяет общая глобальная задача, состоящая в инновационном обеспечении отрасли как на федеральном уровне, так и на уровне субъектов РФ.

Рассмотрим использование инновационных подходов в реализации агропродовольственной политики на региональном уровне на примере Республики Мордовия.

Одним из главных приоритетов развития современной экономики региона являются инновации. Предприятия Республики Мордовия входят в число лучших предприятий России и тесно сотрудничают с зарубежными партнерами из более чем 60 стран мира. О благоприятном инновационном климате свидетельствует тот факт, что по результатам Рейтинга инновационного развития субъектов Российской Федерации за 2015 г. Мордовия вошла в десятку регионов по уровню инновационного развития (8-е место)⁹. При этом за последние 4 года республика демонстрирует неуверенные темпы роста объема научных исследований и разработок (рисунок).

Развитие сельского хозяйства Республики Мордовия на ближайшую перспективу будет определяться направленностью государственной аграрной политики на создание высокотехнологичного, конкурентоспособного производства, обеспечивающего высокое качество жизни сельских тружеников и всего сельского населения. Это представляется невозможным без проведения научных исследований и внедрения передовых разработок в области сельскохозяйственных наук, затраты на которые, к сожалению, показывают неоднозначную картину (таблица).

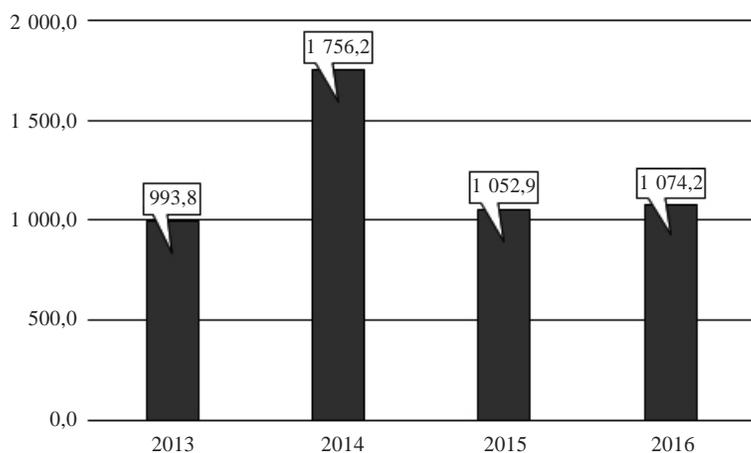

Рисунок. Динамика объема научных исследований и разработок в Республике Мордовия, млн руб.

Таблица

Динамика валовых затрат на научные исследования и разработки в области сельскохозяйственных наук в Республике Мордовия, млн руб.

Показатель	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.
Валовые затраты на исследования и разработки, всего	16,6	16,6	22,1	17,0
В том числе: внутренние	16,6	16,6	21,3	17,0
внешние	—	—	0,8	—

Составлена по: Мордовия : стат. ежегодник. Саранск, 2014. С. 351 ; 2015. С. 351 ; 2016. С. 347 ; 2017. С. 331.

Бесспорно, в республике успешно проводятся работы в плане интенсификации АПК. В рамках «Государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013 — 2020 годы» предусмотрено выполнение подпрограммы технической и технологической модернизации, инновационного развития, включающей обновление парка сельскохозяйственной техники, реализацию перспективных инновационных проектов в агропромышленном комплексе, развитие биотехнологии; развитие консультационной помощи сельскохозяйственным товаропроизводителям, поддержку общественных организаций, связанных с предоставлением интересов крестьянских (фермерских) хозяйств и т. д.¹⁰ Так, в 2017 г. дан старт проекту по модернизации производства новых видов сельскохозяйственной техники с проектной мощностью 150 млн руб. в год («МордовАгроМаш»). В Дубенском районе идет строительство молочного комплекса на 6 700 голов. В птицеводстве прорабатывается проект стро-

ительства еще одной фабрики по производству 40 тыс. т индюшатины в год. Новые объекты появятся и в районах, где показатели сельского хозяйства и занятость населения низкие. Например, в Большеигнатовском районе планируется строительство молочного комплекса и теплиц по выращиванию овощей. Инвестиционная площадка, на которой возможно организовать тепличное производство, сформирована также в Атюрьевском районе, где строится и свинокомплекс на 6,3 тыс. свиноматок, пуск первой очереди которого состоялся в конце 2017 г. Кроме того, Атюрьевский и Ельниковский районы рассматриваются и в плане создания на их территории эффективного агрохолдинга на базе работающих, но экономически неэффективных предприятий. Урожаи зерна, которые получают в этих и ряде других районов, порой не покрывают даже вложений на проведение сева, уход за посевами и уборку урожая¹¹.

Отметим, что в 2017 г. было расширено производство колбас до 95 тыс. т с последующим выходом на 140 тыс. т (МПК «Атяшевский»); введена в эксплуатацию линия по производству пищевых компаундов (ЗАО «Рузово»); начато строительство цеха по переработке молока (ООО «Норовское молоко») и тепличного комплекса (ГУП РМ «Тепличное») с объемом производства 1 300 т овощей; увеличена мощность охлаждения мяса до 50 т в сутки и разделки мяса до 200 т в сутки на мясокомбинате в пгт Атяшево, а также увеличено производство зерненного творога мощностью 10 т готовой продукции в сутки (ОАО «Молочный комбинат „Саранский“»)¹².

Говоря об инновационной составляющей агропродовольственной политики региона, следует добавить, что в настоящее время аппаратными органами республики разработана и внедрена система государственного информационного обеспечения в сельском хозяйстве. Ее функционирование стало возможным благодаря созданию ситуационного центра, представляющего собой программно-аппаратный комплекс, обеспечивающий сбор, обработку, хранение и предоставление информации о состоянии сельхозугодий республики. Еще один важный элемент этой системы — доплеровский центр. Станция в режиме реального времени дает всю информацию о погоде на удалении 250 км. Более того, в Минсельхозпрод работает группа специалистов, которая при помощи космических технологий ведет мониторинг за состоянием АПК республики, а именно делает космический снимок территории республики, который дает информацию о высоте снежного покрова на полях, весной — о паводках, разливах рек и т. д. На снимке можно увидеть состояние озимых после зимы, реальное соответствие посевов разных культур площадям, которые сельхозпроизводители указали в отчетах. Такие технологии позволяют определять также количество влаги в почве и десятки разных показателей состояния полей, в том числе еще до начала уборки с точностью до 10 % определить урожайность любого поля¹³.

Не стоит умалять роль других государственных институтов в инновационном развитии республики. Например, Агентство инновационного развития Республики Мордовия, один из ключевых институтов поддержки инновационного предпринимательства в регионе, осуществляет всестороннюю поддержку инновационных проектов на ранних стадиях развития. Применительно к АПК в стадии стартапа находится проект, целью которого является разработка технологии получения пищевой ксантановой камеди (E415) для пищевой промышленности в полупромышленном и промышленном масштабе с использованием нового высокопродуктивного штамма бактерий *Xanthomonas campestris*. В пищевой промышленности камедь используется в виде загустителя, гелеобразователя и стабилизатора. Несмотря на возрастающую

потребность в ксантане, в России этот полисахарид не производится в промышленных масштабах. Предлагаемый способ производства пищевой ксантановой камеди (E415) позволит добиться снижения себестоимости и максимального увеличения выхода конечного продукта.

Кроме того, на платформе Агентства функционирует своеобразный конкурсный отбор — акселератор технологических стартапов GenerationS, где также приветствуются новые идеи и проекты в области биотехнологической переработки вторичных продуктов производства, геномики и геномной селекции сельскохозяйственных культур и животных, производства биологически активных веществ, пробиотиков, биоудобрений и биопрепаратов для защиты растений.

В рыночных условиях единственный путь к востребованности любых продуктов у потребителей — высокие качественные показатели. Большая часть мордовских продуктов по праву считается действительно натуральной и экологически чистой, так как в процессе их производства и реализации установлен строгий контроль качества. Сейчас для контролирующих организаций закупаются считывающие сканеры, которые с 100 %-ной достоверностью определяют качество и подлинность не только самих продуктов, но и сопроводительных документов к ним. Кроме того, любой желающий имеет возможность совершенно бесплатно и на месте проверить и качество продуктов, купленных на больших предпраздничных ярмарках. Во всех районах Саранска, в которых проводятся такие распродажи продуктов, в часы проведения ярмарок работают передвижные экспресс-лаборатории ветеринарно-санитарной экспертизы.

Безусловно, государственные органы республики играют решающую роль в стимулировании инноваций в интересах развития устойчивой агропродовольственной системы. Проводимая ими политика задает направления деятельности всех субъектов производственно-сбытовой цепочки. При этом область АПК часто оказывается без внимания разработчиков инновационных программ, что усугубляет процесс устойчивого развития отрасли. Развитие агропродовольственного сектора в инновационном ключе должно стать одной из основных целей республиканской инновационной стратегии.

Аппаратные органы могут совершенствовать национальную нормативно-правовую базу и ограничивать бюрократическую нагрузку на фермеров и производителей, что оптимизирует и способствует укреплению связей между различными субъектами АПК и солидарности действий при выработке политики и распределении государственных ресурсов. Однако кроме этого как никогда важна поддержка предпринимательства. Органы государственного управления способны повысить объемы сельскохозяйственного производства и его эффективность, стимулируя элементы предпринимательства в деятельности производителей в сторону внедрения постоянных инноваций для удовлетворения быстро меняющегося рыночного спроса. Правильная организация государственной поддержки поможет участникам разных уровней производственно-сбытовой цепочки коммерциализировать свою деятельность, что сформирует предпосылки для выработки эффективных бизнес-моделей и создаст условия для перехода нововведений в АПК на коммерческую основу.

Внедрению инноваций в сельское хозяйство будет способствовать укрепление отношений между университетами и промышленностью. Большинство технических и технологических новшеств происходит на базе фермерских хозяйств, своевремен-

ная поддержка которых развернет их масштабы. Четкий диалог между государственными научно-исследовательскими учреждениями, предпринимателями и местными фермерами санкционирует широкое тиражирование наиболее удачных изобретений, рождающихся на первичном уровне. Такое взаимодействие необходимо для сокращения цикла перемещения новой технологии от лабораторных условий до непосредственной эксплуатации в хозяйстве и освоения новых методов ведения сельского хозяйства.

В заключение следует добавить, что условием повышения эффективности и устойчивости аграрных систем производства продуктов питания в государстве является более глубокое понимание взаимосвязей между условиями и результатами инноваций, а также процессов и каналов распространения инноваций в этой отрасли. Только такое понимание позволит задействовать потенциал инноваций в аграрном секторе в полной мере, обратить вспять неблагоприятные тенденции в динамике продуктивности сельского хозяйства и организовать устойчивое снабжение населения продовольствием.

Библиографические ссылки

¹ ФАС: Спрос на продовольствие вырастет в два раза. The DairyNews [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dairynews.ru/news/fas-spros-na-prodovolstvie-vyrastet-v-dva-raza.html> (дата обращения: 08.12.2017).

² Обеспечение продовольственной безопасности Российской Федерации // Аналитический вестник. № 41 (640) [Электронный ресурс]. URL: <http://council.gov.ru/media/files/OmjqDMpoWXzXAAРewjWTliF6PJ6lipLz.pdf> (дата обращения: 08.12.2017).

³ Большая пресс-конференция Владимира Путина. Официальные сетевые ресурсы Президента России [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/56378> (дата обращения: 08.12.2017).

⁴ Обеспечение продовольственной безопасности Российской Федерации...

⁵ См.: Российский статистический ежегодник. 2017. С. 481, 485.

⁶ Сельское хозяйство по-умному. iot.ru — Новости Интернета вещей [Электронный ресурс]. URL: <https://iot.ru/selskoe-khozyaystvo/selskoe-khozyaystvo-po-umnomu> (дата обращения: 08.12.2017).

⁷ Там же.

⁸ Обеспечение продовольственной безопасности Российской Федерации...

⁹ Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации. М., 2017. Вып. 5. 260 с.

¹⁰ О Государственной программе Республики Мордовия развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013 — 2020 годы. [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/424071511> (дата обращения: 08.12.2017).

¹¹ Продукцию АПК Мордовии знают в Китае и Америке. Официальный сайт Министерства сельского хозяйства и продовольствия РМ [Электронный ресурс]. URL: <http://agro.e-mordovia.ru/content/news/index.php?news=6572> (дата обращения: 08.12.2017).

¹² Глава Мордовии Владимир Волков выступил с ежегодным Посланием Государственному Собранию РМ. Официальный портал органов государственной власти Республики Мордовия [Электронный ресурс]. URL: <http://www.e-mordovia.ru/glava-rm/novosti/glava-mordovii-vladimir-volkov-vystupil-s-ezhegodnym-poslani/> (дата обращения: 08.12.2017).

¹³ Продукцию АПК Мордовии знают в Китае и Америке.

Поступила 17.01.2018 г.

УДК 338(470.23-25)

К. Д. Григорьева, В. С. Кудряшев
K. D. Grigoryeva, V. S. Kudryashev

РЕГИОНАЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ИННОВАЦИОННОГО ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЯ

REGIONAL POTENTIAL OF INNOVATIVE IMPORT SUBSTITUTION

Ключевые слова: инновации, импортозамещение, предпринимательство, инновационная активность, технологические инновации, инновационный потенциал, инновационная эффективность.

В статье на основе анализа статистического и фактического материалов выявляются возможности активизации инновационной деятельности предприятий и организаций Санкт-Петербурга в целях импортозамещения.

Key words: innovation, import substitution, entrepreneurship, innovative activity, technological innovation, innovation potential, innovative efficiency.

The possibilities to intensify innovative activity of enterprises and organizations in Saint-Petersburg for the purposes of import substitution are revealed in the article on the basis of analysis of statistical and factual materials.

Импортозамещение направлено на обеспечение экономики и населения страны товарами отечественного производства, а также на повышение конкурентоспособности отечественной продукции на внутренних и международных рынках. В сложившихся геополитических и макроэкономических условиях Россия вынуждена искать пути для форсирования данного процесса. Реализация политики импортозамещения в стратегическом плане развития экономики РФ обозначена как одно из приоритетных направлений развития. Ключевая роль в решении этих проблем отводится регионам и их научно-техническому потенциалу¹.

Научно-технический потенциал — важный ресурс любой страны (региона), главный фактор экономического развития в условиях глобализации и усиления конкурентной борьбы². Эффективная организация научных исследований способствует укреплению экономических основ государства. Не случайно лидерами мировой экономики выступают транснациональные корпорации, функционирующие на рынке высоких технологий. Способствуя экономическому росту и, как следствие, повышению жизненного уровня населения, инновации улучшают и социальное положение в стране.

Под влиянием информационных технологий и глобализации мировое экономическое пространство подвергается изменению. Благодаря сети Интернет и свободной торговле компании могут конкурировать друг с другом на любом рынке. В связи с этим определение возможностей и особенностей перехода предприятия к использованию инновационных форм развития является важным слагаемым не только текущей деятельности компании, но и ее будущего положения.

Однако уровень инновационной активности отечественных предприятий пока в 7 раз меньше, чем, например, в Германии. По уровню инновационной активности в части технологических инноваций отставание от европейского лидера (Германии)

составляет 6,3 раза, маркетинговых (лидирует Ирландия) — 22 раза, организационных инноваций (сравнение с Люксембургом) — 17,4 раза (табл. 1).

Таблица 1

Инновационная активность организаций, %*

Страна	Совокупный уровень инновационной активности организаций	Удельный вес организаций, осуществлявших инновации отдельных типов, в общем числе организаций		
		технологические	маркетинговые	организационные
Россия	9,3	8,3	1,8	2,7
Германия	67,0	52,6	35,9	37,8
Дания	49,5	38,0	29,0	30,1
Ирландия	61,0	48,8	39,6	44,4
Люксембург	65,1	42,0	34,1	47,0
Нидерланды	55,3	47,3	20,0	25,2
Великобритания	60,2	40,9	18,5	40,1
Финляндия	55,3	48,3	25,9	29,7
Швеция	54,2	44,3	28,1	22,7

Составлена по: Россия и страны – члены Европейского союза. 2017 : стат. сб. М., 2017. С. 222.

* По странам Европейского союза — за период 2012 — 2014 гг., по России — за 2015 г.

Уровень инновационной активности российских организаций добывающих, обрабатывающих производств, производства и распределения электроэнергии, газа и воды немного выше, чем в среднем в экономике. Это отмечается по всем типам инноваций. Однако различия с показателями других стран столь же велики: по совокупному уровню инновационной активности — 6,7 раза (лидирует — Германия); по уровню инновационной активности в части технологических инноваций — 6,2 раза (сравнение с Германией); по уровню инновационной активности в части маркетинговых инноваций — 19,9 раза (лидирует Ирландия); по уровню инновационной активности в части организационных инноваций — 16,1 раза (сравнение с Ирландией) (табл. 2).

Таблица 2

Инновационная активность организаций добывающих, обрабатывающих производств, производства и распределения электроэнергии, газа и воды, %*

Страна	Совокупный уровень инновационной активности организаций	Удельный вес организаций, осуществлявших инновации отдельных типов, в общем числе организаций		
		технологические	маркетинговые	организационные
1	2	3	4	5
Россия	10,6	9,5	2,0	2,9
Германия	71,2	58,9	35,8	38,4
Дания	48,2	39,4	27,2	29,2
Ирландия	66,4	56,8	39,8	46,7
Люксембург	63,4	45,3	33,0	41,6

Окончание табл. 2

Нидерланды	58,5	53,0	18,7	25,3
Великобритания	62,9	45,7	16,2	40,3
Финляндия	58,4	52,0	26,0	31,1
Швеция	56,0	48,0	24,5	22,1

Составлена по: Россия и страны – члены Европейского союза. 2017. С. 223.

* По странам Европейского союза — за период 2012 — 2014 гг., по России — за 2015 г.

Это свидетельствует не только об отставании РФ от передовых стран мира по уровню инновационного развития, но и о большом потенциале, способном обеспечить прорыв в экономическом развитии, добиться темпов роста выше среднемировых, о чем говорилось в Послании Президента РФ В. В. Путина Федеральному собранию в марте 2018 г. Президент РФ отметил и необходимость увеличения объемов цифровой экономики³. Заметим, что в части информатизации предпринимательского сектора Россия заметно отстает от европейских стран. Так, в 2015 г. персональные компьютеры имели 89 % российских организаций, в передовых странах этот показатель близок к 100 %. Следует отметить и тот факт, что в 2013 г. показатели информатизации предпринимательской деятельности в России были немного выше (табл. 3).

Таблица 3

Организации, использовавшие информационные и коммуникационные технологии в 2015 г., % от общего числа организаций предпринимательского сектора

Страна	Организации, использовавшие персональные компьютеры	Организации, использовавшие сеть Интернет	Организации, использовавшие широкополосный доступ к сети Интернет	Организации, имевшие Web-сайт
Россия 2013 г.	92	87	81	40
2015 г.	89	85	79	41
Германия	99	98	96	87
Дания	100	100	99	92
Ирландия	98	97	97	75
Люксембург	100	100	97	79
Нидерланды	100	100	100	90
Великобритания	97	96	96	81
Финляндия	100	100	100	95
Швеция	100	98	97	90
Республика Корея	—	—	99	61
Япония	—	—	86	87

Составлена по: Россия и страны мира : стат. сб. М., 2014. С. 337 ; 2016. С. 337.

Возможности использования информационных и коммуникационных технологий ограничены с финансовой стороны. По данным Росстата, в России в 2012 г. на информационные технологии было потрачено 2 % ВВП, в то время как в Великобритании — 3,8 %; Финляндии, США — по 3,3 %; Дании, Швеции и Швейцарии — по

2,9 %; Ирландии, Нидерландах и Японии — по 2,8 % ВВП, хотя уровень информатизации бизнеса в этих странах выше⁴.

Низкий уровень информатизации предпринимательского сектора в России сдерживает развитие сбыта продукции, поскольку ограничивает возможности организаций продавать товары онлайн. В РФ удельный вес организаций, осуществляющих продажу (закупку) товаров (работ, услуг) по заказам, полученным (переданным) в результате заполнения в интерактивном режиме формы, размещенной на веб-сайте, или с использованием другого специализированного программного обеспечения (заказы, переданные в виде обычного сообщения электронной почты, не учитываются) в несколько раз меньше, чем в странах, занимающих лидирующие позиции в мировых рейтингах инновационного развития. Так, в 2015 г. в России онлайн-продажи совершали только 6 % организаций предпринимательского сектора, онлайн-покупки — 17 % (табл. 4).

Таблица 4

Организации, осуществлявшие онлайн продажи / закупки товаров (работ, услуг) в 2015 г., % от общего числа организаций предпринимательского сектора

Страна	Организации, продававшие товары (работы, услуги) по заказам, полученным онлайн	Организации, покупавшие товары (работы, услуги) по заказам, переданным онлайн
Россия	6	17
Германия	25	31
Дания	26	—
Ирландия	32	43
Люксембург	7	32
Нидерланды	17	25
Великобритания	20	27
Финляндия	16	39
Швеция	26	26
Республика Корея	16	—
Япония	22	33

Составлена по: Россия и страны мира : стат. сб. М., 2016. С. 338.

Лидирует по этим показателям Ирландия — 32 % и 43 % соответственно. Примечательно, что во всех странах выделенной группы, за исключением Швеции, удельный вес организаций, покупающих товары онлайн больше, чем продающих товары. Это свидетельствует о том, что продажи-онлайн осуществляют по большей части крупные предприятия-производители.

Таким образом, по многим показателям, характеризующим уровень инновационной активности, социально-экономические условия, потенциал и результативность инноваций, РФ значительно отстает от государств, лидирующих в мировых инновационных рейтингах. Однако страна не однородна. В связи с этим рассмотрим ситуацию в сфере инновационного импортозамещения в Санкт-Петербурге.

Для реализации государственной программы импортозамещения в Санкт-Петербурге создан Центр импортозамещения и локализации, цель которого — способство-

вать снижению доли импорта оборудования, компонентов и технологий в промышленных отраслях. Решение задач государственной программы импортозамещения предполагает ускорение темпов инновационного развития региона.

Согласно методике Ассоциации инновационных регионов России (АИРР), Санкт-Петербург — один из лидеров инновационного развития, стабильно входящий в группу сильных инноваторов, состоящую из 11 регионов⁵. В 2017 г. он занял 2-е место, уступив первенство Москве. Итоговый индекс Санкт-Петербурга в 2017 г. был равен 0,70 (Москвы — 0,73), что на 82 % больше среднего по стране значения.

Позиции Санкт-Петербурга по составляющим итогового индекса следующие:

— в подрейтинге «Научные исследования и разработки» занимает 2-е место со значением, на 75 % превышающим среднее по регионам значение;

— в подрейтинге «Инновационная деятельность» находится на 3-м месте (уступает Москве и Республике Татарстан), имея субиндекс на 77,5 % больше, чем средний по стране;

— в подрейтинге «Социально-экономические условия инновационной деятельности» занимает 3-е место, региональный субиндекс больше среднероссийского на 53,8 % (уступает Калужской области (172,1 % среднего уровня) и Москве (156,8 % среднего уровня));

— в подрейтинге «Инновационная активность региона» занимает 8-е место (субиндекс в 2,3 раза больше среднего по стране значения), пропустив вперед Республику Татарстан (283,4 % среднего значения), Томскую область (250,6 %), Республику Башкортостан (246,0 %), Новосибирскую область (244,6 %), Москву (240,6 %), Калужскую (232,9 %) и Самарскую (231,3 % среднего значения) области.

Сходные результаты получены путем рейтингования по методике НИУ ВШЭ⁶. Санкт-Петербург относится к числу регионов-лидеров инновационного развития, входит в 1-ю группу, состоящую из 11 регионов, стабильно занимает 3-е место (*РРИИ* — 0,5207), уступая только Республике Татарстан (*РРИИ* — 0,5753) и Москве (*РРИИ* — 0,5361).

Чтобы выявить сильные и слабые стороны региона, были проанализированы составляющие итогового индекса.

По субиндексу социально-экономических условий инновационной деятельности (*ИСЭУ*) Санкт-Петербург (*ИСЭУ* — 0,6799) находится на 2-м месте в России, уступая только Москве (*ИСЭУ* — 0,7752), и с большим отрывом от других регионов (среднее по РФ значение *ИСЭУ* — 0,4397).

Отметим, что широкополосный интернет используют 95 % организаций в Москве (2-е место) и свыше 90 % в Санкт-Петербурге (4-е место).

По субиндексу «Научно-технический потенциал» (*ИНТП*) в 2015 г. в первую группу рейтинга вошли только четыре субъекта РФ: Санкт-Петербург, Нижегородская и Ульяновская области и Москва. 1-е место занимает Санкт-Петербург (*ИНТП* — 0,5482 при среднем по РФ значении 0,3826), демонстрирующий высокие значения большинства показателей ресурсной обеспеченности и результативности научно-технической деятельности, составляющих рассматриваемый тематический блок: объем внутренних затрат на исследования и разработки в процентах к ВРП (более чем в 3 раза выше общероссийского показателя); удельный вес средств организаций предпринимательского сектора в общем объеме затрат на исследования и разработки (почти в 2 раза); удельный вес занятых исследованиями и разработками в среднегодовой численности занятых в экономике региона (почти в 3 раза); удельный вес создаваемых

передовых производственных технологий в расчете на миллион человек активного населения (почти в 3 раза); коэффициент изобретательской активности (в 1,5 раза); экспорт технологий (более чем в 4 раза выше среднего по стране значения).

По субиндексу «Инновационная деятельность» (ИИД) Санкт-Петербург в 2015 г. вошел во 2-ю группу и находился на 13-м месте (ИИД — 0,3979 при среднем по стране значении 0,3087), ухудшив за год свои позиции на 8 пунктов. В Санкт-Петербурге, как и других регионах 2-й группы, достаточно высока интенсивность текущих и капитальных затрат на разработку и реализацию новых или усовершенствованных продуктов и производственных процессов.

В распределении российских регионов по субиндексу «Качество инновационной политики» (ИКИП) в 2015 г. Санкт-Петербург (ИКИП — 0,4682) входил во 2-ю группу, заняв 27-е место, что на 4 пункта ниже, чем годом ранее.

С целью определить сильные и слабые стороны Санкт-Петербурга были рассмотрены все 37 оцениваемых параметров. К числу сильных сторон региона следует отнести:

в части *социально-экономических условий* инновационной деятельности:

— удельный вес занятых в наукоемких отраслях сферы услуг в общем числе занятых в экономике (2-е место);

— удельный вес населения в возрасте 25 — 64 лет, имеющего высшее образование, в общей численности населения соответствующей возрастной группы (3-е место);

— численность студентов, обучающихся по образовательным программам высшего образования — программам бакалавриата, программам специалитета, магистратуры, в расчете на 10 000 населения (3-е место);

— удельный вес организаций, имеющих доступ к интернету, с максимальной скоростью передачи данных не менее 256 Кбит / сек., в общем числе организаций (4-е место);

— удельный вес домашних хозяйств, имеющих доступ к интернету, в общем числе домохозяйств (4-е место)

в части *научно-технического потенциала*:

— внутренние затраты на исследования и разработки, в процентах к ВРП (2-е место);

— удельный вес занятых исследованиями и разработками в среднегодовой численности занятых (2-е место);

— число патентных заявок на изобретения, поданных в Роспатент национальными заявителями, в расчете на 1 млн чел. экономически активного населения региона (3-е место);

— число передовых производственных технологий, разработанных в регионе, в расчете на 1 млн чел. экономически активного населения (5-е место);

— отношение объема поступлений от экспорта технологий к ВРП, в расчете на 1 тыс. руб. ВРП (4-е место)

в части *инновационной деятельности*:

— удельный вес организаций, осуществлявших нетехнологические (маркетинговые и/или организационные) инновации, в общем числе организаций промышленного производства (4-е место);

— удельный вес организаций, имевших готовые технологические инновации, разработанные собственными силами, в общем числе организаций промышленного производства (10-е место);

— удельный вес организаций, участвовавших в совместных проектах по выполнению исследований и разработок, в общем числе организаций промышленного производства (8-е место)

в части *качества инновационной политики*:

— наличие стратегии (концепции) инновационного развития (инновационной стратегии) и/или профильного раздела по инновационному развитию (поддержке инноваций) в стратегии развития региона (1-е место);

— наличие специализированной программы или комплекса мер государственной поддержки развития инноваций, инновационной деятельности либо субъектов инновационной деятельности (1-е место);

— наличие специализированных координационных (совещательных) органов по инновационной политике (поддержке инновационной деятельности) при высшем должностном лице или высшем исполнительном органе государственной власти субъекта РФ (1-е место);

— наличие специализированных региональных институтов развития (фондов, агентств, корпораций развития и пр.) с функционалом по поддержке субъектов инновационной деятельности и/или реализации инновационных проектов (1-е место).

Высокие позиции занимает Санкт-Петербург и в рейтинге готовности к будущему (2-е место), уступая только Республике Саха (Якутия). По дальности горизонта планирования в региональных стратегиях социально-экономического развития Санкт-Петербург занял 2-е место (в числе 25 регионов с одинаковым нормированным значением оцениваемого показателя), по степени технологической ориентированности региональных стратегий — 28-е место, по интенсивности новостей о позитивных достижениях в сфере научно-технологического, инновационного и промышленного развития — 1-е место.

В ходе оценки потенциала инновационного развития Санкт-Петербурга были выявлены и слабые стороны. Для их искоренения и ускорения темпов инновационного развития региона в числе первоочередных мер должны быть предприняты следующие действия, направленные на:

создание благоприятных социально-экономических условий инновационной деятельности:

— увеличить заработную плату работников, занятых исследованиями и разработками;

укрепление научно-технического потенциала:

— повысить удельный вес лиц, имеющих ученую степень, в численности исследователей;

— увеличить публикационную активность ученых Санкт-Петербурга;

активизацию инновационной деятельности:

— повысить интенсивность затрат на технологические инновации в организациях промышленного производства;

— увеличить удельный вес организаций, оценивших сокращение материальных и энергозатрат как основной результат инновационной деятельности, в общем числе организаций промышленного производства, осуществлявших технологические инновации;

совершенствование региональной инновационной политики:

— выделить в схеме территориального планирования, а также в материалах по ее обоснованию зоны (территории) приоритетного развития инновационной деятельности;

— разработать специализированный законодательный акт, определяющий основные принципы, направления и меры государственной поддержки инновационной деятельности в регионе;

— увеличить удельный вес ассигнований на гражданскую науку из средств консолидированного бюджета Санкт-Петербурга в расходах консолидированного бюджета региона;

— повысить удельный вес средств бюджета Санкт-Петербурга и местных бюджетов в общих затратах на технологические инновации в организациях промышленного производства;

— увеличить объем привлеченных субсидий из федерального бюджета на развитие инновационной инфраструктуры для субъектов малого и среднего предпринимательства.

Итак, для обеспечения устойчивого развития нашей страны в современных геополитических и макроэкономических условиях необходима ускоренная перестройка структуры отечественной экономики, базирующаяся на развитии инноваций во всех отраслях. В первую очередь это касается видов деятельности, обеспечивающих национальную и экономическую безопасность. Инновационная экономика — это гарантия того, что завтра, независимо от конъюнктуры мировых цен на сырье и политики отдельных стран, экономика страны будет работать, создавая новые рабочие места, обеспечивая население страны необходимыми товарами и принося налоги в бюджет.

Библиографические ссылки

¹ См.: **Топорков С. Н.** Инновационные процессы на предприятии // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2009. № 2 (12). С. 24 — 30 ; **Кильдюшкина И. Г., Кшнякина Е. В.** К вопросу о реализации стратегии научно-технологического инновационного прорыва в сельхозпроизводстве // Там же. 2010. № 4 (16). С. 7 — 15 ; **Кормишкина Л. А.** Развитие малого инновационного предпринимательства как проявление эффективной национальной инновационной системы // Там же. 2013. № 2 (26). С. 44 — 52 ; **Щанкин С. А., Белоглазов В. И.** Инновационная политика современного строительного предприятия (На примере ООО «РЗКИ») // Там же. 2013. № 3 (27). С. 27 — 35 ; **Саков И. А.** Инновационная активность предприятий Республики Мордовия // Там же. 2014. № 3 (31). С. 101 — 106.

² См.: **Липатова Л. Н., Пашкин А. А.** Характеристика участников рынка инновационного продукта // Инновационные процессы в развитии современного общества : материалы Междунар. науч.-практ. конф. Саранск, 2013. С. 144 — 147 ; **Липатова Л. Н., Пашкин А. А.** Оценка инновационного потенциала России // Интеграция образования в условиях инновационной экономики : материалы Междунар. науч.-практ. конф. Саранск, 2014. Ч. 2. С. 36 — 40 ; **Липатова Л. Н.** Инновации как фактор экономического роста // Инновационные тенденции, социально-экономические и правовые проблемы взаимодействия в международном пространстве : материалы XVI Макаркин. науч. чтений. Саранск, 2016. С. 96 — 105 ; **Липатова Л. Н.** Инновационный потенциал экономического развития // Экономика и управление: вчера, сегодня, завтра // Сосновоборский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 2016. № 7 (6). С. 127 — 135 ; **Липатова Л. Н., Тиньгаев В. К., Пашкин А. А.** Сравнительная характеристика инновационных процессов в России // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2017. № 4 (44). С. 107 — 122 ; **Липатова Л. Н., Градусова В. Н.** Статистическая оценка развития инноваций в России // Инновационное развитие российской экономики : материалы X Междунар. науч.-практ. конф. : в 4 т. М., 2017. Т. 3. С. 230 — 234 ; **Липатова Л. Н., Градусова В. Н., Кильдюшкина И. Г.** Развитие системы подготовки кадров для науки и инновационных производств в Республике Мордовия // Модернизационный потенциал российской молодежи : материалы Всерос. науч. конф. Ульяновск, 2017. С. 105 — 110 ; **Липатова Л. Н., Кильдюшкина И. Г.** Инновации в контексте глобальных экономических и политиче-

ских процессов: опыт России и ее регионов // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2018. № 1. С. 225 — 241.

³ URL: <http://www.vestifinance.ru/articles/98395> (дата обращения: 13.04.2018).

⁴ Россия и страны мира : стат. сб. М., 2014. С. 339.

⁵ Рейтинг инновационных регионов России: версия 2016. М., 2017. 67 с.

⁶ Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации. М., 2017. Вып. 5. 260 с.

Поступила 15.05.2018 г.

УДК 332.1

Л. И. Зинина, Л. Е. Тезина

L. I. Zinina, L. E. Tezina

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ РЕШЕНИЯ В УПРАВЛЕНИИ ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ ПРЕДПРИЯТИЙ АГРОБИЗНЕСА

STRATEGIC SOLUTIONS IN THE MANAGEMENT OF INNOVATIVE ACTIVITY OF AGRIBUSINESS ENTERPRISES

Ключевые слова: агропродовольственная система, управление инновационной деятельностью, инновационный потенциал, стратегия инновационного развития, инновационная среда, инновационное предпринимательство, система инновационного управления.

В статье раскрыто содержание понятий агропродовольственной системы региона и управления инновационной деятельностью в данной системе в качестве ключевой составляющей экономического роста предприятий агропромышленного комплекса; обоснован методический подход к выявлению возможностей инновационного развития предприятий АПК региона, включающий их комплексную оценку на основе расчета интеллектуально-профессионального, научно-технологического, финансово-экономического и информационно-коммуникационного потенциалов; сформирована структурно-функциональная модель процесса последовательной разработки региональной стратегии инновационного развития агропродовольственной системы; разработан методический подход к обоснованию производственно-экономических параметров инновационного развития предприятий агропромышленного комплекса региона.

Key words: agro-food system, innovative activity management, innovative potential, innovative development strategy, innovation environment, innovative entrepreneurship, innovative management system.

The concepts of the regional agro-food system and the management of innovation activity in this system as a key component of the economic growth of enterprises of the agro-industrial complex are defined in the article. The methodical approach to identification of possibilities of innovative development of the enterprises of agrarian and industrial complex of the region, including their complex estimation on the basis of calculation of intellectual, professional, scientific, technological, financial, economic, informational and communicational potentials is proved, as well as a structural and functional model of the process of consistent development of a regional strategy for the agro-food system innovative development is formed and a methodical approach to the substantiation of production and economic characteristics of innovative development of enterprises of the regional agro-industrial complex is developed.

Необходимость обеспечения национальной, в том числе продовольственной безопасности страны, удовлетворения потребностей населения в качественных и безопас-

ных продуктах питания, роста социально-экономической эффективности сельского хозяйства актуализирует вопросы повышения уровня инновационности и конкурентоспособности отечественной агропродовольственной системы. Социально-экономическое развитие агропродовольственной системы должно предусматривать интенсивный тип воспроизводства, когда инновации становятся определяющим его фактором, а предприятия агропромышленного комплекса рационально используют достижения науки и техники, эффективно внедряют систему инновационного управления, разрабатывают механизмы инновационного предпринимательства, используют и развивают интеллектуальный потенциал персонала, формируют стратегию их инновационного развития. Для разрешения обозначенной проблемы гипотеза исследования предполагает, что предприятия АПК должны стать инновационным базисом экономики индустриально-аграрных регионов, что требует разработки стратегических решений в управлении инновационной деятельностью в агропродовольственной системе региона. В работах отечественных и зарубежных ученых решены многие важные задачи анализа, методологии и прикладных исследований инновационной деятельности. Однако в отечественной науке комплексное отражение вопросов разработки инновационных моделей агропродовольственной системы представлено недостаточно. Изменение форм хозяйственной деятельности и освоения инноваций, научно-технического обеспечения АПК предполагает дальнейшее развитие методологических положений и разработку практических рекомендаций по моделированию механизма управления инновационной деятельностью, его инструментов в региональном АПК.

Успешное развитие инновационной деятельности обеспечивает переход к инновационному типу экономического роста государства, который рассматривается как долговременные изменения естественного уровня реального объема общественного производства, обуславливающие придание общественным производительным силам неиндустриальный характер и происходящие в рамках динамичных и эффективно функционирующих инновационных систем¹.

Агропродовольственную систему следует рассматривать как структурно-функциональную подсистему народного хозяйства, включающую отрасли по производству, переработке и реализации продовольственных ресурсов, производственно-экономические и организационные взаимосвязи и отношения, направленные на обеспечение процессов производства, формирования, обмена, распределения, потребления продовольствия и их социально-экономической эффективности, а также продовольственной безопасности страны и регионов².

Применение факторного, функционального, системного и ситуационного подходов составляет методологическую основу управления инновационной деятельностью на любом предприятии, использующим инновации³. На основе изучения имеющихся концепций следует раскрыть содержание понятия управления инновационной деятельностью в агропродовольственной системе. На наш взгляд, его следует рассматривать как целевую интеллектуальную управленческую деятельность, направленную на: а) обеспечение цикличности инновационного процесса (создание, освоение, распространение и потребление инновационного продукта) в агропродовольственной системе с учетом ее биоэкономической сущности и получение значимого технологического, экономического, социального и экологического эффектов на базе использования специализированных методов, приемов и инструментов; б) интеграцию научной, образовательной, технологической и производственной деятельности, нововведений, разработку и внедрение инновационной продукции на основных функциональных

стадиях работы предприятий АПК в целях формирования высокомодернизированного и конкурентоспособного типа воспроизводства при определяющей стратегической роли государства и инновационного предпринимательства. В качестве объекта управления инновационной деятельностью необходимо рассматривать инновационный процесс, который имеет выраженную цикличность: создание инновации (исследование и разработка), изготовление продукта, распространение (обращение и реализация); эксплуатация и потребление, получение экономической выгоды (рис. 1).

Рис. 1. Стадии, принципы и целевые ориентиры управления инновационными процессами в агропродовольственной системе

На наш взгляд, результативность управления инновационной деятельностью в агропродовольственной системе следует оценивать с позиций разработки и реализации механизма стимулирования и внедрения инноваций, их восприимчивости и рационального использования отдельными хозяйствующими субъектами с целью радикального преобразования производственной и организационно-экономической структуры АПК для его ориентации исключительно на инновационный тип развития, формирование конкурентных преимуществ и усиление процессов импортозамещения, выполнение требований Доктрины продовольственной безопасности.

В настоящее время существующие подходы к определению и измерению условий инновационного развития предприятий агропромышленного комплекса предусматривают использование ограниченного количества показателей⁴. Однако в связи с тем, что они не учитывают достаточно важные характеристики инновационного потенциала (например, интеллектуально-профессиональный потенциал, основной капитал и т. д.), мы предлагаем систему показателей оценки инновационного потенциала предприятий региона и методику их расчета, которая позволит оценить величину инновационного потенциала предприятий АПК региона и выявить направления его развития. Следует отметить, что серьезным препятствием при оценке инновационного потенциала является отсутствие необходимой статистической информации, поэтому отдельные показатели, используемые в расчете, характеризуют общие направления развития региона. Для выявления возможностей инновационного развития предприятий АПК региона мы предлагаем комплексную оценку его структурных компонентов: интеллектуально-профессионального, научно-технологического, финансово-экономического, информационно-коммуникационного потенциалов (табл. 1). Методический подход рассмотрен на примере предприятий АПК Республики Мордовия в сравнении с регионами ПФО⁵.

Таблица 1

Основные компоненты оценки инновационного потенциала предприятий АПК региона

Компонент	Показатель, используемый в расчетах
1	2
Интеллектуально-профессиональный (человеческий) потенциал	Численность занятых на предприятиях АПК, в % от общей численности занятых в экономике; выпуск из аспирантуры и докторантуры с защитой диссертации в отчетном году по специальности «Сельскохозяйственные науки», чел.; численность исследователей, выполняющих научные исследования и разработки, чел.; среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций, руб.
Научно-технологический потенциал	Коэффициент изобретательской активности, ед.; объем инновационных товаров, работ, услуг, тыс. руб.; внесение минеральных удобрений на 1 гектар посева сельскохозяйственных культур в сельскохозяйственных организациях, кг; внесение органических удобрений на 1 гектар посева сельскохозяйственных культур в сельскохозяйственных организациях, т; расход кормов в расчете на одну условную голову скота в сельскохозяйственных организациях, центнеров кормовых единиц.
Финансово-экономический потенциал	Сальдированный финансовый результат организаций растениеводства, млн руб.; сальдированный финансовый результат организаций животноводства, млн руб.; объем инвестиций в основной капитал на одного занятого в экономике, млн руб.

1	2
Информационно-коммуникационный потенциал	Число персональных компьютеров с доступом к сети Интернет на 100 работников, ед.; доля организаций, использовавших глобальные информационные сети в общем числе обследованных организаций, %

Предлагаемый методический подход к оценке инновационного потенциала региона включает определение величины его основных элементов. С целью повышения объективности оценки инновационного потенциала каждому наилучшему показателю среди регионов ежегодно присваивается максимальное значение –1; в то время значения остальных рассчитываются как доля от наилучшего. Тем самым приведем анализируемые показатели в сопоставимый вид. Расчет количественных значений отдельных групп потенциалов рассматривается как сумма входящих в группу нормированных значений показателей. Для комплексной оценки инновационного потенциала предприятий АПК региона рассчитывается интегральный показатель по следующей формуле:

$$\text{ИП} = \sqrt[4]{\text{ЧП} \cdot \text{НТП} \cdot \text{ФЭП} \cdot \text{ИКП}}, \quad (1)$$

где ИП — инновационный потенциал предприятий АПК; ЧП — интеллектуально-профессиональный потенциал; НТП — научно-технологический потенциал; ФЭП — финансово-экономический потенциал; ИКП — информационно-коммуникационный потенциал.

Результаты расчетов инновационного потенциала предприятий АПК по регионам ПФО представлены в табл. 2.

Таблица 2

**Интегральный показатель оценки инновационного потенциала предприятий АПК
регионов ПФО в 2011 — 2015 гг.**

Регион	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	
					Факт	Изменение по сравнению с 2011 г.
1	2	3	4	5	6	7
Российская Федерация	1,92	1,72	1,69	1,71	1,77	–0,15
ПФО	1,50	1,54	1,54	1,59	1,54	0,04
Республика Башкортостан	1,31	1,36	1,38	1,37	1,36	0,05
Республика Марий Эл	1,07	1,09	0,99	1,10	1,06	–0,01
Республика Мордовия	1,53	1,57	1,48	1,53	1,53	0
Республика Татарстан	1,72	1,72	1,75	1,83	1,75	0,03
Удмуртская Республика	1,18	1,18	1,18	1,17	1,18	0,00
Чувашская Республика	1,31	1,28	1,47	1,34	1,36	0,05

Окончание табл. 2

1	2	3	4	5	6	7
Пермский край	1,50	1,44	1,45	1,61	1,51	0,01
Кировская область	1,08	1,15	1,10	1,18	1,13	0,05
Нижегородская область	1,87	2,06	1,97	2,07	2,00	0,13
Оренбургская область	1,14	1,14	1,05	0,98	1,08	-0,06
Пензенская область	1,28	1,42	1,52	1,42	1,42	0,14
Самарская область	1,67	1,73	1,71	1,76	1,72	0,05
Саратовская область	1,31	1,25	1,30	1,31	1,29	-0,02
Ульяновская область	1,54	1,71	1,55	1,64	1,61	0,07

В регионах ПФО наблюдаются существенные различия по показателю инновационного потенциала предприятий АПК. Необходимо отметить, что Республика Мордовия за исследуемый период по данному показателю занимала 5-е место (за исключением 2012 и 2013 гг.). В целом инновационный потенциал предприятий АПК региона соответствует показателю по ПФО, но он ниже среднероссийского. Ведущие позиции в рейтинге занимают Нижегородская область, Республика Татарстан и Самарская область; низшие — Оренбургская область, Республика Марий Эл и Кировская область. Применение данного методического подхода позволяет определять интегральные параметры уровня инновационного развития предприятий АПК региона, приоритетные направления и инструменты эффективного стратегического воздействия на активизацию и совершенствование агроэкономических инновационных процессов по основным функциональным стадиям воспроизводства в агросфере.

Стратегию инновационного развития агропродовольственной системы необходимо рассматривать как целенаправленную программу действий по созданию и внедрению социально-экономического механизма, влияющего на процессы производства, хранения и продвижения продукции с целью повышения ее качества, доступности, снижения ресурсоемкости и затратности, обеспечения других критериев конкурентоспособности благодаря коммерциализации инноваций для выполнения требований продовольственной безопасности государства⁶. Разработку стратегии инновационного развития агропродовольственной системы региона можно представить в виде последовательного процесса, включающего определение теоретических и методологических аспектов, рекомендаций по ее практической реализации. Предлагаемые нами положения по разработке региональной стратегии включают определение миссии, анализ внешней среды по направлениям, формирование стратегической цели; определение приоритетных направлений и стратегических зон хозяйствования в отрасли, согласование ресурсов с целями и приоритетами инновационной стратегии, обоснование альтернативных вариантов стратегического развития, разработку целевых программ инновационного развития предприятий АПК. В процессе разработки стратегии некоторые ее элементы будем рассматривать

отдельно на предприятиях сельского хозяйства и перерабатывающей промышленности (рис. 2).

Рис. 2. Структурно-функциональная модель процесса разработки стратегии инновационного развития агропродовольственной системы региона

Неотъемлемой составляющей развития инновационной деятельности агропродовольственной системы является инновационная среда, которая представляет собой социально-экономическую, политическую и нормативно-правовую атмосферу, окружающую создание новшеств, реализацию и диффузию инноваций⁷.

В процессе исследования предложены альтернативные варианты инновационного стратегического развития (табл. 3).

Таблица 3

Сравнительная оценка альтернативных вариантов (сценариев) стратегии инновационного развития агропродовольственной системы

Критерий сравнения	Стабилизационный сценарий	Интерактивный сценарий	Творческий сценарий	Агрессивный сценарий
Финансовые затраты	Умеренные	Высокие	Крайне высокие	Высокие
Роль научных исследований	Определяется изучением исследований лидеров	Высокая, но не определяющая	Доминирующая	Адаптация успешных разработок конкурентов к своим производственным возможностям, имитация научно-исследовательской деятельности
Развитие рынка	Сохранение своей ниши на рынке	Проникновение на новые рынки	Создание новых рынков	Продвижение товара на том же рынке
Риски от внедрения	Умеренные	Высокие	Крайне высокие	Низкие
Система мотивации персонала	В целях инновационного развития акцент не делается	Использование стандартных методов системы мотивации	Гибкая система мотивации	Слабая система мотивации
Ориентация на потребителя	Игнорирование интересов потребителей	Предвидение потребностей потребителей	Определение скрытых потребностей	Игнорирование интересов потребителей
Наличие конкурентов	Стабильное число	Растущее количество	Малое число, практически отсутствуют	Стабильно сокращающееся количество
Ориентация на получение прибыли	Умеренная	Высокая, определяющая	Высокая, но не определяющая	Растущая
Ориентация на получение прибыли	Умеренная	Высокая, определяющая	Высокая, но не определяющая	Растущая
Горизонт внедрения	Длительный	Средний	Зависит от сложности и актуальности исследования	Короткий

Даны рекомендации по разработке программы «Инновационное развитие предприятий АПК региона», выделены два направления: повышение уровня инновационности производимой продукции и обеспечение продовольственной безопасности региона.

Сущность методического подхода к обоснованию и прогнозированию производственно-экономических параметров инновационного развития предприятий агропромышленного комплекса заключается в разработке прогнозов с помощью эконометрических исследований, моделирования основных индикаторов, оказывающих влияние на экономическую эффективность и формирование производственно-экономических параметров предприятий АПК региона. Предлагаемый подход к прогнозированию производственно-экономических параметров инновационного развития предприятий АПК предполагает выполнение следующих этапов: 1) выявление современного состояния предприятий АПК на основе оценки показателей производства и реализации продукции и потребностей в ней с учетом рациональных норм потребления и обеспечения продовольственной безопасности; 2) эконометрическое моделирование основных индикаторов, оказывающих влияние на объемы инновационной продукции и прибыль от ее реализации; 3) эконометрический прогноз объемов инновационной продукции на основе моделей трендов, экспоненциального сглаживания и моделей авторегрессии и скользящего среднего⁸. Методический подход базируется на построении и анализе эконометрической модели в виде системы рекурсивных уравнений, где зависимая переменная Y одного уравнения выступает в виде фактора в другом уравнении⁹:

$$\begin{cases} Y_1 = 25\,438,1 - 382,1X_1 + 2\,755,4X_3 + 30,9X_4; \\ Y_2 = 21\,605,5 + 0,4Y_1 - 443,5X_1 + 297,6X_3 + 11,3X_4, \end{cases} \quad (2)$$

где Y_1 — объем отгруженной инновационной продукции предприятиями АПК региона, млн руб.; Y_2 — прибыль от продаж на предприятиях АПК региона, млн руб.; X_1 — степень износа основных фондов, %; X_3 — уровень рентабельности проданных товаров, продукции, работ, услуг, в % к затратам на производство проданных товаров, продукции, работ, услуг; X_4 — численность работников, выполняющих научные исследования и разработки, чел. Результаты эконометрического моделирования объемов инновационной продукции представлены в табл. 4.

Таблица 4

**Основные характеристики моделей,
используемых для прогнозирования объемов инновационной продукции**

Вид модели	Аналитическое выражение	Коэффициент детерминации R2	Ранг
1	2	3	4
Методы аналитического выравнивания			
Линейная	$Y_t = 2\,124,3t - 4\,705,9$	0,907	4
Полиномиальная	$Y_t = 61,126t^2 + 1\,085,2t - 1\,588,4$	0,92	2
Логарифмическая	$Y_t = 11\,272\ln(t) - 8\,257,3$	0,702	7
Экспоненциальная	$Y_t = 1\,353,2e^{0,217t}$	0,913	3

Окончание табл. 4

1	2	3	4
Степенная	$Y_t = 758,67t^{1,265}$	0,851	6
Адаптивные методы			
Экспоненциальное сглаживание	$Y_{t+1}^* = 62t^2 + 1\,180,5t - 46,2$	0,937	1
Модели авторегрессии и скользящего среднего			
ARIMA-модель	$Y_t = Y_{t-1} - e_t - 0,99e_{t-1}$	0,891	5

В процессе исследования обоснованы прогнозные значения инновационного развития предприятий агропромышленного комплекса (табл. 5) на основе модели экспоненциального сглаживания.

Таблица 5

**Прогноз объемов инновационной продукции в АПК РМ на 2016 — 2020 гг.
на основе модели экспоненциального сглаживания, млн руб.**

Год	Прогноз	Нижняя граница прогноза	Верхняя граница прогноза
2016	35 001,2	29 293,6	40 708,8
2017	38 285,5	32 231,5	44 339,5
2018	41 704,0	35 262,2	48 145,9
2019	45 256,4	38 814,5	51 698,2
2020	48 942,1	42 500,2	55 383,9

Использование методического подхода позволяет выявлять потенциальные возможности и резервы инновационного развития предприятий АПК, определять направления целенаправленного воздействия на их инновационную деятельность.

Агропродовольственная система является важным полем инновационной деятельности, обеспечивающим продовольственную независимость и рост качества жизни населения¹⁰. В процессе исследования установлено, что организация системы инновационно-ориентированного управления агропродовольственной системой должна предусматривать элементы, направленные на создание добавленной ценности в развитии инновационной деятельности: 1) анализ региональной специфики и особенностей функционирования предприятий и эффективности их работы, выявление факторов их инновационного развития; 2) разработка программы модернизации территориальной агропродовольственной системы, ориентированной на выявление и реализацию ее конкурентных преимуществ и потенциала с обоснованием инновационно активных предприятий; 3) определение потребностей в объемах и масштабах производства продовольственных ресурсов, обеспечивающих удовлетворение спроса населения в соответствии с рациональными нормами, достаточными для использования предприятиями перерабатывающей промышленности в качестве сырья и реализации в рамках межрегионального обмена, обоснование социальной модели обеспечения экономической доступности продовольствия и стандартов потребления; 4) установление параметров безопасности продовольствия,

гарантирующих высокое качество, пищевую ценность и экологичность производства; 5) совершенствование производственно-экономических отношений между отраслями, производящими сырье и осуществляющими его переработку, соблюдение внутриотраслевых и межотраслевых пропорций, усиление интеграционных процессов в воспроизводственном цикле; 6) активизация и стимулирование роста конкурентоспособности продукции, сырья и продовольствия, прогнозирование уровня их стратегической конкурентоспособности с учетом ресурсоемкости и минимизации непроизводительных издержек, факторов ценообразования в условиях конкурентной среды; 7) выделение сфер разработки, генерирования и внедрения инноваций с использованием механизмов государственно-частного партнерства и инновационного предпринимательства; 8) разработка мероприятий по формированию конкурентных преимуществ предприятий, основанных на их биоэкономическом характере, обеспечению инновационной привлекательности специализированных предприятий, интенсивного их продвижения на рынки продовольственных товаров; 9) формирование параметров комплексной оценки инновационной среды, учитывающих организацию инновационной деятельности, разработку инновационной продукции, финансирование и мотивацию инновационных процессов, технологические трансферты, интеллектуальную собственность и инновационный потенциал; 10) совершенствование разработок и реализаций инновационных проектов в агробизнесе с обоснованием выбора критериев оценки их научно-технологического уровня, которые целесообразны для инновационных бизнес-моделей; 11) обоснование направлений и инструментов системы государственного регулирования инновационного развития предприятий как базового элемента агропродовольственной политики с позиций эффективного взаимодействия агробизнеса и государства в реализации стратегии регионального развития, роста агроэкономического потенциала и приоритета общественных потребностей; 12) организация мониторинга в системе управления инновационными процессами, включающая формирование информационных массивов по оценке товародвижения на продовольственном рынке уровня потребительского спроса, анализ ценовой ситуации оптовых рынков и розничных сетей для оптимизации структуры внутрирегиональных продовольственных потребностей, усиление межрегионального обмена и экспортного продовольственного потенциала.

Для устранения угроз и реализации конкурентных преимуществ¹¹ мы предлагаем в рамках инновационно-стратегической функции государства осуществлять инновационное управление агропродовольственной системой по следующим приоритетным направлениям (табл. 6).

Таблица 6

Приоритетные направления и инструменты инновационного управления агропродовольственной системой

Направление	Инструмент управления
1	2
Организационное регулирование инновационной деятельности	Включение инноваций в АПК в ключевые направления инновационного развития региона; развитие инновационной инфраструктуры; внедрение системы поощрения создателей инноваций; содействие развитию межрегиональных и международных связей

Окончание табл. 6

1	2
Научное обеспечение инновационного развития	Разработка региональной научно-технологической программы; выбор приоритетных направлений научных исследований аграрной науки; обеспечение своевременной информированности персонала, занятого научными исследованиями о новейших открытиях и разработках в агропроизводстве; развитие международного и национального научного сотрудничества
Использование имеющегося кадрового потенциала и подготовка высококвалифицированных кадров	Привлечение профессиональных учебных заведений для обучения и переподготовки кадров для предприятий АПК; взаимодействие кадровых служб предприятий АПК, центров занятости населения и учреждений профессионального образования; стимулирование деятельности по внедрению научных разработок в практическую деятельность предприятий; создание школы управленческих кадров, обучающих организации инновационной деятельности и управлению ею
Материально-техническое снабжение предприятий	Повышение эксплуатационной надежности сельскохозяйственных машин; освоение новых способов получения электроэнергии с использованием возобновляемых природных источников; дальнейшее развитие автоматизации рабочих процессов; совершенствование технологии производства высококачественной пищевой продукции
Финансирование инновационной деятельности	Выделение бюджетных средств на проведение научных исследований; финансирование практического аспекта внедрения инновации; привлечение инвестиционных ресурсов; проектное финансирование; поощрение инновационных проектов льготами и гарантиями; повышение инновационной грамотности сотрудников
Повышение качества и экологической безопасности продуктов инновационной деятельности	Сертификация результатов инновационной деятельности на соответствие мировым стандартам качества; контроль за составом пищевой продукции; полное или частичное приостановление хранения, перевозки, реализации инновационной продукции предприятий при обнаружении веществ, снижающих качество продукции; внедрение современных технологий очистки окружающей среды
Совершенствование нормативно-правовой базы	Создание стратегии инновационного развития предприятий АПК региона; разработка целевых программ инновационного развития; совершенствование системы стандартов качества пищевой продукции; обеспечение нормативно-правовой поддержки для процессов: информационно-консультационная поддержка с использованием метода краудсорсинга; субсидирование инновационного развития предприятий; льготное налогообложение производства и реализации инновационной продукции; нормативно-правовое регулирование в области охраны интеллектуальной собственности

Устойчивое инновационное развитие региона должно обеспечиваться интеграцией трех субъектов инновационной деятельности «государство — наука — бизнес». Мы считаем, что для успешного инновационного управления в рамках функционирования данной цепочки целесообразна диагностика тенденций и эффективности инновационного развития, а также межотраслевых показателей результативности управления инновационной деятельностью (рис. 3).

На современном этапе развития в агропродовольственной системе требуется создание «технологического коридора» между производством и наукой, который

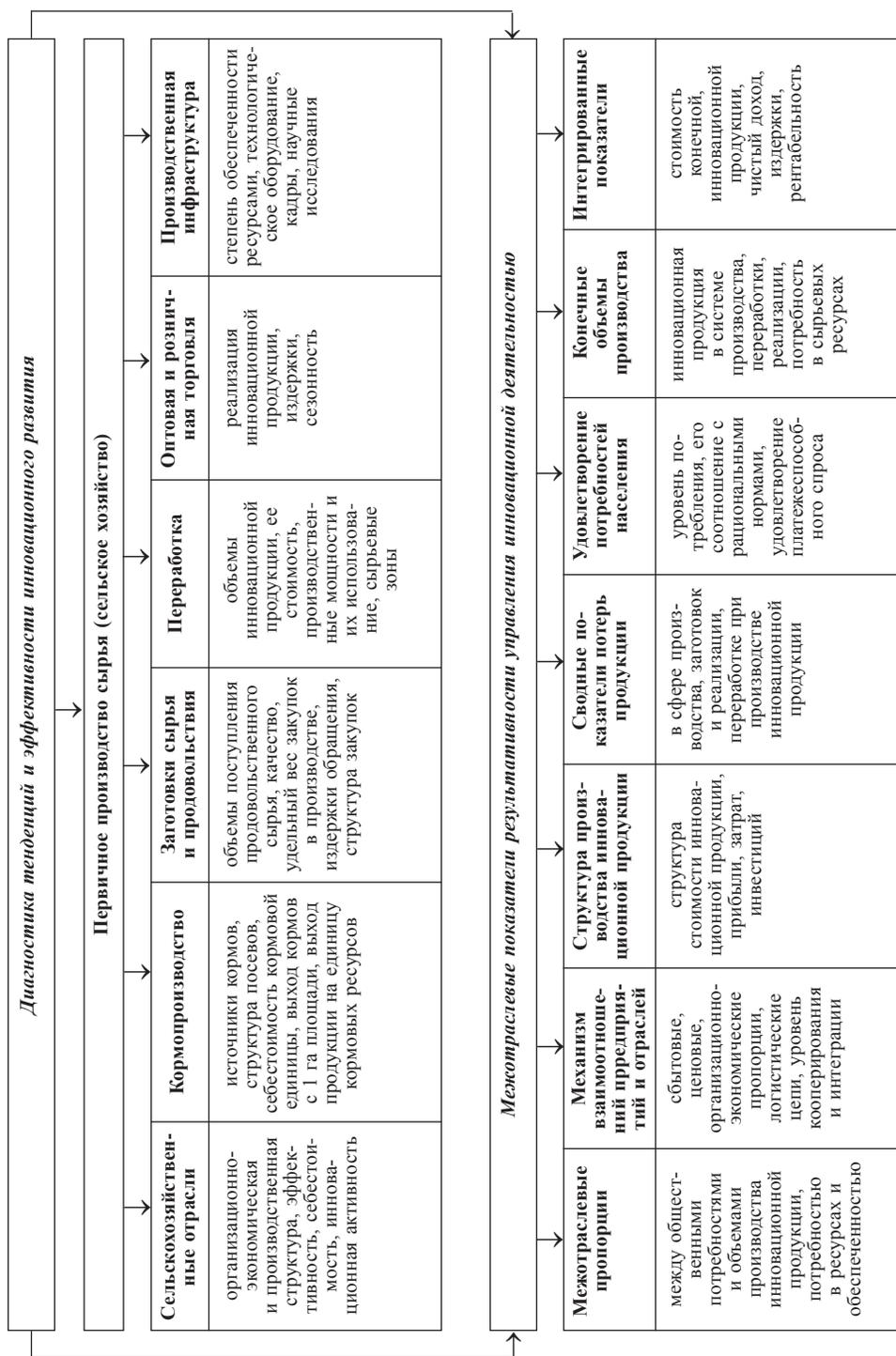

Рис. 3. Система показателей результативности управления инновационным развитием агропродовольственной системы

способен обеспечить коммерциализацию новшеств и освоение новых рынков высокотехнологичной продукции. На наш взгляд, такая деятельность возможна лишь при наличии структурных изменений во внутренней среде, одним из важных элементов которой является инновационное предпринимательство (интрапренерство). Интрапренерством признается внутреннее инновационное предпринимательство в рамках крупных корпораций, выражающееся в поощрении нового поколения изобретателей и новаторов — высокоэффективных внутрифирменных производителей, которые изыскивают возможности для развития инициативы разработки новой продукции, технологии, освоения новых сфер деятельности с использованием внутренних ресурсов¹².

В рамках исследования обоснованы возможности применения основных моделей развития инновационного предпринимательства в агробизнесе региона (табл. 7).

Таблица 7

**Возможности применения основных моделей развития
инновационного предпринимательства**

Модель инновационного предпринимательства	Преимущества	Недостатки
1	2	3
Организация нового бизнеса	Самостоятельность, высокая доходность, стремление к созданию предприятий с долгосрочным потенциалом.	Значительные объемы финансовых вложений и большая степень риска. (Данная модель коммерциализации технологий относится к числу наиболее рискованных; ответственность за отрицательные результаты лежит на предпринимателях).
Лицензирование технологий	Получение высоких доходов, не требующих больших возможностей. (Исследователи практически не несут рисков финансовых потерь, в то время как основные затраты берет на себя предприятие-лицензиар).	Большие затраты времени. (Успех научно-исследовательского предпринимательства зависит от лицензирования предприятия. В мировой практике данная модель активно используется, но в отечественных организациях агропромышленного комплекса ее развитие только начинается. Продаже лицензий препятствуют пробелы в законодательстве в сфере защиты прав собственности, а также недостаток информации о ситуации на рынке выхода продукции. Кроме того, преобладающее значение в АПК имеют патенты на селекционные достижения. Для дальнейшего успешного функционирования данной модели необходимо увеличивать опыт лицензионной деятельности, развивать посреднические услуги на рынке инноваций, улучшать законодательство в области интеллектуальной деятельности).
Продажа технологий	Немедленное получение прибыли. (Доход научно-исследовательского предпринимательства не зависит от коммерческого результата проекта).	Потеря прав на владение технологией; финансовые поступления носят разовый характер. (Для продажи идеи или готовой технологии необходимо проведение маркетинговых исследований. Реализация данной модели осуществляется только на уровне продажи компьютерных программ, поэтому ее дальнейшее внедрение в силу универсальности для различных видов предпринимательства целесообразно).

1	2	3
Стратегическое партнерство	Деление ответственности, доходов от коммерческой деятельности и затрат поровну между производителем и потребителем технологии.	Необходимость поиска оптимальных решений в условиях высокой степени вероятности конфликтов и расхождений в целях и приоритетах участников партнерства.

На наш взгляд, в современных социально-экономических условиях успешное инновационное предпринимательство в агропродовольственной системе требует применения системы управления, реализации которой должны способствовать следующие направления (табл. 8).

Таблица 8

Управление инновационным развитием агробизнеса

Вариант	Приоритеты	Факторы, препятствующие инновационному развитию
Государственно-частное партнерство (ГЧП)	Усиление конкурентоспособности инновационной продукции; финансовая поддержка масштабных инновационных проектов при помощи привлечения долгосрочных прямых инвестиций; финансовое участие в практической реализации инновации; формирование инновационного мышления у предпринимателей; содействие в формировании инновационной инфраструктуры	Проблемы законодательного характера (отсутствие четких границ взаимодействия государства и агробизнеса); отсутствие гарантии окупаемости инновационного проекта; недостаточная доступность инновационных проектов ГЧП; проблемы инновационной и информационной инфраструктуры
Программно-целевое регулирование	Финансирование, кредитование, страхование, льготное налогообложение инновационной деятельности; развитие науки и внедрение инновационных разработок в практическую деятельность; развитие инновационной и информационной инфраструктуры; техническое перевооружение предприятий АПК	Срок реализации программы по развитию инновационной деятельности зависит не от обеспечения финансовыми ресурсами, т. к. результаты от внедрения инноваций могут проявиться в долгосрочной перспективе; отсутствие четкой системы анализа инновационного потенциала предприятий; частое дублирование программных мероприятий на различных уровнях управления

Совершенствование организационной структуры управления инновационным процессом комплекса предполагает в системе Министерства сельского хозяйства и продовольствия Республики Мордовии создание инновационно-инвестиционного центра (рис. 4).

Центр инновационно-инвестиционного развития предприятий АПК должен способствовать формированию и развитию организационной структуры управления

Рис. 4. Организационная структура центра инновационно-инвестиционного развития предприятий АПК

инновационной деятельностью, созданию инновационной инфраструктуры и повышению национальной и продовольственной безопасности региона.

Таким образом, в исследовании дано определение понятия управления инновационной деятельностью в агропродовольственной системе. Предложен методический подход к выявлению возможностей инновационного развития предприятий АПК, включающий комплексную оценку показателя инновационного потенциала. Обоснована структурно-функциональная модель процесса разработки региональной стратегии инновационного развития агропродовольственной системы. Проведенные исследования позволили разработать основные инструменты методического подхода к обоснованию производственно-экономических параметров инновационного развития предприятий АПК. Доказана необходимость организации системы инновационного управления в агропродовольственной системе, ориентированная на развитие научного обеспечения, кадрового потенциала, материально-техническое снабжение предприятий, повышение качества и экологической безопасности продукции, создание инновационной инфраструктуры, усиление конкурентных преимуществ агропромышленного комплекса и обеспечение продовольственной безопасности региона. Предложены подходы к развитию организационной структуры инновационного предпринимательства, созданию центра инновационно-инвестиционного развития предприятий АПК, которые должны способствовать созданию условий, необходимых для развития инновационной инфраструктуры АПК, их устойчивому развитию и качественному росту.

Библиографические ссылки

¹ См.: Кормишкина Л. А. Развитие теории и методологии исследования и обеспечения экономического роста в России в контексте неоиндустриальной парадигмы : монография / Л. А. Кормишкина, Е. Д. Кормишкин, Д. А. Колосков. Саранск, 2015. 258 с. ; Tushamn M. L., Smith W. K.,

Wood R. C. Organizational Designs and Innovation Streams // *Industrial and Corporate Change*. 2010. № 19. P. 1331 — 1336 ; **Nonaka I., Krogh** Perspective — Tacit Knowledge and Knowledge Conversion: Controversy and Advancement in Organizational Knowledge Creation Theory // *Organization Science*. 2009. № 20. P. 635 — 652.

² См.: **Зинина Л. И.** Территориальная агропродовольственная система: приоритеты и механизм инновационного развития // *Проблемы теории и практики управления*. 2015. № 9. С. 17 — 28.

³ См.: **Вертакова Ю. В.** Управление инновациями: теория и практика : учеб. пособие. М., 2012. 432 с. ; **Адук Р. Р.** Управление инновационным развитием АПК России : монография. М., 2011. 168 с. ; **Hedlund G. A.** Model of Knowledge Management and the n-Form Corporation // *Strategic Management Journal*. 1994. № 15. P. 73 — 90 ; **Lazonick W.** The Chandlerian Corporation and the Theory of Innovative Enterprise // *Industrial and Corporate Change*. 2010. № 1. P. 317 — 349.

⁴ См.: **Жиц Г. И.** Некоторые рассуждения о методах и критериях оценки результатов инновационной деятельности // *Инновационная деятельность*, 2007. № 1. С. 21 — 28 ; **Лисин Б. К., Фридлянов В. Н.** Инновационный потенциал как фактор развития // *Инновации*. 2002. № 7. С. 17 — 34 ; **Шабалгина Л. В.** Формирование инновационной среды региона // *Вестник УГАТУ*. 2013. № 1. С. 170 — 176 ; **Рогова Т. Н.** Создание и развитие региональной инновационной системы // *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*. 2017. № 10 (335). С. 1927 — 1943 ; **Бакланова О. Ю.** Управление инновационным потенциалом в АПК регионов // *Региональная экономика: теория и практика*. 2008. № 19. С. 94 — 98.

⁵ Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения: 05.05.2018).

⁶ См.: **Зинина Л. И.** Формирование инновационной стратегии в развитии агропродовольственной системы региона // *Научное обозрение*. 2016. № 6. С. 142 — 147.

⁷ См.: **Ноздрин В. В.** Инновационная среда: содержание, сущность, базовые принципы // *Актуальные вопросы экономических наук*. 2011. № 21-1. С. 137 — 144 ; **Amabile T. M., Staw N. M., Cummings L. L.** A model of creativity and innovation in organizations // *Research in Organizational Behaviour*. 1988. № 10. P. 123 — 167 ; **Whitley R.** The Institutional Structuring of Organizational Capabilities: the Role of Authority Sharing and Organizational Careers // *Organization Studies*. 2003. № 24. P. 667 — 695.

⁸ См.: *Эконометрика*. М., 2007. 576 с. ; **Сажин Ю. В.** Анализ временных рядов и прогнозирование : учебник. Саранск, 2013. 192 с.

⁹ См.: **Сажин Ю. В., Иванова И. А.** *Эконометрика*. Саранск, 2014. 316 с.

¹⁰ См.: **Lam A.** Organizational Innovation // *The Oxford Handbook of Innovation*. Oxford University Press, New York. 2007. P. 115 — 147 ; *Инновационная деятельность в агропромышленном комплексе России : монография / И. Г. Ушачев [и др.]. М., 2006. 374 с.*

¹¹ См.: **Нечаев В. И.** Программно-целевая стратегия инновационного развития АПК: монография / В. И. Нечаев [и др.]. Майкоп, 2011. 286 с. ; **Lacka I.** The conception of portal of knowledge and innovation for Polish food economy // *Folia Univ. agriculturae stenensis*. 2005. N 245. P. 269 — 274.

¹² См.: **Мингалеева Ж. А.** *Словарь инновационных терминов*. Пермь, 2005. 93 с.

Поступила 11.05.2018 г.

УДК 338.48(470.345)

А. В. Булавин, Г. М. Щукин
A. V. Bulavin, G. M. Shchukin

**ДИНАМИКА ПОКАЗАТЕЛЕЙ РАЗВИТИЯ
РЕГИОНАЛЬНОЙ ТУРИСТИЧЕСКОЙ ОТРАСЛИ
(На примере Республики Мордовия)**

**DYNAMICS OF INDICATORS
OF THE REGIONAL TOURIST INDUSTRY DEVELOPMENT
(On the example of the Republic of Mordovia)**

Ключевые слова: туризм, внутренний туризм, въездной туризм, туристский поток, коллективные средства размещения, туристская инфраструктура.

В статье анализируются ключевые показатели развития туристской отрасли Республики Мордовия; рассматриваются основные тенденции в сфере туризма и факторы, влияющие на ее развитие.

Key words: tourism, domestic tourism, inbound tourism, tourist flow, collective accommodation facilities, tourist infrastructure.

The key indicators of the tourist industry development in the Republic of Mordovia are analyzed in the article, as well as the main trends in the sphere of tourism and the factors affecting its development are considered.

В настоящее время туристическая сфера — это одна из наиболее доходных и интенсивно развивающихся отраслей современной экономики, которая играет важную роль в обеспечении устойчивого социально-экономического развития. На международном уровне туризм уже достаточно давно признан перспективной сферой деятельности, имеющей серьезное значение для экономического роста, притока валютных поступлений и увеличения занятости населения. Для многих стран и регионов туристская деятельность является одним из основных источников доходов государства, а также активно способствует развитию инфраструктуры и повышению престижа страны и роста ее значения в глазах мирового сообщества и рядовых граждан.

В последние годы в мировой экономике наблюдается устойчивый рост спроса на туризм. Так, по данным исследования, проведенного World Tourism Barometer, число туристов в мире в 2017 г. достигло 1,322 млрд чел., в сравнении с предыдущим годом их количество выросло на 7 %. Эта динамика, начиная с 2010 г., значительно опережает устойчивые тенденции роста сектора на 4 % в год и более, став, таким образом, самым высоким показателем за последние 7 лет. При этом UNWTO прогнозирует, что в 2018 г. число международных туристских прибытий вырастет на 4 — 5 %¹.

Вместе с тем, говоря о развитии туристической отрасли в нашей стране, следует отметить, что этот процесс остается весьма противоречивым. Так, за три квартала 2017 г. прирост выездного турпотока составил более 20 %, а всего россияне совершили около 31 млн поездок за рубеж. Однако рост на рынке выездного туризма отчасти стал одной из причин стагнации внутреннего. Например, в Сочи, самом

популярном российском курорте, туристическая активность несколько снизилась летом 2017 г. по сравнению с предыдущим сезоном, снижение турпотока было отмечено и в Крыму, составив почти 4 %². Кроме того, доля Российской Федерации на мировом туристском рынке по данным Ростуризма в 2016 г. не достигла и 1 %³, а доля туризма в ВВП России, по словам В. Мединского, после совершенствования методики подсчета выросла с 1 — 1,5 % до 3,4 %, что по сравнению со многими ведущими европейскими странами, где доля туризма в структуре ВВП достигает 10 %, является весьма скромным показателем⁴. В связи с этим неслучайно, что на протяжении последних лет в выступлениях многих представителей органов государственной власти всех уровней и программных документах неоднократно подчеркивалась необходимость повышения туристической привлекательности и потенциала нашей страны и ее регионов.

В настоящее время в Российской Федерации действует федеральная целевая программа «Развитие внутреннего и въездного туризма в РФ на 2011 — 2018 годы», основной целью которой является повышение конкурентоспособности туристского рынка России, удовлетворяющего потребности отечественных и иностранных граждан в качественных туристских услугах⁵, а также «Стратегия развития туризма на период до 2020 г.», направленная на комплексное развитие внутреннего и въездного туризма с учетом обеспечения экономического и социокультурного прогресса в регионах России⁶. Однако несмотря на все успехи и огромный туристический потенциал, конкурентоспособность российской туристической отрасли оставляет желать лучшего, при этом главным фактором, сдерживающим развитие сферы туризма, по-прежнему остается слабо развитая туристская инфраструктура и низкие темпы совершенствования ее ключевых элементов в ряде субъектов Российской Федерации. В связи с этим в настоящее время в региональной экономике, особенно в субъектах где отсутствуют значительные запасы минерально-сырьевых ресурсов, все больше внимания уделяется проблемам развития туризма, так как данная отрасль является одной из высокодоходных и динамично развивающихся, что позволяет диверсифицировать источники пополнения бюджета и создавать новые рабочие места. Ярким примером этого служит ситуация в ряде регионов ПФО, в том числе и в Республике Мордовия.

В настоящее время проблемы формирования в Мордовии современной индустрии туризма и отдыха на основе интенсивного использования регионального туристского потенциала находится под пристальным вниманием республиканских органов власти всех уровней. Так, в Послании Главы Республики Мордовия В. Д. Волкова Государственному собранию РМ подчеркивается, что «сфера туризма должна стать одним из настоящих драйверов развития региона на ближайшие годы» и «при наблюдающемся спаде выездного туризма открываются еще большие перспективы для развития туризма внутреннего»⁷. Кроме того, в 2013 г. для содействия развитию внутреннего и въездного туризма Постановлением Правительства РМ была принята государственная программа «Развитие культуры и туризма на 2014 — 2018 гг.» Аналогичные программные документы действуют и во многих муниципальных районах республики. Важным шагом, повлекшим за собой значительные инвестиции в сферу туризма и совершенствование региональной туристской инфраструктуры, стало включение Саранска в число городов, которым было доверено проведение матчей чемпионата мира по футболу в 2018 г.

Однако несмотря на ряд позитивных изменений, нерешенными остаются некоторые проблемы, сдерживающие формирование конкурентоспособного регионального туристического сектора. Во-первых, на темпы становления и развития туристической отрасли Мордовии серьезное влияние оказывают значительный дефицит республиканского бюджета и ограниченный объем инвестиций. В результате из-за недостатка финансирования инфраструктура многих учреждений культуры и отдыха изношена и требует реконструкции. Во-вторых, из-за сходства природно-климатических условий и предлагаемого ассортимента услуг в сфере туризма, а также ориентированности значительной части населения Российской Федерации на отдых в южных регионах, Республика Мордовия вынуждена конкурировать с соседними регионами ПФО в условиях ограниченного спроса. В-третьих, анализ статистических данных указывает на доминирование выездного туристского потока перед внутренним и въездным⁸, что вкуче с относительно невысокими доходами значительной части населения, существенно ограничивает возможности для развития рынка туристских услуг за счет внутреннего спроса. Кроме того, серьезной проблемой, требующей скорейшего решения, остается высокая цена путевок, низкий уровень сервиса и устаревшие методы управления. При этом «большая часть проблем носит унаследованный и системный характер, вследствие чего они не могут быть решены за короткий период»⁹. В этих условиях «основным ориентиром для определения вектора дальнейшего развития туристских регионов нашей страны и стратегического планирования развития туризма является достоверная статистическая информация»¹⁰. Именно анализ и оценка динамики основных экономических показателей, отражающих количественный объем реализации туристских услуг и их качественную сторону, позволяют определить перспективные направления в сфере туризма, требующие особого внимания и первоочередного финансирования.

На данный момент к основным показателям следует отнести в первую очередь: объем туристского потока (общее число постоянно прибывающих в регион туристов), состояние и развитие материально-технической базы и объем оказанных туристских услуг (гостиницы, экскурсии, посещение музеев, ресторанов и т. д.). Однако корректность оценки данных, полученных на основании существующих методик, у многих специалистов вызывает серьезное сомнение¹¹. Причина этого — информационная закрытость туристической индустрии, неоднородность и нестабильность структуры туристского потока, особенно на региональном уровне, а также, как отмечает А. Л. Кевеш, «определенные проблемы, связанные с совершенствованием статистики пограничной службы по классификации въездных и выездных потоков, регулярностью проведения выборочных туристских обследований по различным проблемам из-за ограниченности бюджетных средств»¹². В результате «данные, подаваемые в службу государственной статистики, оказываются неадекватными, а методы построения спутниковых счетов туризма неэффективными. По этой же причине затруднительны расчеты туристских мультипликаторов. Не отработаны или не адаптированы к российским условиям традиционные методы оценки репрезентативности выборок, методы сопоставления данных из различных источников. Вся система государственной статистики демонстрирует неспособность отслеживать туристские тренды и выявлять угрозы развития туристской отрасли за исключением узкого сегмента выездного туризма, в котором налажена относительно точная

система учета»¹³. В результате современная федеральная статистическая отчетность позволяет оценивать развитие туризма в определенном регионе лишь по ограниченному числу показателей, которые недостаточно полно характеризуют величину туристических потоков, особенно в субъектах Российской Федерации. Тем не менее для оценки существующих тенденций развития регионального туризма в ПФО это вполне приемлемо.

В настоящее время основным показателем для определения состояния сферы туризма в том или ином регионе является количество отдыхающих, направляющихся в определенные туристские регионы и центры в течение данного отрезка времени (турпоток). По словам Д. Максимова и А. Евстафьева, «туристский поток характеризует физический объем туристской деятельности (выраженный не только в количестве всех посетивших территорию отдыхающих, но и в количестве проведенных ночевков, в численности наличных посетителей, в количестве прибытий и т. д.), ее пространственную дифференциацию и динамику»¹⁴ (табл. 1).

Таблица 1

Динамика размещения лиц в гостиницах, санаторно-курортных организациях и организациях отдыха, чел.

Показатель	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.
Размещение российских и иностранных граждан в организациях отдыха и туризма, всего	93 414	87 702	94 581	97 493	93 012
В гостиницах и аналогичных средствах размещения, всего	68 941	61 207	66 078	73 399	68 427
Из них иностранных граждан	2 499	2 552	2 675	2 458	2 707
В санаторно-курортных организациях, всего	19 455	18 051	20 114	19 412	16 950
Из них иностранных граждан	24	40	28	34	44
В организациях отдыха, турбазах, всего	5 018	8 444	8 389	4 682	7 635
Из них иностранных граждан	4	—	—	—	—

Составлена по: Мордовия : стат. ежегодник. Саранск, 2016. С. 200.

Начиная с 2011 г. число туристов, зарегистрировавшихся в коллективных средствах размещения, практически не изменилось. Максимальное число приезжих было отмечено в 2014 г., что, вероятно, было вызвано игрой футбольного клуба «Мордовия» в матчах Российской футбольной премьер-лиги. Кроме того, обращает на себя внимание незначительное количество иностранных граждан, выбравших целью поездки Республику Мордовия, а также решивших купить путевки в местные санаторно-курортные организации, организации отдыха и турбазы. В результате, как свидетельствуют данные официальной статистики, коэффициент использования гостиничного фонда не превышает 31 %¹⁵, который, к тому же, может серьезно снизиться в дальнейшем, после ввода в эксплуатацию объектов, построенных к чемпионату мира по футболу 2018 г.

Таблица 2

Объем платных услуг населению Республики Мордовия, млн руб.

Показатель	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2015 г., % к 2009 г.
Платные услуги, всего	13 261,8	14 852,1	17 408,4	18 979,9	20 775,1	22 187,4	23 200,3	174,9
В том числе по туризму:								
гостиниц и аналогичных средств размещения	102,6	94,7	180,9	207,1	208,6	261,4	248,6	242,3
туристские	229,4	246,1	369,6	382,5	542,2	522,6	537,0	234,1
санаторно-оздоровительные	72,4	80,5	102,6	131,9	178,0	178,3	191,7	264,8
Итого	404,4	421,3	653,1	721,5	928,8	962,3	977,3	241,7
Доля услуг, связанная с туризмом, %	3,0	2,8	3,8	3,8	4,5	4,3	4,2	140,0

Составлена по: Мордовия : стат. ежегодник. 2014. С. 335 ; Мордовия : стат. ежегодник. 2016. С. 331.

Вместе с тем приведенные данные в табл. 2 свидетельствуют, что темпы роста объема платных услуг населению республики в 2015 г. по сравнению с 2009 г. увеличились на 174,9 %, а услуги, непосредственно связанные с туризмом (гостиничные, туристские и санаторно-оздоровительные) на 241,7 % и составили 977,3 млн руб. Это привело к росту доли услуг туристических отраслей в общем объеме услуг населению, пик которого приходится на 2013 г. с показателем 4,5 %. Однако с 2014 г. интенсивность роста объема и доли этих услуг стала уменьшаться. Это неслучайно, поскольку в перечень платных услуг в сфере туризма входит продажа зарубежных туров, спрос на которые значительно сократился в связи со сложной социально-экономической ситуацией и девальвацией рубля, а также закрытием для граждан России курортов Египта и Турции.

Следует отметить, что о динамике развития туристской сферы в первую очередь свидетельствуют развитие инфраструктуры и изменение количества коллективных средств размещения в том или ином регионе (табл. 3).

Как видно из приведенной выше таблицы, за период с 2005 по 2015 г. в ПФО число коллективных средств размещения туристов возросло на 68,9 % и составило 3 236 единиц. Лидерами роста стали Нижегородская область (164,7 %), Удмуртская Республика (135,6 %) и Пензенская область (107,3 %). Республика Мордовия с темпом прироста 57,9 % занимает скромную девятую позицию среди четырнадцати регионов ПФО.

Однако необходимо отметить тот факт, что гостиницы и иные средства размещения туристов имеют различный номерной фонд — от десяти номеров и больше и численность населения регионов ПФО варьирует от 687 тыс. чел. (Республика Марий Эл) до 4 071 тыс. чел. (Республика Башкортостан). В связи с чем изменение

Динамика числа коллективных средств размещения

Регион	2005 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2015 г., % к 2005 г.
ПФО	1 916	2 359	2 395	2 547	2 556	2 783	3 236	168,9
Республика Башкортостан	347	379	377	374	382	390	404	116,4
Республика Марий Эл	44	54	51	49	47	50	60	136,4
Республика Мордовия	38	44	45	47	49	46	60	157,9
Республика Татарстан	242	311	295	316	335	350	385	159,1
Удмуртская Республика	73	122	128	140	132	129	172	235,6
Чувашская Республика	71	93	93	97	100	118	118	166,2
Пермский край	164	231	271	275	262	269	348	212,2
Кировская область	114	101	104	112	120	131	159	139,5
Нижегородская область	173	207	220	258	278	360	458	264,7
Оренбургская область	136	230	215	235	236	242	243	178,7
Пензенская область	55	70	74	79	81	94	114	207,3
Самарская область	197	234	238	282	265	304	399	202,5
Саратовская область	174	187	187	186	170	191	201	115,5
Ульяновская область	88	96	97	97	99	109	115	130,7

Составлена по: Регионы России: социально-экономические показатели : стат. сб. М., 2016. С. 40, 487.

числа гостиниц и иных средств размещения туристов характеризует только общий тренд развития туризма, но не отражает сравнительный уровень его развития в регионах. В связи с этим более объективным является сравнение на основании данных о численности размещенных лиц в коллективных средствах размещения на 1 тыс. чел. населения. Данный показатель определяет количество зарегистрированных с одной и более ночевкой (абсолютное большинство которых относится к категории туристов) в расчете на 1 тыс. чел. населения.

Так, в 2015 г. в ПФО количество лиц, остановившихся в гостиницах и хостелах, составило 239 чел. на 1 тыс. населения, что на 70 % больше показателя десятилетней давности (табл. 4). Среднегодовой темп прироста туристского потока по этому показателю, рассчитанный по формуле ($\sqrt[10]{1,7} * 100$) — 100, составил 5,5 %, что намного выше средней динамики общего экономического роста за 2005 — 2015 гг.

Как мы можем видеть, по темпам роста числа прибывающих Республика Мордовия занимает в ПФО 3-ю позицию (188,9 %). Первенство принадлежит Республике Татарстан и Нижегородской области, где рост составил 272,3 и 226,2 % и достиг в 2015 г. соответственно 461 и 334 туриста на 1 тыс. чел. Однако по количеству зарегистрированных туристов на 1 тыс. жителей, несмотря на высокую динамику,

Таблица 4

**Динамика численности размещенных лиц в гостиницах
и в других коллективных средствах размещения на 1 тыс. чел. населения**

Регион	2005 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2015 г., % к 2005 г.
ПФО	141	185	197	229	237	241	239	169,5
Республика Башкортостан	158	187	177	216	225	212	219	138,6
Республика Марий Эл	131	151	150	155	149	138	162	123,7
Республика Мордовия	67	97	113	111	118	121	126	188,0
Республика Татарстан	169	294	326	375	410	427	461	272,8
Удмуртская Республика	121	192	190	182	193	198	175	144,6
Чувашская Республика	137	207	207	211	199	213	192	140,1
Пермский край	150	179	219	224	231	208	244	162,7
Кировская область	162	171	182	189	188	192	191	117,9
Нижегородская область	147	185	214	260	257	300	334	227,2
Оренбургская область	149	219	216	267	296	265	187	125,5
Пензенская область	86	91	107	114	120	119	101	117,4
Самарская область	153	168	179	257	252	251	206	134,6
Саратовская область	94	117	119	143	130	133	132	140,4
Ульяновская область	131	163	155	156	178	231	179	136,6

Составлена по: Регионы России... С. 40, 487.

характерную для анализируемого периода, Мордовия занимает в ПФО лишь пред последнюю, 13-ю позицию, что вызвано значительным отставанием республики от остальных регионов ПФО в предыдущие годы. Кроме того, необходимо отметить увеличение диспропорции между регионами лидерами и аутсайдерами, оцениваемой на основании численности размещенных лиц на 1 тыс. чел. населения: если в 2005 г. соотношение между Республикой Татарстан и Республикой Мордовия по этому показателю составило 2,5:1, то в 2015 г. — 3,7:1. Более того, увеличился разрыв на основании средних показателей: если в 2005 г. Нижегородская область превосходила средний показатель по Поволжью на 4,3 %, а Республика Татарстан на 19,8 %, то в 2015 г., соответственно на 39,7 и 96,2 %. Столь значительные отличия в динамике и уровне развития туризма субъектов ПФО в первую очередь вызваны различными экономическими возможностями, а также организационно-управленческими подходами и усилиями региональных властей по развитию инфраструктуры в сфере туризма¹⁶.

Следует отметить и тот факт, что Мордовия серьезно сократила отставание по показателям развития туризма от большинства регионов Приволжья, в том числе и опережающих республику по численности населения и социально-экономическому потенциалу. Так, если в 2005 г. численность размещенных лиц в гостиницах и в других коллективных средствах размещения на 1 тыс. чел. населения в Республике

Мордовия по отношению к Республике Башкортостан составила 42,4 %, к Республике Марий Эл — 51,1, к Удмуртской Республике — 55,4, к Чувашской Республике — 48,9, к Кировской области — 41,4, к Оренбургской области — 45,0, к Пензенской области — 78,0, к Самарской области — 43,8, к Саратовской области — 71,3, к Ульяновской области — 51,1 %, то в 2015 г. соответственно — 57,5 %, 77,8, 72,0, 65,6, 66,0, 67,4, 124,8, 61,2, 95,5 и 70,4 %. Таким образом, учитывая скромные финансово-экономические возможности Республики Мордовия, которая занимает 63-е место среди регионов Российской Федерации¹⁷, достигнутые результаты увеличения въездного потока туристов являются весьма значительными.

Еще одним показателем, позволяющим пусть и косвенно оценить состояние сферы туризма в том или ином субъекте ПФО, является объем оказанных услуг музеями и предприятиями питания.

Для большинства регионов, за исключением южных территорий, главными объектами посещения туристов являются музеи. В связи с этим для оценки въездного и внутреннего туризма важно рассмотреть этот показатель (табл. 5 — 6).

Таблица 5

Динамика посещаемости музеев Республики Мордовия

Показатель	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.
Количество музеев, включая филиалы	24	22	24	24	24
Число посещений музеев, тыс.	209,2	192,3	160,4	193,9	222,6
Число посещений музеев на 1 тыс. чел. населения	252,2	233,9	196,7	239,2	275,4

Составлена по: Мордовия : стат. ежегодник. 2016. С. 198.

Данные табл. 5 свидетельствуют, что число посетителей музеев Республики Мордовия значительно колебалось. Это было вызвано проведением в 2013 — 2014 гг. масштабной реконструкции одного из популярных туристических объектов — Мордовского республиканского музея изобразительных искусств им. С. Д. Эрзи.

Таблица 6

Число посещений музеев в регионах ПФО на 1 тыс. чел. населения

Регион	2005 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2015 г., % к 2005 г.
1	2	3	4	5	6	7	8	9
ПФО	281	332	357	374	400	436	484	172,2
Республика Башкортостан	118	136	161	168	167	190	204	172,9
Республика Марий Эл	410	553	619	662	681	756	768	187,3
Республика Мордовия	248	266	251	234	197	239	275	110,9
Республика Татарстан	245	455	584	628	779	920	1 151	469,8
Удмуртская Республика	446	472	439	459	463	449	480	107,6
Чувашская Республика	186	229	273	284	274	295	326	175,3

Окончание табл. 6

1	2	3	4	5	6	7	8	9
Пермский край	268	403	349	363	364	365	401	149,6
Кировская область	489	530	564	565	594	651	671	137,2
Нижегородская область	283	348	388	432	446	472	534	188,7
Оренбургская область	153	100	113	123	161	177	178	116,3
Пензенская область	389	376	403	384	359	442	454	116,7
Самарская область	294	260	274	269	280	315	306	104,1
Саратовская область	354	325	321	335	339	314	321	90,7
Ульяновская область	435	567	550	606	638	623	625	143,7

Составлена по: Регионы России... С. 472.

Как по численности размещенных лиц в гостиницах и в других коллективных средствах размещения, так и по числу посещений музеев на 1 тыс. чел. населения Республика Мордовия занимает 13-ю позицию в ПФО. Лидирует Республика Татарстан, где число посещений музеев в 4,2 раза больше, чем в Мордовии. Разумеется, музеи посещают не только туристы, но и местные жители, поэтому определить долю каждой из этой категории посетителей без специальных трудоемких и финансово затратных обследований невозможно. Однако, очевидно, что расхождения между регионами по посещаемости местными жителями музеев не могут отличаться в разы. В связи с этим кратные различия субъектов ПФО по этому показателю объясняются интенсивностью притока туристов в регионы.

За этот период в Республике Мордовия отмечается практически двукратный рост оборота общественного питания с 1 859,2 млн руб. в 2011 г. до 3 482,2 млн руб. в 2015 г., который в сопоставимых ценах значительно скромнее — 126,8 %, что также вряд ли свидетельствует о значительном росте турпотока (рисунок).

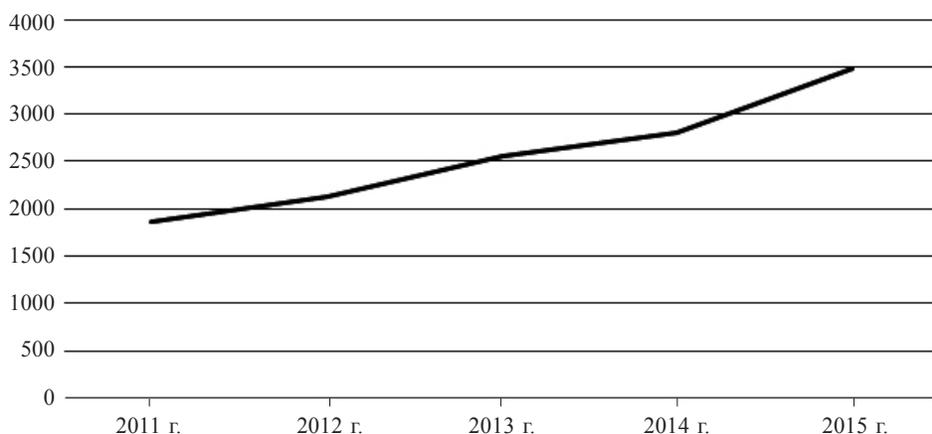

Рис. Оборот общественного питания
(в фактически действовавших ценах), млн руб.

Исходя из вышеизложенного, можно отметить рост конкурентоспособности туристской сферы Республики Мордовия, о чем свидетельствует стремительное развитие региональной туристской инфраструктуры. Увеличению потока туристов способствовали нахождение футбольной команды «Мордовия» в 2011 — 2015 гг. в Премьер-лиге, а также ряд событийных мероприятий, таких как проведение всероссийских соревнований по нескольким видам спорта в столице республики, празднование в 2012 г. 1000-летия единения мордовского народа с народами Российского государства, участие в котором приняли не только официальные представители федеральной власти соседних регионов, но и большое количество рядовых граждан со всей страны. Эти мероприятия способствовали созданию имиджа республики как гостеприимного региона, имеющего интересные достопримечательности, памятники истории и культуры, уникальные образцы народных промыслов и т. д. Однако, если сравнивать субъекты ПФО, то намерения по усилению туристской привлекательности регионов и существенному увеличению вклада туризма в экономику в большей степени удалось реализовать только крупным регионам, имеющим более высокие количественные и качественные показатели социально-экономического развития, в частности Республике Татарстан, Нижегородской области и Пермскому краю.

Библиографические ссылки

¹ UNWTO World Tourism Barometer («Туристический барометр ВТО») [Электронный ресурс]. URL: http://cf.cdn.unwto.org/sites/all/files/pdf/unwto_barom18_01_jan_excerpt.pdf (дата обращения: 16.01.2018.)

² Итоги 2017: Каким стал год для туристской отрасли [Электронный ресурс]. URL: <http://www.interfax.ru/russia/594030> (дата обращения: 15.01.2018).

³ Доля России на мировом туристском рынке составляет менее 1 % [Электронный ресурс]. URL: <http://tourism.interfax.ru/ru/news/articles/27357/> (дата обращения: 16.01.2018).

⁴ Российский туризм снова в плюсе? [Электронный ресурс]. URL: <http://tourinfo.ru/article/rossiyskiy-turizm-snova-v-plyuse> (дата обращения: 16.01.2018).

⁵ Постановление Правительства Российской Федерации от 2 августа 2011 г. № 644 «О Федеральной целевой программе «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2011 — 2018 годы)» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.russiatourism.ru/content/2/section/28/detail/28/> (дата обращения: 17.01.2018).

⁶ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 31.05.2014 № 941-р «Об утверждении стратегии развития туризма в Российской Федерации на период до 2020 года» (в ред. Распоряжения Правительства РФ от 11.11.2014 № 2246 р.) [Электронный ресурс]. URL: <http://static.government.ru/media/files/41d4e55c9b1d8bca7b6a.pdf> (дата обращения: 17.01.2018).

⁷ Послание Главы Республики Мордовия Государственному собранию РМ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gsrn.ru/poslanie-glavy-rm/> (дата обращения: 17.01.2018).

⁸ Формирование туристско-рекреационного потенциала Республики Мордовия / И. Г. Кильдюшкина [и др.] / НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. Саранск, 2016. 237 с. [Электронный ресурс]. URL: http://m.vk.com/wall-97996331_542 (дата обращения: 19.01.2018).

⁹ Булавин А. В., Четаева К. Г. К вопросу о мерах по привлечению инвестиционных ресурсов в региональную туристскую инфраструктуру // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2016. № 4 (40). С. 189.

¹⁰ Климова Т. Б., Вишневская Е. В., Аноприева Е. В. Структура и динамика турпотоков: тенденции и определяющие факторы // Сервис в России и за рубежом. 2017. № 5 (75). С. 15.

¹¹ См.: **Грибков-Майский В. М.** Статистика в туризме или как подсчитать турпоток? // Сервис в России и за рубежом. 2016. № 8 (69). С. 168 — 170 ; **Шариков В. И.** Совершенствование статистического учета в сфере туризма // Вестник РМАТ. 2016. № 1. С. 18 — 24 ; **Максимов Д. В., Евстафьев А. И.** Методы малозатратной оценки величины туристского потока на региональном и местном уровне. LaPLAMBERT, 2012. 193 с. ; Как считать туристов // Санкт-Петербургские ведомости. 2018. 11 янв.

¹² **Кевеш А. Л.** О мерах по совершенствованию официального статистического учета, а также формирования официальной статистической информации в сфере туризма в Российской Федерации. Актуальные вопросы развития внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации // Аналитический вестник. М. 2016. № 20 (619). С. 39.

¹³ **Максимов Д., Евстафьев А.** Указ. соч. С. 3.

¹⁴ Там же. С. 3 — 4.

¹⁵ Мордовия : стат. ежегодник. Саранск, 2016. С. 200.

¹⁶ См.: **Бердникова О. А., Иванов С. Е.** Анализ и динамика показателей развития туристской отрасли на примере Республики Татарстан // Век качества. 2015. № 1. С. 73 — 76.

¹⁷ Рейтинг социально-экономического положения субъектов РФ по итогам 2016 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://riarating.ru/regions/20170530/630063754.html> (дата обращения: 08.02.2018).

Поступила 12.02.2018 г.

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 821.51

В. Б. Бакула

V. B. Bakula

СААМСКАЯ ПИСЬМЕННОСТЬ И ЛИТЕРАТУРА

THE SAMI WRITTEN LANGUAGE AND LITERATURE

Ключевые слова: саамская письменность, языковая ситуация, национальная литература, транслятор этнических ценностей.

В статье рассматриваются становление письменности российских саамов, ее состояние сегодня, проблема существования литературного саамского языка и литературы на саамском языке.

Key words: Sami written language, language situation, national literature, translator of ethnic values.

The development of the written language of the Russian Sami, its modern situation and the problem of the existence of the Sami literary language and Sami national literature are considered in the article.

Вопрос существования литературы того или иного народа непосредственно связан с его письменностью, с владением писателей родным словом. Сегодня достаточно распространенным явлением в литературах народов России является двуязычие художников слова, которое обусловлено историческим развитием этноса, появлением письменности, а затем и литературного языка. Современные исследователи выделяют несколько типов двуязычия¹, выясняют факторы, имеющие значение для причисления писателя к национальной литературе, среди которых обязательным является знание языка своего народа². В этом смысле интересным будет рассмотрение состояния литературы российских саамов.

Вопрос письменности малочисленных народов Севера стал решаться Советской властью вскоре после революции. 20 июня 1924 г. при Всероссийском центральном исполнительном комитете был создан Комитет содействия народностям северных окраин (Комитет Севера). В конце 1920-х гг. Комитет Севера и ряд научных учреждений Москвы и Ленинграда приступили к реализации сложной задачи — дать малым народам Севера национальную письменность. В начале 1931 г. был разработан и утвержден унифицированный с алфавитами других народов Севера алфавит на латинской основе (в 1933 и 1934 гг. он реформировался). В 1932 г. прошла I Всероссийская конференция по развитию языков и письменности народов Севера, в 1933 г. был образован Комитет Нового Алфавита для языков народов Севера. Он ставил своей задачей скорейшее поднятие культурного уровня народов Севера

путем создания и развития письменности на языках народов Севера, в частности на саамском.

На заседании Президиума Мурманского Окрисполкома в сентябре 1933 г. было принято решение об организации Мурманского и Окружного комитета содействия развитию языка и письменности народов Севера*. Перед Комитетом также стояла «задача по внедрению письменности на родном языке в массы народов Севера»³, что впоследствии должно было привести к созданию литературного языка для кольских саамов.

В 1933 г. тиражом полторы тысячи экземпляров вышел в свет новый саамский букварь на основе латинской графики З. Е. Чернякова. За его основу взят кильдинский диалект с учетом особенностей нотозёрского, йоканьгского и бабинского. Кроме того, З. Е. Черняков перевел с русского языка на саамский ряд учебников. Он же составил грамматические таблицы по саамскому языку и программы по изучению данного языка в школе. В 1934 г. на саамском языке вышли «Учебник арифметики для начальных школ» (в 2 ч.) Н. Попова, «Книга для чтения» П. Жулёва, «Животные жарких стран» А. Чарушина (перевод А. Г. Эндюковского), «Как люди по земле ездят» Л. Савельева, «Что дала Октябрьская революция трудящимся саамам» и «Что такое индустриализация страны» Л. М. Валерштайна (перевод З. Е. Чернякова). На латинизированном алфавите была написана первая и до сегодняшнего дня единственная саамская пьеса о жизни оленеводов «Председатель Сельсовета» Т. Дмитриева (перевод на русский сделан З. Е. Черняковым).

Однако создание единого алфавита на латинской основе для большинства народов Севера не оправдало надежд, а единый литературный язык был назван формалистическим творчеством⁴. Кроме того, в «Букваре» 1933 г. использованы черты всех четырех диалектов саамского языка, в состав которых входило по несколько говоров. Диалекты отличались друг от друга настолько, что носители одного не понимали носителей других. Письменности ни на одном из диалектов не существовало. В результате использования слов из других диалектов «терялся системный характер языка»⁵, качество обучения из-за этого оставалось низким. Учителя пришли к выводу, что обучение саамов идет более успешно на русском языке⁶. В программе начальной школы на саамском языке проводились только уроки обучения грамоте, причем занятия велись после учебного дня. Для преподавания всех дисциплин на национальном языке не хватало учителей. На саамском отделении Мурманского педтехникума обучение будущих педагогов велось на русском и отчасти на родном языке⁷.

Повышение культуры малых народностей Севера, в том числе и саамов, было делом необыкновенной сложности. В 1937 г. саамская письменность начинает реорганизовываться, выходит в свет составленный А. Г. Эндюковским букварь, созданный уже на основе кириллицы. В его переводе выходят учебники арифметики и книги для чтения. Однако в том же 1937 г. преподавание в школах на саамском языке прекратилось на долгие годы из-за политических репрессий, прокатившихся по всей стране, и сфабрикованного «саамского дела» о националистах⁸. Таким об-

* Работа комитета сыграла определенную роль в подъеме культуры саамского народа, росте национального кадров, рождении собственной интеллигенции.

разом, внедрение письменности приостановилось и саамский язык не перешел в форму литературного языка.

Следующий этап развития письменности для российских саамов был связан с работой носителя кильдинского диалекта, учителя русского языка и литературы, младшего научного сотрудника НИИ национальных проблем образования Академии педагогических наук СССР, выпускницы Института Народов Севера А. А. Антоновой. В 1982 г. был издан ее «Букварь» на кириллице.

К тому времени о себе заявили первые саамские поэты — Аскольд Бажанов (1934 — 2012), писавший на русском языке, имя которого стало известно с 1971 г. в связи с публикацией в газете «Литературная Россия» стихотворения «Зимняя ночь», и Октябрина Воронова (1934 — 1990), чьи стихи были опубликованы вместе со стихами А. Бажанова в газете «Ловозерская правда» в 1979 г. Стихи поэтессы были на йоканьгском диалекте саамского языка. На русский язык их переводили несколько поэтов, самым известным из которых является В. А. Смирнов. Литература российских саамов на русском языке началась с 1983 г., с выхода первого сборника стихов «Солнце над тундрой» А. А. Бажанова, на саамском — с 1990 г. с выхода в свет первой книги стихов «Ялла» («Жизнь») О. Вороновой. Однако после нее на йоканьгском диалекте не решался писать никто. Причины тому были объективные — слишком большой ценой досталась О. Вороновой ее книга на родном диалекте саамского языка. Первая саамская поэтесса, член Союза писателей России, ушла из жизни, так и не увидев ее напечатанной⁹.

Отметим, что начавшаяся борьба за алфавит и существование двойной орфографии также не способствовали появлению желающих писать на саамском. Вскоре после создания письменности на кильдинском диалекте и выхода в свет «Букваря» А. Антоновой в окончательную рукопись первого в мире «Саамско-русского словаря» редактором Р. Д. Куруч были внесены в саамский алфавит на кириллице две латинские буквы — *h* и *j*, что явилось поводом многолетнего спора в среде саамской интеллигенции.

Вопрос литературного языка до сих пор стоит остро в среде саамов. Сегодня в учебной литературе представлены четыре саамских алфавита, на трех из которых издается (или издавалась) учебная и художественная литература, словари. Все это не способствует формированию саамского литературного языка. Состояние саамского языка долгие годы усугублялось его невостребованностью в среде саамов и на государственном уровне: не было телевидения и прессы на национальном языке, радиовещание ограничивалось незначительным временем, преподавание велось факультативно только в начальной школе, отсутствовали современные учебно-методические материалы. В основу письменности был положен кильдинский диалект, разработка правил орфографии велась только для него.

Сегодня язык российских саамов находится под угрозой исчезновения. По данным исследователя восточных диалектов Э. Шеллер (Норвегия), носителей бабинского диалекта саамского языка осталось 1 — 2, йоганьгским диалектом владеют около 20 носителей, нотозёрским — около 20, кильдинским — около 700. Однако не все из них являются его активными носителями, т. е. свободно говорят на родном языке. Активных носителей кильдинского диалекта менее 100 человек, йоганьгского — 1 — 2, носителей нотозерского и бабинского диалектов не осталось¹⁰. Таким

образом, основная часть кольских саамов пользуется кильдинским диалектом, который наиболее сохранился.

За 28 лет существования литературы российских саамов о себе заявили 18 саамских писателей, творчество которых наиболее полно представлено в «Антологии саамской литературы»¹¹. Вопрос владения родным языком в среде саамских художников слова связан с языковой ситуацией на Кольском Севере.

Литература российских саамов относится к новописьменным литературам. Из 18 писателей на саамском языке пишут О. Воронова, А. Антонова, И. Виноградова, С. Якимович, О. Перепелица и К. Коркина и Э. Галкина. Произведения других саамских литераторов существуют на кильдинском диалекте саамского языка в переводах.

Таким образом, саамский язык не успел сформироваться как литературный. Внедрение письменности и обучение в школах на нем прекратились, саамский язык не преподавался даже как учебный предмет. За это время выросло не одно поколение саамов, использующих родной язык в лучшем случае в бытовой среде. Среднее поколение саамских писателей владеет языком слабо или не владеет совсем. В такой ситуации необходим пересмотр отнесения творчества того или иного писателя к национальной литературе. Вероятно, исходить надо из «национального самосознания писателя, психологического, духовного, чувственного ощущения им себя представителем данного народа»¹². Вопрос о том, можно ли отнести творчество поэта или прозаика к национальной литературе исходя из предметов его творческих интересов¹³, является спорным, так как предмет творческих интересов непосредственно зависит от коллизий не только национальной действительности, но и от исторической. В то же время нельзя исключить отнесение творчества писателя к родной литературе исходя только из его национальности (творчество М. Филиппова, В. Чернышихина и др.). Когда речь идет об исчезающем языке, роль транслятора этнических ценностей начинает играть литература независимо от языка, на котором она существует. Сегодня можно сказать, что саамская литература родилась, однако ее путь на родном языке тернист.

Библиографические ссылки

¹ См.: Гусейнов Ч. Г. Этот живой феномен. М., 1988. С. 370.

² См.: Гусейнов Ч. Г. Указ. соч. С. 382 ; Литература народов России. М., 2017. С. 36.

³ Материалы по развитию языков и письменности народов Севера в Мурманском округе. Мурманск, 1934. Вып. 1. С. 4.

⁴ Исаев М. И. О языках народов СССР. М., 1978. С. 221 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=274426> (дата обращения: 06.09.2017).

⁵ Керг Г. М. Саамская письменность // Прибалтийско-финское языкознание. Вопросы фонетики, грамматики и лексикологии. Л., 1967. С.113.

⁶ См.: Киселев А. А., Киселева Т. А. Советские саамы: история, экономика, культура. Мурманск, 1987. С. 94.

⁷ См.: Материалы по развитию языков и письменности народов Севера в Мурманском округе. С. 9.

⁸ См.: Киселев А. А. Саамский заговор. Дело № 46197 // Живая Арктика. 1999. № 3 — 4. С. 58 — 60 ; Сорокажердьев В. В. По страницам следственного дела № 46197 // Наука и бизнес на Мурмане : науч.-практ. журн. 2004. № 2. С. 47 — 64.

⁹ См.: **Большакова Н. П.** Октябрина. Повествование о первой саамской поэтессе Октябрине Вороновой. Мурманск, 2012. 112 с.; **Огрызко В.** Поскупилась жизнь на золото // Саамская литература : материалы и исслед. М., 2010. С. 23 — 29.

¹⁰ См.: **Шеллер Э.** Ситуация саамских языков в России // Наука и бизнес на Мурмане. 2010. № 2. С. 18 — 20; **Scheller E.** Kola Sami language revitalization — opportunities and challenges // L'Image du Sápmi II / textes réunis par Kajsa Andersson. ÖREBRO UNIVERSITY, 2013. P. 392 — 421.

¹¹ См.: Антология саамской литературы. Мурманск, 2012. 384 с.

¹² Литература народов России. М., 2017. С. 36.

¹³ Там же. С. 37.

Поступила 14.05.2018 г.

УДК 81'374.822:811.511.152.2

А. Н. Келина

A. N. Kelina

ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ В «МОКШАНСКО-РУССКОМ СЛОВАРЕ»

ETHNOGRAPHIC TERMINOLOGY IN THE MOKSHA-RUSSIAN DICTIONARY

Ключевые слова: термин, этнографическая терминология, мокшанский язык, мокшанско-русский словарь.

В статье рассматривается этнографическая терминология, выявленная в «Мокшанско-русском словаре».

Key words: term, ethnographic terminology, the Moksha language, the Moksha-Russian dictionary. Ethnographic terminology, found in the Moksha-Russian dictionary, is analyzed in the article.

Термин (лат. terminus — граница), слово или словосочетание, обозначающее понятие специальной области знания или деятельности. К особенностям термина относятся: 1) системность; 2) наличие дефиниции (краткое объяснение какого-либо слова); 3) тенденция к моносемантичности (в пределах своего терминологического поля); 4) отсутствие экспрессии. Совокупность терминов в языке называется терминологией, которая находит отражение в терминологических словарях¹.

В составе терминологической лексики можно выделить несколько слоев, различающихся сферой употребления, особенностями обозначаемого объекта.

«Мокшанско-русский словарь» содержит около 41 000 слов современного мокшанского литературного языка, включая устаревшие слова и заимствованные. Кроме того, в нем широко представлена общественно-политическая, научно-техническая, ботаническая, зоологическая, этнографическая и другая терминология².

Следует отметить, что мы рассматриваем только исконную терминологию и те заимствования, которые отличаются фонетическим оформлением от оригинала и у которых появляются дополнительные значения, зафиксированные в данном словаре. Термины, заимствованные из русского или другого языка с пометой *этно.* (*этнографическое*), сохранившие свое значение и фонетическую структуру, нами не рассматриваются. Необходимо указать, что в словаре встречаются термины (заимствованные и исконные), у которых помета *этно.* отсутствует. Таких терминов нами выявлено достаточное количество. Их мы также подвергли анализу. Среди рассмотренной этнографической терминологии наличествуют и диалектные термины с пометой *диал.* или обозначением говора села.

Этнографическая терминология словаря, представлена большим количеством терминов, которые подразделены нами на группы. Рассмотрим подробно каждую из них.

Одежда и обувь. **Бумажнай этн.** платок. *И Цямкаерясь изь кирде, петезень бумажнаенц алда кулувонь тюсса шонгара шиярензон...* (И. Девин, Нардише) И жена Цямкая не выдержала, заправила свои редкие пепельного цвета волосы под платок (с. 74); **вачкотьф котф этн.** тонкое, плотное полотно для праздничных рубашек (с. 101); **вачкотьф котфонь панар** рубашка из тонкой плотной ткани (с. 101); **вельхтяф ор этн.** тулуп, крытый сукном. *Козя Митряй якай вельхтяф орса* (Из сказки) Богатый Митя ходит в тулупе, покрытом сукном (с. 108); **венцяма руця этн.** венчальный платок; **парьхциень венцяма руця** шелковый венчальный платок (с. 110); **вете ленгянь карь этн.** лапти, сплетенные из пяти полосок лыка в основе (с. 114); **вярь цюлкат этн.** шерстяные чулки с цветными наколенниками (с. 135); **кафта кувалмоса шам этн.** женская рубаха с двумя продольными вышивками по обеим сторонам (с. 237); **кафтонь-крда кайсеф этн.** женская рубаха, подол которой украшен двумя ткаными полосками красного цвета (с. 238); **кота кувалмоса панар этн.** женская рубаха с шестью продольными рядами вышивки на спине (с. 287); **кота таргаф шам этн.** то же что **кота кувалмоса панар** (с. 287); **коттаргаф** то же что **кота кувалмоса панар** (с. 287); **коцькарга шам этн.** женская рубаха с вышитым на плечах узором в виде кочерги (с. 288); **кочкаф крдацьф этн.** узор на обшлаге рукава женской рубахи (с. 289); **куднянь сапоня этн.** женский передник из самотканого полотна в клетку, с рукавами, нагрудником и спинкой (с. 299); **кумаць панжа этн.** верхняя женская одежда из холста с кумачовыми нашивками (с. 303); **ланга каям шам этн.** верхняя праздничная рубашка — носили её молодые женщины по большим праздникам (с. 324); **нула этн.** женское платье из набивного ситца, сатина, шелка (с. 422); **мшказ этн.** вышитый халат из белого самотканого холста, надеваемый поверх праздничного костюма мордовки (с. 396); **понита этн.** полушерстяная онуча (с. 514); **понитка диал.** верхняя одежда из самотканого холста (с. 514); **понкет** брюки, штаны; **од понкет** новые штаны; **стамс понкет** сшить брюки (с. 514); **пракста** портянка, онуча; **понань пракстат** шерстяные портянки. *Пильгонзон карьсезень акша практаса и од карьса* (Т. Кирдяшкин, Кели Мокша) Обулся он в новые лапти, на ноги намотал шерстяные портянки (с. 525); **руця пракстат этн.** самотканые портянки из суровых ниток (с. 589); **сермяга пракстат этн.** портянки из домотканого некрашеного холста (с. 621); **сумань зипун** (с. 680); **сумань пракстат этн.** суконные портянки (с. 680); **сутьксет этн.** портянки с узорами (с. 683); **таргаф** (Зуб.-Пол.) женская праздничная рубаха (с. 708); **туркс**

алга этн. женская праздничная рубаха. *Цѣратнень лангса акша щант, а стирьх-нень* — *туркс алгат* (А. Мокшони, Виде киге) На парнях были белые рубашки, а девушки были одеты в праздничные рубахи (с. 755); **цюлка сѣрмат этн.** чулки узорчатые (с. 828).

Родственные отношения. **Альняка** 1) старший брат. *Содазь школьникне, што синьге лездыхть фронтти, аляснонды, альнякснонды, штоба сядя куроcone сяськомс фашистнень* (Н. Живайкина, Кши сускомня) Знали школьники, что и они помогают фронту, отцам, братьям, чтобы быстрее победить фашистов 2) дядя — взрослый мужчина (с. 34); **альгя этн.** деверь — старший брат мужа (с. 34); **альгявозь** *то же, что альгя* (с. 34); **альгярвья этн.** невестка — жена младшего брата (с. 34); **алька этн.** 1) *диал.* старший брат 2) *то же, что аля* (с. 34); **базя этн.** свояк — муж сестры жены; **базязе сась инжикс** мой свояк пришел в гости (с. 53); **батька** 1) тесть — отец жены. *Батьказе кой-коста тяряфнесь лангозон юватъ-кинемс ...* (Ю. Кузнецов, Сѣксень пизелхт) Тесть иногда пытался покрикивать на меня... 2) *диал.* крестный; **рвьянянь ладяма якась батькась** сватать невесту ходил крестный (с. 58); **батья** 1) дядя. *Вов сон ялганзон мархта и якась Сѣма батянь перенц шувондома* (Л. Макулов, Сатгне панжихть) Вот он со своими друзьями и ходил копать огород дяди Семена 2) старший брат; **монь батьязе тонафни** мой старший брат учится 3) дядя — обращение к мужчине, более старшему по возрасту (с. 58); **башкуда этн.** сват, сваха (с. 59); **брадрвья этн.** жена брата, невестка; **брадрвьясь** — **велень учительница** жена брата — сельская учительница (с. 70); **васта варжай этн.** родственница невесты, которая наводит справки о хозяйстве жениха (с. 96); **вастонь рамай этн.** лицо «выкупающее» постель невесты накануне свадьбы (с. 96); **вяжя этн.** имя, которое дается младшей снохе на свадьбе. *Кизефтьк вежяцень* (М. Евсевьев). Спроси свою младшую сноху (134); **ингольдень якай этн.** сват — родственник жениха, который первым идет договариваться с родителями невесты о свадьбе (с. 206); **кефта** деверь (*брат мужа*); **молемс инжикс кефтанышири** пойти в гости к деверю (с. 252); **куда этн.** сват. *Кати-коса тага морасть ни свадьбань морот, тага кати-кинди састь кудат* (П. Левчаев, Вирсь увнай) Где-то опять пели свадебные песни, опять к кому-то пришли сваты (с. 299); **кудава этн.** сваха (с. 299); **кудалай** (Зуб.-Пол.) *то же, что куда* (с. 299); **лажной ялга этн.** одна из близких подруг невесты, которая оплакивает ее в последний вечер перед венчанием (с. 320); **лемдяр этн.** близкий родственник жениха (*чаще брат*) — на третий день свадьбы он нарекает невесту женским именем (с. 332); **маза этн.** женское имя, которое дается первой снохе при свадебном обряде (с. 355); **мазодня** (Клоп.) деверь; **мазоднязе работай колхозса** деверь работает в колхозе (с. 356); **мазя** *то же, что маза* (с. 357); **матка** (М. Пишл.) теща (с. 367); **мазы баба этн.** жена старшего брата по отношению к детям младшего брата (*букв.* красивая женжина) (с. 356); **оця этн.** старший брат отца. *Кунара ни тоса эрясь-ащесь оцяц, сѣрматкинесь сѣрмат, тернезе инжикс* (П. Левчаев, Стирнят-якстернят) Давно уже там проживал дядя (по отцу), писал письма, приглашал в гости (с. 451); **оця баба** жена старшего дяди по отцу (с. 451); **пава этн.** пава — имя, которое дается снохе при свадебном обряде (с. 452); **паряфты этн.** подруга невесты, которая исполняет свадебные песни (с. 468); **пола** супруг, супруга; **кельгома полазе** любимая жена (любимый муж); **васень полазе** моя первая жена (мой первый муж) (с. 506); **рвьяня этн.** 1) невеста; **козя рвьяня** богатая невеста. *Вара шарфтьс*

Пяштельмовонь шири и видекс сюконясь од рвянякс (М. Бебан, Тундань нармотть) Варя повернулась к Пяштельмову и поклонилась, словно невеста 2) невестка, сноха (по отношению к свекру, свекрови и другим родным мужа) **цебярь рвяня** хорошая невестка (с. 590); **тоень путы** лицо, выкупающее невесту на свадьбе (с. 727); **торонь канды** дружка — распорядитель в свадебном обряде, приглашаемый женихом. *Свадьбась лаказь лаказевсь, кшитисть сиренек-однек, сонць торонь кандыське тусь шарома* (П. Левчаев) Свадьба была в разгаре, плясали и стар, и млад, и даже дружка пустился в пляс (с. 736); **тязя этн.** женское имя, которое дается второй снохе при свадебном обряде (с. 763); **эзна** зять 1) муж старшей сестры по отношению к ее младшим братьям и сестрам 2) муж тетки по матери (с. 897); **эзембрия атя этн.** дядя жениха (по отцовской линии) — почетное лицо на свадебном пиру (с. 897).

Вид вышивки. **Бабань киня этн.** старушечья тропа — волнообразная вышивка на рубахе (с. 52); **вирь ян тяште этн.** вышивка звездочкой шерстяными нитками красного и черного цвета (с. 121); **вете киса алга этн.** вышивка на подоле женской рубахи, выполненная на пяти нитках (с. 114); **горяй тяштенья этн.** (Ачад.) название вышивки на женской рубахе в виде звездочки (с. 147); **гурдезь этн.** (Атюр.) вышитая женская рубаха (с. 153); **гуля пилькт этн.** вид вышивки (с. 153); **каль ки тяштть этн.** (Лоп.) наплечная вышивка женской рубахи (*букв.* звездочки ивовой дорожки) (с. 222); **капа эрзелят** (Ачад.) вышивка в форме копыта на подоле женской рубахи (с. 227); **капуця этн.** вышивка в виде копыта на груди женской рубахи (с. 228); **кару тяште этн.** мушка — вид вышивки (с. 232); **каръхья сёрмат этн.** вышивка наплечной части женской рубахи (с. 233); **касойня этн.** вышивка на рубахе молодой вдовы вдоль шва, соединяющая рукав с боковым полотнищем (с. 234); **кафтонь-крда шире этн.** вид узора по вороту женской рубахи (с. 238); **кеветие ки этн.** вид вышивки на подоле мордовской национальной рубахи (с. 239); **кедьлангонь пет этн.** вид вышивки у основания рукавов и на плечах женской рубахи (с. 242); **кеца тяште этн.** вышивка в виде звездочек на «кеца паця» (с. 252); **кинят этн.** вышивка на подоле женской рубахи (с. 257); **кичкорга этн.** узор в виде кочерги на плечах женской рубахи (с. 260); **кичкорня этн.** вышивка ломаной линией на рубахе (с. 260); **кичкор таргаф** мережка на подоле женской рубахи, выполненная крестом (с. 260); **кодафкс этн.** тесьма тканая (ручной работы) (с. 265); **колма кинь алгакс этн.** узор на подоле женской рубахи (с. 270); **копорь туркс этн.** поперечная вышивка крестом на спине женской рубахи (с. 282); **кочкаф пула этн.** узор на пояском украшении женщины (с. 289); **кувалма этн.** продольные черные полосы, вышитые на спине рубахи (с. 298); **куз покольнят этн.** еловые шишки — узор на женской рубахе (с. 300); **куз пря этн.** верхушка ели — узор на подоле старинной женской рубахи (с. 300); **кургонянь ожа пря этн.** вид узора на рукаве женской рубахи (с. 305); **кшти этн.** зигзагообразный узор на подоле женской рубахи (с. 310); **кштирь этн.** зигзагообразный узор в виде веретена на подоле женской рубахи (с. 311); **кштирь потмакся этн.** продольная вышивка женской рубахи (с. 311); **лафту пе этн.** узор на плече женской рубахи (с. 329); **лафтушка этн.** наплечная вышивка мордовской женской рубахи (с. 329). *Наташась кодама уряднайста сёрмады, кодама мазыхть тиенди «налет» или «лафтушкат»* (П. Левчаев) Наташа какие красивые вышивки делает на подоле и плечах (с. 329); **мазы тяштенья этн.** вышивка на женской рубахе (*букв.* красные звездочки)

(с. 356); **марь этн.** вид узора на плечах женской рубахи (с. 364); **мациень пильгонят этн.** гусиные лапки — разновидность вышивки на женской рубахе (с. 369); **мелав тяштенья этн.** (Пимб.) название вышивки на мордовской рубахе (с. 373); **меш пильге этн.** узор на подоле женской рубахи (*букв.* пчелиная нога) (с. 379); **мокорь тяштть этн.** (Булд.) вид простой вышивки на рубахе (с. 387); **мчкор срмат этн.** (Ачад.) разновидность вышивки на мордовской рубахе (с. 395); **нале этн.** — вид вышивки на подоле рубахи. *Орест Львович... дивандакинель, кодама мазыхть тиенди Наташа налет* (П. Левчаев) Орест Львович... удивлялся, как красиво вышивала Наташа узоры «нале» (с. 403); **парьхиень стафкст этн.** вышивка на рубахе в виде клеток (с. 468); **паця сёрмат этн.** вышивка в форме крыла (с. 469); **петьколь каяфкс этн.** вид узора на рубахе (с. 480); **поколь эрзеля этн.** вышивка (с. 505); **понька этн.** *понька* — вышивка на самом краю подола женской рубахи; **сёрмадомс мазы понька** вышить красивую *поньку* (с. 514); **потянь кувалма этн.** долевая вышивка крестом по спине женской рубахи (с. 520); **равжа ки тяштенья этн.** продольная вышивка крестом черными нитками (с. 562); **рака сёрма** (Ачад.) *этно.* вид вышивки на подоле рубахи (с. 567); **ронга сёрма** род вышивки на рубахе мокшанки (с. 586); **саразонь мадят этн.** (Бадик.) «куриные лапки» — мордовская вышивка (с. 600); **сенедемс** вышивать. *Акша паляня Аксю сенеди* (Из песни) Белую рубашку Аксинья вышивает (с. 618); **сорга тяштенья этн.** название одного из видов вышивки мордовской рубахи (с. 653); **сюла сёрмат** (М. Пол.) *этно.* вид вышивки на женской рубахе (с. 687); **сюра тяштть этн.** рогообразная вышивка на женской рубахе (с. 688); **сюрьцем тяштть** (Булд.) *этно.* зубчатая вышивка на женской рубахе (с. 689); **таргаф** вид вышивки по низу подола рубахи (с. 708); **таргафкс** (Зуб.-Пол.) вид вышивки на женской рубахе (с. 708); **тувонь кургонят этн.** узор по вороту женской рубахи (*букв.* свиные рыльца) (с. 769); **тувоз тяште этн.** вид вышивки на женской рубахе (с. 750); **туркс алга этн.** узор на подоле рубахи (с. 744); **урмаць этн.** 1) разрез с передней стороны на подоле женской рубахи 2) вышивка на подоле рубахи вокруг разреза с передней стороны (с. 785); **урмаць пацяня этн.** вышивка на передней стороне подола по бокам разреза в виде крылышек (с. 785); **урмаць пря этн.** вышивка в центре переднего полотна женской рубахи (с. 785); **цюлка сёрмат этн.** узор на шерстяных чулках из ниток черного и белого цвета (с. 826); **цятконя этн.** вышивка (*букв.* искорка) (с. 830); **эрзеля этн.** один из видов мордовской национальной вышивки. *Сон якась козялтненди котфонь кодама, эрзелянь сёрмадома* (В. Мокшони, Виде киге) Она ходила к богатым ткать, «эрзели» вышивать. *Просась озафоль эзем лангс и сёрмадсь эрзеля од щамонди* (В. Мокшони, Виде киге) Прасковья сидела на лавке и вышивала «эрзелию» для новой рубахи (с. 903); **эрзянь сёрма этн.** вышивка на подоле девичьей рубахи (*букв.* эрзянская вышивка) (с. 903); **ярмак сёрма этн.** вид вышивки на женской рубахе (с. 919).

Украшения. **Акшонь крганят этн.** нагрудное украшение (с. 291); **бабань панга этн.** кокошник — праздничный головной убор пожилой женщины, украшенный бисером, лентами, блестками, золотыми и серебряными нитями (с. 52); **баяравань крганят этн.** украшение из разноцветного бисера в виде пончо (с. 291); **вандалат этн.** блестки — маленькие блестящие пластинки для украшения подолов рубашек, головных уборов; **вете сюрень киви** тесьма из пяти ниток (с. 254); **гораж этн.** женское украшение в виде плоской пластинки (медной, бронзовой) брошь; **стирсь**

наряжафоль, **мяшьсонза пиндолдсь гораж** девушка была нарядная, на груди блестела брошь (с. 146); **денька этн.** мелкая старинная монета из цветного металла, которую использовали в женских украшениях (с. 158); **динька крганят** (М. Пишл.) монисто (с. 163); **каштаз этн.** 1) бусы из бисера, плотно прилегающие к шее 2) налобное украшение из бисера (с. 239); **каштазонь цёкт этн.** (Курт.) набедренные украшения из бисера; **мазы вандалат** красивые блестки (с. 87); **кели крганят этн.** женское нагрудное украшение из бисера в несколько рядов (с. 244); **керьгаз этн.** (Пимб.) старинное нагрудное украшение мокшанок: плетеные конские волосы, украшенные бисером или медными подвесками 2) (Сосн.) нагрудное украшение из цветных бусинок, нанизанных в два-три ряда и обрамленных монетами (с. 251); **керькс диал. этн.** женское нагрудное украшение из бисера, нанизанного в несколько рядов на нитки (с. 251); **керьксафкя диал. этн.** налобное украшение из бисера, пуговиц, стекляруса, нашитых на ткань (с. 251); **кеска руця этн.** 1) салфетка — небольшой платок из домотканого холста, заправляемый женщинами под пояс на бедрах 2) вышитый платок из самотканого полотна, который повязывался к поясу невесты (с. 252); **лапа лента этн.** женское нагрудное украшение: треугольник из картона, обшитый разноцветными лентами (с. 325); **лента килькш этн.** бусы на бедрах — женское набедренное украшение. *Кулю наряжафоль петькс панарса, мазы руцяса, сюлгамса и крганяса, палы заря лента килькшса* (Т. Кирдяшкин, Кели Мокша) На Акулине была праздничная рубаша с вышитым подолом, на голове красный платок, на груди брошь (сюлгам) и бусы, на бедрах «лента килькш» (с. 333); **кивер этн.** пояс, сплетенный из разноцветных ниток (с. 254); **киви этн.** тесьма из цветных шерстяных ниток с люрексом на подоле платья (с. 254); **килькш** (Темяш.) набедренное украшение: парные длинные подвески к поясу, изготовленные из ярких ниток, тесьмы, блесток, стекляруса, мелких пуговиц (с. 256); **китькс этн.** полоска из яркой однотонной ткани (шириной 10 — 15 см.), отделанная блестками, мелкими пуговицами, тесьмой и пришиваемая к низу женской праздничной рубашки (с. 259); **колавнянь лента этн.** женское налобное украшение из стекляруса, блесток, блестящих пуговок, нашитых на кумачовую ленту (с. 269); **коняз лента этн.** то же, что **коняфкс** (с. 281); **коняфкс этн.** 1) налобное украшение из яркой ткани с бисером и бусинками; **сотомс коняфкс** повязать налобное украшение (с. 281); 2) *диал.* платок, сложенный рядами и повязанный в виде чалмы (с. 281); 3) венок из полевых цветов; **копорь цёкonia этн.** праздничное украшение мокшанок, состоящее из трех свисающих по спине лент (с. 282); **кргань перьф этн.** нагрудное украшение (с. 290); **кргавкскя этн.** бусы, плотно прилегающие к шее (с. 291); **крганят этн.** бусы (с. 291); **кудрят этн.** (Подг. Конак.) налобное украшение из мелких перьев селезня, нашитых на ткань (с. 299); **куйгор лента (фата) этн.** лента для фаты (с. 300); **кумбря** змеиная головка — ракушка, служащая для оформления поясных кистей и нагрудных украшений женского наряда (с. 303); **кяме петькс этн.** праздничные повязки, надеваемые поверх сапог или валенок (с. 315); **лишмонь кумбря этн.** ракушка белого цвета в набедренных и нагрудных украшениях (с. 340); **мишара лента этн.** а) женское головное украшение; б) лента, отделанная мишурой (с. 396); **нашивка этн.** 1) (Булд.) ожерелье — нагрудное украшение мокшанских девушек, состоящее из граненых разноцветных бусинок 2) шейное женское украшение в виде узкой полоски ткани с нашитыми на нее бисером и монетами; (с. 411); **нучка этн.** женское нагрудное украшение, состоящее

из шнура с белыми раковинами или бусинками и монетами (с. 423); **пайнарня этн.** (Зуб.-Пол.) ошейник — нашейный ремень с колокольчиками и бубенчиками, надеваемый в праздничные дни на ездовую лошадь (с. 454); **петькс кайма** — лента из полотна, отделанная разными цветными нашивками, блестками, парчовой тесьмой; пришивается к подолу праздничной рубахи (с. 480); **пиле пух этн.** сережки из пуха селезня (с. 485); **пилень сюрет этн.** (Курт.) бубенчики на нитках — женское украшение (с. 485); **пифкс** вид женского нагрудного украшения (с. 490); **покор кяръкс этн.** бусы из морских ракушек (с. 506); **полань нардама этн.** свадебное полотенце (с. 507); **полда кяръкс этн.** ожерелье из крупных бусин (с. 508); **полхтана крганят этн.** ожерелье из серебряных пятнадцатикопеечных монет (с. 510); **пула каркс этн.** женский праздничный пояс (с. 545); **пула пуня этн.** цветная пуговица — украшение косы девушки (с. 545); **пула цёка этн.** кисть из бисера, вплетаемая в косу девушки (с. 545); **руця котф этн.** полотно для венчального полотенца, на которое клали хлеб-соль для встречи молодых после венчания (с. 589); **руця соткс этн.** лента для украшения головного убора (с. 589); **сёка этн.** 1) кисть на поясе, шапке и т. д.; 2) подвеска в виде кисти из разноцветных ниток и бисера (с. 623); **сёконят этн.** 1) парные подвески из бисера, раковин и пуговиц, которые подвешиваются к поясу 2) кисти из бисера, прикрепляемые к углу цветного однотонного платка, преимущественно красного цвета (с. 623); **сёрмафкс этн.** женский налобник (*украшение*) (с. 625); **сёрмафкя этн.** женское налобное украшение из позументов, бус и пуговиц (с. 625); **сёрал этн.** ремень с круглыми пряжками (с. 624); **сёралхт диал. этн.** подвески к поясу из шерстяной бахромы (с. 624); **сорга этн.** вид украшения, которое подвешивается к ушам (с. 652); **сюлгам этн.** украшения с различными подвесками (с. 687); **сюлгам кучка этн.** нагрудная женская пряжка-фибула без подвесок (с. 687); **тендерь** (Альк.) женское нагрудное украшение (*металлическая пластинка, украшенная монетами*) (с. 714); **тенька этн.** тонкая плоская (*бронзовая, серебряная или медная*) пластинка круглой формы, применяемая в женских украшениях (*сюлгам, цёт и т. п.*) (с. 714); **тюжя тенькань крганят этн.** бусы из медных монет (с. 760); **уськомкат-пайгомкат этн.** бубенцы — погремушки, служащие женским украшением или украшением лошадей в свадебном поезде. *Ой, кудатне сайхть уськомкаса-пайгомкаса* (Из нар. песни) Ой, сваты едут на лошадях, украшенных бубенцами (с. 789); **цёка диал.** кисть, бахрома. *Лангсонза сянгаря парьхциень наряд, кесксонза акша цёт...* (М. Сайгин, Колма ёфкст) На ней зеленый парчовый наряд, на поясе белые кисти... (с. 820); **цёка мазяр этн.** (Виндр.) блестки, которыми украшали девичью косу (с. 820); **цифкс этн.** 1) нагрудное украшение типа ожерелья из стекляруса, бисера и бус 2) налобное украшение из бисера 3) (Подг. Канак.) нагрудное украшение из бисера, обрамленное монетами (с. 826); **ширем киви** зигзагообразная тесьма, пришиваемая к подолу рубахи (с. 865); **шурьхкя этн.** булавка, особая брошь в виде кольца с застежкой, служащая для застегивания ворота женской рубахи (с. 888); **якстерь каштаз этн.** украшение, которое сделано из цветного бисера и носится на шее (с. 917); **яксяргонь кудря** (Темяш.) этн. украшение из мелких перьев селезня (с. 917); **ярмак пилькс этн.** нагрудное украшение мордовки из двух полос ткани с нашитыми на них монетами и отделанными бисером (с. 918).

Обряды. **Ащемс этн.** гостить у родственников со своим рукоделием (*о невесте, молодой женщине*) (с. 52); **бабань озкс этн.** моление в первых числах сентяб-

ря по случаю окончания уборки урожая — на него собирались одни пожилые женщины (с. 52); **бабань праздник** этн. первое воскресенье после Пасхи — в этот день парни качали на качелях женщин и получали от них угощение (с. 52); **васта варжамс** этн. навести справки о хозяйстве жениха (с. 96); **бславамс** благословить — перекрестить (в данном случае не просто перекрестить, а дать благословение, разрешение на важный поступок, дело. — Авт.). *Синь арьсесть модемс атяти, штоба ся бславальхцень, и сёксенда тиёмс свадьба* (Ф. Атянин, Тунда) Они решили пойти к деду, чтобы он благословил их, и осенью сыграть свадьбу (с. 72); **девцяня** девичник — прощальная вечеринка накануне свадьбы, на которой невеста с подругами оплакивает свое девичество (с. 156); **жаворонкань панема ши** этн. день птиц — древний весенний праздник, когда пекут булочки в форме жаворонков (с. 178); **керф пенгянь лувомс** этн. народное гадание перед Новым годом: девушка несет с улицы поленья дров и, разгружая перед печкой, выговаривает: «сусек-мешок»; если последнее полено положит со словом «сусек» — быть ей замужем за богатым, если со словом «мешок» — за бедным (с. 251); **коняфксонь ёрдама** бросание венка — в день проводов весны юноши и девушки бросают венки в воду. Чей венок раньше утонет, тот раньше умрет (с. 281); **кудаламс** (Зуб.-Пол.) сватать, свататься. *Кода ваны стирсь сянь лангс, кда саян кудаламонза?* (М. Сайгин, Толонь крганят) А как девушка посмотрит на то, что я приду свататься? (с. 299); **лажнама** этн. свадебный обряд, когда родные невесты идут к жениху с корзинами, полными свадебных яств (с. 320); **лапа мархта ащема** гостить у подруги или у родных с принадлежностями для прядения (с. 325); **лемдема ши** этн. а) день наречения невесты женским именем; б) день поминания умершего (на девятый, двадцатый, сороковой дни, через полгода, через год после смерти) (с. 332); **лемдемс** этн. наречь невесту женским именем на третий день после свадьбы — имя давалось родными жениха по старшинству братьев: старшая невеста — **мазя**, вторая — **тязя**, третья — **пава**, четвертая — **вязя** (с. 332); **паряфтомат** этн. свадебная обрядовая песня, носящая характер величаний (с. 468); **пачаши** этн. диал. второй день свадьбы — когда невеста печет блины (с. 469); **питне** этн. выкуп (за невесту) (с. 490); **позялонь путома** этн. предсвадебный обычай, когда отец или мать, а если нет таковых — старший брат или сестра, приходят в дом жениха или к родителям невесты и договариваются о ходе свадьбы (с. 504); **потафкс** этн. послесвадебный обряд, когда молодая в течение нескольких дней проживает в родительском доме (с. 518); **потафтома ила** первое посещение молодой родного дома после свадьбы (с. 202); **руцянь вима** этн. свадебный обряд, когда родители жениха и самые его близкие родные приходят в дом невесты договариваться по поводу проведения свадьбы (с. 589); **симомс** этн. пропить — посватать, завершив сватовство выпивкой (первый свадебный обряд); **стирть симозь** девушку сосватали (с. 629); **сяканянь колсема ши** этн. свадебный обычай: на четвертый день свадьбы собираются в доме жениха только его родственники, устраивают складчину и бьют горшки для счастья, благополучия, чтобы больше было детей (с. 694); **той** этн. калым — выкуп за невесту. *Тулаюсь крхкаста таргазе ваймонци: сон содазе, што тяни тойсь сави прибавамс, но мзярода прибавамс?* (П. Левчаев, Вирсь увнай) Тулай глубоко вздохнул: он знал, что плату за невесту надо увеличить, но на сколько? (с. 727).

Головные уборы. **Валёнай этн.** шерстяной платок (с. 85); **кеца паця** платок — символ замужества: на свадьбе невесте вручалось ее замужними родственницами четыре таких платка, которые она должна была иметь постоянно при себе до конца торжества (с. 252); **кокорка этн.** внутренняя часть головного убора у замужней женщины (с. 268); **куйгор** фата свадебный головной убор невесты (с. 300); **лента парга этн.** женский свадебный головной убор из бересты и т. п. (с. 333); **панга этн.** панга — праздничный головной убор замужней женщины (с. 459); **руця алгакс этн.** кипенно-белый хлопчатобумажный платок небольшого размера, который повязывается под большой шерстяной платок таким образом, чтобы он маленьким рантиком виднелся в налобной части (с. 589); **руця паця этн.** свисающая угловая часть накинутаго на плечи или на голову платка (с. 589); **сатин этн.** (Подг. Канак.) платок для повседневного ношения из красного сатина или набивного ситца (с. 601); **солот этн.** платок с золотым шитьем (с. 651); **шеликан этн.** праздничный головной убор с вышивкой (с. 861); **шяльвай этн.** шаль; **авать лафтувонзон лангса шяльваель** на плечи женщины была наброшена шаль (с. 891).

Пища. **Бабань боза этн.** брага для больших торжеств и поминок (с. 52); **боза** брага — безалкогольный напиток. *Аряда ширезон, каванятыдезь мокшень бозада* (Л. Макулов, Мокшень стирь) Пойдемте ко мне, угощу вас мокшанской брагой (с. 66); **валдаям этн.** пшенная каша, сваренная на воде (с. 84); **каляда шинь цюкорнят этн.** печенье из пресного теста — внутрь печенья запекаются разные предметы: деньги, кресты, кольца, зерно и т. п., используются в дни коляды для гадания: попадется зерно — будешь земледельцем, деньги — торговцем, кольцо — выйдешь замуж и т. д. (с. 223); **лемдема цюкор этн.** свадебный пирог из пшенной муки — разрезается на куски при наречении невесты женским именем (с. 332); **поколь этн.** клецки — кушанье из теста в виде круглых комочков, которые варятся в воде, без начинки; **пидемс покольхть** сварить клецки (с. 505); **роштувань пш-тенья этн.** сдобное печенье из пресного теста, которое выпекалось в день Рождества (с. 586); **сыр этн.** (Сосн.) брага, которой жених и невеста угощают гостей после венчания (с. 685).

Нами выявлены и единичные термины, которые также относятся к этнографической терминологии:

бабань казне этн. подарок невестке от свекрови (*на свадьбе или крестинах*) (с. 52); **кулу сюма этн.** корыто для замачивания белья (с. 302); **онава этн.** свадебная повозка для переезда невесты в дом жениха (с. 439); **пешкс** светец — приспособление, куда вставляется зажженная лучина для освещения (с. 482); **пилень карамат этн.** косточки для чистки ушей от серы (с. 485); **пихтембарь этн.** ручная маслобойка — высокая узкая кадushка из липы (с. 491); **потань куд этн.** родительский дом невесты, где она живет несколько дней после свадьбы (с. 518); **путы парь этн.** диал. кадка для хранения белья, холста и т. п. (552); **пяшкс** поставец (с. 560); **роштувань куд этн.** дом, где молодежь собиралась во время святок для веселья (с. 586); **тор** ритуальный нож на свадьбе, которым дружка отгоняет злых духов (с. 736); **шяв кирдема уст. этн.** поставец, подставка для лучины (с. 889) и т. д.

Итак, анализируемый материал свидетельствует о том, что этнографическая терминология широко представлена в «Мокшанско-русском словаре». Однако, к

сожалению, в анализируемых языковых единицах, иллюстративный материал приводится редко. В связи с вытеснением национального колорита в современной одежде, модернизированием народного костюма (в том числе за счет использования фабричных материалов), а также нивелированием обрядовой культуры данная терминология уходит в прошлое. Выражаем авторам благодарность за то, что им удалось собрать по крупицам термины, которые в настоящее время вышли из употребления.

Несомненно, анализируемая терминология представляет интерес не только для специалистов лингвистов, но и для исследователей материальной и духовной культуры мордовского и других финно-угорских народов. Этот богатейший пласт мокшанской лексики, зафиксированный в словаре, еще ждет своего исследования. Количество выявленных терминов послужит большим подспорьем при составлении «Мордовского лингвистического атласа», а также диалектологических, терминологических и этимологических словарей.

Библиографические ссылки

¹ См.: **Келина А. Н.** Термин // Мордовские языки : энциклопедия. Саранск, 2012. С. 305.

² Мокшень кялень валкс = Мокшанско-русский словарь / под ред. Б. А. Серебrenникова, А. П. Феоктистова, О. Е. Полякова. М., 1998. 920 с.

Условные сокращения

Альк. — с. Алькино Zubovo-Полянского района РМ; Атюр. — с. Атюрьево Атюрьевского района РМ; Ачад. — с. Ачадово Zubovo-Полянского района РМ; Бадик. — с. Бадиково Zubovo-Полянского района РМ; Булд. — с. Булдыгино Zubovo-Полянского района РМ; Виндр. — пос. Виндрей Торбеевского района РМ; Зуб.-Пол. — р. пос. Zubovo-Поляна Zubovo-Полянского района РМ; Клоп. — д. Клопино Атюрьевского района РМ; Курт. — с. Курташки Атюрьевского района РМ; Лоп. — с. Лопатино Торбеевского района РМ; М. Пишл. — с. Мордовская Пишля Рузаевского района РМ; М. Пол. — с. Мордовская Поляна Zubovo-Полянского района РМ; Пимб. — с. Мордовский Пимбур Zubovo-Полянского района РМ; Подг. Канак. — с. Подгорное Конаково Темниковского района РМ; Сосн. — с. Сосновка Атюрьевского района РМ; Темяш. — с. Темяшево Старошайговского района РМ.

Поступила 10.04.2018 г.

УДК 811.111:81'373.72

Т. Н. Федуленкова

T. N. Fedulenkova

ОСОБЕННОСТИ ГРАММАТИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ СУБСТАНТИВНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ ДЕЛОВОГО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

FEATURES OF GRAMMATICAL MODELS OF SUBSTANTIVE TERMINOLOGY IN BUSINESS ENGLISH

Ключевые слова: терминология, деловая фразеология, грамматическая модель, английский язык.

На основе структурного анализа деловой фразеологии английского языка по ряду авторитетных современных словарей выявляются основные грамматические модели субстантивных терминов-фразеологизмов.

Key words: terminology, business phraseology, grammatical model, English.

On the basis of the structural analysis of English business phraseology, extracted from a number of the authoritative modern dictionaries, the main grammatical models of substantive terms-phraseologisms come to light.

Языковым материалом для анализа послужили субстантивные термины делового английского языка, извлеченные методом сплошной выборки из ряда авторитетных современных словарей¹ и имеющие фразеологический характер.

Научная основа анализа — фразеологическая концепция А. В. Кунина² и предложенный ученым метод фразеологической идентификации³. Структурный анализ субстантивных терминов делового английского языка, являющихся по сути своей фразеологическими единицами, позволяет выявить следующие их грамматические модели:

1. N + N (Noun + Noun) — двухкомпонентная грамматическая модель с константной зависимостью компонентов. По данной модели образовано наибольшее количество терминологических выражений (629 единиц): *paper loss* (букв.: бумажная потеря) — потенциальные убытки; *pie chart* (букв.: пироговая хартия) — секторная диаграмма; *saturation point* (букв.: точка насыщения) — состояние на рынке, когда невозможно дальнейшее увеличение объема продаж; *dawn raid* (букв.: рассветный налет) — скупка крупного пакета акций сразу после открытия биржи; *umbrella organization* (букв.: зонтичная организация) — организация, в состав которой входит несколько мелких организаций, например: *An umbrella organization bought her small company* (Tuck A. Op. cit., p. 454).

Компонент имя существительное при этом может употребляться как в единственном, так и во множественном числе (36 единиц): *no-claims bonus* — скидка за безаварийность; *piece goods* — штучный товар; *tap stocks* — ценные бумаги, выпускаемые по мере спроса по установленной цене, например: *The government uses the sale of tap stocks to influence interest rates* (Ibid, p. 416).

К данной модели относим также выражения, первый компонент которых имеет форму родительного падежа (15 единиц): *buyer's market* — ситуация на рынке, когда предложение превышает спрос; *traveller's check* — дорожный чек; *employees' buy-*

out — выкуп контрольного пакета акций работодателем, например: *It was hoped that the employees' buyout would prevent the closure and save jobs* (Ibid, p. 150).

Вместе с простыми существительными в данной модели широко используются составные существительные (34 единицы): *word-of-mouth advertising* — реклама «из уст в уста», когда информация о продукте или услуге распространяется с помощью самих потребителей, которые передают ее своим знакомым; *take-home pay* — чистая получка; *odd-even pricing* — ценообразование с помощью «неровных цифр» для создания видимости низкой цены, например: *Charging £3.99 instead of £4.00 is an example of odd-even pricing* (Ibid, p. 284).

Рассматриваемая модель объединяет экономические термины-фразеологизмы с компонентом именем собственным: *Halsey system* — такая система оплаты, которая предусматривает выплату премии в размере половины почасовой ставки за экономию нормы времени при сдельной работе; *Massachusetts rule* — амер. правило разумного поведения при инвестировании средств по доверенности, т. е. ориентируемое на действия разумного инвестора; *Pigou effect* — рост потребительского спроса под влиянием увеличения реальной стоимости кассовых остатков, вызванного снижением цен; *Taylor system* — амер. система методов и приемов организации труда; *Markovian queue* — марковская система массового обслуживания, т. е. система массового обслуживания с пуассоновским входящим потоком и экспоненциальным распределением времени обслуживания; *non-Poisson queue* — немарковская система массового обслуживания; *Ockham's razor* — беспристрастный экономический анализ, исключающий все излишние факторы; *Wall Street* — Нью-Йоркская биржа (популярное название)⁴.

Анализ лексики делового английского языка выявляет значительное количество фразеологизмов с компонентом — названием страны или места, связанного с учреждением какого-либо предприятия или подписанием того или иного договора, принятием акта: *Gulf bank* — банк, расположенный в зоне персидского залива; *London Debt Agreement* — Лондонское соглашение о долгах ФРГ другим западным странам; *Canton system* — организация и контроль иностранной торговли в определенном месте, регионе, осуществляемые советом купцов.

Среди рассматриваемых терминов-фразеологизмов особое место занимают фразеологические единицы, отражающие историю международных торговых отношений, например: *Rio Agreement* — международное соглашение о введении системы специальных прав заимствования, разработанное в Рио-де-Жанейро в рамках МВФ; *Baltic Exchange* — Балтийская биржа, получившая свое название от торговли зерном с балтийскими портами, преимущественного ее занятия в XVIII в.; *French Club* — союз десяти.

Представляет интерес немногочисленная группа терминов-фразеологизмов с компонентом — названием страны или национальности, которая свидетельствует об особенностях культурологического восприятия носителей языка. Так, выражение *American option*, имеющее значение такого опциона, при котором продавец может реализовать свое право на оплату опциона либо отказаться от него в любой момент периода действия контракта, призвано указывать на свободный, демократический порядок ведения дел в Америке. С другой стороны, рассматривая выражения *Chinese accounting* — (букв.: фальшивое счетоводство), *Dutch auction* — (букв.: такой аукцион, при котором аукционист называет цену, постепенно снижая ее, пока не

найдется покупатель), *Dutch bargain* — (букв.: односторонне выгодная сделка), выясняем, что данные словосочетания употребляются с отрицательной коннотацией. Это связано с негативным отношением англичан к народам определенных стран, вызванным историческими войнами или конкуренцией Англии с этими странами.

Анализируя заданное фразеологическое поле делового английского языка обнаруживаем, что значительное число изучаемых фразеологических единиц терминологического характера со структурной организацией А + К (адъюнкт + ядро)⁵, имеют в роли атрибутивного компонента существительное, являющееся названием животного, т. е. анимализмом. Определенный интерес в этом случае представляют фразеологические единицы, адъюнктом в которых выступают существительные *cat* «кот» и *dog* «собака». Подавляющее число таких фразеологизмов используется для обозначения сомнительных, непопулярных ценных бумаг или продукции, например: *wildcat brand* — нерекламируемая марка, использующаяся обычно для товаров более низкого качества; *dead-cat bounce* — восходящее движение курса акций после существенного падения. Использование в рассматриваемых фразеологизмах слов *cat* и *dog* с отрицательной коннотацией может быть объяснено отрицательным отношением к непредсказуемости поведения данных животных в некоторых ситуациях. Однако ряд выражений с компонентом *dog* имеет нейтральную или положительную оценку, например: *bulldog bond* — облигация с фиксированной процентной ставкой, выпущенная в Великобритании иностранным заемщиком.

Ряд фразеологизмов делового языка представлен устойчивыми сочетаниями с адъективным компонентом *bear* «медведь», в экономической сфере приобретшим значение «дилер на фондовой бирже, валютном или товарном рынке, ожидающий падения цен». Рассматриваемые сочетания, образованные вокруг ведущего компонента *bear*, насчитывают восемь фразеологических единиц, большая часть которых имеет полностью переосмысленное значение, например: *bear hug* — обращение одной компании к правлению другой, указывающее на готовность приобрести ее акции; *bear squeeze* — (букв.: вытеснение медведей), т. е. такая ситуация, когда продавцы, зная, что кто-то имеет «медвежью» позицию, которую надо ликвидировать, намеренно заставляют поднимать цены.

В ходе анализа выявляем, что фразеологизмы делового английского языка с компонентом *bear* имеют антонимические выражения, образованные по идентичной структурно-грамматической модели; *bull market* — такой рынок, на котором дилер с большой вероятностью будет покупать, а не продавать, причем он может покупать даже за свой собственный счет, открывая позицию «быка» — *bull position*; *bull bond* — обязательства по контрактам при игре на повышение.

Деловая фразеология включает множество фразеологических единиц с существительными, называющими животных, о терминологическом значении которых, не зная их дефиниции, догадаться практически невозможно в силу того, что данные выражения претерпели полное переосмысление компонентного состава: *cash cow* — продукт под хорошо известной торговой маркой, на который приходится большая доля рынка и, следовательно, приносящий устойчивый приток наличности; *white elephant* — сделка, при которой расходы превышают потенциальную прибыль.

2. **Adj + N (Adjective + Noun)** (420 единиц) — двухкомпонентная беспредложная модель с константной зависимостью компонентов. Прилагательные, являющиеся компонентами данной модели, могут быть как качественными, так и относительными.

ФЕ-термины с качественным прилагательным насчитывают 221 единицу: *bad money* — фальшивые деньги, *thin market* — вялый рынок, *short exchange* — краткосрочный вексель, *flat tax* — фиксированный подоходный налог, *open market* — открытый рынок, т. е. рынок с чистой конкуренцией, когда цена на товар складывается стихийно, как равновесная между спросом и предложением, например: *Coal prices on the open market are low because of the large amount of coal available* (Tuck A. Op. cit., p. 287).

Ряд терминологических выражений данной группы образуют антонимические пары: *cheap money* — дешевые деньги, деньги с низкой покупательной способностью / *dear money* — дорогие деньги, деньги с высокой покупательной способностью; *hard sell* — навязывание товара, агрессивная политика продаж / *soft sell* — ненавязывание товара; *bad faith* — недобросовестность / *good faith* — добросовестность; *wet goods* — жидкий груз / *dry goods* — сухой товар; *active money* — деньги в обращении / *idle money* — неиспользуемые деньги.

Необходимо отметить, что 52 фразеологические единицы из 64, содержащих в качестве компонентов название цвета, отобранных методом сплошной выборки из изучаемых лексикографических источников, образуются именно по этой модели. Наиболее часто употребляемыми в фразеологии финансов, экономики и бизнеса являются следующие наименования цвета: *black* «черный», *white* «белый», *blue* «голубой», *green* «зеленый», *brown* «коричневый», *grey* «серый», *red* «красный», *pink* «розовый», *yellow* «желтый»: *black diamonds* — уголь; *white sale* — продажа белья; *pink form* — предложения приобрести акции вновь созданной компании, обычно печатаемые на розовой бумаге, рассылаемые владельцам других компаний; *blue button* — служащий, нанятый фирмой для работы в операционном зале биржи; *Green Book* — неофициальное название списка ценных бумаг, не котирующихся на бирже, издаваемый Лондонской фондовой биржей; *brown goods* — такая аппаратура, как телевизоры и радиоприемники, в корпусе, выполненном из дерева или аналогичных материалов; *green audit* — исследование влияния деятельности организаций на окружающую среду; *grey wave* — перспективная компания, но требующая слишком много усилий для своего расцвета; *red ink* — отрицательное сальдо баланса, дефицит денежных средств.

Лингводидактическая классификация фразеологических единиц, включающих эти прилагательные, допускает использование различных критериев. Наиболее очевидным является критерий взаимоотношения семантики цветообозначений, руководствуясь которым, можно разделить фразеологические единицы, избранные для активного усвоения, на взаимодействующие и не взаимодействующие.

К не взаимодействующим фразеологизмам можно отнести такие термины-фразеологизмы, как: (а) *green card* — документ, свидетельствующий о том, что его обладатель, путешествующий за границей, при несчастном случае застрахован от требований третьей стороны; (б) *blue chips* — наиболее популярные акции, имеющие высокий курс (обычно акции ведущих компаний); (в) *green belt* — площадь, обычно окружающая город, за которой строго контролируются новые постройки.

Взаимодействующие фразеологизмы подразделяем на полярные, т. е. противопоставленные, и градационные, т. е. определяющие разные степени значения. Примерами фразеологизмов с антагонистичными значениями могут служить следующие термины: (а) *black* — *white*: *black knight* — лицо или компания, пытающаяся купить, взять под контроль другую компанию, не желающую продаваться, и *white knight* —

лицо или организация, спасающие компанию от нечестного приобретения ее более сильной компанией; (б) *black — red: to put the budget in the black* — ликвидировать бюджетный дефицит и *to put the budget in the red* — создавать бюджетный дефицит.

Среди названий цвета, определяющих разные степени значения включающих их фразеологизмов, можно отметить прилагательные *black — grey: black market* — нелегальная торговля товарами и услугами и *grey market* — продажа дефицитных товаров со значительной наценкой. В данной паре словосочетание *grey market* имеет значение более легализованного варианта торговли, чем выражение *black market*.

ФЕ-термины с относительным прилагательным насчитывают 197 единиц: *intellectual property* — интеллектуальная собственность (идеи, разработки, сочинения и т.д., являющиеся собственностью организации или частного лица и не могут быть проданы или использованы без разрешения владельца); *structural unemployment* — безработица, вызванная структурными изменениями в экономике; *domestic/ home trade* — внутренняя торговля; *seasonal rate* — сезонные колебания цен; *industrial action* — любые спланированные акции, такие как забастовки или отказ от обычного рабочего графика, целью которых является увеличение оплаты труда или улучшения условий труда, например: *The workers threatened industrial action if they were not given a pay rise* (Ibid, p. 200).

3. **N + Prep + N** (Noun + Preposition + Noun) — двухкомпонентная предложная грамматическая модель с константной зависимостью компонентов (97 единиц):

а) с предлогом *of* (65 единиц): *act of God* — стихийное бедствие; *agent of necessity* — агент, который формально не наделен какими-либо полномочиями, но может предпринимать действия в интересах другого лица в условиях крайней необходимости; *velocity of circulation* — средняя скорость денежного обращения; *rate of return* — коэффициент окупаемости; *period of grace* — дополнительное время, предоставляемое должнику для возврата долга, например: *The bank granted him a 30-day period of grace to repay the loan*. Или: *The period of grace expires tomorrow — and the bill must be paid* (Ibid, p. 305);

б) с предлогом *in* (8 единиц): *bills in hand* — портфель векселей; *payment in kind* — платеж натурой; *trustee in bankruptcy* — конкурсный управляющий, назначаемый судом для распродажи собственности обанкротившегося предприятия для оплаты его счетов: *The trustee in bankruptcy sold the bankrupt's estate* (Ibid, p. 451);

в) с предлогом *by* (7 единиц): *management by exception* — управление по отклонениям, когда основное внимание тратится не на планирование, а на приведение ситуации в норму; *payment by results* — оплата по результатам; *sale by description* — продажа по описанию, без предъявления образца, например: *We must check the goods on arrival as they were for sale by description and must fulfill the contract* (Ibid, p. 370);

г) с предлогом *on* (5 единиц): *return on capital* — прибыль на акционерный капитал, например: *The return on capital was down slightly at 5.1 %* (Ibid, p. 363);

д) с предлогом *for* (3 единицы): *offer for sale* — предложение на продажу, например: *The offer for sale was priced at 125p a share* (Ibid, p. 285);

е) с предлогом *per* (3 единицы): *dividend per share* — дивиденд, выплачиваемый держателям простых акций, например: *The company paid a dividend per share of 5p* (Ibid, p. 139).

4. **Prtc II + N** (Participle II + Noun) — двухкомпонентная беспредложная грамматическая модель с константной зависимостью компонентов (89 единиц): *tied loan* —

ссуда при условии закупки товаров или услуг в стране, предоставляющей заем; *unsecured debt* — облигация, не обеспеченная активами компании; *raised bill* — поддельная денежная купюра; *mixed economy* — смешанная экономика, *depressed market* — вялый рынок, т. е. рынок с очень низким спросом на товары и услуги, например: *Many traders are suffering because of the depressed market* (Ibid, p. 128).

5. **Adj + N + N** (Adjective + Noun + Noun) — трехкомпонентная беспредложная модель с константной зависимостью компонентов (87 единиц): *open door policy* — политика государства, предоставляющая свободный доступ импортируемых товаров на внутренний рынок; *historic cost accounting* — метод учета, при котором в бухгалтерские книги и балансовую отчетность вносится первоначальная стоимость активов компании; *fine trade bill* — первоклассная торговая трата; *negative income tax* — отрицательный подоходный налог (выплаты суммы из бюджета лицу с низким уровнем дохода); *low involvement product* — товары первой необходимости, например: *Soap powder and toothpaste are low involvement products* (Ibid, p. 244).

6. **Prtc I + N** (Participle I + Noun) — двухкомпонентная беспредложная грамматическая модель с константной зависимостью компонентов (43 единицы): *sinking fund* — фонд погашения, выкупной фонд; *running broker* — вексельный брокер, выступающий как посредник; *sleeping partner* — пассивный партнер, который вкладывает деньги, но не принимает участия в управлении компанией; *revolving credit* — автоматически возобновляемый кредит; *voting shares* — акции с правом на большее число голосов при голосовании, например: *The organization has issued voting shares to all its major shareholders* (Ibid, p. 472).

В ходе структурного анализа субстантивных терминов фразеологического характера выявлено шесть наиболее продуктивных грамматических моделей, которые лежат в основе их образования. Выявленные и описанные модели представляют собой в основном двухкомпонентную структуру (ядро + адьюнкт), что свидетельствует о краткости синтагматической организации деловой фразеологии современного английского языка.

Библиографические ссылки

¹ См.: **Adam J. H.** Longman Dictionary of Business English. London: Longman Group Limited, 1993. 492 p. ; **Ayto J.** Twentieth Century Words: The Story of the New Words in English over the Last Hundred Years. Oxford: Oxford University Press, 1999. 626 p. ; Oxford Dictionary of Business and Management. Oxford: OUP, 2009. 599 p. ; Oxford Dictionary of Business English for learners of English. Oxford: Oxford University Press, 2000. 497 p. ; **Tuck A.** Oxford Dictionary of Business English. Oxford: Oxford University Press, 2000. 493 p. Далее ссылки на источник будут даваться в тексте с указанием названия и страницы.

² См.: **Кунин А. В.** Курс фразеологии современного английского языка. Дубна, 2005. 488 с.

³ См.: **Кунин А. В.** Английская фразеология: теоретический курс. М., 1970. 344 с.

⁴ См.: **Fedulenkova T.** Idioms in Business English: Ways to Cross-cultural Awareness // Domain-specific English: textual practices across communities and classrooms / Giuseppina Cortese & Philip Riley (ed.). Bern; Berlin; Bruxelles; Frankfurt am Mein; New York; Oxford; Wien: Lang, 2002. P. 247 — 269.

⁵ См.: **Аракин В. Д.** Сравнительная типология английского и русского языков. Л., 1979. 259 с.

Поступила 10.04.2018 г.

РЕЦЕНЗИИ

Беговаткин А. А. *Археологическая карта России: Республика Мордовия.* — М. : ИА РАН, 2017. — 488 с.

В 2017 г. Институтом археологии РАН выпущен очередной том «Археологической карты России», посвященный археологическим памятникам Республики Мордовия. Несмотря на многолетнюю историю изданий книг данной серии, начало которой было положено в 1993 г., это первый выпуск археологической карты национальной республики. Данное обстоятельство объясняется тем, что археологические карты республик обычно издаются региональными научными учреждениями. Известно, что подготовка подобной карты являлась одной из приоритетных научных тем археологов Мордовского научно-исследовательского института, и к концу 1990-х гг. она была практически готова. Однако в связи со сложным финансовым положением того времени, карта так и не была издана. В это же время в стране начался настоящий бум, связанный с разрешением продажи металлоискателей, которые стали широко использоваться кладоискателями для сбора артефактов с археологических памятников. Данная ситуация крайне озаботила В. Н. Шитова, и он принял решение отказаться от публикации археологической карты, которая могла стать путеводителем для «черных копателей». На мой взгляд, он поступил верно, поскольку со временем все археологические карты, изданные Институтом археологии, были оцифрованы и размещены на кладоискательских сайтах. Отметим, что в 2015 г. в Министерстве культуры РФ даже обсуждался вопрос о запрете публикации точных координат археологических памятников в едином государственном реестре объектов культурного наследия.

В связи с этим издание Археологической карты Республики Мордовия вызвало у меня противоречивые чувства. С одной стороны, подобная карта оказывает большую помощь специалистам при систематизации информации по археологическим памятникам и культурам, с другой — ее появление увеличивает вероятность разграбления археологического наследия республики «черными копателями». Выходом из данной ситуации был бы выпуск археологических карт с грифом «только для служебного пользования», однако администрация Института археологии РАН, к сожалению, придерживается другого мнения.

Как и другие издания данной серии, Археологическая карта Республики Мордовия имеет стандартную структуру. В предисловии содержится краткая аннотация монографии, описывается принцип изложения материала. Далее следует объемное введение, где приводится физико-географическая характеристика региона, излагается история изучения археологических памятников Мордовии. Большая часть этого раздела представляет собой археологический очерк, в котором по эпохам дана характеристика археологических культур, представленных на территории Мордовии.

В основной части монографии дается описание координат археологических памятников, приводится сжатая информация об истории их открытия и изучения, кратко характеризуются материалы, полученные при их исследовании. Завершает издание список использованных источников, систематический и хронологический указатели археологических памятников.

Положительной стороной монографии, безусловно, является то, что ее автор А. А. Беговаткин занимался непосредственным исследованием памятников Республики Мордовия, будучи студентом, аспирантом, а затем и сотрудником Мордовского краеведческого музея, где он работал до переезда в Москву. Это позволило избежать грубых ошибок, которые, например, присутствуют в Археологической карте Нижегородской области, подготовленной Т. Д. Николаенко. Уровень осмысления материала по ряду эпох у Т. Д. Николаенко соответствует середине прошлого века. Например, она до сих пор полагает, что мордовские могильники составляют единое целое с памятниками городецкой культуры.

История изучения археологических памятников Мордовии рассматривается в монографии с 1864 г., когда в Пензенских ведомостях была напечатана программа исследований Императорской археологической комиссии. Особое внимание А. А. Беговаткин уделил дореволюционному периоду. Исследования этого времени рассматриваются наиболее подробно, что вряд ли оправдано, поскольку результаты данного периода достаточно скромные. Более обобщенная характеристика в издании дана археологическим изысканиям второй половины XX в., когда в республике были сделаны значимые открытия, произведен большой объем археологических работ. Ограниченный объем этого раздела привел к тому, что некоторые изыскания даже не упомянуты автором. Следует отметить, что подобная «асимметричность» характерна для большинства историографических работ.

Положительной оценки заслуживает подбор фотографий исследователей, чего не было в ранее изданных картах.

Достаточно подробно в монографии изложена «археологическая история» древнего населения, проживавшего на территории современной Мордовии. При этом характеристика ранних эпох в основном дана на материалах «Археологии Мордовского края. Каменный век. Эпоха бронзы». Оттуда взято и большинство иллюстраций, характеризующих облик различных археологических культур. Впрочем, А. А. Беговаткин не ограничивался этим изданием и, по мере возможности, стремился использовать другие источники. К сожалению, делается это не всегда корректно. По большей части информация практически дословно излагается им из «Археологии Мордовского края», однако ссылки при этом делаются на литературу, которая в ней приводится. Причем в ссылках указываются не конкретные страницы, а статья или монография в целом, что значительно осложняет работу с текстом. Единственное исключение сделано при ссылке на автореферат И. В. Федюнина, которая, впрочем, тоже заимствована из названного источника.

В некоторых случаях А. А. Беговаткин необоснованно экстраполировал обобщенные данные, которые известны по изучению материалов других регионов, на археологические памятники Мордовии. Так, основываясь на предположении, что самые ранние памятники региона относятся к эпохе позднего мезолита, он отнес их к началу атлантической эпохи и датировал второй половиной VII тыс. до н. э. Между тем ни на Мокше, ни на Суре не известно ни одного датированного памятника эпохи

мезолита. К тому же наличие раннемезолитических орудий в смешанных коллекциях вовсе не исключается.

К раннему неолиту Мордовии в монографии относятся только две стоянки елшанской культуры, в то время как радиоуглеродная хронология одной из них (Имерка 7) практически синхронна материалам верхневожской культуры, два жилища которой исследованы на том же памятнике.

Со ссылкой на публикацию Л. Я. Крижевской (1996), которая не имеет отношения к неолиту Мордовии, А. А. Беговаткин сделал вывод, что памятники с гребенчато-накольчатой керамикой сменяются поселениями с ямочно-гребенчатой керамикой льяловской и балахнинской культур, вводя таким образом в заблуждение неискушенных читателей. Поскольку точка зрения о балахнинской принадлежности местных памятников давно уже является анахронизмом. В настоящее время льяловская принадлежность Сурско-Мокшанских памятников не оспаривается ни одним из исследователей неолита, и дискуссия ведется только о той роли, которую сыграли местные носители гребенчато-накольчатой керамики в сложении льяловской культуры¹. В связи с этим ничего кроме недоумения не вызывает подпись к рис. 29: «Изделия из камня балахнинской к-ры с поселения Широмаково 3 (по В. В. Ставицкому)».

При описании хронологии каменного века в монографии приводятся только некалиброванные данные, которые не используются современными исследователями на протяжении последнего десятилетия. Причем полная подборка калиброванных данных по неолиту Мордовии уже неоднократно публиковалась А. А. Выборновым².

Характеризуя обстановку финальной бронзы А. А. Беговаткин пришел к выводу, что в конце II тыс. до н. э. на поселениях балановской, поздняяковской и чирковской культур Среднего Поволжья резко возрастает количество лепной посуды с сетчатыми отпечатками на поверхности. Однако это заключение неприменимо к памятникам Мордовии, поскольку сетчатая керамика зафиксирована здесь только на одном поселении Новый Усад 6, где материалы вышеназванных культур отсутствуют. Неподтвержденным также является мнение о столь поздней хронологии бытования балановских памятников. Относительно поздняяковской культуры этот вывод противоречит наблюдениям Т. Б. Поповой, которая отмечала, что на всем протяжении ее развития сетчатая керамика на поздняяковских поселениях стабильно составляет небольшой процент³.

Высказанные выше замечания не актуальны для разделов раннего железного века и эпохи средневековья, которые написаны в ином ключе. При интерпретации

¹ См.: Ставицкий В. В. Дискуссионные вопросы изучения памятников ямочно-гребенчатой керамики Среднего Поволжья // Поволжская археология. 2013. № 1 (3). С. 52 — 59.

² См.: Выборнов А. А. Неолит Волго-Камья. Самара, 2008. Табл. 1 ; Выборнов А. А., Ставицкий В. В., Кулькова М. А., Ойнонен М., Поснерт Г. Радиоуглеродные данные к хронологии неолита Примокшанья // Радиоуглеродная хронология эпохи неолита Восточной Европы VII — III тысячелетия до н. э. Смоленск, 2016. С. 97 — 106.

³ См.: Попова Т. Б. Значение орнаментальных мотивов и керамических форм для датировки памятников поздняяковской культуры на средней Оке // Новые материалы по истории Восточной Европы в эпоху камня и бронзы. М., 1985. (Тр. / ГИМ ; № 60).

материалов этих периодов А. А. Беговаткин нередко опирался на собственные концепции и представления о развитии местных археологических культур. Недостатком этой части работы является игнорирование данных исследований последних лет. Хотя монография была сдана в печать в июне 2017 г., в ней отсутствуют ссылки на публикации позднее 2013 г. Эти годом датированы всего три публикации, 2012 г. — ни одной, и только более ранние издания представлены достаточно полно.

При описании памятников городищевой культуры А. А. Беговаткин приходит к выводу, что наряду с городищами, укрепленными одним рвом и валом, известны 6 городищ, на которых зафиксировано по два вала, и 7 — по три линии укреплений. Однако две трети городищ являются многослойными и сложная система укреплений, скорее всего, связана с более поздними периодами их существования. Причем даже отсутствие позднего слоя на городище не исключает средневековый возраст усложненной фортификации. Поскольку для средневековой мордвы характерны городища-убежища, на которых постоянно не жили и, следовательно, здесь не происходило отложений культурного слоя. В связи с этим безоговорочное отнесение этих укреплений к городищевому времени недостаточно обосновано.

Время бытования городищевой культуры в регионе определяется в монографии VIII — VII вв. до н.э. — I — II вв. н. э. Подобная хронология ничем не подтверждена, а всего лишь опирается на допущение, что городищевые памятники существовали здесь синхронно с древностями других регионов. Однако в материалах городищ рязанского течения Оки уже с V в. до н. э. преобладает керамика с псевдорогожными отпечатками⁴, которая в Мордовии широко распространена только на Новопшневском городище. Поэтому, все исследованные памятники Примокшанья, видимо, относятся ко времени не позже V в. до н. э. Таким образом, приведенная в монографии периодизация городищевых материалов относится не ко всей культуре, а только к ее раннему периоду. Причем наиболее поздний облик имеют материалы, отнесенные к «раннему этапу», поскольку доля псевдорогожной керамики в его материалах наиболее значима (16 %).

Неясно также на каких материалах основан вывод А. А. Беговаткина о том, что в сравнении с эпохой бронзы на городищевых памятниках возрастает количество костей домашних животных? Отметим, что В. И. Вихляевым, а именно по его материалам в монографии описывается городищевая культура, фиксируется обратный процесс⁵. Спорным является и тезис о преобладании в городищевых материалах костей свиньи. Это утверждение справедливо только для Теньгушевского городища, где кости свиньи составляют 714 экз., лошади — 571 экз., КРС — 319 экз. Совершенно иная картина характерна для Самозлейского городища: кости лошади — 800 экз., КРС — 740 экз., свиньи — 444 экз.⁶

К савроматской культуре без дополнительной аргументации автором почему-то относятся находки бронзовых наконечников стрел Каргашинского (Даниловского)

⁴ См.: Фоломеев Б. А. Шишкинское городище // Древности Оки. (Тр. ГИМ ; №. 85) М. 1994. С. 138 — 157.

⁵ См.: Вихляев В. И. Происхождение древнемордовской культуры. Саранск, 2000. С. 31 — 32.

⁶ См.: Ставицкий В. В., Ставицкий А. В. Занятия скотоводством населения Сурско-Окского междуречья в I тысячелетии до н. э. // Сельское, лесное и водное хозяйство. 2014. № 10 (37). С. 15 — 19.

городища, поскольку в историографии преобладающей является точка зрения о влиянии скифской культуры на городецкое население⁷.

В интерпретации П. Д. Степанова в монографии дается описание материалов Андреевского кургана, хотя со времени их публикации многие положения были неоднократно переосмыслены и уточнены, в том числе на конференции, посвященной 50-летию его исследования, которая была организована НИИ гуманитарных наук в 2014 г.⁸

Наиболее спорным является утверждение А. А. Беговаткина о том, что характерные черты материальной культуры мордвы складываются ко второй половине V в. Именно к этому времени, по его мнению, относится появление этноопределяющих украшений: височной подвески со спиралью на одном конце и бипирамидальным грузиком на другой, поясных блях с подвижной крышечкой и др. Кроме того, VI в. датируется первое письменное упоминание о мордве готского историка Иордана.

По результатам исследований Ражкинского могильника установлено, что у примокшанской мордвы подвеска с бипирамидальным грузиком появляется не позже конца III в. Причем ее появлению предшествуют более ранние формы подвесок с биконическим грузиком, эволюция которых зафиксирована на всем протяжении III в.⁹ Концом III в. определяется время появления подобной подвески и в материалах могильника Стексово 2 на р. Теше¹⁰. Что именно имел в виду А. А. Беговаткин, под поясными бляхами с подвижной крышечкой не совсем ясно, поскольку для данного времени характерны только нагрудные бляхи. Причем ранние формы этих блях, зафиксированные в Абрамовском могильнике, появляются в первой половине IV в.¹¹ Прообразами этих украшений являются бляхи с иглой, а более поздней формой — бляхи с шестиугольной крышечкой, которые широко распространены не только на древнемордовских памятниках, но и в рязано-окских могильниках. В связи с этим не понятно, на каком основании они отнесены к этноопределяющим украшениям мордвы?

Следует также отметить, что хотя текст Иордана, в котором упоминается мордва, относится к VI в., описываемые в нем события датируются временем не позднее третьей четверти IV в.

Помимо всего прочего, указанная автором эпоха — вторая половина V в. ни в коей мере не является переломной. Судя по наиболее полно изученным материалам

⁷ См.: **Ставицкий В. В.** История изучения памятников городецкой культуры Сурско-Мокшанского междуречья // Волжский вестник науки. 2016. № 3 — 4 (3 — 4). С. 27 — 32.

⁸ См.: **Кемаев Е. Н.** Юбилейная научная конференция, посвященная 50-летию научной сессии «Этногенез мордовского народа» // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2015. № 1 (33). С. 230 — 231.

⁹ См.: **Гришаков В. В., Ставицкий В. В.** Хронология пластинчатых блях Ражкинского могильника // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2018. № 1 (45). С. 86 — 92.

¹⁰ См.: **Вихляев В. И.** К вопросу о единстве древнемордовской культуры // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2014. № 2 (26). С. 22.

¹¹ **Ставицкий В. В., Мясникова О. В., Сомкина А. Н.** О датировке ранних погребений Абрамовского могильника // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2012. № 3. С. 106 — 123.

Абрамовского и Армиевского могильников, материальная культура и погребальный обряд этих памятников не претерпевают на данном этапе никаких существенных изменений¹².

Второй половиной I тыс. н. э. А. А. Беговаткин определил время существования древнемордовских поселенческих памятников. Подобная датировка вызывает вопросы, поскольку погребальных памятников на территории Мордовии, которые бы относились ко времени раньше середины VII в., не известно¹³, а на поселенческих памятниках до сих пор не выявлено материала, хронология которого могла бы однозначно свидетельствовать об их существовании в более раннее время. В связи с этим существование селищ следовало бы синхронизировать со временем бытования могильников, либо аргументировать их более раннюю хронологию.

Рассматривая керамические комплексы поселенческих памятников, А. А. Беговаткин пришел к выводу, что технологии изготовления и формы посуды близки позднегородецким, что опять же не подтверждается фактическими материалами. Даже если допустить их гипотетическую преемственность, которой в реальности не было, между ними имеется хронологический разрыв в 500 лет. Маловероятно, что на протяжении такого отрезка времени могла сохраняться существенная преемственность, ведь согласно исследованиям В. В. Гришакова, изменения в керамическом комплексе мордвы на протяжении I тыс. н. э. носили достаточно динамичный характер¹⁴.

За исключением Тенишевского могильника, отнесенного к мордве-эрзе, материалы остальных погребальных памятников VII — X вв. интерпретированы в монографии в качестве мокшанских. Однако при исследованиях Тенишевского могильника, в которых мне приходилось принимать участие, не зафиксировано ни одного предмета, не имеющего точных аналогов в материалах памятниках, отнесенных к мордве-мокше¹⁵. Отличием этого могильника является то, что большая часть захоронений имеет северную и северо-западную ориентировку. Однако подобным образом ориентированы и все погребения раннего этапа среднецнинских могильников, относимые исследователями к мордве-мокше¹⁶. По-видимому, Тенишевский могильник оставлен той же группой населения, что и среднецнинские памятники. Вероятно, проживая в отрыве от основной территории распространения могильников Цнинско-Вадского междуречья, эта группа населения сохранила более ранние погребальные традиции.

На наш взгляд, полное сходство материальной культуры погребальных памятников с южной и северной ориентировкой, которая к тому же не является в это время

¹² См.: **Полесских М. Р.** Армиевский могильник // Археологические памятники мордвы первого тысячелетия н. э. Саранск, 1979. № 63 ; **Ставицкий В. В.** Погребальный обряд тешской группы мордовских могильников III — VII вв. // Поволжская Археология. 2013. № 2 (4). С. 143 — 150.

¹³ См.: Хронология могильников населения I — XIV вв. западной части Среднего Поволжья: монография / В. И. Вихляев [и др.]. Саранск, 2008.

¹⁴ См.: **Гришаков В. В.** Керамика финно-угорских племен правобережья Волги в эпоху раннего средневековья. Йошкар-Ола, 1993.

¹⁵ См.: **Аксенов В. Н., Гришаков В. В.** Тенишевский могильник // Вопросы этнической истории мордовского народа в I — начале II тысячелетия н. э. Саранск, 1988. № 93.

¹⁶ См.: **Зеленцова О. В.** Ранний горизонт погребений среднецнинских могильников (вопросы хронологии) // Тр. Гос. ист. муз. 2005. № 145. С. 320 — 327.

устойчивой, свидетельствует о том, что процессы дифференциации мордвы на эрзу и мокшу в VIII — IX вв., находились на начальном этапе развития¹⁷.

Интерпретация материалов последующих эпох в монографии не вызывает вопросов и возражений.

Объем рецензии не позволяет дать подробный анализ части издания, посвященной описанию месторасположения и краткой характеристике археологических памятников. В принципе эта часть монографии и не особенно нуждается в этом, поскольку преимущественно носит справочный характер. Пожалуй, следует отметить только неполноту данных, касающихся интерпретации материалов памятников, поскольку А. А. Беговаткиным проигнорирована практически вся литература, вышедшая по неолиту-энеолиту позже 2008 г. Отсутствует в библиографии и значительная часть изданий, посвященная более поздним эпохам. Например, самая поздняя работа В. В. Гришакова датирована 2009 г.; не учтены статьи В. И. Вихляева 2010 — 2016 гг.; в списке публикаций Ю. А. Зеленева есть монография 2013 г., но нет ни одной статьи 1995 — 2016 гг.; не учтены публикации С. В. Святкина, О. В. Зеленцовой (кроме коллективной монографии 2008 г.), Т. В. Осиповой и Е. Н. Кемаева, в которых содержится немало новых интерпретаций материалов археологических памятников эпохи средневековья.

Отметим, что не всегда в описании памятников верно указано место хранения коллекций. Например, все материалы из раскопок В. П. Третьякова хранятся в музее Самарского педагогического университета, а в монографии указан Институт материальной культуры г. Санкт-Петербург.

Высказанные автором рецензии замечания не умаляют значения той объемной работы по систематизации материалов археологических памятников, которая была проделана А. А. Беговаткиным. Скрупулезно собранная в данном издании информация, безусловно, будет востребована научным сообществом и станет важным подспорьем в процессе дальнейшего изучения археологического наследия Республики Мордовия.

Буквально за несколько дней до публикации рецензии пришло известие о трагической смерти Александра Алексеевича Беговаткина. Таким образом, опубликованная карта стала его итоговым трудом по археологии Мордовии. Узнав о том, что мной подготовлена рецензия, Александр Алексеевич попросил ознакомиться с ее текстом, для того чтобы учесть высказанные в ней замечания при работе над выпуском Археологической карты памятников Пензенской области. Я выслал ему рецензию и предложил обсудить дискуссионные вопросы. Он ответил мне в начале августа, когда я в привычном цейтноте собирался на конференцию в Ростовскую область, и обсуждения не получилось. Полагаю, что вопросы, поставленные в рецензии, по-прежнему актуальны, поэтому приглашаю исследователей археологии Мордовии к их обсуждению.

*В. В. Ставицкий,
доктор исторических наук, профессор.*

¹⁷ Ставицкий В. В. Эрзя и мокша по данным археологии // Центр и периферия. 2016. № 1. С. 4 — 11.

Мордовская мифология : энциклопедия : в 2 т. Т.1: А — К / науч. ред. В. А. Юрчёнков, И. В. Зубов; НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. Саранск, 2013. — 484 с.

Рецензируемый труд «Мордовская мифология» относится к тому типу изданий энциклопедического характера, которые нацелены на всестороннее и полное освещение исследуемой темы в лаконичной, отточенной форме подачи материала. Использование разных источников информации, имеющихся в этнографии, фольклористике, лингвистике, этномузыкологии и других смежных гуманитарных дисциплинах; уместное размещение иллюстративного материала, выбор разноплановых сведений позволили авторскому коллективу энциклопедии создать интереснейший фундаментальный труд, который будет востребован широким кругом пользователей, от специалистов до рядового читателя. Парадигма издания, основанная на концепции комплексного подхода, предусматривающего применение разных методологических приемов, дала возможность выявления мифологических представлений в разных фольклорных жанрах и видах традиционной культуры мордовского народа.

В первом томе, посвященном материалу от А до К, в рамках заданной концепции проанализированы поэтические тексты песен, имеющих непосредственное отношение к мифологии на уровне сюжетов, мотивов и персонажей. Примечательно, что авторами статей энциклопедии были учтены и способы исполнения песен, и особенности их тематического содержания, и связь с календарной обрядностью, что позволяет говорить о степени распространенности и трансформации тех или иных образцов музыкального фольклора у мордвы, проживающей практически на всей территории России.

Кроме музыкального фольклора, энциклопедия представляет семейную обрядность, сопровождающую практически весь жизненный цикл человека — от рождения до смерти, а главное, их событийный ряд, наполненный мифологическими представлениями о необходимости проведения различных апотропейных или побудительных действий. Особую ценность представляет подробно описанная система детских обрядов, пронизанная мифологическим мироощущением — первое ритуальное купание и пеленание, знакомство, имянаречение, первое укладывание в колыбель, первая стрижка волос («Детские обряды и мифология»).

Значительным вкладом в региональную науку стало изучение космогонии и теогонии мордвы. Энциклопедия дает возможность увидеть противоречия в восприятии образов ключевых божеств мифического пантеона, проанализировать локальные отличия. Используя опубликованные статьи, можно легко обнаружить параллели с другими сложившимися мифологическими моделями мира у финно-угорских народов. Вслед за системой взаимоотношений людей и высших сил, в рецензируемой энциклопедии выстраивается и структурная мифологическая модель мира, состоящая из представлений народа о небесных божествах («Вердя Шкай», «Верепаз»); покровителях отдельного природного пространства или стихии (грома — «Атямшкай», леса — «Вирява» / «Вирятя», воды — «Ведява» / «Ведятя» и др.); божествах-покровителях хорошо освоенного пространства, маркирующегося как «свое» (дома и двора с домашними животными — «Кудава», «Кардаз Сярко», села — «Велява»); подземного мира и злых сил, концентрированно представленных в образе

Идемевся и т. д. Кроме того, четко прописан образ-символ центра мира — Мирового дерева («Великое дерево»).

Коллектив авторов на страницах энциклопедии сумел обобщить огромный массив источников и исследовательской литературы, представив в статьях развернутую картину жизни, согласно мифологическим представлениям, отношение людей к природе и ее отдельным элементам. Так, в частности, в энциклопедии рассмотрены место и роль деревьев («Береза», «Дуб», «Ель») и связанные с ними верования, отражающие стремление установить в нужный момент связь между человеком и божеством. Вода как место обитания божества Ведявы предстает не только как объект поклонения, но и как некая магическая сила, активно используемая в лечебной практике народной медицины («Заговоры»). В отдельных статьях фрагментарно демонстрируется сакрализация пространства, связанного с проведением молений отдельным божествам (поле, овраг, лес и т. д.).

Отметим, что в рецензируемой работе особое внимание уделяется сложной теоретической проблеме, связанной с переходом жанровых границ, освещаются разные аспекты взаимодействия мифа, эпоса и лирики. Характерный переход жанровых границ в произведениях, бытовавших в народной среде в течение длительного времени, рассматривается посредством связи ряда сюжетов и персонажей, встречающихся как в мифах, так и в образцах устного народного творчества, имеющих признаки эпика («Герой», «Великаны», «Киля» и др.).

В энциклопедии раскрыты фундаментальные основания мифологических представлений мордовского этноса, проистекающих из анимистических и антропоморфических взглядов, отраженных в антропогонических и космогонических мифах.

Отдельного внимания заслуживают иллюстрации к статьям энциклопедии, представляющие собой архивные фотоматериалы, рисунки, репродукции картин художников и т. д. Они являются достоинством и украшением энциклопедии. Отражение года создания иллюстрируемого объекта сделало бы изобразительный ряд энциклопедии дополнительно информативным источником в исследовании мифологии мордвы.

Безусловно, тематический охват анализируемой энциклопедии, подразумевает его насыщение дополнительным, в том числе уточняющим материалом, который, хотелось бы надеяться, последует в следующем, втором томе этого издания. Однако уже сейчас можно говорить о достижении коллективом создателей высоких научных результатов, помогающих по-новому взглянуть на многие стороны жизни мордовского народа, увидеть истоки происхождения многих мировоззренческих установок, понять механизм сохранения в культуре в целом и устно-поэтическом творчестве в частности основных ценностных ориентиров, способствующих гармоничному развитию современного многонационального общества.

Кроме того, глубокое и масштабное исследование мифологического пласта национальной культуры мордвы составляет серьезный задел для дальнейших сравнительно-сопоставительных исследований традиционной культуры других финно-угорских этносов, а также локальных групп мордвы, проживающих за пределами автохтонного региона (на территории Зауралья, Сибири и Дальнего Востока).

Е. Н. Кузьмина
доктор филологических наук, профессор.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Акишков Александр Геннадьевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник направления «История» МарНИИЯЛИ, г. Йошкар-Ола, Россия, e-mail: marnii@mar-el.ru

Арзамаскин Юрий Николаевич — доктор исторических наук, профессор, старший научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории (исследования проблем морально-психологической подготовки) ФГКУ «Военный университет», г. Москва, Россия, e-mail: jura.arz@bk.ru

Ахмадуллин Вячеслав Абдулович — кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник аппарата Совета муфтиев России, г. Москва, Россия, e-mail: slavaah@yandex.ru

Бакула Виктория Борисовна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и массовых коммуникаций ФГБОУ ВО «Мурманский арктический государственный университет», г. Мурманск, Россия, e-mail: museum-vs@yandex.ru

Баршова Оксана Анатольевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Средне-Волжского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Саранск, Россия, e-mail: oханabarshova@yandex.ru

Безрукова Валерия Сергеевна — аспирант отдела региональных исследований и программ НИИГН, г. Саранск, Россия, e-mail: zmts5@mail.ru

Бибина Наталья Михайловна — преподаватель кафедры общеобразовательных и юридических дисциплин Средне-Волжского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Саранск, Россия, e-mail: mouse.nata.84@mail.ru

Блиняев Семен Николаевич — аспирант кафедры истории и культуры зарубежных стран ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет им. И. Н. Ульянова», г. Чебоксары, Россия, e-mail: semen-blinjaev@rambler.ru

Булавин Антон Викторович — кандидат философских наук, старший научный сотрудник отдела региональных исследований и программ НИИГН, г. Саранск, Россия, e-mail: guniign@list.ru

Вильчик Андрей Александрович — аспирант кафедры истории ФГБОУ ВО «УлГПУ им. И. Н. Ульянова», г. Ульяновск, Россия, e-mail: kafist73@mail.ru

Гераськина Инна Николаевна — кандидат экономических наук, доцент кафедры управления организацией Санкт-Петербургского государственного архитектурно-строительного университета, г. Санкт-Петербург, Россия, e-mail: geraskina82@mail.ru

Григорьева Ксения Дмитриевна — государственный таможенный инспектор отдела таможенного оформления и таможенного контроля № 1 Пулковского таможенного поста Северо-Западного таможенного управления, г. Санкт-Петербург, Россия, e-mail: рира-2009@mail.ru

Жуков Станислав Александрович — кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Военной академии связи, г. Санкт-Петербург, Россия, e-mail: stasevitsch@yandex.ru

Зинина Любовь Ивановна — доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры статистики, эконометрики и информационных технологий в управлении МГУ им. Н. П. Огарёва, г. Саранск, Россия, e-mail: zinali@mail.ru

Иванов Ананий Герасимович — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет», г. Йошкар-Ола, Россия, e-mail: anani@marsu.ru

Ивлиев Сергей Александрович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории НИИГН, г. Саранск, Россия, e-mail: otдел_istorii@mail.ru

Кадерова Татьяна Николаевна — кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела истории НИИГН, г. Саранск, Россия, e-mail: otдел_istorii@mail.ru

Келина Антонина Николаевна — кандидат филологических наук, доцент, главный научный сотрудник — заведующий отделом языкознания НИИГН, г. Саранск, Россия, e-mail: guniign@list.ru

Концова Ирина Михайловна — магистрант экономического факультета МГУ им. Н. П. Огарёва, г. Саранск, Россия, e-mail: irina-koncova@yandex.ru

Костогрызова София Евгеньевна — аспирант кафедры отечественной истории ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет», г. Йошкар-Ола, Россия, e-mail: kostogryzova91@mail.ru

Кудряшев Вадим Сергеевич — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры менеджмента Северо-Западного института управления РАНХ и ГС, г. Санкт-Петербург, Россия, e-mail: kudvad88@yandex.ru

Кузьмина Евгения Николаевна — доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник — заведующий сектором фольклора народов Сибири Института филологии СО РАН, г. Новосибирск, Россия, e-mail: folklor@ngs.ru

Маньков Андрей Васильевич — старший преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Военной академии связи, г. Санкт-Петербург, Россия, e-mail: 63donetsk@mail.ru

Морозова Юлия Михайловна — кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Средне-Волжского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Саранск, Россия, e-mail: mouse.nata.84@mail.ru

Москалева Елена Геннадьевна — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры бухгалтерского учета, анализа и аудита МГУ им. Н. П. Огарёва, г. Саранск, Россия, e-mail: Moskaleva_EG@list.ru

Нуйкин Сергей Юрьевич — аспирант отдела истории НИИГН, г. Саранск, Россия, e-mail: otдел_istorii@mail.ru

Ставицкий Владимир Вячеславович — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры всеобщей истории и обществознания Пензенского государственного университета, г. Пенза, Россия, e-mail: stawiczky.v@yandex.ru

Тезина Людмила Евгеньевна — кандидат экономических наук, главный специалист-эксперт Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Мордовия (Мордовиястат), г. Саранск, Россия, e-mail: ludmilatezina@yandex.ru

Федосеев Роман Васильевич — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Средне-Волжского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Саранск, Россия, e-mail: fedoseevrv@gmail.ru

Федуленкова Татьяна Николаевна — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры иностранных языков профессиональной коммуникации ВлГУ, г. Владимир, Россия, e-mail: fedulenkova@list.ru

Филенкова Ольга Александровна — соискатель кафедры «История России и методика преподавания истории» Пензенского государственного университета, г. Пенза, Россия, e-mail: filenkova_oa@mail.ru

Филонов Александр Анатольевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет», г. Йошкар-Ола, Россия, e-mail: fil88meat@rambler.ru

Филонова Алина Борисовна — аспирант кафедры отечественной истории ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет», г. Йошкар-Ола, Россия, e-mail: alina.filonova@mail.ru

Четаева Кристина Геннадьевна — аспирант отдела региональных исследований и программ НИИГН, г. Саранск, Россия, e-mail: kg_kiseleva@inbox.ru

Шайпак Леонид Александрович — доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории ФГБОУ ВО «УлГПУ им. И. Н. Ульянова», г. Ульяновск, Россия, e-mail: Shaipak@rambler.ru.

Широков Олег Николаевич — доктор исторических наук, профессор, декан историко-географического факультета ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет им. И. Н. Ульянова», г. Чебоксары, Россия, e-mail: 425954@rambler.ru

Шукин Григорий Матвеевич — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник отдела региональных исследований и программ НИИГН, г. Саранск, Россия, e-mail: shukin_grigorim@mail.ru

Яковлева Анастасия Юрьевна — кандидат искусствоведения, артист Государственного оркестра народных инструментов Республики Татарстан Татарской государственной филармонии имени Габдуллы Тукая, г. Казань, Россия, e-mail: 8nastyas@mail.ru

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Akshikov Aleksandr Gennadyevich — Candidate of History, Senior Researcher, Mari NII of Language, Literature and History, Yoshkar-Ola, Russia, e-mail: marnii@mari-el.ru

Arzamaskin Yury Nikolayevich — Doctor of History, Professor, Senior Researcher of Research Laboratory (for Investigation of Problems of Moral and Psychological Preparation), Military University, Moscow, Russia, e-mail: jura.arz@bk.ru

Akhmadullin Vyacheslav Abdulovich — Candidate of History, Associate Professor, Senior Researcher of Apparatus of Russia Muftis Council, Moscow, Russia, e-mail: slavaah@yandex.ru

Bakula Viktoriya Borisovna — Candidate of Philology, Assistant Professor of Department of the Russian Language and Mass Communications, Murmansk Arctic State University, Murmansk, Russia, e-mail: museum-vs@yandex.ru

Barshova Oksana Anatolyevna — Candidate of History, Assistant Professor of Department of State and Legal Disciplines, Middle-Volga Institute (branch) of All-Russian State University of Justice (Russian Law Academy by the Ministry of Justice of Russia), Saransk, Russia, e-mail: oxanabarshova@yandex.ru

Bezrukova Valeriya Sergeevna — Postgraduate Student of Department of Regional Studies and Programs, NIIGN, Saransk, Russia, e-mail: zmtsv5@mail.ru

Bibina Natalya Mikhaylovna — Lecturer of Department of General Educational and Legal Disciplines, Middle-Volga Institute (Branch) of All-Russian State University of Justice (Russian Law Academy by Ministry of Justice of Russia), Saransk, Russia, e-mail: mouse.nata.84@mail.ru

Blinyaev Semen Nikolayevich — Postgraduate Student of Department of History and Culture of Foreign Countries, I. N. Ulyanov Chuvashia State University, Cheboksary, Russia, e-mail: semen-blinjaev@rambler.ru

Bulavin Anton Viktorovich — Candidate of Philosophy, Senior Researcher of Department of Regional Studies and Programs, NIIGN, Saransk, Russia, e-mail: guniign@list.ru

Vilchik Andrey Aleksandrovich — Postgraduate Student of Department of History, Ulyanovsk State Pedagogical University, Ulyanovsk, Russia, e-mail: kafist73@mail.ru

Geraskina Inna Nikolayevna — Candidate of Economics, Assistant Professor of Department of Management of Organization, Saint-Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering, Saint-Petersburg, Russia, e-mail: geraskina82@mail.ru

Grigoryeva Kseniya Dmitrievna — State Customs Inspector of Department of Customs Processing and Customs Control No. 1, Pulkovo Customs Post of North-Western Customs Directorate, Saint-Petersburg, Russia, e-mail: pupa-2009@mail.ru

Zhukov Stanislav Aleksandrovich — Candidate of History, Assistant Professor of Department of Humanitarian, Social and Economic Disciplines, Military Academy of Communications, Saint-Petersburg, Russia, e-mail: stasevitsch@yandex.ru

Zinina Lyubov Ivanovna — Doctor of Economics, Professor, Professor of Department of Statistics, Econometrics and Information Technologies in Management, National Research Ogarev Mordovia State University, Saransk, Russia, e-mail: zininali@mail.ru

Ivanov Anany Gerasimovich — Doctor of History, Professor, Head of Department of National History, Mari State University, Yoshkar-Ola, Russia, e-mail: anani@marsu.ru

Ivliev Sergey Aleksandrovich — Candidate of History, Senior Researcher of Department of History, NIIGN, Saransk, Russia, e-mail: otdel_istorii@mail.ru

Kaderova Tatyana Nikolayevna — Candidate of History, Associate Professor, Senior Researcher of Department of History, NIIGN, Saransk, Russia, e-mail: otdel_istorii@mail.ru

Kelina Antonina Nikolayevna — Candidate of Philology, Associate Professor, Principal Researcher — Head of Department of Linguistics, NIIGN, Saransk, Russia, e-mail: guniign@list.ru

Kontsova Irina Mikhaylovna — Master Student of Faculty of Economics, National Research Ogarev Mordovia State University, Saransk, Russia, e-mail: irina-koncova@yandex.ru

Kostogryzova Sofiya Evgenyevna — Postgraduate Student of Department of National History, Mari State University, Yoshkar-Ola, Russia, e-mail: kostogryzova91@mail.ru

Kudryashev Vadim Sergeyeovich — Candidate of Economics, Associate Professor, Assistant Professor of Department of Management, North-Western Institute of Management of RANEP, Saint-Petersburg, Russia, e-mail: kudvad88@yandex.ru

Kuzmina Evgeniya Nikolayevna — Doctor of Philology, Professor, Principal Researcher — Head of Sector of Folklore of Peoples of Siberia, Institute of Philology of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia, e-mail: folklor@ngs.ru

Mankov Andrey Vasilyevich — Senior Lecturer of Department of Humanitarian, Social and Economic Disciplines, Military Academy of Communications, Saint-Petersburg, Russia, e-mail: 63donetsk@mail.ru

Morozova Yuliya Mikhaylovna — Candidate of Law, Assistant Professor of Department of Theory and History of State and Law, Middle-Volga Institute (branch) of All-Russian State University of Justice (Russian Law Academy by the Ministry of Justice of Russia), Saransk, Russia, e-mail: mouse.nata.84@mail.ru

Moskaleva Elena Gennadyevna — Candidate of Economics, Associate Professor, Assistant Professor of Department of Accounting, Analysis and Audit, National Research Ogarev Mordovia State University, Saransk, Russia, e-mail: Moskaleva_EG@list.ru

Nuykin Sergey Yuryevich — Postgraduate Student of Department of History, NIIGN, Saransk, Russia, e-mail: otdel_istorii@mail.ru

Stavitsky Vladimir Vyacheslavovich — Doctor of History, Associate Professor, Professor of Department of General History and Social Studies, Penza State University, Penza, Russia, e-mail: stawiczky.v@yandex.ru

Tezina Lyudmila Evgenyevna — Candidate of Economics, Principal Specialist-Expert of Territorial Body of Federal State Statistics Service in the Republic of Mordovia (Mordoviastat), Saransk, Russia, e-mail: ludmilatezina@yandex.ru

Fedoseev Roman Vasilyevich — Doctor of History, Professor of Department of State and Legal Disciplines, Middle-Volga Institute (branch) of All-Russian State University of Justice (Russian Law Academy by the Ministry of Justice of Russia), Saransk, Russia, e-mail: fedoseevrv@gmail.ru

Fedulenkova Tatyana Nikolayevna — Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of Department of Foreign Languages for Professional Communication, Vladimir State University, Vladimir, Russia, e-mail: fedulenkova@list.ru

Filenkova Olga Aleksandrovna — Competitor of Department of History of Russia and Methods of Teaching History, Penza State University, Penza, Russia, e-mail: filenkova_oa@mail.ru

Filonov Aleksandr Anatolyevich — Candidate of History, Assistant Professor of Department of National History, Mari State University, Yoshkar-Ola, Russia, e-mail: fil88meat@rambler.ru

Filonova Alina Borisovna — Postgraduate Student of Department of National History, Mari State University, Yoshkar-Ola, Russia, e-mail: alina.filonova@mail.ru

Chetaeva Kristina Gennadyevna — Postgraduate Student of Department of Regional Studies and Programs, NIIGN, Saransk, Russia, e-mail: kg_kiseleva@inbox.ru

Shaypak Leonid Aleksandrovich — Doctor of History, Associate Professor, Head of Department of History, Ulyanovsk State Pedagogical University, Ulyanovsk, Russia, e-mail: Shaipak@rambler.ru.

Shirokov Oleg Nikolayevich — Doctor of History, Professor, Dean of Faculty of History and Geography, I. N. Ulyanov Chuvashia State University, Cheboksary, Russia, e-mail: 425954@rambler.ru

Shchukin Grigory Matveyevich — Candidate of Economics, Senior Researcher of Department of Regional Studies and Programs, NIIGN, Saransk, Russia, e-mail: shukin_grigorim@mail.ru

Yakovleva Anastasiya Yuryevna — Candidate of Arts, Artist of State Orchestra of Folk Instruments of the Republic of Tatarstan, Tatar State Philharmonic named after G. Tukay, Kazan, Russia, e-mail: 8nastya8@list.ru

СОКРАЩЕНИЯ

АВМД — Архив военно-медицинских документов

ГАНИ УО — Государственный архив новейшей истории Ульяновской области

ГА РМЭ — Государственный архив Республики Марий Эл

ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации

ГАУО — Государственный архив Ульяновской области

ГИА ЧР — Государственный исторический архив Чувашской Республики

НА РТ — Национальный архив Республики Татарстан

НА НИИГН — Научный архив Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия

РГВА — Российский государственный военный архив

ЦАНО — Центральный архив Нижегородской области

ЦГА РМ — Центральный государственный архив Республики Мордовия

ЦГА СПб — Центральный государственный архив Санкт-Петербурга

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Редакция журнала приглашает к сотрудничеству ученых, занимающихся проблемами развития региональной гуманитарной науки, и просит авторов при оформлении статьи придерживаться следующих правил и рекомендаций:

1. Статья представляется в печатном (1 экз.) и электронном виде.

2. К статье, направляемой в редакцию, должны прилагаться две рецензии, подписанные специалистом и заверенные печатью учреждения, а также отзыв научного руководителя (для аспирантов).

3. Все статьи публикуются на русском языке. Статьи, представленные на английском языке, должны содержать русский вариант перевода. Авторы могут выполнить его как самостоятельно, так и при помощи редакции.

4. *Объем основного текста* должен составлять 0,5 — 1,0 печатного листа (12 — 24 страницы).

5. *Текст статьи* набирается в программе Microsoft Office Word 2003 шрифтом Times New Roman, размер кегля 14 через 1,5 интервала. Формат бумаги А 4, поля: слева — 3 см, справа и сверху — 2 см, снизу — 2,5 см, абзац — 1,25 см.

Статья оформляется следующим образом:

1) инициалы и фамилия автора на русском и английском языках;
2) название статьи на русском и английском языках;
3) не более 7 ключевых слов или словосочетаний на русском и английском языках;

4) аннотация объемом до 500 знаков на русском и английском языках;

5) текст статьи;

6) литература (для этнографов — литература и полевой материал авторов);

7) приложения (если есть);

8) сведения об авторах.

6. *Иллюстрации:*

внедряются в электронную версию статьи в режиме Вставка Объект Рисунок Microsoft Word. Подрисуночные подписи выполняются шрифтом Times New Roman, размер кегля 12 и вставляются в иллюстрацию в режиме Вставка;

иллюстрации не должны превышать размеры текстового поля;

обязательно должны упоминаться в тексте.

7. *Формулы и буквенные обозначения по тексту:*

набираются в среде редактора формул Microsoft Equation. Шрифт для греческих букв — Symbol, для остальных — Times New Roman, основной размер кегля 14;

буквы латинского и греческого алфавитов набираются курсивом, кириллицы — прямым шрифтом;

при выборе единиц физических величин рекомендуется придерживаться международной системы единиц СИ.

8. *Таблицы:*

выполняются в режиме Таблица шрифтом Times New Roman, размер кегля 12; могут быть с заголовками и без них. Заголовок набирается строчными буквами полужирным шрифтом Times New Roman, размер кегля 12;

располагаются после ссылки в тексте.

9. *Библиографические ссылки:*

набираются шрифтом Times New Roman, размер кегля 12; фамилия и инициалы авторов выделяются полужирным шрифтом;

располагаются в конце статьи и имеют сплошную нумерацию; оформляются согласно ГОСТ Р 7.0.5—2008 «Библиографическая ссылка. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления», например:

ссылки на произведения одного, двух и трех авторов:

Первичная

Юрченков В. А. Взгляд со стороны : Мордов. народ и край в соч. западноевроп. авторов VI — XVIII столетий. Саранск, 1995. 286 с.

Повторная

Юрченков В. А. Взгляд со стороны. С. 25.

Первичная

Никонова Л. И., Илькаева Е. П. Роль семьи в сохранении этнической культуры (на примере народов Закавказья, проживающих в Республике Мордовия) // Этнокультурное и этноконфессиональное образование: проблемы и перспективы развития : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (9 — 11 дек. 2008 г.). Саранск, 2008. С. 89 — 93.

Повторная

Никонова Л. И., Илькаева Е. П. Роль семьи в сохранении этнической культуры... С. 90.

Первичная

Юрченков В. А., Кечайкина Е. М., Скворцова Л. Г. Органы правопорядка и государственной безопасности // Мордовия в период Великой Отечественной войны 1941 — 1945 гг. : в 2 т. Саранск, 2005. Т. 2. С. 97 — 110.

Повторная

Юрченков В. А., Кечайкина Е. М., Скворцова Л. Г. Органы правопорядка... Т. 2. С. 100.

ссылки на произведения четырех и более авторов:

Первичная

Власть и общество в XX в.: региональный аспект (историографический обзор) / В. А. Юрченков [и др.] // Власть и общество: XX век. Саранск, 2002. С. 7 — 33. (Науч. тр. / НИИГН ; т. 1 (118)).

Повторная

Власть и общество в XX в. ... С. 30.

Первичная

Мордва юга Сибири / Л. И. Никонова [и др.] ; НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. Саранск, 2007. 312 с. (сер. «Мордва России»).

Повторная

Мордва юга Сибири. С. 126 — 127.

При последовательном расположении первичной и повторной ссылок текст повторной ссылки заменяют словами «Там же», или «Ibid.» (Ibidem):

Первичная

⁵ **Келина А. Н.** Терминология ткачества в мордовских (мокшанском и эрзянском) языках : автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук. Саранск, 1996. С. 10.

Повторная

⁶ Там же. или б Там же. С. 15.

Первичная

³ **Mainof W.** Les restes de la mythologie Mordvine // J. de la Socirtr Finno-Ougrienne. Helsingissa, 1889. Vol. 5. P. 50 — 52.

Повторная

⁴ Ibid. or 4 Ibid. P. 60.

В повторных ссылках на одно и то же произведение, созданное одним, двумя и тремя авторами, не следующих за первичной ссылкой, употребляются словосочетания «Указ. соч.», «Цит. соч.», или «Op. cit.», при условии, что ссылки делаются только на одно произведение данного автора (авторов):

Первичная

¹ **Чернов А. В.** Языковое строительство и процесс коренизации в Мордовии в середине 1920-х — 1930-е гг. // Центр и периферия. Саранск, 2008. № 2. С. 86.

Повторная

⁵ **Чернов А. В.** Указ. соч. или ⁵ Чернов А. В. Указ. соч. С. 90.

Первичная

² **Paasonen H.** Mordwinisches Worterbuch. Helsinki, 1992. Bd 2. S. 590.

Повторная

⁶ **Paasonen H.** Op. cit. or ⁶ Paasonen H. Op. cit. Bd 2. S. 600.

Если ссылки делаются на разные произведения одного автора (авторов), то указывается фамилия автора (авторов) и полное или сокращенное название произведения (см. оформление произведения одного, двух и трех авторов).

Если текст цитируется не по первоисточнику, а по другой работе, то в начале ссылки приводятся слова «Цит. по:», например:

В тексте

В ноябре 1919 г. А. Г. Шляпников открыто писал в газете «Экономическая жизнь»: «Фабричные и заводские комитеты... свели на нет последние остатки дисциплины и, кроме того, разграбили заводской инвентарь»¹⁴².

В ссылке

¹⁴² Цит. по: Гражданская война в России, 1917 — 1922 гг. М., 2006. С. 269.

Комплексная ссылка содержит несколько ссылок, которые отделяются друг от друга знаком «;» с пробелами до и после него. Каждая из ссылок в составе комплексной ссылки оформляется по общим правилам.

Если в комплексную ссылку включено несколько ссылок на произведения одного и того же автора (авторов), то его фамилия во второй и последующих ссылках заменяется словами «Его же», «Ее же», «Их же», или «Idem», «Eadem», «Iidem», например:

²⁰ **Юрченков В. А.** Новый мир — новые традиции // Блокнот агитатора. Саранск, 1983. № 20. С. 19 — 21 ; Его же. Рост общественно-политической активности трудящегося крестьянства Мордовии в первые годы Советской власти (1917 — 1920 гг.) // Общественно-политическая жизнь села Советской Мордовии. Саранск, 1987. С. 26 — 43. (Тр. / НИИЯЛИЭ ; вып. 87).

Ссылки на электронные ресурсы, например:

Первичная

Лэтчфорд Е. У. С Белой армией по Сибири [Электронный ресурс] // Восточный фронт армии генерала А. В. Колчака : сайт. URL: <http://east-front.narod.ru/memo/lachford.htm> (дата обращения 23.08.2007).

Повторная

Лэтчфорд Е. У. Указ. соч.

Первичная

Жизнь прекрасна, жизнь трагична... [Электронный ресурс] : 1917 год в письмах А. В. Луначарского А. А. Луначарской /отв. сост. Л. Роговая ; сост. Н. Антонова ; Ин-т «Открытое о-во». М., 2001. URL: <http://www.audisium.ru/looks/473> (дата обращения 20.09.2010).

Повторная

Жизнь прекрасна...

Первичная

Уральская семья народов : крат. информ. справ. о финно-угор. и самод. народах [Электронный ресурс] / сост. П. Симпелев, О. Лапшина. Сыктывкар, 2008. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).

Повторная

Уральская семья народов.

Ссылки на архивные документы, например:

ЦГА РМ. Ф. Р-40. Оп. 1. Д. 32. Л. 12, 13, 15.

РГВА. Ф. 157. Оп. 3. Д. 1042. Л. 66, 121, 123 ; Д. 1043. Л. 141 ; Д. 1124. Л. 60.

Прокаев И. Ф. Предисловие и история Петровского мордовского педагогического техникума // НА НИИГН. И-579. Л. 1 — 2, 13 — 15.

10. *Сведения об авторах:*

набираются шрифтом Times New Roman, размер кегля 12;

содержат фамилию, имя и отчество каждого из авторов, ученую степень, занимаемую должность, место работы (наименование учреждения) и адрес электронной почты; приводятся на русском и английском языках.

11. Возвращение рукописи автору на доработку не означает, что статья не принята к печати. После получения доработанного текста рукопись вновь рассматривается редколлегией. Доработанный текст автор должен вернуть вместе с первоначальным экземпляром статьи, а также ответами на все замечания. Датой поступления считается день получения редакцией окончательного варианта статьи.

Вся ответственность в решении любых вопросов соблюдения авторских прав возлагается на автора, в том числе получение необходимых разрешений для воспроизведения любых материалов, защищенных авторским правом.

12. *Плата за публикацию рукописей не взимается.*

В Е С Т Н И К
НИИ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК
ПРИ ПРАВИТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ

№ 3 (47) 2018

Редакторы: *Т. И. Кильдюшкина, Т. В. Шугаева*

Макет *Л. А. Челкановой*

Перевод на английский язык *А. В. Чернова*

Подписано в печать 14.09.2018. Дата выхода в свет 21.09.2018.
Формат 70 × 100 ¹/₁₆. Усл. печ. л. 20,8. Тираж 300 экз. Заказ № 793
Цена свободная

Адрес издателя:
НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия.
430005 Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Л. Толстого, д. 3.
Отпечатано с оригинал-макета заказчика

Адрес типографии:
ООО «РТ Красный Октябрь». 430030 Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Титова, 2а,
e-mail: tko-saransk@mail.ru